ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1997 году

Серия Д
Филология и психология

6/2025

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**
Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**
Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**
Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.Г. Коваленко** (Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы), д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal "Bulletin of Donetsk National University Series D: Philology and Psychology"

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**
Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**
Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**
Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhaneryan** (Southern Federal University), Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.G. Kovalenko** (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 230-11/2025), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел**: +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru.

URL: https://dongu-vestnik05.ru.

Печатается по решению Учёного совета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет» . Протокол № 16 от 29.12.25.

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН в 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и психология

№ 6/2025

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

Орехов В. В. Военный репортаж и логика информационных ограничений (на материале севастопольских корреспонденций Ф.Ж. де Базанкура) 5

Давыдова-Белая А. В. Коллапсирование концептов (на примере мифопоэтики донбасского фронтира) 16

Дубровская Т. В., Мусорина О. А. Советские детские издания как проводники исторической памяти: репрезентации Украины и современные процессы 25

Козловский Д. В. Контекстуальная классификация показателей модусной категории эвиденциальности в англоязычном медиадискурсе 40

Кравцов С. М., Маньо М. С. Стилистические средства создания женского образа в поэтическом тексте (на материале сборника стихов Теофиля Готье «Émaux et camées») 52

Бестолкова Г. В. Terra incognita: йольские языки (langues d'oïl) 62

Бут-Гусаим С. Ф. Актуализация кода духовной культуры в ономастиконе исторической прозы и научно-популярной литературы Зинаиды Дудюк 74

Тамерьян М. А., Бабочиева М. Л. Иммерсивность как поликодовый формат коммуникации 85

Глазунова О. И. Количественно-временны́е составляющие категории вида в русском языке 98

Евсеева М. Г. Языковой пуризм в кросскультурном и кросстемпоральном аспектах 109

Панчехина М. Н. Лексико-семантическое поле «Вода» в языковой картине мира дончанина 120

Трофимова Ю.И., Крюковская М.В. Семантико-стилистические механизмы формирования цифровых неологизмов в дискурсе романтических и пост-романтических отношений в англоязычных социальных сетях (2015–2025 гг.) 131

Ширшиков В.Б. Транспортный когнитивно-культурный кластер как модель лингвистического анализа профессионального дискурса 141

Конькова М.Ю. Эмерджентность в балладах В.С. Высоцкого как проявление синкретизма литературы и театра 156

Криволап С.С. Стилистические и художественные особенности использования модальных фразеологических единиц в поэтическом тексте Александра Твардовского 166

Северова Н.В. Формирование эквивалентностных отношений у интерпретированных как аббревиатуры заимствований 176

Фирсова Я.В. Речевые жанры в коммуникации «учитель — ученик» в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» 187

Неренц Д.В. Искусственный интеллект как оружие в информационной войне 197

Скрипай И.И. Механизмы и когнитивно-прагматические мотивы установления границ «своего» и «чужого» (на материале осетинских фразеологизмов) 209

Психология

Побокин П.А., Слышкин Г.Г. Феномен манипулятивного общения в аспекте межличностных отношений 219

Романова Н.М., Киселев К.А. Кибермошенничество в отношении несовершеннолетних: социально-психологический анализ психологического воздействия 228

Зинченко С.Н. Формирование учебной мотивации подростков: эмоционально-ценностные и когнитивные аспекты в контексте современного образования 240

Майстепанова Д.Р. Теоретический анализ особенностей развития личности в условиях военного конфликта 253

Правила для авторов 268

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

***Series D:* Philology and Psychology**

No 6/2025

C O N T E N T S

Philology

Orekhov V. V. War reporting and logic of information restrictions (based on Sevastopol reports by F.J. de Bazancourt) 5

Davydova-Belaya A.V. Collapse of concepts in mythopoetics of Donbass frontier 16

Dubrovskaya T.V., Musorina O.A. Translating historical memory through Soviet periodicals for children: representations of Ukraine and current transformations 25

Kozlovskii D.V. Contextual classification of indicators of the modus category of evidentiality in English-language media discourse 40

Kravtsov S.M., Manko M.S. Stylistic means of creating female image in poetic text (based on collection of poems «Émaux et camées» by Théophile Gautier) 52

Bestolkova G.V. Terra Incognita: langues d'oïl 62

But-Gusaim S.F. Spiritual culture code in onomasticon of historical prose and popular science literature by Zinaida Dudyuk 74

Tameryan M.A., Babochieva M.P. Immersivness as polycode communication format 85

Glazunova O.I. Quantitative and temporal components of category of aspect in Russian 98

Evseeva M.G. Linguistic purism in cross-cultural and cross-temporal aspects 109

Panchehina M.N. Lexico-semantic field "Water" in the language worldview of Donetsk resident 120

Trofimova Yu.I., Kryukovskaya M.V. Semantic and stylistic mechanisms of digital neologism formation in romantic and post-romantic discourse in English-language social networks (2015–2025) 131
Shirshikov V.B. Transport cognitive-cultural cluster as a model of linguistic analysis of professional discourse
Konkova M.Yu. Emergence in ballads by V.S. Vysotsky as manifestation of literature and theatre syncretism 156
Krivolap S.S. Stylistic and artistic features of modal phraseological units use in poetic text by Alexander Tvardovsky 166
Severova N.V. Formation of equivalence relations among borrowings interpreted as abbreviations 176
Firsova Y.V. Speech genres in teacher-student communication in novel «The Master and Margarita» by M.A. Bulgakov 187
Nerents D.V. Artificial Intelligence As A Weapon In Information Warfare 197
Skripay I.I. Mechanisms and cognitive-pragmatic motives for establishing the boundaries of "one's own" and "alien" (based on the material of ossetian phraseological units) 209

Psychology

Pobokin P.A., Slyshkin G.G. The phenomenon of manipulative communication in the aspect of interpersonal relations 219
Romanova N.M., Kiselev K.A. Cyber fraud targeting underaged: socio-psychological analysis of psychological influence 228
Zinchenko S.N. Formation of adolescents' academic motivation: emotional-value and cognitive aspects in the context of modern education 240
Maistepanova D.R. Theoretical analysis of personality development features in conditions of military conflict 253

Guidelines for authors 268

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 80 (821+81-11)+070
DOI: 10.5281/zenodo.18093229

ВОЕННЫЙ РЕПОРТАЖ И ЛОГИКА ИНФОРМАЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕВАСТОПОЛЬСКИХ КОРРЕСПОНДЕНЦИЙ Ф.Ж. ДЕ БАЗАНКУРА)

© 2025 В. В. Орехов
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»
ORCID 0000-0003-4825-2509

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье исследуются принципы подачи военной информации, реализованные в корреспонденциях одного из первых французских военных корреспондентов Ф.Ж. де Базанкура. Актуальность работы обусловлена стремительным развитием современной военной журналистики и необходимостью осмыслить ее основополагающие задачи, функции и постулаты профессиональной этики. Ф.Ж. де Базанкур находился в зоне боевых действий под Севастополем в 1855 г. в качестве официального корреспондента французского правительства. Освещая боевые действия, он в ряде случаев прибегал к купированию информации и «редактированию» реальности. Анализ показывает, что это делалось в соответствии комплексом соображений, логика которых находилась в подчинении целого ряда факторов, определяемых исторической данностью, коллективным сознанием, цензурной политикой, индивидуальными авторскими качествами и установками.

Ключевые слова: военная журналистика, военный репортаж, Крымская война, оборона Севастополя, барон де Базанкур.

Для цитирования: Орехов В. В. Военный репортаж и логика информационных ограничений (на материале севастопольских корреспонденций Ф.Ж. де Базанкура) / В. В. Орехов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 5–15. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18093229.

Введение. В силу понятных причин военная журналистика последних лет оказалась наиболее динамичной областью отечественной медиасферы. Стремительное развитие цифровых технологий открыло возможность настолько оперативно и достоверно погружать аудиторию в атмосферу боевых действительности, что порою именно техническая составляющая начинает восприниматься в качестве главного фактора, определяющего тенденции военного репортерства. Между тем период, минувший с начала СВО, продемонстрировал, что широта и доступность военной информации регламентируется не только и не столько технологическими достижениями, сколько соображениями политического, гуманитарного и морального плана. Приобрели острое звучание вопросы, которые недавно казались решенными и находили однозначные ответы в инструкциях и памятках для военкоров, в учебниках для будущих журналистов.

СВО привела к радикальному и порою молниеносному пересмотру принципов, которые преподносились в качестве незыблемых. Так, традиционная (скорее,

теоретическая) журналистская этика оказалась скомпрометирована реальностью и начала выглядеть «утопической» [12, с. 41]. Ее, пожалуй, стержневой догмат, предписывающий корреспонденту находиться «над ситуацией», рухнул буквально в первый день военной кампании, когда один из наиболее авторитетных военкоров Е.Е. Поддубный 24 февраля 2022 г. написал в своем Telegram-канале фразу, моментально ставшую знаменитой: «Не ждите от меня объективности. Я военный репортер воюющей страны. Это моя война» [15].

Напряженное общественное обсуждение вызвала и старая дилемма между военной целесообразностью и свободой журналистского «объектива». В 2022 г. мы могли наблюдать на переднем крае боевых действий не только аккредитованных журналистов, но и множество «блогеров-энтузиастов», которые предлагали аудитории эксклюзивную информацию, но довольно скоро вызвали противодействие со стороны военных. Причем ситуация между «военными» и «прессой» настолько обострилась, что потребовала вмешательства главы государства.

Словом, СВО показала, что вопросы журналистской практики не терпят чисто теоретических решений. Вместо того востребованной оказывается опора на исторический опыт, о чем свидетельствуют и довольно частые реплики самих военкоров, и наблюдения ученых. Вполне закономерно, что в последние годы появился ряд исследований, анализирующих преемственную связь между военной журналистикой современности и других эпох [6; 12–14 и др.].

Предлагаемая статья также призвана указать одну из исторических аналогий, которая, думается, поможет нам в поиске ответов на вопросы о степени вовлеченности военкора в военные действия, о целесообразности дозировать информацию в условиях вооруженного противостояния. Наша **цель** — выявить принципы информационных ограничений, выработанных для своих корреспонденций французским военным корреспондентом периода Крымской войны Ф.Ж. де Базанкуром.

Материалы и методы исследования. Материалом послужили корреспонденции Ф.Ж. де Базанкура, отражающие ход военных действий под Севастополем в 1855 г. и собранные под обложкой сборника «Пять месяцев в лагере под Севастополем». В исследовании использованы биографический, историко-сопоставительный и типологический методы анализа.

Основная часть. Ф.Ж. де Базанкур хорошо известен историкам по его двухтомному труду «Экспедиция в Крым до взятия Севастополя: хроники Восточной войны» [20], вышедшему в 1856 г. (то есть по свежим следам кампании) и до сих пор сохраняющему статус важнейшего исторического источника. Нас, однако, интересует другая его книга: «Пять месяцев в лагере под Севастополем». Это собрание корреспонденций, которые направлялись Базанкуром в Париж и сообщали об актуальных событиях севастопольской осады. Учитывая историческую информативность указанного источника, Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна КФУ им. В.И. Вернадского подготовил к печати комментированный перевод текста на русский язык. Сейчас же мы намерены поделиться наблюдениями относительно ключевых принципов, избранных корреспондентом для освещения военных событий.

В тот период жанр военной корреспонденции только зарождался. Стоит напомнить, что Крымскую войну порою называют первой «медийной войной» [18, с. 126–127] или первой «информационной войной» [7]. Даже если допустить в этих определениях долю преувеличения, необходимо признать, что никогда прежде военные события не освещались прессой столь оперативно, а на поле боя не было такого количества корреспондентов. Важно

еще то, что корреспонденты основных воюющих держав — Англии, Франции и России — имели разный «допуск» к трансляции военной информации.

Скажем, в Англии отсутствовали цензурные ограничения, и потому первый военный журналист в истории британской прессы [6, с. 42]. Уильям Рассел смог напечатать в «Таймс» настолько откровенные материалы о плачевном состоянии английской армии в Крыму [4, с. 198], что это привело к политическому кризису.

Наиболее строгие цензурные ограничения были в России. В эпоху Николая I действовал запрет на публикацию любой, помимо официальной, военной информации. Однако потребность в сведениях из осажденного Севастополя была столь велика, что в среде участников боевых действий рождались проекты военных изданий [10], а периодика, как, к примеру, журнал «Современник» [9, с. 311–363], пыталась преодолеть запреты. Взошедшему на престол Александру II пришлось смягчить ограничения на информацию из воюющего Крыма.

Что касается Франции, то, с одной стороны, пресса могла публиковать фронтовые корреспонденции. Скажем, у официальной газеты «Moniteur universel» был свой корреспондент под Севастополем Альфред Лонуа, а у известного еженедельника «L'Illustration» — свой: художник-маринист Анри Дюран-Браже. Но, с другой стороны, возможности печати всё же строго регламентировались, причем законодательство по этому вопросу было чрезвычайно «многослойным» и сложным [17, с. II], а Наполеон III явно шел по пути сужения свободы слова [16, с. 42].

Таким образом, Ф.Ж. де Базанкуру, как и другим первопроходцам военной журналистики, пришлось не только искать стиль и форму подачи непривычного для прессы военного материала, но и вырабатывать принципы отбора и дозирования информации. Именно последнее обстоятельство попадает в поле нашего преимущественного интереса.

Начнем с того, что крымская миссия Базанкура была совершенно официальной. В Крым он был командирован министерством просвещения с поручением собрать сведения для составления истории Крымской войны. Базанкур был уполномочен военным министром находиться при штаб-квартире французского главнокомандующего в Крыму генерала Ф. де Канробера, так что, прибыв под Севастополь в январе 1855 г., он, по существу, поступил в подчинение военному командованию.

Еще одна важная деталь. Базанкур вел почти ежедневные записи обо всем увиденном, оформлял их в виде корреспонденций и регулярно отправлял в Париж. Жанр этих корреспонденций — репортаж, явно ориентированный на широкую публику: написаны легким языком, рассказывают о подробностях военного быта, о последних боевых столкновениях, о лазаретах, строительстве укреплений — то есть о том, что как раз интересовало широкую аудиторию. Даже объем писем заставляет думать, что они предназначались для газетной полосы. Но адресовал их Базанкур не в редакцию газеты, а министру внутренних дел. Почему?

Думается, потому что в ведении министерства внутренних дел находились вопросы регламентации печати, а стало быть, министр внутренних дел, возьми он на себя роль «личного цензора», мог бы обеспечить публикацию писем без проволочек и сокращений. Нам приходилось встречать утверждение, будто корреспонденции Базанкура фрагментарно печатались в официальной газете «Moniteur universel» [24, с. 92]. Однако просмотр номеров за соответствующий период не позволил подтвердить эту информацию. «Moniteur universel» публиковал либо официальные реляции, либо (довольно редко) корреспонденции своего собственного корреспондента А. Лонуа.

Судя по всему, добиться регулярного размещения репортажей в печати Базанкуру не удалось, но все же они достигли читателя, не утратив своей актуальности. Корреспондент вернулся из-под Севастополя в Париж, по-видимому, в конце мая 1855 г. (1 июня газеты сообщали о его недавнем прибытии в столицу Франции). И уже летом в свет вышла книга Баззанкура «Пять месяцев в лагере под Севастополем», вобравшая в себя севастопольские корреспонденции. Точно датировать выход книги трудно, но у нас есть два пограничных ориентира. Первый — это открывающее книгу и датированное 18 июня 1855 г. посвящение императорскому адъютанту полковнику Флёри. То есть, к этому моменту материалы для книги были, по крайней мере, уже собраны и готовы для передачи в издательство. Это вполне возможно, поскольку, по словам Базанкура, корреспонденции для публикации в книге не подвергались редактированию [21, с. X]. Второй ориентир — издательское предисловие ко второму изданию книги. Оно датируется 27 августа 1855 г. [22, с. VI]. Приходим к выводу, что в любом случае первое издание появилось до завершения осады Севастополя. Да и второе, даже если учесть типографские задержки, могло появиться в книжных лавках раньше, чем в Париж пришло известие о захвате Севастополя. Столь оперативная публикация книги, конечно, не могла быть осуществлена без санкции министра внутренних дел, которому формально и адресованы севастопольские корреспонденции Базанкура.

Словом, Базанкуру приходилось учитывать интересы сразу трех министерств (министерства просвещения, военного министерства и министерства внутренних дел), да еще и личную позицию командующего Восточной армией генерала Канробера. Не думаем, что такое положение тяготило корреспондента. Есть все основания полагать, что он давно и целенаправленно добивался поручения подобной официальной миссии [8, с. 38–40], а политика Наполеона III в целом не противоречила собственным убеждениям Базанкура [8, с. 43–50]. В отличие от многих неофициальных авторов, которые были мотивированы обходить ограничения, Базанкур, напротив, стремится представить тексты, которые служили бы эталоном соблюдения этих ограничений в условиях военного времени. Если выделить принципиальные авторские решения, призванные этого добиться, то «вырисовывается» краткий свод, так сказать, «положений», из которых вполне могла бы составиться своеобразная инструкция для французского военного корреспондента, выполняющего официальную миссию. Итак, опираясь на типологически сходные фрагменты текста, попытаемся сформулировать эти «положения».

Положение 1. Завоевать читательское доверие.

Как было сказано, французская пресса была ограничена в подаче военной информации, но аудитория могла черпать эту информацию, например, из английской прессы, которая зачастую представляла ход осады Севастополя без энтузиазма. Помимо того, новости о боевых действиях порою превращались в инструмент биржевой игры, а соответственно, ориентировались вовсе не на достоверность. Достаточно сказать, что после Альминского сражения европейская пресса разнесла ложную весть о взятии Севастополя. Отыскивая источник дезинформации, журналисты указывали на биржевых спекулянтов [19]. Информационная неупорядоченность рождала пищу для слухов и домыслов, держала общество в напряжении. В такой ситуации официальная печать была вынуждена, с одной стороны, бороться за читательское доверие, а с другой — разоблачать неофициальные источники.

Для Базанкура выполнение первой задачи обеспечивалось личным присутствием на театре военных действий. В каждой корреспонденции он акцентирует внимание своем статусе очевидца, имеющего возможность наблюдать и боевые операции, и жизнь военного

лагеря во всех подробностях. Как метафорически выражался сам Базанкур, он наблюдал за событиями, находясь «в первой ложе», а это должно было придавать его корреспонденциям значительно больший вес, нежели рассуждениям парижских журналистов.

Положение 2. Дезавуировать неофициальные источники информации.

Создание ложного сообщения (ныне такие принято называть фейками) требует значительно меньших затрат, нежели его разоблачение. Поэтому «точечная» борьба с дезинформацией ставит в заведомо неравные условия тех, кто ее генерирует, и тех, кто ее разоблачает. Базанкур, очевидно, сознавал это. Порою он опровергал отдельные неверные сообщения. Скажем, 24–25 марта указывал, что утверждение «одной уважаемой газеты» о захвате Малахова кургана ошибочно [21, с. 154]. Однако гораздо чаще Базанкур ориентировался, так сказать, на «коллективного» дезинформатора и нацеливал свою критику именно на него. Потому в первом же письме (от 2 февраля 1855 г.) встречаем такой пассаж: «Более всего меня поразило полное неведение со стороны так называемого “общественного мнения” Франции относительно реальности крымских событий. Пусть добрые буржуа, труженики биржевых игр, сеятели *“достоверных новостей”* (курсив автора. — *В.О.*) позволят мне сказать о них по совести: “Они вообще ничего не знают”, и теперь я понимаю изумление, с каким здесь читатели газет должны были встречать слухи из *“надежного источника”* (курсив автора. — *В.О.*), столь далекие от малейшего соответствия действительности» [21, с. 3]. По существу, Базанкур убеждал читателя ставить под сомнение любые источники информации, помимо официальных.

Положение 3. Обосновать целесообразность информационных ограничений.

Официальная печать по ряду причин почти всегда оказывается более скованной в отборе информации, нежели так называемые «независимые источники», и это значительно вредит ей в глазах аудитории. Один из способов поддержать авторитет официальной прессы — убедить публику в необходимости купирования и отбора информации. По всему видно, что Базанкур полагает эту цель достижимой, если в качестве аргумента используется принцип военной целесообразности. Потому он разъясняет читателю: «С сожалением следует признать, что нельзя писать о происходящем в Крыму; это было бы жестокой неосмотрительностью, быть может, пагубной для общих интересов, а ценою всякой написанной строки могла бы стать человеческая жизнь. Газеты не являются достоянием лишь круга заинтересованных лиц; просвещая друзей, мы просвещаем и недругов, мы раскрываем свои ресурсы, обнажаем наши средства нападения; мы осведомляем тех, кого нужно обмануть, и этим мы можем превратить в ничто самые сложные стратегические замыслы» [21, с. 3–4]. Возвращаясь к этой мысли почти в каждом письме, Базанкур постепенно приучает аудиторию к убеждению в превалировании военной необходимости над обывательским любопытством.

Положение 4. Создать образ благополучной реальности.

Понятно, что для французского правительства было важным, чтобы севастопольская осада пользовалась широкой поддержкой общественного мнения, однако этому мешали два серьезных обстоятельства: плохое снабжение войск и затянувшиеся сроки. Скажем о первом. Поскольку десант в Крыму не планировался как долгосрочная операция, очень скоро дал о себе знать дефицит материальных средств. В английской армии он вызвал катастрофические небоевые потери, о чем в полный голос сообщала британская пресса. Во французской армии ситуация была несколько лучшей, но все же далекой от нормы. В обществе складывалось впечатление, что военные под Севастополем оставлены на произвол судьбы, и это, разумеется, наносило серьезный ущерб авторитету власти. В корреспонденции Базанкура от 3 марта 1855 г. встречаем фрагмент, нацеленный скорректировать невыгодные мнения: «Здесь всего в изобилии;

чудесные феи — это государственные корабли. Какое бы желание не возникло, оно будет исполнено… Полезные вещи вам предоставляет правительство. Вы желаете получить одеяла? Купон — и они ваши. Складные табуретки? — Купон. Сапоги? — Купон. Кровать? — Купон. Пиво? — Купон, купон, купон и ничего, кроме купона. Никогда армия не снабжалась настолько щедро. Солдат накормлен, хорошо одет... Так что не плачьте по поводу его положения, ему бы это очень не понравилось» [21, с. 111].

Насколько достоверна эта информация? Приблизительно в то же время русскому офицеру и военному корреспонденту П.В. Алабину [3] в руки попали письма, найденные на теле погибшего французского солдата. Одно послание принадлежало солдатской матери, которая писала: «Они (газеты. — *В.О.*) постоянно уверяют, будто вы не нуждаетесь в продовольствии и получили теплую одежду. Газеты беспрестанно твердят о фуфайках, теплом нижнем платье, шерстяных носках, даже о сабо» [2, с. 55]. А вот ответ, который солдат так и не успел отправить: «Газетам вольно писать, что им угодно. <…> Что же касается до чулок, фуфаек, теплого нижнего платья и сабо, то мы из всего этого получили только по паре чулок!» [2, с. 57].

О сабо стоит сказать особо. Это башмаки с деревянной подошвой, входившие в комплект солдатской униформы французских войск под Севастополем. Такой род обуви в условиях зимних боев зарекомендовал себя плохо, а потому французы неизменно присваивали себе сапоги погибших русских солдат. Базанкур не отрицает последнего обстоятельства, но объясняет его так: «Сапоги русских, очевидно, возбуждают зависть наших солдат; человеку свойственно желать того, чего у него нет. Дай им сапоги, и они, несомненно, стали бы с вожделением смотреть на башмаки. Так что русские, со своей стороны, должны завидовать нашим башмакам» [21, с. 130]. Вряд ли подобный «психологизм» способствует достоверности. В наших войсках были осведомлены о низком качестве французской обуви, а упомянутый уже корреспондент Алабин пересказывал читателям «Северной пчелы» жалобы пленных французов на армейские сабо [1, с. 1158].

Положение 5. Противопоставить авторитет военных эмоциям обывателей.

Долгосрочные военные действия всегда ведут к «усталости» общественного сознания. С увеличением сроков кампании пропорционально растет если не антивоенное настроение, то, во всяком случае, раздражение аудитории, которое проецируется на представителей власти и руководство армии. В таких условиях завоевывают популярность чисто умозрительные оценки боевой обстановки, принадлежащие авторам, далеким от военных реалий (в современной формулировке — «диванным экспертам»). Расширение этой тенденции вынуждает власть оказывать давление на армейское командование с целью форсировать боевые действиям. Так пропагандистские задачи (или снова же в современной формулировке — «медийный эффект») начинают конкурировать с профессиональными соображениями военных.

Все эти закономерности в полной мере проявились в период осады Севастополя. Не сумев захватить город сходу, англо-французы были вынуждены приступить к регулярной осаде, которую сами называли «кротовой войной» [9, с. 76]. Сооружение наступательных траншей занимало долгие месяцы, не давая быстрых и совершенно очевидных результатов. Потери осаждающих армий держались на высоком уровне. Из-за нараставшей деморализации общества военное руководство Франции постоянно отправляло сигналы главнокомандующему французской армией под Севастополем Канроберу, призывая его к более решительным действиям. Результатом этого давления порою становились кровопролитные военные операции, призванные добиться, скорее, «морального эффекта» [9, с. 113, 150], нежели тактических преимуществ.

Стремясь укрепить авторитет главнокомандующего в глазах широкой аудитории, Базанкур беседует с главнокомандующим (по существу, берет у него интервью) и подробно излагает содержание этого разговора в одной из корреспонденций. «Дело в том, что не следует, да и невозможно знать все, — передает слова Канробера Базанкур. — Общественное мнение назойливо; война не ведется на бумаге и для удовольствия любителей новостей и биржевых игроков. Легко говорить: “Можно было бы сделать так, можно было бы — эдак”. Да, *возможно* (курсив автора. — *В.О.*). Но спросите этих господ, что бы они говорили, если бы мы потерпели неудачу» [21, с. 88]. Подтверждая справедливость этих слов, Базанкур из корреспонденции в корреспонденцию терпеливо разъясняет читателям логику долгосрочной осадной борьбы, призванной избежать рисков и минимизировать французские и английские потери. При этом под критическим прицелом автора регулярно оказывается некомпетентность обывательских суждений. «Хотел бы я увидеть, — восклицает в одном из писем Базанкур, — чтобы в расположении лагеря хотя бы 24 часа провели те, кто, раскрывая вечернюю газету, небрежно и раздраженно говорит, снова отбрасывая ее на стол: “Как! Севастополь еще не взят?”» [21, с. 5].

Положение 6. Снижать градус завышенных ожиданий.

В значительной степени разочарование общества затянувшейся осадой Севастополя было спровоцировано ошибками французской пропаганды. С начала военной кампании французские издания зачастую принимали пренебрежительный или насмешливый тон, оценивая возможности русской армии. Известная сатирическая газета «Шаривари» вообще профилировалась на постоянном высмеивании противника. Пародии и карикатуры на русских появлялись не только на страницах этой газеты, но и публиковались редакцией в формате отдельных изданий, заглавия которых вполне красноречивы: «Шаржи на русских. Альбом из сорока карикатур» [23] или «Казаки для смеха» [25]. Чем сильнее французскому обществу насаждалась надежда на легкость победы, тем более обескураживающе действовала затянувшаяся осада Севастополя. Судя по всему, Базанкур хорошо сознавал эту проблему. «Большая и беспочвенная ошибка, — предостерегает он, — говорить, что русские сражаются плохо и без энергии; мало того, что это утверждение умаляет заслуги наших солдат, которые, оказавшись застигнутыми врасплох, вымокнув под дождем или окоченев от холода, все же выходят победителями из этих неожиданных сражений, но оно при этом и совершенно лишено правды» [21, с. 10]. Базанкуру, по существу, приходится спорить с собственной пропагандой, чтобы доказать объективную обусловленность военной нагрузки: «Думаю, Севастополь чрезмерно оклеветали, когда изображали его слишком малым, слабым и безобидным; его представили лишенным голоса, который можно было бы возвысить, лишенным десницы, которой можно было бы защититься, и никто не вспомнил, что это одна из важнейших гаваней России, ключ к ее судоходству на Черном море и один из самых мощных и хорошо снабжаемых арсеналов» [21, с. 10].

Положение 7. Изображать достижения собственной армии.

Сложность реальных военных задач действует на общественное настроение разлагающе, если отсутствует уверенность в способности военных эти задачи решить. Таким образом, целью корреспондента становится изображение успехов собственной армии. Судя по корреспонденциям Базанкура, именно эту цель он полагал для себя основной, а потому прибегал к широкому спектру изобразительных и убеждающих средств. Довольно часто, автор использует патетические тирады о «гигантских» и «небывалых» масштабах осадных работ, доблести французских солдат, их беззаветной преданности интересам Франции. Однако основную часть текста все же составляют более содержательные очерки боевых будней под Севастополем. Базанкур не просто

разъясняет читателю логику фортификационной стратегии, но и в очерковом ключе рассказывает о военных операциях; погружая читателя в подробности событий, называя имена, а часто и обрисовывая характеры участников, приближает повествование к сиюминутности событий. Словом, корреспондент сам «переживает» [11, с. 3] факты реальности и позволяет «переживать» их читателю. Поверка некоторых предоставляемых Базанкуром сведений по другим источникам информации позволяет заметить, что он зачастую «дотягивает» факты до желаемых показателей. Скажем, преувеличивает потери противника, умалчивает о промахах французских командиров. Но в целом его очерки создают достаточно убедительную и во многом правдоподобную хронику осадной войны. И, думается, именно этим корреспонденции Базанкура подкупали читателя. Первый тираж книги был раскуплен настолько быстро, что в течение 1–2 месяцев было предпринято повторное издание.

Заключение. Если абстрагироваться от технологических новшеств, то нынешняя «философия» и «психология» военного репортерства находит много пересечений с журналистикой прежних эпох, поскольку закономерности общественного сознания имеют инертный характер, а стало быть, и многие функции медиа сохраняют стабильность на протяжении длительных периодов. Это, в свою очередь, позволяет говорить об универсальных задачах, скажем, военной журналистики и о традиционных тактиках решения этих задач.

Сказанное не должно нас вести к излишним упрощениям. Всякая эпоха, как и всякий военный конфликт, представляют собой уникальную комбинацию разнообразных факторов. Но верно и то, что история способна предоставлять нам аналогии более или менее общего свойства, что позволяет опираться на исторический опыт. В этом отношении севастопольские корреспонденции Ф.Ж. де Базанкура являются важным материалом, позволяющим проследить, как формировалось представление военных корреспондентов второй половины XIX в. о собственной миссии, о принципах отбора и обработки информации.

Ф.Ж. де Базанкур видел свою корреспондентскую функцию встроенной в общую систему военно-политических задач, а это исключало возможность «оставаться над схваткой». Корреспондент «работал» на военную победу своей страны, и в случаях, когда реальность вынуждала его делать выбор между интересами французской армии и достоверностью, отдавал приоритет первому. Известные нам сведения о биографии корреспондента позволяют заключить, что такая журналистская позиция программировалась не только его официальным статусом, но и личным мировоззрением. В цели статьи не входит давать оценку этой позиции или определять, насколько оптимальны для официального военкора выработанные Базанкуром творческие принципы. Мы лишь стремились продемонстрировать, что информационные ограничения в военном контексте подчиняются объяснимой логике и могут являться для фронтового корреспондента осознанной необходимостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алабин П. Из походных записок (окончание) / П. Алабин // Северная пчела. — 1855. — 7 октября. — № 219. — С. 1157–1159.
2. Алабин П.В. Походные записки в войну 1853, 1854, 1855, 1856 годов. Ч. II / П.В. Алабин. — Вятка, 1861. — 152 с.
3. Бояркина Н.В. «Кровью бы следовало писать эти записки, не чернилами»: корреспонденции Петра Алабина из осажденного Севастополя / Н.В. Бояркина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. — 2025. — Т. 11 (77). — № 3. — С. 129–142.

4. Мартиросян А.Э. И перья скрипели, когда пушки гремели... (Очерк истории «военной журналистики»: от типографского станка до телеграфа) / А.Э. Мартиросян // Проблемы национальной стратегии. — 2012. — № 6. — С. 183–205.
5. Мащенко А.П. «Американский Крым»: обман зрения / Мащенко А.П. — Симферополь: ИТ «Ариал», 2021. — 140 с.
6. Мащенко А.П. Специальная военная операция на Украине как вызов для русской литературы / А.П. Мащенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. — 2024. — Т. 10. — № 3. — С. 37–48.
7. Мельников В.А. Крымская кампания 1853–1856 гг. — первая информационная война в истории противостояния мировых держав / В.А. Мельников, Д.Н. Шарипова // Журналист. Социальные коммуникации. — 2017. — № 3 (27). — С. 125–134.
8. Орехов В.В. Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть VI. Вторая республика: политическая реальность и литература / В.В. Орехов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. — 2025. — Т. 11. — № 1. — С. 38–54.
9. Орехова Л.А. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса / Л.А. Орехова, В.В. Орехов, Д.К. Первых, Д.В. Орехов. — Симферополь: ОАО «СГТ», 2010. — 480 с.
10. Орехова Л.А. От «Солдатского вестника» — к «Военному листку»: эволюция идеи издания в условиях Крымской войны (1854 г.) Л.А. Орехова, Д.К. Первых // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. — 2021. — Т. 7. — № 4. — С. 189–206.
11. Орехова Л.А. Современный лирический очерк / Л.А. Орехова // Вопросы русской литературы. — Львов: Вища школа. — 1986. — № 2 (48). — С. 3–9.
12. Первых Д.К. Александр Коц: военный корреспондент и писатель / Д.К. Первых // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. — 2024. — Т. 10 — № 4. — С. 33–45.
13. Первых Д.К. «500 дней поражений и побед»: журналистская этика и литературная традиция / Д.К. Первых // Русский язык в поликультурном мире: Сб. научных статей IX Международного симпозиума. В 2-х т. Т. II. — Симферополь: ИД КФУ, 2025. — С. 241–247.
14. Перевалова Е.В. Князь Владимир Мещерский — военный корреспондент «Московских ведомостей» (1877–1878 гг.) / Е.В. Перевалова // Медиа в современном мире. 64-е Петербургские чтения: Сб. материалов 64-го Международного науч. форума. В 2-х тт. Т. 1. — СПб.: Медиапапир, 2025. — С. 95–97.
15. Поддубный Е.Е. Восемь лет Киев воевал с Россией… 24.02.2022 [Электронный ресурс] / Е.Е. Поддубный. — Режим доступа: // https://t.me/s/epoddubny (дата обращения: 18.10.2025).
16. Прутцков Г.В. История зарубежной журналистики. 1800–1929 / Г.В. Прутцков. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 416 с.
17. Раевский А.А. Законодательство Наполеона III о печати / А.А. Раевский. — Томск: Печатня С.П. Яковлева, 1903. — 329 с.
18. Франк С. Видимая и невидимая война в Крыму (Начало медийной эпохи и «Севастопольские рассказы» Льва Толстого) / С. Франк // Крымский текст в русской культуре: Мат-лы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г.). — СПб., 2008. — С. 126–145.
19. Alleged capture of Sebastopol // The Illustrated London News. — 1854. — 7 October. — № 706. — Pp. 334–335.
20. Bazancourt, baron de. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol: chroniques de la guerre d'Orient / Baron de Bazancourt. — Paris: Amyot, 1856. — Vol. 1–2.
21. Bazancourt, baron de. Cinq mois au camp devant Sébastopol / Baron de Bazancourt. — Paris: Amyot, 1855. — 288 p.
22. Bazancourt, baron de. Cinq mois au camp devant Sébastopol. Deuxième Édition / Baron de Bazancourt. — Paris: Amyot, 1855. — 250 p.
23. Chargeons les Russes Album de quarante caricatures. — Paris: Charivari, [1854]. — 40 p.
24. Journal d'Hippolyte Fortoul, ministre de l'Instruction publique et des Cultes (1811–1856). T. II: 1er juillet 1855 — 4 juillet 1856 / Ed. Geneviève Massa-Gille. — Genève: Droz, 1989. — 441 p.
25. Les Cosaques pour rire. — Paris: Charivari, 1854. — 37 p.
26. Nouvelles diverses // Le Messager du Midi. — 1855. — 1 Juin. — № 148. — P. 2.

REFERENCES

1. Alabin P. (1855) Iz pohodnyh zapisok (okonchanie) [From the travel notes (end)]. Severnaja pchela, 219, 1157–1159. (In Russian).

2. Alabin P.V. (1861) Pohodnye zapiski v vojnu 1853, 1854, 1855, 1856 godov. Ch. II [Travel notes during the war of 1853, 1854, 1855, 1856. Part II]. Vyatka. (In Russian).
3. Bojarkina N.V. (2025) «Krov'ju by sledovalo pisat' jeti zapiski, ne chernilami»: korrespondencii Petra Alabina iz osazhdennogo Sevastopolja ["These notes should have been written in blood, not ink": correspondence by Peter Alabin from besieged Sevastopol]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 11 (3), 129–142. (In Russian).
4. Martirosjan A.Je. (2012) I per'ja skripeli, kogda pushki gremeli... (Ocherk istorii «voennoj zhurnalistiki»: ot tipografskogo stanka do telegrafa) [And the pens squeaked when the guns thundered... (An essay on the history of "military journalism": from the printing press to the telegraph)]. Problemy nacional'noj strategii, 6, 183–205. (In Russian).
5. Mashhenko A.P. (2021) «Amerikanskij Krym»: obman zrenija ["American Crimea": an optical illusio]. Simferopol: Arial. (In Russian).
6. Mashhenko A.P. (2024) Special'naja voennaja operacija na Ukraine kak vyzov dlja russkoj literatury [Special military operation in Ukraine as a challenge for Russian literature]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki, 10 (3), 37–48. (In Russian).
7. Mel'nikov V.A. & Sharipova D.N. (2017) Krymskaja kampanija 1853–1856 gg. — pervaja informacionnaja vojna v istorii protivostojanija mirovyh derzhav [The Crimean campaign of 1853–1856 — the first information war in the history of the confrontation of world powers]. Zhurnalist. Social'nye kommunikacii, 3 (27), 125–134. (In Russian).
8. Orehov V.V. (2025) Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' VI. Vtoraja respublika: politicheskaja real'nost' i literatura [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part VI. The Second Republic: political reality and literature]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki, 11 (1), 38–54. (In Russian).
9. Orehova L.A., Orehov V.V., Pervyh D.K. & Orehov D.V. (2010) Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, [The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the eyes of contemporaries: literature, archives, press]. Simferopol: SGT. (In Russian).
10. Orehova L.A. & Pervyh D.K. (2021) Ot «Soldatskogo vestnika» — k «Voennomu listku»: jevoljucija idei izdanija v uslovijah Krymskoj vojny (1854 g.) [From the "Soldier's Herald" to the "Military Leaflet": the evolution of the idea of publication in the context of the Crimean War (1854)]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki, 7 (4), 189–206. (In Russian).
11. Orehova L.A. (1986) Sovremennyj liricheskij ocherk [Modern lyrical essay]. Voprosy russkoj literatury. Lvov: Vishha shkola, 2 (48), 3–9. (In Russian).
12. Pervyh D.K. (2024) Aleksandr Koc: voennyj korrespondent i pisatel' [Alexander Kots: war correspondent and writer]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki, 10 (4), 33–45. (In Russian).
13. Pervyh D.K. (2025) «500 dnej porazhenij i pobed»: zhurnalistskaja jetika i literaturnaja tradicija ["500 days of defeats and victories": journalistic ethics and literary tradition]. In Russkij jazyk v polikul'turnom mire: Sb. nauchnyh statej. V 2-h t. T. II. [Russian language in a multicultural world: Collection of scientific articles of the IX International Symposium. In 2 vols. Vol. II.]. Simferopol: KFU (pp. 241–247). (In Russian).
14. Perevalova E.V. (2025) Knjaz' Vladimir Meshherskij — voennyj korrespondent «Moskovskih vedomostej» (1877–1878 gg.) [Prince Vladimir Meshchersky — war correspondent for the "Moskovskiye Vedomosti" (1877–1878)]. In Media v sovremennom mire. 64-e Peterburgskie chtenija: Sb. materialov 64-go Mezhdunarodnogo nauch. foruma. V 2-h tt. T. 1. [Media in the modern world. 64th St. Petersburg Readings: Collection of materials from the 64th International scientific forum. In 2 vols. Vol. 1]. St. Petersburg: Mediapapir (pp. 95–97). (In Russian).
15. Poddubnyj E.E. (2022) Vosem' let Kiev voeval s Rossiej… 24.02.2022 [Kyiv fought with Russia for eight years... 02.24.2022]. URL: https://t.me/s/epoddubny (accessed 18.10.2025).
16. Prutckov G.V. (2010) Istorija zarubezhnoj zhurnalistiki. 1800–1929 [History of foreign journalism. 1800–1929]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).
17. Raevskij A.A. (1903) Zakonodatel'stvo Napoleona III o pechati [Napoleon III's legislation on the press]. Tomsk: Pechatnja S.P. Jakovleva. (In Russian).
18. Frank S. (2008) Vidimaja i nevidimaja vojna v Krymu (Nachalo medijnoj jepohi i «Sevastopol'skie rasskazy» L'va Tolstogo) [Visible and Invisible War in Crimea (The Beginning of the Media Age and Leo Tolstoy's "Sevastopol Stories")]. In Krymskij tekst v russkoj kul'ture: Mat-ly mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Crimean Text in Russian Culture: Proceedings of the International Scientific Conference]. St. Petersburg (pp. 126–145). (In Russian).
19. Alleged capture of Sebastopol (1854). The Illustrated London News, 706, 334–335. (In English).

20. Bazancourt, baron de (1856). L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol: chroniques de la guerre d'Orient. Paris: Amyot. (In French).
21. Bazancourt, baron de (1855) Cinq mois au camp devant Sébastopol. Paris: Amyot. (In French).
22. Bazancourt, baron de (1855) Cinq mois au camp devant Sébastopol. Deuxième Édition. Paris: Amyot, 1855. (In French).
23. Chargeons les Russes Album de quarante caricatures (1854). Paris: Charivari. (In French).
24. Geneviève Massa-Gille (Ed.) (1989) Journal d'Hippolyte Fortoul, ministre de l'Instruction publique et des Cultes (1811–1856). T. II: 1er juillet 1855 — 4 juillet 1856. Genève: Droz. (In French).
25. Les Cosaques pour rire (1854). Paris: Charivari. (In French).
26. Nouvelles diverses (1855). Le Messager du Midi, 148, 2. (In French).

Поступила в редакцию 18.12.2025 г.

WAR REPORTING AND LOGIC OF INFORMATION RESTRICTIONS (BASED ON SEVASTOPOL REPORTS BY F.J. DE BAZANCOURT)

V.V. Orekhov

This article examines the principles of presenting military information as embodied in the reports by one of the first French war correspondents, F.J. de Bazancourt. The relevance of this work stems from the rapid development of modern war journalism and the need to understand its fundamental objectives, functions, and professional ethics. F.J. de Bazancourt served in the combat zone near Sevastopol in 1855 as an official correspondent for the French government. While covering the fighting, he sometimes resorted to suppressing information and "editing" reality. The analysis shows that this was done in accordance with a complex set of considerations, the logic of which is subordinated to a number of factors determined by historical reality, collective consciousness, censorship policies, and the author's individual qualities and attitudes.

Key words: war journalism, war reporting, Crimean War, defense of Sevastopol, Baron de Bazancourt.

Орехов Владимир Викторович.
Доктор филологических наук, профессор.
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Россия, г. Симферополь.
Профессор кафедры медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна.
ORCID 0000-0003-4825-2509.
E-mail: v-orehov@mail.ru.

Orekhov Vladimir Viktorovich.
Doctor of Philology, Professor.
Vladimir Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation, Simferopol.
Professor of Department of Communications at Institute of Media Communications, Media Technologies and Design.
ORCID 0000-0003-4825-2509.
E-mail: v-orehov@mail.ru.

Научная статья
УДК 82.0
DOI: 10.5281/zenodo.18093675

КОЛЛАПСИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ (НА ПРИМЕРЕ МИФОПОЭТИКИ ДОНБАССКОГО ФРОНТИРА)

© 2025 ***А. В. Давыдова-Белая***
Независимый исследователь
ORCID 0009-0003-1007-2614

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматривается феномен коллапсирования концептов на материале мифопоэтики Донбасса как фронтирного пространства. Предлагается новая методологическая модель, в которой концепт понимается не как устойчивое образование, а как событие фиксации смысла, происходящее в момент наблюдения обозревателя. Донбасс предстает пространством, в котором архаические, индустриальные и постиндустриальные мифологемы (земля, степь, пограничье, дом, труд, Дикое поле, Donboss) схлопываются под действием фокуса внимания наблюдателя – поэта, режиссёра, медиа. Рассматриваемые концепты могут наслаиваться и / или деконструировать друг друга, создавая поле диффузии в массовом сознании. В исследовании используется интегративная методология квантовых научных разработок, мифопоэтический анализ, теория хронотопа и наблюдательно-герменевтический подход. Коллапсирование концепта рассматривается как культурный акт стабилизации смысла в условиях исторической фрагментации донбасского фронтира.

Ключевые слова: коллапсирование, мифопоэтика, фронтир, Донбасс, хронотоп, наблюдатель, границы, идентичность.

Для цитирования: Давыдова-Белая А. В. Коллапсирование концептов (на примере мифопоэтики донбасского фронтира) / А. В. Давыдова-Белая // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 16–24. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18093675

Введение. Современная гуманитарная мысль переживает кризис концептологии, а именно кризис уверенности в устойчивости смыслов. Традиционная модель опиралась на идею логико-семиотической стабильности концепта как смыслового инварианта. Однако в условиях культурной турбулентности в период исторических разломов концепт теряет свою плотность, корпускулярность, переходя в текучие состояния, зависящие от наблюдения обозревателя. Предложенная идея волнового характера концепта активно изучается в рамках квантовых исследований [9; 10; 11; 15; 16], но практически не коснулась методологических координат теории литературы.

Рассмотреть коллапсирование концептов интересно на геокультурном материале, который передаёт менталитет «регионального дома» [1], трансформируясь во что-то новое или забытое старое на разных исторических этапах своего существования. В особенности это происходит в кризисные эпохи, когда меняются исторические, а с ними и культурные границы стран или территорий — например, Донбасса.

В последнее десятилетие очевидна вспышка интереса к последнему как полю военных действий и личного экзистенциального выбора, о чем свидетельствуют сотни статей, текстов беллетристики, поэтических произведений свидетелей и участников событий. С другой стороны, он предстаёт как «спорное пространство», обозначенное противоречивыми понятиями в российской, украинской и западной социологической

мысли. Донбасс замкнут в хронотоп фронтира, и что неизбежно для фронтирных зон, переживал и будет переживать коллапсирование концептов, диффузию смыслов и формирование новых. Рассмотрение базовых мифопоэтических компонентов в таком ракурсе может дать толчок к новому пониманию подвижности образа регионального культурного наследия.

Мифопоэтическое поле Донбасса простирается от легенд, хроники, «Слова о полку Игореве», через шахтерский фольклор и фильмы Дзиги Вертова, поэзии литобъединения «Забой», до постсоветских многослойных образов «криминального» и капиталистического Donbossa, до зоны разрухи, пространства войны и смерти. Каждый акт интерпретации, от поэтического до медийного, фиксирует одну из потенциальных конфигураций донбасского мифопоэтического поля, осуществляя коллапсирование очередного концепта. В то время, как многоплановость духа Донбасса ускользает, напоминая древнего Змея из местных легенд, сокрытого в царстве непроявленного [21].

Поскольку в данном исследовании коллапсирование концептов рассматривается на материале мифопоэтических компонентов фронтира, для начала следует обратиться к традициям интерпретации фронтира и обозначить специфику донбасского варианта. Затем перейти к методологической базе работы.

Американская традиция интерпретации фронтира, восходящая к работам Ф. Дж. Тёрнера и позднее развитая в культурной мифологии Р. Слоткина, строится на идее динамической трансформации субъекта в контакте с предельной средой. Для Тёрнера фронтир – не просто географическая линия, а процесс антропологического и культурного обновления, в котором американская демократия рождается вновь в каждом поколении, встречаясь с дикостью [13]. В этой модели граница превращается в двигатель исторического становления: человек создаёт самого себя заново, как будто бы заново пересекает мифическую черту отделения культуры от природы.

Р. Слоткин радикализует эту идею, определяя американский миф через формулу «возрождение через насилие» [12]. Насилие здесь выступает как ритуальный акт, очищающий и сакрализующий субъект. Экспансия превращается в мистерию, т. к. героический жест становится обрядом обновления. Американская парадигма фронтира соединяет энергию действия, архетип жертвы и религиозную установку на вечное начало, и каждый новый шаг в «дикое» пространство есть повторение акта творения.

В европейской мысли, впрочем, граница может осмысливаться не как линия внешнего движения, а как внутренний порог, где пространство становится временем. Г. Башляр говорит о границе как о поэтическом моменте воображения, где вещество мира становится образом, а реальность метафорой [4]. М. Элиаде описывает переходное пространство как сакральный момент возрождения, возвращения ко «времени начала», где человек выходит из хаоса в космос [6, с. 120–121]. У М. Бахтина хронотоп дороги и порога задаёт модель переходности: событие – это процесс становления, в котором человек проходит через «время становления самого себя» [3, с. 248].

Как видим, американская модель несет героический пафос и ориентирована на экспансию; европейская ориентирована на смысл и переход. Первая утверждает субъекта через телесное преодоление, вторая – через символическое проживание. Однако обе сходятся в признании границы как точки обновления: фронтир всегда есть моментом пересборки идентичности через телесный жест или через слово. При этом фронтир допускает «взаимопроникновение разных культурных практик, будучи территорией встречи цивилизаций» [2, с. 141].

В отечественной гуманитарной традиции понятие фронтира получает новое измерение, коммуникативное и смысловое, благодаря дальнейшему развитию идей М. Бахтина и Ю. Лотмана. Л.Н. Синельникова в своей синтетической статье даже

настаивает на введении широкого понятия фронтирный дискурс, которое «позволит расширить исследовательское поле изучения гетерогенных социальных, культурных, нормативно-языковых процессов в новых конфигурациях дискурсивной среды» [7, с. 486]. Взятая в узком понимании, концепция фронтира в художественных текстах акцентирует на «мысленных структурах пространства», при этом художественное пространство вмещает культурно-исторические смыслы, свернутые ценности и поведенческие нормы [7, с. 478]. Е. Агаркова видит в нём медиальную зону, где смысл рождается во взаимодействии, это среда обмена мифологемами, в которой архетипические и современные нарративы вступают в контакт [1, с. 4].

Донбасс в этом аспекте может оказаться в точке синтеза различных традиций фронтира. Он напоминает американскую модель с её динамикой действия: пространство риска, авантюризм и преодоления материи. От европейской здесь ощущаем экзистенциальную глубину «пороговости», где человек вступает в диалог с пространством и временем как в горизонтальном, так и вертикальном проявлении. Это пространство смыслового обмена, где разные мифы (архаичный, индустриальный, постиндустриальный и военно-эсхатологический) сосуществуют и влияют друг на друга. (Например, шахта здесь не только индустриальный хронотоп, но и символ подземного мира, входа в иное измерение бытия, обновленный мифоконцепт утробы Земли и логова древнего Змея).

Литературоведение, фиксируя разные традиции фронтирности, не вполне решает вопрос о том, каким образом мифокомпоненты взаимодействуют с обозревающим наблюдателем. Именно этой лакуной обусловлена актуальность предлагаемой статьи. В данной точке осмысления продуктивно ввести наблюдательно-волновой подход. Мы уже определили, что американская модель фронтира свидетельствует о линейности перехода (от центра к периферии, от культуры к дикости), европейская рассматривает темпорально-экзистенциальный порог, отмечая смысловой обмен между мифокомпонентами. Наблюдательно-волновой подход вводит идею суперпозиции: пространство геокультурного фронтира может быть понято как среда, где различные состояния сосуществуют до момента фокализации и выбора одного из них, до акта интерпретации. В квантовой метафоре граница не разделяет, а удерживает противоречия в их потенциале.

Такое понимание позволяет осмыслить фронтирную мифопоэтику Донбасса не как место выбора (Запад — Восток, индустриальное — постиндустриальное и т. д.), а как зону когерентности, где разные культурные волны интерферируют, создавая новые формы идентичности наблюдателя. Квантовый фронтир – это не линия и не хронотоп, а пульсация между состояниями, процесс постоянного «схлопывания вероятностей» в конкретные образы. Он объединяет физическое, символическое и воображаемое, привнося дополнительное измерение – вероятностной множественности.

Таким образом, теория фронтира, интегрирующая наблюдательно-волновой подход, позволит говорить не только о трансформации субъекта через действие или смыслотворчество, но также о возможности рассмотрения многочастотной идентичности, колеблющейся между архетипом пространства, телом и текстом. Донбасс становится не просто пограничьем, а квантовым узлом культурной суперпозиции, где прошлое, настоящее и возможное сосуществуют в режиме непрерывного обновления.

Материалы и методы исследования. Материалом данного исследования служат мифопоэтические концепты Донбасса как зоны фронтира, показанные крупными мазками, поскольку невозможно вместить в рамки одной статьи абсолютно все компоненты, конструирующие поле фронтира. Объект исследования – эпистемологические системы, наблюдающие за мифопоэтическим пространством

фронтира. Цель статьи – сопоставить подходы данных систем и определить перспективу интегрированной наблюдательно-волновой модели рассмотрения мифопоэтики.

Основная часть. Коллапс концептов (по аналогии с коллапсированием волновой функции) не является разрушением старых смысловых систем, а изменением позиции наблюдения, сдвигом эпистемологической рамки. Классическая гуманитарная мысль рассматривала концепт как понятие, структурно фиксированное в тексте, в языке, в устойчивых формах репрезентации. Смысл здесь мыслится как элемент структуры, а интерпретация как декодирование уже наработанного и преднамеренно заложенного. Однако в современной эпистемологии происходит переход к модели, где концепт становится *событием*, а именно мгновением смыслового коллапса, возникающим при взаимодействии наблюдателя и феномена.

Эта новая парадигма опирается на логику квантового наблюдения, в котором «смысл не существует до акта наблюдения, он рождается в момент взаимодействия наблюдателя и системы» [10, с. 359], а наблюдение само по себе является актом структурообразования [15]. Если классическая теория считала, что смысл уже есть, а человек лишь его распознаёт, то волновая модель утверждает: смысл происходит. Он не предзадан, а случается. Это превращает исследователя (поэта, режиссёра, сообщество) в соавтора бытия определенного смысла. В акте наблюдения происходит то, что называют «эпистемологическим коллапсом», переход от множества возможных интерпретаций к единой, актуализированной в данном моменте [11].

Именно поэтому понятие «концепта-события» позволяет преодолеть дихотомию между структурой и опытом. Концепт перестаёт быть контейнером значений и становится актом *становления* смысла. Его нельзя зафиксировать вне ситуации наблюдения: он всегда происходит здесь и сейчас. Так возникает новая эпистемологическая позиция наблюдения как творения.

Мифопоэтика оказывается естественной лабораторией для такого подхода. Она всегда балансирует между формой и процессом, архетипом и импровизацией наблюдателя. Миф не объясняет, он происходит, как квантовое событие сознания, что, впрочем, достаточно близко к теории мифа как действия и перформанса [14]. Поэтому анализ мифопоэтического пространства требует не фиксирующей, а динамической оптики, подхода, в котором обозреватель не отделён от поля, а включён в него как оператор коллапсирования смысла.

В этом контексте мифопоэтику фронтира Донбасса можно рассматривать как пространство, где смысл не устойчив, а «дрожит», подобно волне, находящейся в состоянии суперпозиции. Здесь труд, дом, граница, смерть и земля существуют как потенциальные состояния смысла, которые обретают форму только в момент наблюдения.

Рассмотрим ряд мифопоэтических концептов, следуя хронологии возникновения, и подчеркивая преломления смысла.

Земля и степь. Степь в архаическом сознании – порог, граница между известным и хаосом. В индустриальный период степь ассоциируется с опасностью, пустотой, в советской картине мира она превращается в «простор труда», в постсоветской – в «пустыню выживания». Один и тот же образ фиксируется в разных формах: каждый наблюдатель вызывает свой коллапс, интерпретируя концепт степи как испытания, ресурса или утраты.

Пограничье и смерть. Семантика тревожного пространства; номадизм. В мифопоэтике Донбасса граница – инициация, но также и возможное испытание смертью (русская земля остаётся за Шеломянем; Дикое поле; Саур-могила как координаты мифопространства; курган, поле; позднее – горы-терриконы). Советская литература коллапсирует эту идею перехода в подвиг; у Б. Горбатова возникает образ «тревожного пейзажа» [18], современный нарратив военной прозы и поэзии апеллирует к прочтению

архетипа как опыта травмы, будучи связан с пограничьем как «серой зоной». Коллапс концепта смерти указывает на различный ракурс наблюдения: то, что для одного является подвигом, для другого свидетельствует о распаде (напр., проза З. Прилепина, С. Бакшеева).

Дом и путь-дорога, горизонталь и вертикаль. Образ дома в донбасском тексте подвергается инверсии: дом становится подземным, «вросшим» в землю. Е. Агаркова наблюдает при этом психологический конфликт общинного и шахтерского бытия, противопоставление: дом — бездомность, ничейность в раннем шахтерском фольклоре [1, с. 66]. В фильме Дзиги Вертова «Энтузиазм. Симфония Донбасса», где индустриальный шум превращается в дыхание земли, концепт дома сдвигается по направлению к космосу, от частного к сакральному. В новейшей литературе обратная трансформация в *дом-утробу* и *дом-гроб.* Этот образ наполняется новым смыслом в период войны, коллапсируя к идее полуразрушенной малой родины. Украинская линия подключает здесь тему *бездомности и сиротства*. Мотив передвижения в тревожном пространстве, номадизм, обнаруживает себя в движении через блокпосты и зоны отчуждения (С. Жадан «Интернат»).

Труд, стахановское движение, новая война (семантика действия, преодоления). Сопряженные образы — *недра, горючий камень, подземный свет, грудь Земли* [1, с. 85–87]. Труд в поэтике индустриального Донбасса обладает космогонической функцией: он соединяет землю и свет. В советской версии (поэзия «Забоя», Вертов) видим толкование труда как священного созидания. В постсоветском восприятии происходит обратный процесс: переход к бытовому выживанию, а в контексте новой войны — обратно, к семантике преодоления (поэзия В. Скобцова). Этот мифоконцепт достаточно многоплановый и может стать объектом самостоятельного рассмотрения в будущих работах.

Степь, вольница — город, город-руина, Вавилон и Иерусалим, открытое и сжатое пространство. Прослеживается у советских поэтов 1920-х гг. (В. Сосюра, П. Беспощадный). Одна из ключевых, но далеко не оригинальных, мифопоэтических плоскостей, по-видимому, намеченная еще в доиндустриальную эпоху и развивающаяся в постреволюционный период. Городской фольклор возвращает хтонического покровителя шахтеров Шубина и мифокомпонет *шахты-утробы* в устные пересказы жителей 1990-2000-х гг. Проза кризисного и военного периода 2010-2020-х гг. прочитывает город как Вавилон, Иерусалим, подземный лабиринт (В. Скобцов, Н. Хаткина, В. Рафеенко).

Неформатные постсоветские концепты. В новейшую эпоху мифопоэтика фронтира расширилась. Медиа и нон-фикшен создают концепт *криминального Донбасса* [8], *разрухи и запустения* [19], а также D*onbossa* — буржуазно-элегантного и чрезмерного в своих материальных желаниях [17]. Параллельно создаётся многомерный теоретический концепт фронтира в проекте журнала «Дикое поле». Фронтир предстает здесь как зона смыслов, превосходящая географическую корпускулярность. Дикое Поле рассматривается как *«понятие квази-географическое. Оно существует, но в трансфизическом мире. Оно реально, но незримо для физических глаз — как магнитные, электрические или торсионные поля. Оно всюду, но слышимо только поэтам и еще тем, кто, как поэты, способен слышать неслышимое»* (http://www.dikoepole.org/).

Интересно, что каждый из упомянутых мифопоэтических концептов может быть развернут в акте наблюдения в период нового исторического кризиса на очередном уровне толкования. Вышеприведенные мифоконцепты, как видно из краткого описания, наполняются различными смыслами, в зависимости от ракурса наблюдения писателя или согласно масс-медийным идеологическим опциям. Диффузия концепта происходит между оппонентами разных идеологий, но это случается даже в текстах одного и того же автора.

Такое состояние «неопределённости» и диффузии соотносится с квантовой моделью интерференции смыслов. В статье Е. Виллануева подчёркивается, что каждый

акт сознания схлопывает множество возможных состояний в одно наблюдаемое [15]. Применяя это к культурной реальности, можно сказать: каждая интерпретация Донбасса, художественная, политическая, документальная, коллапсирует множество смыслов в один актуальный образ или нарратив. Но в поле фронтира это коллапсирование временное: волна смыслов не исчезает, она принимает форму на мгновение.

Такое понимание совпадает с принципом процессуальности сознания: наблюдатель не отражает реальность, он конструирует реальность в акте внимания [9]. Фокализация внимания является энергетическим актом, способным трансформировать само поле наблюдаемого. В этом смысле мифопоэтика Донбасса предстает как волна смыслов, взаимодействующих между собой.

Интересно, что в философии культуры появляется понятие «коллапс контекста» [16], обозначающее утрату единого социального кода в ситуации множественных аудиторий. В применении к Донбассу это явление можно трактовать в аспекте распада привычных культурных контуров, где каждое высказывание одновременно адресовано разным системам координат. Здесь коллапс предстает как распаковка множества возможных контекстов в одно мгновение опыта.

Стоит отметить, что фокализация внимания на процессе наблюдения позволяет исследователю занять нейтральную, не-валидирующую, позицию. В момент смыслового коллапса исчезает идеологическое и оценочное: остаётся чистый акт созерцания, где смысл рождается как явление бытия, а не как продукт воли.

Сопоставление классической концептологии и наблюдательно-волновой модели в аспекте решения вопроса смыслообразования суммированы и наглядно представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Сравнение методологических моделей

Параметр	**Классическая концептология**	**Наблюдательно-волновая модель**
Статус концепта	Устойчивая смысловая единица	Потенциальная конфигурация смыслов в акте наблюдения
Роль текста	Носитель значения	Поле смысловых возможностей
Роль наблюдателя	Внешний интерпретатор	Активный со-творец смысла
Механизм смыслообразования	Линейное развитие и контекстуализация	Коллапс (фиксация) и диффузия (рассеивание)
Тип онтологии	Статическая (логико-семиотическая)	Процессуальная (герменевтико-квантовая)
Эпистемологическая позиция	Объективистская	Наблюдательно-релятивная
Результат	Концепт как данность	Концепт как событие

Мифопоэтика Донбасса, рассматриваемая через квантовую оптику, демонстрирует, как архетипы труда, земли, пограничья, смерти и дома интерферируют, создавая новые формы идентичности. Каждый раз, когда наблюдатель фиксирует один из этих мотивов, он сам становится частью процесса и смыслового поля. И именно в этом включённом наблюдении рождается новый тип концепта, концепт-событие, где смысл и наблюдатель совпадают в точке коллапса.

К примеру, архетип земли в донбасском тексте колеблется между мифом матери и хтонического чудовища: шахта превращает плодородную землю в «утробу» – место возрождения, но и потенциальной гибели. Образ труда, от стахановской поэтики до новейших хроник войны, утрачивает устойчивость идеологического знака, становясь ритуалом выживания, единицей повседневного. Дом, в свою очередь, подвергается процессу дематериализации: из конкретного жилища он превращается в мифическую

форму присутствия: «подземный дом», «дом-эхо», «дом-голос». А архетип границы, переходящий из героического кода в травматический, репрезентирует структуру фронтира как зону неопределённости, где наблюдатель не различает, спасается ли он или переходит в иное измерение бытия (тексты военной тематики последнего десятилетия). Но в каждом отдельном случае сохраняется сопричастность наблюдателя с духовной энергетикой места, на чем акцентирует Агаркова [1, с. 41]. Добавим, что при этом обновленные в современной литературе Донбасса концепты фронтирного поля несут в себе заряд первичного архетипического образа, тесно связанного с географической локацией и телесным ее восприятием.

Эти мифопоэтические концепты действуют как операторы смысловой интерференции. Они задают ритм культурных колебаний, в которых человек, сообщество, текст и ландшафт находятся в состоянии резонанса. Донбасс как фронтир – не просто географическое пространство, но «живой миф» в состоянии непрерывного самосозидания. Его мифопоэтика проявляется не только в художественных текстах, но и в коллективных жестах — от песен и кинохроник до интернет-дискурса. Здесь миф не хранится, а происходит, не объясняет, а становится, не фиксирует, а разворачивает. Это делает его идеальной моделью для изучения коллапсирующих концептов: каждый акт говорения, письма или взгляда запускает процесс смыслового схлопывания, где на мгновение проявляется новая конфигурация культурного поля.

Заключение. Таким образом, коллапс концептов можно рассматривать как переход от герменевтической модели анализа к процессуальной, квантово-наблюдательной парадигме. Мифопоэтика фронтира, рассмотренная в этом ключе, становится не просто способом художественного описания, но проживанием, в котором смысл рождается из взаимодействия наблюдателя и мира. Донбасский фронтир воплощает этот переход – от фиксированных идеологических нарративов к текучим, множественным мифам-событиям. Каждый из них существует не в тексте, но в акте интерпретации, не в структуре, но в процессе внимания. Поэтому мифопоэтика в новой гуманитарной оптике может рассматриваться как лаборатория, где коллапс концепта является началом нового понимания.

В перспективе дальнейших исследований целесообразно развивать теоретическую модель «квантовой мифопоэтики», соединяющую категории наблюдения, вероятности, идентичности и архетипа. Такая модель позволит описывать культурные феномены не как готовые системы значений, а как волновые процессы смыслообразования. Для фронтирных пространств (Донбасс, Сибирь, Балканы) это особенно актуально: здесь формируются гибридные идентичности, переходные формы памяти и новые типы мифов – незавершённых и способных к пересборке. Тем самым мифопоэтика возвращается к своей изначальной функции – быть не архивом смыслов, а энергией их порождения. Особого внимания заслуживает исследование литературного хронотопа как пространства смысловой резонансности. В рамках этой парадигмы можно рассматривать художественный текст не только как репрезентацию реальности, но и как динамическую систему, в которой смысловые импульсы прошлого и будущего соотносятся через внутренние механизмы мифопоэтической памяти.

В дальнейшем вполне логично подойти к углублению понимания границ между нарративным и образным как взаимопроникающих структур смыслообразования. Современная теория литературы нуждается в разработке категориального аппарата, который позволил бы описывать динамику смыслов не только как линейное повествование, но и как многомерное поле взаимодействующих концептов. В этом плане важным становится обращение к идее волновых процессов в тексте – тех смысловых колебаний, которые формируют ритмику культурного опыта и отражают переход от индивидуального

воображения к коллективной памяти. Такой подход требует интеграции герменевтической, феноменологической и когнитивной оптики при анализе художественного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаркова Е. В. Мифопоэтика как способ создания образа региона (на материале Донбасса): дис. … канд. культурологии. — М., 2002. — 189 с.
2. Андреева А. А. Фронтир как понятие и исследовательская концепция // Вестник Калмыцкого университета. – 2025. – № 1 (65). – С. 140–145. http//doi10.53315/1995-0713-2025-65-1-140-145
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотоп в романе / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
4. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / Г. Башляр; пер. с франц. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 376 с.
5. Давыдова-Белая А. В. Образное и нарративное в концептуальной картине мира человека: исторический аспект / А. В. Давыдова-Белая // Русский след в нарратологии: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Балашов. ин-т (фил.) СГУ им. Н.Г. Чернышевского; редкол.: Л.В. Татару, С.А. Бозрикова. – Балашов: Николаев, 2012. – С. 241–248.
6. Еліаде М. Міфи, сновидіння і містерії / М. Еліаде // Мефістофель і Андрогін. – К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2001. – С. 119–302.
7. Синельникова Л. Н. Концептуальная среда фронтирного дискурса в гуманитарных науках / Л. Н. Синельникова // Russian Journal of Linguistics. – 2020. – Т. 24, № 2. – С. 467–492. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492.
8. Скоркин К. 10 нон-фикшен книг о Донбассе [Электронный ресурс] / К. Скоркин. – Режим доступа: https://realgazeta.com.ua/10-non_fikshn-knig-o-donbasse/ (дата обращения 10.10.2025).
9. Arroyo R. Towards a Process-Based Approach to Consciousness and Collapse in Quantum Mechanics / R. Arroyo // Manuscrito, 47 (1), 2024. https://doi.org/10.1590/0100-6045.2024.V47N1.RA
10. Gabora L. Contextualizing Concepts Using a Mathematical Generalization of the Quantum Formalism / L. Gabora, D. Aerts // Journal of Experimental and Theoretical Artificial Intelligence. – 2002. – Vol. 14, No. 4. – P. 327–358. – https://doi.org/10.48550/arXiv.1310.7682
11. Okon E. A Consciousness-Based Quantum Objective Collapse Model / E. Okon, M.A. Sebastian – 2018. https://doi.org/10.48550/arXiv.1801.05487.
12. Slotkin R. Regeneration Through Violence: The Mythology of the American Frontier, 1600–1860 [Электронный ресурс] / R. Slotkin. — Режим доступа: https://archive.org/details/regenerationthro0000slot_p1h0 (дата обращения 10.10.2025).
13. Turner F. J. The Frontier in American History [Электронный ресурс] / F. J. Turner. — Режим доступа: https://archive.org/details/cu31924016878013 (дата обращения 10.10.2025).
14. Martin R. P. Mythologizing Performance [Электронный ресурс] / R.P. Martin. — Режим доступа: https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/98223/9781501784187.pdf (дата обращения 10.10.2025).
15. Villanueva E. R. Collapse Theory: Resolving Free Will, Consciousness, and Qualia Structurally / E.R. Villanueva. – 2025. — https://doi.org/10.5281/zenodo.15561083.
16. Wexler M. Putting Context Collapse in Context [Электронный ресурс] / M. Wexler, Y. Yu, S. Bridson. Режим доступа: https://scholarcommons.sc.edu/ji/vol40/iss1/3 (дата обращения 10.10.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

17. Бондарь-Терещенко І. Конструктивний Дон Boss / І. Бондар-Терещенко // У Задзеркаллі 1910-1930-их років. — К.: Темпора, 2009. – С. 486–490.
18. Горбатов Б. Донбасс / Б. Горбатов // Новый мир. – 1951. – № 3. – С. 14–64.
19. Жадан С. Ворошиловград / С. Жадан. – Х.: Фоліо, 2011. – 442 с.
20. Дикое поле: Интеллектуально-художественный журнал. Донецкий проект [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dikoepole.org/ (дата обращения 10.10.2025).
21. Лысакова Ф. Легенды Лисенка о Донбассе / Ф. Лысакова. – Донецк: Снежный Ком – дети, 2024. – 76 с.

REFERENCES

1. Agarkova E.V. (2002). Mifopoetika kak sposob sozdaniya obraza regiona (na materiale Donbassa) [Mythopoetics as a Means of Constructing the Image of a Region (Based on the Donbas Material): Doctoral thesis. Moscow. (In Russian)
2. Andreeva A.A. (2025). Frontir kak poniatije i issledovatelskaja kontsepzija [Frontier as a concept and research paradigm]. In Vestnik Kalmytskogo Universiteta, 1 (65). https://doi.org/10.53315/1995-0713-2025-65-1-140-145 (In Russian)

3. Bakhtin M.M. (1975). Formy vremieni i chronotopa v romanie [Forms of time and chronotope in the novel]. In M.M. Bakhtin, Voprosy literatury i estetiki [Problems of Literature and Aesthetics] (pp. 234–407). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
4. Bachelard G. (2004). Poetika prostranstva [Poetics of Space]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
5. Davydova-Belaya A.V. (2012). Obraznoe i narrativnoe v kontseptual'noy kartine mira cheloveka: istoricheskiy aspekt [The Figurative and the Narrative in the Conceptual Picture of the Human World: Historical Aspect]. Russkij sled v narratologii: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (pp. 241–248). Balashov. (In Russian)
6. Eliade M. (2001). Mify, snovidinnya i misterii [Myths, Dreams, and Mysteries]. In M. Eliade. Mefistofel i Androhin [Mephistopheles and Androgyne] (pp. 119–302). Kyiv: Osnovy. (In Ukrainian)
7. Sinelnikova L.N. (2020). Kontseptualnaja sreda frontirnogo diskursa v gumanitarnyh naukah [Conceptual environment of frontier discourse in the humanities]. Russian Journal of Linguistics, 24 (2), pp.467–492. https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-467-492 (In Russian)
8. Skorkin K. (2015). 10 non-fikshchen knig o Donbasse [10 non-fiction books about Donbas]. https://realgazeta.com.ua/10-non_fikshn-knig-o-donbasse/ (In Russian)
9. Arroyo R. (2024). Towards a process-based approach to consciousness and collapse in quantum mechanics. Manuscrito, 47 (1). https://doi.org/10.1590/0100-6045.2024.V47N1.RA (In English)
10. Gabora L., & Aerts D. (2002). Contextualizing concepts using a mathematical generalization of the quantum formalism. Journal of Experimental and Theoretical Artificial Intelligence, 14 (4), pp. 327–358. https://doi.org/10.48550/arXiv.1310.7682 (In English)
11. Okon E., & Sebastian M.A. (2018). A Consciousness-based Quantum Objective Collapse Model? https://arxiv.org/abs/1801.05487 (In English)
12. Slotkin R. (1973). Regeneration through Violence: The Mythology of the American Frontier, 1600–1860. https://archive.org/details/regenerationthro0000slot_p1h0 (In English)
13. Turner F.J. (1920). The Frontier in American History https://archive.org/details/cu31924016878013 (In English)
14. Martin R.P. (2020). Mythologizing performance https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/98223/9781501784187.pdf (In English)
15. Villanueva E.R. (2025). CollapseTtheory: Resolving Free Will, Consciousness, and Qualia Structurally. https://doi.org/10.5281/zenodo.15561083 (In English)
16. Wexler M., Yu Y., & Bridson S. (2018). Putting Context Collapse in Context https://scholarcommons.sc.edu/ji/vol40/iss1/3 (In English)

Поступила в редакцию 30.10.2025 г.

COLLAPSE OF CONCEPTS IN MYTHOPOETICS OF DONBASS FRONTIER

A. V. Davydova-Belaya

The article addresses the phenomenon of conceptual collapse in mythopoetics of Donbas as a frontier space. The author comes out with a new methodological model in which the concept is not treated as a stable formation but as an event of meaning fixation occurring at the moment of observation by the perceiver. The Donbass is presented as a space where archaic, industrial, and post-industrial mythologemes, i.e. earth, steppe, borderland, home, labor, Wild Field, Donboss, collapse under the focus of the observer's attention, whether poet, filmmaker, or media actor. The analyzed concepts may overlap and / or deconstruct one another, creating a field of diffusion in collective consciousness. The integrative methodology that combines insights from quantum research, mythopoetic analysis, chronotype theory, and the observational-hermeneutic approach is employed in the study. Conceptual collapse is considered as a cultural act of stabilizing meaning under conditions of historical fragmentation within the Donbas frontier.

Keywords: collapse, mythopoetics, frontier, Donbass, chronotope, observer, boundaries, identity.

Давыдова-Белая Анна Викторовна.
Доктор филологических наук, профессор.
Российская Федерация, г. Донецк.
Независимый исследователь.
ORCID 0009-0003-1007-2614.
E-mail: annabila@mail.ru.

Davydova-Belaya Anna Viktorovna.
Doctor of Philology, Professor.
Russian Federation, Donetsk.
Independent researcher.
ORCID 0009-0003-1007-2614.
E-mail: annabila@mail.ru.

Научная статья
УДК 070
DOI: 10.5281/zenodo.18093443

СОВЕТСКИЕ ДЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ КАК ПРОВОДНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ УКРАИНЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ[1]

© 2025 *Т. В. Дубровская*[1], ***О. А. Мусорина***[2]
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
[1]*ORCID: 0000-0003-0044-6056*
[2]*ORCID: 0000-0002-6251-9604*

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье выявлены дискурсивные практики, типичные для советских детских изданий и СМИ (1970 — 1980-е гг.) и выступавшие инструментами конструирования модели межнациональных отношений и роли союзных республик, в частности Украины, в экономической и культурной жизни страны. Используя дискурс-анализ в качестве общего методологического подхода, авторы анализируют вербальные и невербальные средства, которые были задействованы в реализации обозначенной модели. Установлено, что репрезентации Украинской ССР как одной из союзных республик основаны на трех ключевых топосах: 1) топосе отсталости данной территории до вхождения в состав СССР и ее преображения как советской республики; 2) топосе единения с другими республиками и взаимной помощи в трудные для страны периоды; 3) топосе значимости республики в развитии страны на современном для читателя этапе (1970 — 1980-е гг.). Актуальность исследования обусловлена распространением на постсоветском пространстве практик криминализации советского прошлого и необходимостью критического осмысления такого типа дискурса посредством обращения к историческим данным, в том числе данным СМИ, выступающих проводниками исторической памяти.

Ключевые слова: советские детские издания, Украина, межнациональные отношения, дискурсивные практики, репрезентации, топос, журнал «Пионер», журнал «Костёр», историческая память.

Для цитирования: Дубровская Т. В. Советские детские издания как проводники исторической памяти: репрезентации Украины и современные процессы / Т. В. Дубровская, О. А. Мусорина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 25–39. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18093443.

Введение. Процесс распада СССР закономерно привел к образованию 15 независимых государств, а прежние хозяйственные и культурные связи, общность исторических событий легли в основу новых интеграционных процессов. «Постсоветское пространство в геополитической архитектуре современного мира — сравнительно молодой субъект. <…> территориально, экономически и геополитически довольно мощное образование» [13, с. 66].

В результате интеграционных процессов некоторые бывшие советские республики объединились в такие организации, как Содружество Независимых Государств (СНГ), Союзное государство России и Белоруссии, Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и др. [13; 17]. В то же время бывшие союзные республики реализуют различные формы сотрудничества с ключевыми странами своего региона, с Европейским Союзом, НАТО

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00775, проект «Медиатизированная модель советского общества в детской периодике», https://rscf.ru/project/22-28-00775/

и другими политическими, экономическими и военными организациями. В связи с этим исследователи отмечают влияние международных организаций на управление границами государств постсоветского пространства [6].

Вместе с тем распад Советского Союза привел к обострению ранее существовавших проблем межнационального характера на территории бывшего СССР, и «не случайно нацие- и государствостроительство во многих регионах сопровождалось межэтническими конфликтами» [1, с. 100]. Переживая изменения, бывшие союзные республики реализуют собственную политику институционализации исторической памяти в отношении советского периода. Проблемы осмысления и интерпретации советского прошлого находятся в фокусе таких направлений исследований, как «политика памяти», «коммеморативная политика», «официальная память», «травма памяти» и др. [1, с. 101]. Одним из первых практических шагов в процессе переосмысления прошлого стала череда переименований идеологически неактуальных советских названий на такие, которые соответствовали повестке дня и национальным традициям. В Республике Казахстан, например, этот процесс проходил в рамках государственной языковой политики [3]. В странах Балтии так называемый «русский вопрос» охватывает политику по отношению к русскому и русскоязычному населению балтийских государств, трансформирование исторической памяти и исторической политики в отношении периода пребывания в составе СССР, оценку современного внешнеполитического курса Российской Федерации [16, с. 14].

События прошлого, трансформационные процессы на постсоветском пространстве становятся предметом научного, юридического, общественно-политического и повседневного дискурса [14]. Исследователи более взвешенно, по сравнению с политической риторикой, подходят к вопросам оценки советского наследия и его влияния на современную политику стран — бывших советских республик. Анализируются предпосылки и результаты законодательного оформления исторической памяти [7; 16; 20; 21].

В правовой сфере процессы переосмысления советского прошлого приводит к инициированию и/или принятию законов, которые по-новому, нередко в резко негативном свете интерпретируют коммунистическое прошлое страны (так называемая политика криминализации прошлого) [19].

В качестве примеров политики криминализации прошлого можно назвать ряд законов Литовской Республики. Например, статья 5 принятого 2 декабря 1993 года закона «О собраниях» ввела запрет на демонстрацию советской символики, воспроизведение гимна СССР; резолюция Сейма от 16 июня 2020 года «О советской оккупации в 1940 г. и ее последствиях» в очередной раз охарактеризовала политику Советского Союза в отношении граждан республики как геноцид и террор [подробнее см.: 16]. Одним из самых известных украинских «мемориальных» актов стал закон 2006 г. «О Голодоморе1932-33 годов в Украине» [7, с. 32-39]. Кроме того, на Украине были приняты законы «О правовом статусе и чествовании памяти борцов за независимость Украины в XX веке» [26], «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики» [27], цель которых украинский законодатель обозначил как «процесс возрождения национальной памяти украинского народа и защиты украинского культурного и информационного пространства» [25]. Закон Украины «Об осуждении и запрете пропаганды российской имперской политики в Украине и деколонизации топонимии» эксплицитно криминализирует прошлое, связанное с Россией: «…века российского господства на украинских землях сопровождались системными мерами, направленными на ассимиляцию украинского

народа, запрет и искоренение украинского языка и культуры, разрушение его традиций, духовной культуры и этнической самобытности, а также систематическими массовыми репрессиями, следствием которых стало уничтожение миллионов людей…» [25].

Законодательная база сделала возможной такую практику криминализации прошлого на постсоветском пространстве, как снос или перенос памятников деятелям — символам советской эпохи. В частности, активно демонтировались памятники В.И. Ленину, и на Украине даже появился термин «ленинопад»: в 2013–2016 гг. на территории страны были демонтированы 965 памятников Ленину [2, с. 28]. Процесс демонтажа памятников затронул монументы советским воинам и военачальникам [23], деятелям русской культуры, в том числе А.С. Пушкину [43].

На фоне этих событий и процессов вызывает научный интерес состояние массового сознания населения бывших союзных республик. Исследования показывают, что наблюдается разделение рядовых членов общества по их отношению к советскому прошлому. Так называемая ностальгия по советскому обнаруживается даже у части жителей (в основном, русскоговорящих) традиционно прозападных прибалтийских республик [18]. Вот, например, какие комментарии в социальных сетях оставили пользователи платформы «Советская Эстония» при обсуждении фотографии советского периода: «Не жизнь, а сказка была», «Мне очень повезло жить в советском времени. Была радость от праздников и уверенность в завтрашнем дне», «И видно, что все счастливы» [18, с. 90]. Ностальгию по советскому можно объяснить рядом факторов, например, утратой социальных гарантий советского времени (бесплатное образование, низкие цены на коммунальные услуги и продукты и др.).

Как видно по количеству и содержанию принятых законодательных актов, радикальные перемены в осмыслении межнациональных отношений советского периода характерны для Украины. Так, говоря о законодательном оформлении исторической памяти на Украине, Т. Журженко отмечает: «But as was common elsewhere in the post-Soviet space, priority was given to constructing the new national identity around narratives of suffering, heroic myths, and symbols of historical continuity» (Как и повсюду на постсоветском пространстве, при создании новой национальной идентичности акцент был сделан на нарративах страдания, героических мифах и символах исторической преемственности. — Переведено с англ. яз. нами. Т.Д, О.М.) [21, с. 100]. Дискурс страдания звучал на самом высоком уровне. В 2008 году премьер-министр Украины Ю. Тимошенко заявила: «Після радянської диктатури українці в Україні стали нацменшиною. І нам треба витратити багато часу на те, щоб відновити нашу мову, справжню історію і справжню культуру» (После советской диктатуры украинцы в Украине стали нацменьшинством. И нам потребуется много времени, чтобы восстановить наш язык, настоящую историю и настоящую культуру) (Цит. по материалам «Радио Свобода», признанного в РФ иностранным агентом). В речи Ю.Тимошенко украинская идентичность конструируется как задавленная, разрушенная, а существующая культура — ненастоящая, навязанная извне. Дискурс страдания получил официальное законодательное закрепление и, как следствие, возможность реализации конкретных действий.

Несомненно, само развитие человеческой цивилизации практически всегда представляет собой череду конфликтов (политических, военных, идеологических и пр.) между странами, регионами и культурами и периодов их урегулирования. Советской цивилизации тоже были присущи внешние и внутренние конфликты и противоречия, и официальный советский дискурс старался объяснить, оправдать, смягчить каждый из них, в том числе через средства массовой информации. Советские медийные тексты

позиционировали Советский Союз как единую семью народов, где каждая республика вносит свой вклад в развитие страны, а общие победы и достижения принадлежат каждому советскому человеку, каждой республике:

Для нас с вами «семья великая, вольная, новая» не мечта, а действительность. Мы живем в большом, многонациональном доме, и для нас дружить, работать, учиться вместе с людьми разных национальностей так же естественно, как дышать воздухом. Дружба и братство народов — чудесное наследство, переданное нам старшими поколениями. Оно завоевано в нелегкой и долгой борьбе [39].

Советские СМИ (в том числе и в изучаемый нами период) находились под полным партийным контролем и руководствовались идеологическими установками КПСС. Формулируя задачи в области национальных отношений, программа КПСС заявляла в качестве приоритетов суверенитет и развитие наций, братскую взаимопомощь и дружбу, преодоление национальной розни, ограниченности и эгоизма. Документ констатировал: «В условиях социализма происходит расцвет наций, укрепляется их суверенитет <…> В советских республиках совместно живут и дружно трудятся люди многих национальностей. Границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа <…> У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР» [42]. Очевидно, что Программа КПСС формировала нормативную (идеальную) картину общества, сглаживая существующие проблемы. Однако ценности, предлагаемые партией, должны были, по мнению ее идеологов, способствовать максимально бесконфликтному сосуществованию людей в многонациональной стране. Реализацией такой политики занимались центральные, региональные и местные партийные и государственные структуры, формировавшие общий дискурс межнациональной дружбы. В топографическом ландшафте советских городов присутствовали объекты, названные в честь союзных республик, их столиц и других населенных пунктов. Так, к примеру, в магазинах г. Пенза с названиями «Узбекистан» и «Азербайджан» продавались товары, произведенные в этих республиках. Советская эстрада была представлена исполнителями разных национальностей, и такая же практика существовала в отношении театра и кинематографа. Издавались не только переводы литературных произведений с языков республик, но и наборы тематических открыток, знакомящих читателя с достопримечательностями, национальной одеждой или кухней той или иной республики.

Советские СМИ обеспечивали вовлечение советских людей, в том числе детей и молодежи, в соответствующее семиотическое поле и общественный дискурс. Государственные установки, продвигающие ценность межнациональной дружбы при сохранении национальной идентичности и суверенитета, транслировались подрастающему поколению и находили выражение на страницах детских изданий. Однако распад СССР породил переосмысление, часто в негативном ключе, советского прошлого. Пересмотру подверглись многие аспекты реализации межнациональной политики. Переосмысление идет нередко с перегибами и искажениями, и избежать их поможет строгий научный анализ, в том числе анализ в рамках дискурсивных исследований, через обращение к реальным текстам, которые были произведены и циркулировали в сфере детского чтения.

В связи с вышесказанным **цель статьи** — выявить модель дискурсивных практик в советских детских изданиях и СМИ в 1970–1980-е гг., отметив какие вербальные и

невербальные средства были задействованы, чтобы включить детей в общегосударственное ценностное пространство, при конструировании репрезентации межнациональных отношений и роли союзных республик, в частности Украины.

Материал и метод. Исследование частично проводилось в рамках проекта РНФ «Медиатизированная модель советского общества в детской периодике» и было дополнено после его завершения. Материалами послужили советские детские журналы «Пионер» и «Костёр», а также том № 9 «Детской энциклопедии», который вышел в 1978 году и носил название «Наша Советская Родина» [24]. «Пионер» являлся ежемесячным детским журналом Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина (1924–1991). Журнал «Костёр» (1936–1947, 1956–1991) был ежемесячным изданием ЦК ВЛКСМ, Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина, Союза писателей СССР. Истории журналов, жанрам и тематическому наполнению посвящены научные труды и мемуары [4; 12].

В ходе проекта было собрано 2 корпуса текстов. Корпусы журналов «Пионер» и «Костёр» составлены из текстов всех представленных жанров и включают 490398 и 515716 словоупотреблений для каждого журнала соответственно.

В качестве общего методологического подхода применяется дискурс-анализ, который рассматривает коммуникацию как один из ресурсов социального конструирования мира, в том числе конструирования межнациональных и внутригосударственных связей и отношений. В исследовании мы подходим к советскому периоду со стороны медийных репрезентаций, поскольку материалы медиа позволяют сделать ряд заключений о том, какие образы и ценности продвигались и поддерживались в обществе, определяя его настоящее и будущее.

Хронологические рамки исследования определены как 1970 — конец 1980-х гг. Этот период представляет научный интерес как период развитого социализма, что нашло отражение в официальной риторике и дискурсивных практиках властей, а также формировало картину мира советского человека и его гражданскую идентичность.

Результаты. Существуют разные мнения по поводу политической и экономической значимости УССР как союзной республики, в том числе такие, которые утверждают о завышенной оценке социально-экономического и политического влияния республики во времена СССР [8; 9]. Очевидно, однако, что Украина занимала одну из ведущих позиций с точки зрения исторических и географических, политических и экономических факторов. Одним из важных дискурсивных маркеров, выстраивающих иерархию, было упоминание Украины в партийных документах (не всегда, но регулярно) непосредственно за Российской Федерацией: «Экономический и социальный прогресс советского общества — это прогресс Российской Федерации, Украины и Казахстана, Белоруссии и Молдавии, республик Средней Азии, Прибалтики, Закавказья» [35, с. 46].

Два советских лидера — Никита Хрущев и Леонид Брежнев — имели непосредственное отношение к этой республике. Молодость Хрущева связана с Юзовкой (ныне Донецк), а Брежнев родился на территории, позже отнесенной к УССР. Н.С. Хрущев (1894–1971) занимал должность 1 секретаря ЦК КП (б) Украины в 1938–1941 и 1947–1949 гг. [11, с. 135]. Л.И. Брежнев (1906–1982) с 1936 по 1941 г. занимал государственные и партийные должности в Днепродзержинске и Днепропетровске Украинской ССР [22, с. 6–7, 36–40]. Будучи Генеральным секретарем ЦК КПСС, Л.И. Брежнев окружил себя верными людьми, в том числе земляками — днепропетровцами [15, с. 424–425].

Кроме того, что особый статус Украины определялся описанными выше политико-идеологическими факторами, республика играла важную роль в народном хозяйстве страны. Статья «Детской энциклопедии», посвященная Украинской ССР, так описывает местоположение и значимость республики:

От зеленых Карпат до широких донецких степей, от лесов и лугов Полесья до Черного и Азовского морей раскинулась Украинская ССР. В семье наших братских республик Советская Украина по численности населения и хозяйственному развитию следует за Российской Федерацией [24, с. 407].

Указывается и численность населения — 49 481 тыс. человек, что составляет «более пятой части населения Советского Союза». 75% населения — украинцы; в республике также проживают русские, белорусы, поляки, евреи и представители других национальностей [24, с. 407–410]. Эти сведения дают читателю базовую информацию о республике. Украина представлена как республика многонациональная, но с преобладанием титульной нации.

Советская риторика декларировала, что повзрослевшие дети придут на смену взрослым и заменят их у станка и в поле. Поэтому детская печать активно освещала события и факты взрослой жизни, продвигала те же ценностные установки, которых должны были придерживаться советские граждане, прежде всего коммунисты и комсомольцы. Анализ статей «Пионера» и «Костра» показывает, что журналы публиковали большое число материалов разных жанров, так или иначе представляющих жизнь в Украинской ССР.

Для реализации государственной национальной политики использовались разные форматы, включая спецвыпуски журналов. Так, выпуск №6 «Пионера» за 1977 год [37] был практически полностью посвящен Украине и охватывал материалы разных жанров: информацию о географии, гербе, флаге, Конституции УССР, художественные рассказы, сказку и стихи украинских поэтов в переводах на русский, очерк секретаря ЦК ЛКСМ Украины, заметки о жизни пионеров, статью о достижениях промышленности и сельского хозяйства республики и др. «Детская энциклопедия» содержала развернутый раздел «Украинская ССР» с информацией о всех аспектах жизни республики [24, с. 407–420]. Материалы были богато иллюстрированы фотографиями и рисунками.

Количественные подсчеты в корпусах некоторых ключевых лексем-топонимов и образованных от них прилагательных дают следующие результаты. Лексемы с морфемой *украин-* — 170 словоупотреблений, *Киев* — 142, *УССР/Украинская СССР* — 16, *Донбасс* — 14, лексемы с морфемами *донецк-* — 22, *львов-* — 21 и т.д. Помимо топонимов материалы журналов содержат антропонимы — имена людей, жизнь которых связана с Украиной. В числе таких имен — поэт Тарас Шевченко, философ Григорий Сковорода, гетман Богдан Хмельницкий, шахтёр Алексей Стаханов, трактористка Прасковья Ангелина, а также имена простых граждан республики, включая детей.

В одной из своих работ мы начали разработку данной тематики, а именно репрезентации союзных республик в советских детских изданиях [11, с. 16]. Продолжая разработку темы, мы будем опираться на категорию топоса: «… В нашем понимании топосы — это смысловые доминанты, получающие вербальное выражение в тексте и способствующие созданию таких репрезентаций действительности, которые соответствуют стратегическим коммуникативным задачам автора» [5, с.137].

Репрезентации Украины основаны на нескольких ключевых топосах, каждый из которых реализуется посредством набора специфических языковых средств. Рассмотрим их более подробно.

1. **Топос отсталости данной территории до вхождения в состав СССР и ее преображения и развития как советской республики.**

Средствами выражения этой идеи выступают, в частности, прецизионная стратегия (предъявление количественных данных, цифр), оценочная лексика, лексика с семантикой движения и развития:

Промышленное производство Советской Украины в 1976 году ***превзошло*** *дореволюционный уровень почти* ***в 90 раз****.*

Неузнаваемо изменились *старые, существовавшие и до революции отрасли промышленности — топливная и металлургическая. В Донбассе вместо* ***небольших*** *шахт, где люди* ***вручную, нечеловечески тяжелым*** *трудом добывали угол,* ***построены механизированные крупные*** *шахты* [24, с. 411].

Как видим, последнее предложение построено на антитезе: небольшим и неразвитым шахтам дореволюционного времени противопоставляются крупные механизированные шахты советского периода.

На антитезе построен и следующий пример, в котором бесправная жизнь украинцев до революции контрастирует с обретением ими свободы и земли после нее. Сочетание глаголов с семантикой «владение, распоряжение» и этнонимов рисует картину бесправного, лишенного собственности коренного населения до установления Советской власти.

Жили *в наших местах* ***украинцы****,* ***управляли*** *всем* ***австрийцы****, а* ***земля принадлежала польским панам****. Село, где родился я, со всех сторон окружали поместья графини Копестыньской, а чуть поодаль был «фольварк» другого магната — Боваровского.* ***Господа в Кракове*** *проживали, а к нам лишь управляющих присылали за доходом <…> Надеждой для нас стала* ***Советская Украина****. Верили мы, что наступит час освобождения ... Сбылось все, что из «Искры» узнал мой отец: стал наш край свободным и единым, а* ***мы, крестьяне, землю получили****!* [28]

2. **Топос единения республик и взаимной помощи в трудные для страны периоды или годы.**

Украина репрезентируется как республика, разделяющая общую историю страны, прежде всего, победу советского народа в Великой Отечественной войне, которая стала возможной благодаря народному единению. Единение было также залогом восстановления страны в послевоенный период. Украина и украинский народ выступают активными участниками всех происходящих событий, а топос транслируется лексемами и словосочетаниями с семантикой единения *(вместе с, единой),* а также рядами однородных членов-этнонимов и метафорой семьи*:*

Во время Великой Отечественной войны на земле Украины шли жестокие сражения с врагом. Гитлеровцы, временно оккупировавшие ее территорию, уничтожили здесь несколько миллионов человек. <…>. За освобождение Украины сражались ***не только украинцы, но и русские, и белорусы, и казахи,*** *и представители других народов Советского Союза. Многие из них погибли на ее земле. В кровопролитных боях за Днепр и Киев участвовали бойцы более 30 национальностей СССР* [24, с. 411];

Когда самое тяжелое испытание выпало на нашу долю, все силы отдал ***украинский народ вместе со всеми советскими людьми*** *борьбе с фашистами. Война еще раз показала, что свобода и независимость Украины возможны только* ***в единой семье*** *со всеми народами Советской страны* [40];

Много горя и бед принесла война. Больше всего от нее пострадали Украина и Белоруссия, одними из первых принявшие на себя удар фашистских полчищ. После

великой Победы ***вместе с другими республиками*** *мы поднимали сотни своих городов и десятки тысяч сел, зажигали вновь огни электростанций, возрождали Донбасс* [40].

В числе публикаций о подвиге советских людей, о великих сражениях — статья «Город-герой Киев», повествующая о судьбе обычного мальчика на фоне исторических событий освобождения Киева:

Обычный киевский мальчишка Костя Кравчук верил, что настанет час освобождения, и, как символ Родины, хранил два полковых знамени. Потом, когда Киев освободят, знамена эти пронесут на параде, а Костя будет стоять рядом с командующим 1-м Украинским фронтом Н. Ф. Ватутиным и на груди мальчишки будет сиять орден Красного Знамени. Но до этого дня еще далеко... [41].

Как известно, при переоценке ценностей памятник генералу Николаю Федоровичу Ватутину в Киеве был снесен в феврале 2023 года [23]. Демонтаж и перенос памятников советским деятелям можно рассматривать как символическое разрушение топоса межнационального единства.

3. **Топос значимости республики в развитии страны на современном для читателя этапе (1970-1980-е гг.).**

Данный топос охватывает ряд аспектов.

3.1. **Украина как республика высоких достижений народного хозяйства.** Этот аспект жизни республики актуализируется посредством признания важного вклада Украины в народное хозяйство, а также в виде указаний на разные сферы производства и сельского хозяйства, развитые на Украине, на виды продукции и названия профессий:

Украинская ССР — ***важное звено*** *в едином народно-хозяйственном комплексе Советского Союза. В общесоюзном разделении труда она выступает как одна из* ***важнейших*** *угольно-металлургических баз страны. Почти каждая вторая тонна металла и руды и каждая третья тонна каменного угла, произведенные и добытые в СССР, получены на Украине. Республика выделяется* ***многоотраслевым*** *интенсивным сельским хозяйством. Она дает свыше пятой части всесоюзного сбора зерна, почти половину подсолнечника, 2/3 сахарной свеклы, треть овощей и фруктов* [24, с. 411].

Информирование читателя о научно-техническом прогрессе и значительных достижениях Украины в сфере машиностроения достигается за счет употребления в материалах целого ряда однородных членов — словосочетаний, состоящих из оттопонимических прилагательных и существительных семантической группы «техника». Перед читателем предстает своего рода ментальная карта Украины с нанесенными на нее точками производства:

Далеко за пределами республики славятся ***новокраматорские*** *прокатные станы, мощные кузнечные прессы,* ***харьковские*** *и* ***ворошиловградские*** *тепловозы,* ***кременчугские*** *и* ***запорожские*** *автомобили,* ***львовские*** *автобусы и телевизоры,* ***одесские*** *подъемные краны и станки,* ***киевские*** *экскаваторы и вычислительные машины, угольные комбайны* ***Донбасса*** *...*[24, с. 412].

Невербальным средством репрезентации индустриальной и сельскохозяйственной мощи республики выступает трехкомпонентная карта, на которой отмечены места добычи полезных ископаемых, расположение центров (предприятий) обрабатывающей промышленности, районы распространения сельскохозяйственных культур. На карте в отдельном «окне» крупномасштабно показан Донбасс, что подчеркивает важность этого региона для народного хозяйства как республики, так и страны в целом (рис. 1) [24, с. 414]. Таким образом, вербальные средства активации топоса дополняются визуальными элементами.

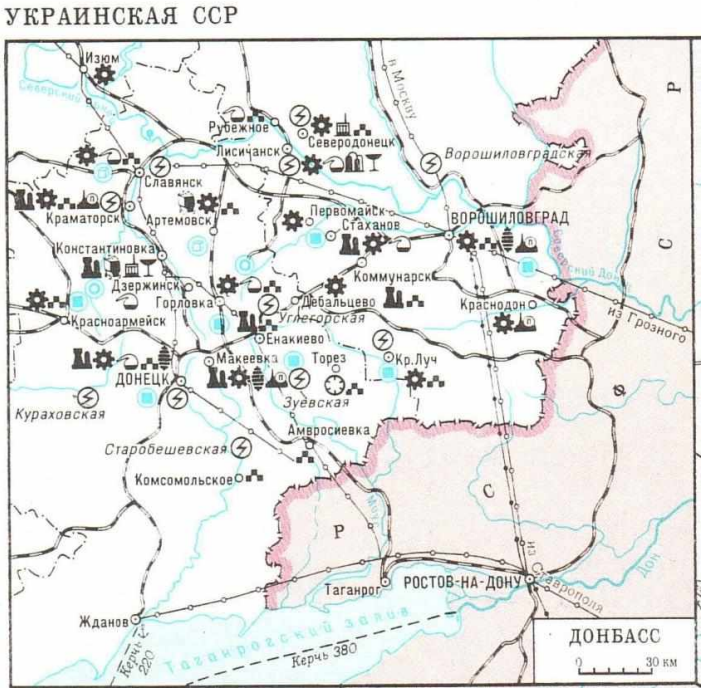


Рис. 1. Карта промышленности и сельского хозяйства Донбасса
в «Детской энциклопедии».

Речевые клише, риторические вопросы, положительно-оценочная лексика и лексика с семантикой созидания используются для создания образа республики-труженицы:

Про Украину говорят: житница нашей Родины. [31];

Украина — одна из важнейших житниц страны. [24];

Но славится Украинская земля не только шахтерами и хлеборобами. Кто не ездил на львовском автобусе? Кто не видел собранные в Кременчуге грузовые автомобили «КрАЗы»? А малолитражные «Запорожцы» из города Запорожье? Знамениты дела украинских машиностроителей! Самолеты, фотоаппараты «Киев», херсонские и николаевские сухогрузные суда и рыболовные траулеры! Харьковские тракторы и тепловозы. Это все создали рабочие Украины. [33];

Ваши мамы радуются платьям киевских швейных фабрик, нарядным и ярким, с национальными мотивами: лен выращиваем на Украине, а хлопок получаем из Средней Азии. [40].

Подобные примеры создают картины трудовой республики, с одной стороны, и уважительного отношения к ее достижениям и вкладу в народное хозяйство всей страны, с другой стороны.

3.2. **Украина как республика образования и науки.** Наряду с достижениями промышленности репрезентации охватывают такой аспект, как интеллектуальное развитие и роль науки в обществе:

Большой вклад в научно-технический прогресс вносят украинские ученые. Центр научной мысли — Академия наук Украинской ССР. <…>

Украинские ученые ***в содружестве с учеными Москвы, Ленинграда и других городов страны*** *успешно решают сложные проблемы в области математики, кибернетики, физики, химии, биологии, техники. Они создали новые, сверхпрочные материалы, разработали способы электросварки не только на земле, но и в космосе; на Украине получены искусственные алмазы; выведены высокоурожайные сорта пшеницы,*

высокомасличные сорта подсолнечника; сконструированы новые электронные вычислительные машины, мощные электрогенераторы, самолеты, сельскохозяйственные машины для различных районов СССР. [24, с. 417].

Обратим внимание на упоминание научного сотрудничества между учеными разных городов страны. Результаты в самых разных областях знаний репрезентируются во многом как результаты межнационального сотрудничества.

Журнальные материалы показывают Украину как республику с высоким интеллектуальным потенциалом — образовательными учреждениями, наукой и людьми, которые трудятся в данной сфере и достигают важных целей:

Вот, например, как ***создали*** *украинские ученые* ***новый сорт пшеницы****.* [32];

Украинские ученые из Института кибернетики приехали на металлургический завод в Днепродзержинск. Внутри сталеплавильного агрегата они ***поместили датчики*** *— электронные «глаза» и «уши». От них* ***протянули «нервы» — провода****, которые сходились у кибернетического «мозга» (то есть в электронно-вычислительной машине) за сотни километров от завода, в Киеве.* [36];

Мироновская пшеница ***открыла эру стоцентнерных урожаев*** *и шагнула в те края, где раньше этот злак вымерзал. А создатель ее — замечательный украинский ученый, академик, дважды Герой Социалистического Труда В. Н. Ремесло.* [40].

Стоит обратить внимание на постоянно используемый атрибут «украинский», подчеркивающий принадлежность ученого и его изобретения национальному контексту Украины.

3.3. **Украина как культурно самобытная республика.** Узнаваемые детали украинского быта транслируются как вербальными, так и невербальными средствами. Национальные блюда, особенности национального произношения, национальные узоры — все это находит отражение на страницах журналов:

Уже три года прожил он здесь, в Екатеринославе. Привык постепенно к этому южному городу. А сначала, когда выслали сюда из Питера, каким все казалось странным, даже чудным: и ***певучий украинский говорок****, и ленивые волы, бредущие прямо по улице, и огромный пестрый — чего только нет! — базар...* [30];

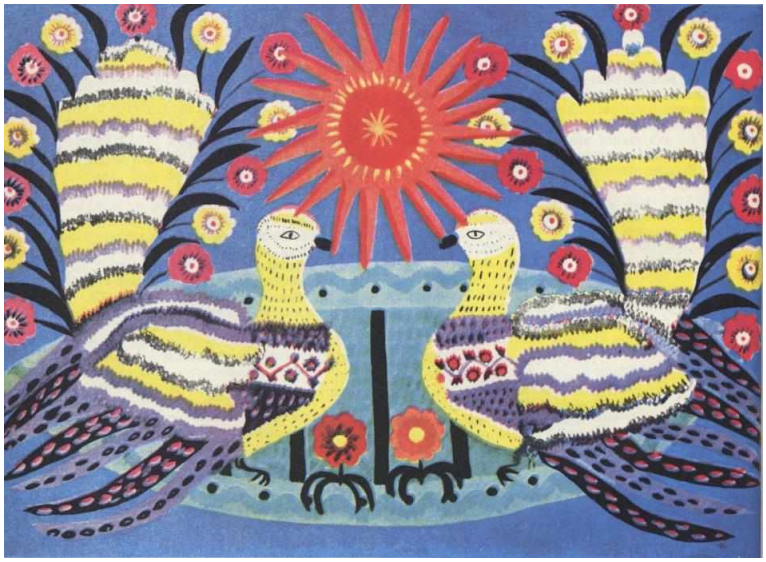
Праздник Дружбы народов проходит и у них в школе. И это один из самых веселых, самых торжественных, самых любимых праздников <…> На столах дымятся блюда на всяк вкус — ***украинские вареники****, узбекский плов, киргизский бешбармак и борсоки. И всюду — цветы, флаги, гербы союзных республик...* [38].

Кажется, что блюда разных национальностей выступают метонимическими субститутами самих национальностей, и кулинарное соседство символизирует межнациональное единство.

О своеобразии современного художественного творчества на Украине рассказывается в статье о творчестве украинской народной художницы:

Добрая сказка живет на картинах Марии Приймаченко: невиданные звери и птицы, небывалые цветы, такие яркие, такие красивые, такие ни на что не похожие… Непохожие, и в то же время ***напоминающие пейзажи Украины, роспись украинских хат, вышивки деревенских мастериц****.* [37].

Материал содержит несколько ярких иллюстраций, в том числе картину с изображением молодой украинки в национальном наряде (Рис. 2).



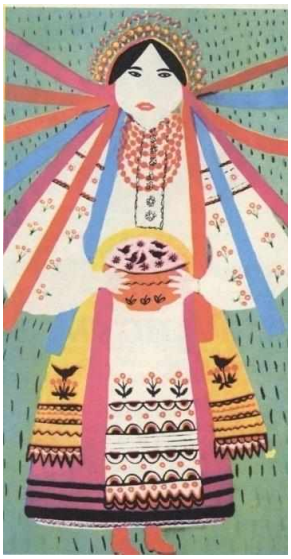


Рис. 2. Картины Марии Приймаченко.

3.4. **Украинцы как часть большой многонациональной страны.** Как мы отмечали выше, КПСС декларировала равноправие наций. Детская пресса находила свои способы для передачи этой установки детям. Один из востребованных способов — перечисление в одном ряду нескольких этнонимов, обозначений разных национальностей. Обычно это ситуации взаимопомощи, совместного труда или отдыха. События следующего примера происходят в Казахстане, но вовлекают людей разных национальностей:

С Рустамом Ибрагимовым несчастье случилось. В плавильном цехе загорелась коксовая пыль. Бросился Рустам на пламя. Своим телом закрыл его. Спас цех от пожара. Но сам в больницу попал. Врачи сказали: «Нужна живая кожа!» Чтобы на обожженные места пересадить. Весь цех в больницу явился. Казах Хайрулла Бахтымбаев свою кожу дал. Украинец Виктор Кулинка дал. Татарин Максум Шасутдинов дал. Спасли Рустама. [34].

Подобным образом в материале о комсомольской стройке в Тольятти видим указание на многонациональный состав героев, которые видят сны на разных языках:

Комсомольская стройка — это значит, что сюда по комсомольским путевкам съехались для работы лучшие люди страны. Комсомольская стройка — это значит, что по ночам спящие люди видят сны на сорока четырех языках. На одной койке — сон украинский, рядом — сон грузинский, рядом — сон татарский, рядом — русский. [29].

Заключение. Таким образом, в журнальных репрезентациях советской детской печати 1970–1980-х гг. Украинская ССР была представлена как место труда, образования и культуры, населенное достойными людьми, которые вызывают уважение. Журнальные материалы показывали республику как культурно и исторически самобытную, но выбравшую советский путь развития и полностью интегрированную в советский контекст. Представляется, что такие репрезентации Украинской ССР и её народа в советской детской прессе не соотносятся с категоричными заявлениями определенных политических сил о подавлении и угнетении национальных республик в СССР. Медийные репрезентации подтверждаются документально. Официальные документы свидетельствуют, что представители республики активно участвовали в принятии политических решений. Так, на XXV съезде КПСС по числу делегатов республика

занимала второе место после Российской Федерации — 894 человека (от РФ было 3035 делегатов) [35, с. 103].

Что касается детских изданий, то тематические и идеологические акценты материалов детской печати обусловливали реализацию содержания в соответствии с продвигаемыми государством ценностями. Топонимы и антропонимы, связанные с Украиной, номинации культурных и бытовых реалий республики, лексика групп «промышленность» и «техника», положительно-оценочная лексика, вплетенная в исторические нарративы, синтаксические конструкции сравнения, риторические вопросы в комбинации с прецизионной стратегией и тщательно подобранными иллюстрациями создавали общую риторику текстов об Украинской ССР. Такую риторику можно обозначить как уважительную и указывающую на высокую культуру межнационального общения. Репрезентация Украины как одной из союзных республик обладала значительным образовательным и воспитательным потенциалом, предлагая читателю познавательный материал по географии, экономике, культуре и межкультурной коммуникации советского периода.

Материалы детских изданий, подготовленные в духе общегосударственной идеологии, создавали не дискурс дискриминации или угнетения, а дискурс сохранения национальной идентичности. Одновременно укреплялась идентичность советская, которая была условием самого существования такого огромного многонационального государства, как СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галиев А. Российско-украинский конфликт в «войнах памяти» / А. Галиев, С. Галиева // Казахстан. Спектр: Научный журнал. — 2019. — № 1 (87). — С. 99–110.
2. Гайдай А.Ю. «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) / А.Ю. Гайдай, А.В. Любарец // Вестник Пермского университета. История. — 2016. — Вып. 2 (33). — С. 28–41. https://doi.org/10.17072/2219-3111-2016-2-28-41 .
3. Гридина Т.А. Стратегии переименования городских объектов на постсоветском пространстве /Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 34–41.
4. Дубровская Т.В. Медиатизированная модель советского общества в журналах «Пионер» и «Костёр» (1970-1980-е гг.): монография /под общ. редакцией Т.В. Дубровской /Т.В. Дубровская, О.А. Мусорина, Я.А. Блохина, Н.Ю. Видинеева. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2023. — 400 с.
5. Замотина Е.И. Межнациональные отношения в юридическом дискурсе: репрезентации и топосы (на примере конституций России и США) / Е.И. Замотина, Т.В. Дубровская // Политическая лингвистика. — 2016. — № 5 (59). — С. 136–141.
6. Зотова А.В. Международные организации и их влияние на управление границами постсоветских государств / А.В. Зотова, С.Н. Полторак // Клио. — 2024. — № 02 (206). — С. 218–235. https://doi.org/10.24412/2070 - 9773 -2024 - 2 — 218-235.
7. Касьянов Г.В. Историческая политика и «мемориальные законы» в Украине: начало XXI века / Г.В. Касьянов // Историческая экспертиза. — 2016. — № 2. — С. 28–55.
8. Курылев К.П. Роль и место Украины в СССР: завышенное социально-экономическое и переоцененное политическое влияние (Ч. 1) / К.П. Курылев, Д.А. Дегтерев // Постсоветские исследования. — 2018. — Т. 1. — № 6. — С. 516–530.
9. Курылев К.П. Роль и место Украины в СССР: завышенное социально-экономическое и переоцененное политическое влияние (Ч. 2) / К.П. Курылев, Д.А. Дегтерев // Постсоветские исследования. — 2018. — Т. 1. — № 7. — С. 630–647.
10. Метёлкина Л.Н. Особенности ротации региональной политической элиты в СССР (на примере первых секретарей ЦК КП (б) — КП союзных республик в 1930 — 1964 гг.) / Л.Н. Метёлкина // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». — 2012. — 2 (9). — Ч. 1. — С. 132–142.
11. Мусорина О.А. «В ответе друг за друга»: союзные республики на страницах советских детских изданий (1970-80-е гг.) / О.А. Мусорина // Детство и детская литература в мировой и отечественной культуре во

второй половине XX века. Мат-лы международ. научно-практич. конф-ции, г.Костанай, 22 ноября 2024 г. — С. 15 — 20.
12. «Пионер» без галстука: сборник статей и воспоминаний об истории журнала «Пионер»/ сост. И. Андрианова и др. — Санкт-Петербург: Дом детской книги, 2023. — 368 с.
13. Позднякова Т.М. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве / Т.М. Позднякова // Вестник Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема. — 2020. — № 3 (40). — С. 66–71. https://doi.org/10.24412/2227-1384-2020-10039.
14. Прошлое, которое определяет наше будущее: формирование национальных стратегий памяти и забвения: Материалы международной летней школы (13-31 июля 2020 г.) // История. Общество. Политика. — 2020. — № 3 (15). — С.126–161.
15. Пученков А.С. Штрихи к портрету Брежнева / А.С. Пученков //Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2023. — Т. 68. — Вып. 2. — С. 409–431. https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.207
16. Сорокин А.А. Проблема советского наследия в общественно-политическом дискурсе Литовской Республики в 2014 — 2021 гг. / А.А. Сорокин // Советский век в российской и мировой истории: сб. ст. по материалам Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию образования СССР. — Пенза: Изд-во ПГУ, 2022. — С. 14–18.
17. 30 лет СНГ: трансформационные процессы на постсоветском пространстве / Отв. ред. Е.И. Пивовар. — М.: РГГУ, 2022. — 472 с.
18. Fedorova R., Tsuikina N. Nostalgia for Soviet Estonia: Discursive Elements of Shared Memory in the Facebook Group “Sovetskaia Estoniia — Eesti NSV”// Acta Universitatis Carolinae Studia Territorialia 2. — 2023. — P. 73–100.
19. Memory Laws and Historical Justice. The Politics of Criminalizing the Past / Ed. by E. Barkan, A. Lang. — Springer International Publishing, 2022.
20. Ukraine in Transformation. From Soviet Republic to European Society / Ed. by A. Veira-Ramos, T. Liubyva, E. Golovakha. — Palgrave Macmillan, 2020.
21. Zhurzhenko T. Legislating Historical Memory in Post-Soviet Ukraine// In E. Barkan, A. Lang (eds.) Memory Laws and Historical Justice. Springer International Publishing, 2022. — Pp. 97–130. https:// doi.org/10. 1007/ 978-3-030-94914-3_5.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

22. Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания. Том девятый. М.: Издательство политической литературы, 1982. — 606 с.
23. В Киеве снесли памятник генералу, освобождавшему город от нацистов. Сайт «Российской газеты». URL: https://rg.ru/2023/02/09/vtoroe-ubijstvo-vatutina.html (дата обращения 05.08.2025)
24. Детская энциклопедия. В 12 томах. Т. 9. Наша Советская Родина. М.: Педагогика, 1978. — 576 с.
25. Закон Украины от 21 марта 2023 года №3005-IX «Об осуждении и запрете пропаганды российской имперской политики в Украине и деколонизации топонимии». https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=150458 (дата обращения 27.07.2025)
26. Закон Украины от 9 апреля 2015 года №314-VIII «О правовом статусе и чествовании памяти борцов за независимость Украины в XX веке». https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=78767 (дата обращения 27.07.2025)
27. Закон Украины от 9 апреля 2015 года №317-VIII «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики». https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=77561 (дата обращения 27.07.2025)
28. «Костёр», 1970, №3.
29. «Костёр», 1971, №1.
30. «Костёр», 1974, №4.
31. «Костёр», 1980, №4.
32. «Костёр», 1981, №8.
33. «Костёр», 1982, №3.
34. «Костёр», 1982, №6.
35. Материалы XXV съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1976. — 256 с.
36. «Пионер», 1971, №5.
37. «Пионер», 1977, №6.
38. «Пионер», 1981, №8.
39. «Пионер», 1982, №1.

40. «Пионер», 1982, №2.
41. «Пионер», 1984, №4.
42. Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1961. URL: http://museumreforms.ru/node/13891 (дата обращения 05.08.2025)
43. «Пушкин ни в чем не виноват»: в Латвии сносят памятник поэту, а в Эстонии — приносят к нему цветы. Аналитический портал RuBaltic.Ru. URL: https://www.rubaltic.ru/blogpost/20230608-pushkin-ni-v-chem-ne-vinovat-v-latvii-snosyat-pamyatnik-poetu-a-v-estonii-prinosyat-k-nemu-tsvety/ (дата обращения 26.05.2025).

REFERENCES

1. Galiyev, A., Galiyeva, S. (2019). Rossijsko-ukrainskij konflikt v “vojnah pamyati” [The Russian — Ukrainian Conflict in “Memory Wars”]. Kazakhstan. Spektr. Nauchnyi Zhurnal, 1 (87), 99 — 110. (In Russian).
2. Gaidai, A.Ju., Liubaretc, A.V. (2016). "Leninopad": izbavlenie ot proshlogo kak sposob konstruirovaniya budushchego (na materialah Dnepropetrovska, Zaporozh'ya i Har'kova) [Leninfall: Elimination of the Past as a Way of Constructing the Future (on the Materials of Dnepropetrovsk, Zaporozhye and Kharkov)]. Vestnik Permskogo Universiteta. History, 2 (33), 28 — 41. — https://doi.org/10.17072/2219-3111-2016-2-28-41 (In Russian).
3. Gridina, T. A., Konovalova, N.I. (2019). Strategii pereimenovaniya gorodskih ob"ektov na postsovetskom prostranstve [Strategies of Renaming Urban Spaces and Places in the Post-Soviet States]. Politicheskaya Lingvistika, 1 (73), 34 — 41. (In Russian).
4. Dubrovskaya, T.V., Musorina, O.A., Blohina, Ja.A., Vidineeva, N.Ju. (2023). Mediatizirovannaja model' sovetskogo obshhestva v zhurnalah «Pioner» i «Kostjor» (1970-1980-e gg.) [Mediatized model of Soviet society in the magazines "Pioneer" and "Koster" (1970-1980-s)] (monograph). Penza: Penza State University. 400 p. (In Russian).
5. Zamotina, E.I., Dubrovskaya, T.V. (2016). Mezhnacional'nye otnosheniya v yuridicheskom diskurse: reprezentacii i toposy (na primere konstitucij Rossii i SShA) [Interethnic Relations in Legal Discourse: Representations and Topoi (Based on Russian and American Constitutions)]. Politicheskaya Lingvistika, 5 (59), 136 — 141. (In Russian).
6. Zotova, A.V., Poltorak, S.N. (2024). Mezhdunarodnye organizacii i ih vliyanie na upravlenie granicami postsovetskih gosudarstv [International Organizations and their Influence on Border Management og Post-Soviet States]. Klio, 2 (206), 218 — 235. (In Russian).
7. Kasyanov, G. (2016). Istoricheskaya politika i «memorial'nye zakony» v Ukraine: nachalo XXI veka [Historical Policy and the “Memorial” Laws in Ukraine: the Beginning of the 21-st Century]. Istoricheskaya Ekspertiza, 2, 28 — 55. (In Russian).
8. Kurylev, K.P., Degterev, D.A. (2018). Rol' i mesto Ukrainy v SSSR: zavyshennoe social'no-ekonomicheskoe i pereocenennoe politicheskoe vliyanie [Role and Place of Ukraine in the USSR: Higher Social and Economic and Overall Political Influence]. Part I. Post-sovetskiye Issledovaniya, Vol, 1, 6, 516- 530. (In Russian).
9. Kurylev, K.P., Degterev, D.A. (2018). Rol' i mesto Ukrainy v SSSR: zavyshennoe social'no-ekonomicheskoe i pereocenennoe politicheskoe vliyanie [Role and Place of Ukraine in the USSR: Higher Social and Economic and Overall Political Influence]. Part II. Post-sovetskiye Issledovaniya, Vol, 1, 7, 630 - 647. (In Russian).
10. Metelkina, L.N. (2012). Osobennosti rotacii regional'noj politicheskoj elity v SSSR (na primere pervyh sekretarej CK KP(b) — KP soyuznyh respublik v 1930 — 1964 gg.) [Peculiarities of Regional Political Leaders Rotation in the USSR (by the Example of the State Secretaries of CCCP — CP of Union Republics in 1930 — 1964)]. Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2 (9), part 1, 132 — 142. (In Russian).
11. Musorina, O.A. (2024). "V otvete drug za druga": soyuznye respubliki na stranicah sovetskih detskih izdanij (1970-80-e gg) ["Responsible for each other": the Union Republics on the pages of Soviet children's publications (1970s-80s)]. In Childhood and Children’s Literature in World and Domestic Culture in the Second Half of the XX Century (conference papers), Kostanay, November 2024. P. 15 — 20. (In Russian).
12. «Pioner» bez galstuka: sbornik statej i vospominanij ob istorii zhurnala «Pioner» (2023). ["Pioneer" without a tie: a collection of articles and memoirs about the history of the Pioneer magazine], comp. I. Andrianova et al. Saint-Peterburg: Dom detskoj knigi. 368 p. (In Russian).
13. Pozdnyakova, T.M. (2020). Integracionnye processy na postsovetskom prostranstve [Integration Processes in the Post-Soviet Area]. Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta, 3 (40), 66 — 71. https://doi.org/10.24412/2227-1384-2020-10039. (In Russian).
14. Proshloe, kotoroe opredelyaet nashe budushchee: formirovanie nacional'nyh strategij pamyati i zabveniya [The past that determines our future: shaping national strategies for memory and oblivion] (2020). Istoria. Obschestvo. Politika, 3 (15), 126–161. (In Russian).

15. Puchenkov, A.S. (2023). Shtrihi k portretu Brezhneva [Political Portrait of Brezhnev].Vestnik of Saint Petersburg University. History. Vol. 68, 2, 409–431. https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.207. (In Russian).
16. Sorokin, A.A. (2022). Problema sovetskogo naslediya v obshchestvenno-politicheskom diskurse Litovskoj Respubliki v 2014 — 2021 gg. [The problem of the Soviet legacy in the socio-political discourse of the Republic of Lithuania in 2014-2021]. In The Soviet Period in Russian and World History (All-Russian conference). Penza. P. 14 — 18. (In Russian).
17. Pivovar, Ye.I. (ed.). (2022). 30 let SNG: transformacionnye processy na postsovetskom prostranstve [30 years of the CIS. Transformational processes in the post-Soviet space] (monograph). Moscow: RGGU, 473 p. (In Russian).
18. Fedorova, R., Tsuikina, N. (2023). Nostalgia for Soviet Estonia: Discursive Elements of Shared Memory in the Facebook Group “Sovetskaia Estoniia — Eesti NSV”. Acta Universitatis Carolinae Studia Territorialia 2, 73-100. (In English).
19. Memory Laws and Historical Justice. The Politics of Criminalizing the Past / Ed. by E. Barkan, A. Lang. — Springer International Publishing, September 2022.
20. Veira-Ramos, A., Liubyva, T., Golovakha, E.(eds) (2020). Ukraine in Transformation. From Soviet Republic to European Society. Palgrave Macmillan. (In English).
21. Zhurzhenko, T. (2022). Legislating Historical Memory in Post-Soviet Ukraine. In E. Barkan, A. Lang (eds.) *Memory Laws and Historical Justice*. Springer International Publishing, pp. 97–130. https:// doi.org/10.1007/978-3-030-94914-3_5.

Поступила в редакцию 25.10. 2025 г.

TRANSLATING HISTORICAL MEMORY THROUGH SOVIET PERIODICALS FOR CHILDREN: REPRESENTATIONS OF UKRAINE AND CURRENT TRANSFORMATIONS

T.V. Dubrovskaya, O.A. Musorina

The article addresses discourse practices typical of Soviet publications and mass media for children (1970-1980-s) that were instrumental in constructing a model of interethnic relations and the economic and cultural role of Soviet republics, specifically Ukraine. Applying discourse analysis as a general methodological approach, the authors analyze the verbal and non-verbal means and tools that were involved in the implementation of this model. The research revealed that the representations of the Ukrainian SSR as one of the Soviet republics were based on three key topoi: 1) the topos of the backwardness of the given territory before joining the USSR as compared to its transformation and development as a Soviet republic; 2) the topos of unity and mutual assistance in periods difficult for the country; 3) the topos of the republic’s importance for the development of the country at the stage, which is contemporary for the reader. The relevance of the research is accounted for by the spread in the post-Soviet space of criminalization practices of the Soviet past, as well as by the necessity to critically evaluate such discourse addressing historical data, including media that articulate historical memory.

Key words: Soviet periodicals for children, Ukraine, interethnic relations, discourse practices, representations, topos, “Pioner” periodical, “Kostyor” periodical, historical memory.

Дубровская Татьяна Викторовна.
Доктор филологических наук, профессор.
Пензенский государственный университет», Российская Федерация, г. Пенза.
Профессор кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация».
ORCID: 0000-0003-0044-6056.
E-mail: gynergy74@gmail.com.

Мусорина Ольга Александровна.
Кандидат исторических наук, доцент.
Пензенский государственный университет, Российская Федерация, г. Пенза.
Доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация».
ORCID: 0000-0002-6251-9604.
E-mail: rinamuso@yandex.ru

Dubrovskaya Tatiana Viktorovna.
Doctor of Philology, Professor.
Penza State University, Russian Federation, Penza.
Professor of Department of Foreign Languages and Professional Communication

ORCID: 0000-0003-0044-6056.
Email: gynergy74@gmail.com.

Musorina Olga Aleksandrovna.
Candidate of History, Associate Professor.
Penza State University, Russian Federation, Penza.
Associate Professor of Department of Foreign Languages and Professional Communication.

ORCID: 0000-0002-6251-9604.
E-mail: rinamuso@yandex.ru

Научная статья
УДК 811.111’221
DOI: 10.5281/zenodo.18094132

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МОДУСНОЙ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

© 2025 ***Д. В. Козловский***
Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»
ORCID: 0000-0002-1413-8882

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматривается применение модели BiLSTM (Bidirectional Long Short-Term Memory) для автоматической контекстуальной классификации модусных показателей категории эвиденциальности в медиадискурсе. Исследование направлено на выявление специфики актуализации базовой (эвиденциальность, авторизация, восприятие, персональность, темпоральность) и добавочной (аппроксимация, модальность, отрицание, оценочность, персуазивность, эмотивность, экспрессивность) эвиденциальной семантики. Материалом исследования послужила аннотированная выборка эвиденциальных высказываний (ЭВ) из British National Corpus (BNC). Полученные результаты демонстрируют высокую точность распознавания полимодальных смыслов, а также способность BiLSTM-модели выявлять скрытые синергетические модели категориального сцепления. Проведенный анализ выявил типовые ошибки автоматической классификации и обозначил направления дальнейшей оптимизации модели для работы с текстами различной жанровой принадлежности. В работе подчеркивается значимость представленной модели как интерпретационного инструмента в задачах лингвистической экспертизы и анализа медиадискурса.

Ключевые слова: эвиденциальность, модусные категории, BiLSTM-модель, нейросетевые методы, медиадискурс, полимодальная семантика, автоматическая классификация, лингвистическая экспертиза.

Для цитирования: Козловский Д. В. Контекстуальная классификация показателей модусной категории эвиденциальности в англоязычном медиадискурсе / Д. В. Козловский // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 40–51. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18094132

Введение. Современная лингвистика характеризуется возрастающим вниманием к анализу смыслов, формируемых в дискурсивном пространстве, не только на уровне анализа отдельных лексических единиц, но и с учетом взаимодействия различных модусных категорий. Одной из наиболее актуальных в этом контексте представляется категория эвиденциальности, трактуемая как выражение источника, способа или степени достоверности передаваемой информации [2; 11]. Изучение эвиденциальности становится особенно значимым в контексте процессов медиатизации языка и увеличения доли имплицитной и персуазивной информации в сфере публичной коммуникации.

Эвиденциальность актуализируется в языке посредством различных лингвистических маркеров, к числу которых относятся вводные конструкции, глаголы, наречия, прилагательные, существительные, а также устойчивые словосочетания. Указанные средства объединяются в десять семантических групп эвиденциальных операторов: выражения мнения, косвенного указания, мыслительной деятельности, прогнозирования, сомнения, уверенности в знании, усиления значимости высказывания,

умственного восприятия, чувственного восприятия и явного указания. Подобное многообразие операторов открывает широкие возможности для передачи информации об источнике, способе получения и степени достоверности сведений в контексте дискурса.

Характерной особенностью эвиденциальности (*Ev*) является ее способность взаимодействовать с другими модусными категориями: авторизацией (*A*), аппроксимацией (*Aprx*), восприятием (*Ap*), модальностью (*M*), отрицанием (*D*), оценочностью (*Evl*), персональностью (*Ps*), персуазивностью (*P*), экспрессивностью (*Ex*), эмотивностью (*Emt*) и темпоральностью (*T*) [5]. Взаимосвязь указанных категорий особенно отчетливо прослеживается в медиадискурсе, где автор зачастую стремится представить информацию как объективную, намеренно дистанцируясь от ее источника либо размывая границы собственной авторской позиции [3]. В пространстве массовой коммуникации эвиденциальная семантика реализуется в двух формах: эксплицитной — при помощи языковых средств, и имплицитной — через контекст, интонацию или синтаксическую организацию высказывания.

Проблема выявления и описания эвиденциальности активно разрабатывалась в работах А.Ю. Айхенвальд, Н.А. Козинцевой и В.А. Плунгяна [4; 9; 12]. Особое внимание уделялось классификации видов эвиденциальности, типам эвиденциальных маркеров, их лексико-грамматической репрезентации, функциональной нагрузке и прагматической обусловленности. Однако большинство исследований опиралось на традиционные дескриптивные методы и вручную отобранные примеры, что при ограниченном объеме эмпирического материала не позволяло учитывать сложную контекстуальную динамику реализации эвиденциальных смыслов в дискурсивном пространстве.

Современные исследования предлагают интегративные методики анализа эвиденциальности, сочетающие морфологический, семантический, прагматический и дискурсивный анализ [13; 17]. Особое внимание уделяется методам, использующим технологии машинного обучения и нейросетевые архитектуры для автоматической обработки и анализа медиатекстов с целью выявления эвиденциальной семантики [19]. Нейросетевые методы активно применяются в задачах оценки и калибровки степени неопределенности транслируемых сведений, а также при обработке неоднозначных или неполных данных [16; 18]. Данные методы интегрируются в различные архитектуры, включая сверточные (*CNN*), рекуррентные (*RNN, GRU*), графовые (*GNN*), а также другие специализированные модели для задач регрессии, классификации, кластеризации и временной локализации описываемых событий [15]. Нейросетевые технологии позволяют работать с большими корпусами данных, выявлять скрытые закономерности и фиксировать сложные контекстуальные зависимости взаимодействия модусных категорий, недоступные при использовании исключительно традиционных подходов к анализу дискурса [8; 10; 14]. При этом задачи автоматической контекстуальной классификации модусных показателей и их сочетаний в пределах одного эвиденциального высказывания до настоящего времени остаются недостаточно изученными.

Среди архитектур, способных эффективно решать задачи подобного типа, особое место занимает модель *BiLSTM* (*Bidirectional Long Short-Term Memory*). Двунаправленная структура данной модели обеспечивает учет контекста как в прямом, так и в обратном направлении, что критически важно для анализа эвиденциальных показателей, семантика которых часто зависит как от предшествующих, так и от последующих элементов высказывания. В отличие от классических рекуррентных сетей, *BiLSTM* сохраняет способность обрабатывать длинные зависимости

без существенной потери информации, что позволяет более точно интерпретировать многослойные модусные структуры и их синергетические сочетания [6]. Это делает модель перспективным инструментом для автоматической контекстуальной классификации эвиденциальности, включая как базовую, так и добавочную эвиденциальную семантику.

Цель настоящего исследования — обоснование эффективности применения модели *BiLSTM* для автоматической контекстуальной классификации показателей эвиденциальности в медиадискурсе с учетом их взаимодействия с маркерами других модусных категорий.

Достижение поставленной цели требует решения следующих задач:

1) выделение модусных категорий, вступающих в синергетическое сцепление с эвиденциальностью, и разработка критериев их классификации;
2) формирование репрезентативного корпуса аннотированных эвиденциальных высказываний из медиадискурса (на материале *British National Corpus* [20]);
3) разработка архитектуры модели *BiLSTM*, адаптированной для анализа медиадискурса;
4) проведение обучения и тестирования модели на аннотированных эвиденциальных высказываниях;
5) анализ результатов классификации, выявление характерных ошибок и ограничений модели.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужила репрезентативная выборка из *British National Corpus* (*BNC*) общим объемом 15 миллионов слов. Из общего массива вручную отбирались 1000 высказываний, характеризующихся эвиденциальной семантикой (ЭВ), представленной как в эксплицитной (например: *I saw / я видел*, *they claim / они утверждают*, *evidently / очевидно*), так и в имплицитной (например: *it might / возможно*, *it seems / кажется*, *one could assume / можно предположить*). Немаловажно, что в рамках настоящего исследования под эвиденциальным высказыванием (ЭВ) понимается дискурсивная единица, в структуре которой обнаруживается модусная (профаза) и диктумная (эпифаза) части. Профаза ЭВ содержит эвиденциальный показатель (оператор), выражающий квалификацию источника информации автором / субъектом коммуникации, а эпифаза уточняет, изменяет или результирует транслируемые сведения. Репрезентативность корпуса обеспечивалась за счет обращения к различным типам (новостной, рекламный, политический) и жанрам (новостные тексты, аналитические статьи, интервью, репортажи и рецензии) медиадискурса, что позволило охватить многообразие форм и способов выражения эвиденциальности в медиатекстах различной направленности.

Каждое ЭВ подвергалось аннотированию по ряду параметров.

1. Наличие эвиденциального оператора — лексической единицы, маркирующей источник, способ получения или степень достоверности транслируемых сведений [1].

2. Тип эвиденциальной семантики — базовая (*Evs: evidentiality — Ev, authorization — A, perception — Ap, personality — Ps, temporality — T*) или добавочная (*approximation — Aprx*, *modality — M*, *negation — D*, *evaluativity — Evl*, *persuasiveness — P*, *emotivity — Emt*, *expressiveness — Ex*) [5].

3. Контекстные границы — фрагмент текста, включающий по пять слов слева и справа от аннотируемого оператора / маркера, что обеспечивало возможность моделирования двусторонних контекстуальных связей.

4. Модусная категория — вручную присвоенная метка одной из двенадцати обозначенных выше категорий.

Для автоматической классификации показателей категории эвиденциальности использовалась двунаправленная рекуррентная нейросетевая модель *BiLSTM* (*Bidirectional Long Short-Term Memory*), дополненная механизмом *attention*. Выбор данной архитектуры был обусловлен ее способностью учитывать контекст как предшествующих, так и последующих элементов ЭВ, а также выделять наиболее информативные сегменты внутри предложения.

Обучение модели осуществлялось на 80% корпуса, в то время как оставшиеся 20% данных использовались для валидации качества классификации. В качестве входных векторных представлений применялись предобученные эмбеддинги *GloVe* размерностью 100. Архитектура включала два *LSTM*-слоя с размером скрытого состояния 256, механизм *attention* типа *dot-product*, оптимизацию с использованием алгоритма *Adam* (скорость обучения — 0.001) и обучение на протяжении 15 эпох. Качество работы модели оценивалось по метрике *Macro F1-score*.

Применение *BiLSTM* с *attention* в ходе проведения исследования обусловлено ее высокой эффективностью при работе с полимодальной эвиденциальной семантикой, включая случаи пересечения семантики различных модусных категорий и выявление имплицитных эвиденциальных смыслов. Подобный подход позволил выявлять латентные синергетические связи между базовой и добавочной эвиденциальной семантикой, а также проводить их контекстуальную классификацию с высокой степенью точности.

Основная часть. В силу того, что различные модусные категории, в том числе категория эвиденциальности, не имеют строго фиксированного набора языковых показателей и зачастую реализуются посредством контекстуально обусловленных лексико-грамматических конструкций, автоматическая классификация модусных маркеров является одной из ключевых и наиболее сложных задач, решаемых в ходе данного исследования. Дополнительную сложность вносит то, что эвиденциальные операторы часто взаимодействуют с показателями других категорий, формируя синергетические модели сцепления, в рамках которых эвиденциальность сочетается с оценочными, персуазивными, модальными, экспрессивными, эмотивными и другими модусными смыслами.

Целью настоящего этапа исследования являлось создание инструмента, способного: (1) распознавать эвиденциальные операторы в ЭВ; (2) определять добавочную эвиденциальную семантику; (3) фиксировать синергетическое сцепление модусных смыслов в пределах одного ЭВ; (4) учитывать двунаправленный контекст и семантические зависимости при автоматической обработке ЭВ.

В качестве инструмента исследования была выбрана *BiLSTM*-модель, адаптированная для последовательной обработки ЭВ и контекстной интерпретации лексем. Решение задачи автоматической контекстуальной классификации показателей эвиденциальности потребовало поэтапного подхода, совмещающего лингвистическую аннотацию и обучение нейросетевой модели.

На первом этапе из корпуса *British National Corpus* (*BNC*) отобраны 1000 ЭВ, содержащих эвиденциальные операторы. При этом выделялись и фиксировались и показатели других модусных категорий, с которыми эвиденциальность вступает в синергетическое взаимодействие. Важно подчеркнуть, что в классификации учитывалась как базовая, так и добавочная эвиденциальная семантика (см. «Материалы

и методы»), что позволило отразить взаимодействие эвиденциальности с другими модусными категориями.

Таким образом, аннотация каждого отдельно взятого ЭВ включала: (1) определение эвиденциального оператора; (2) отнесение эвиденциальной семантики к базовой или добавочной; (3) обозначение синтаксической позиции эвиденциальных операторов; (4) фиксацию сопутствующих модусных смыслов; (5) выделение контекста (±5 слов от маркера). Данный алгоритм анализа обеспечил возможность моделирования двунаправленных контекстных связей для архитектуры используемой *BiLSTM*-модели.

На втором этапе полученные данные подавались в модель BiLSTM с механизмом внимания типа dot-product, архитектура которой учитывала контекст как слева, так и справа от оператора и выделяла наиболее значимые для классификации лексемы в анализируемом ЭВ. Для представления модусных показателей использовались предобученные эмбеддинги *GloVe* размерностью 100, что обеспечило фиксацию семантических зависимостей между различными лексемами.

На заключительном этапе представленная *BiLSTM*-модель обучалась на 80% корпуса *BNC* и тестировалась на 20% эмпирических данных. Качество классификации оценивалось с помощью метрик *Accuracy, Precision, Recall и Macro F1-score*. Дополнительно проводился комбинаторный анализ для выявления устойчивых синергетических моделей сцепления модусных категорий.

Анализ результатов исследования.

1. Количественный анализ. В ходе тестирования *BiLSTM*-модели с механизмом внимания были получены значения *Macro F1-score* для каждой модусной категории. Итоговые показатели, упорядоченные по убыванию, представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Значения Macro F1-score по модусным категориям

Тип семантики	Категория	F1-score	Пример из BNC	Перевод
Базовая	A (авторизация)	0.93	(1) According to the minister, the reforms are necessary.	(1) По словам министра, реформы необходимы.
Базовая	Ap (восприятие)	0.92	(2) I saw him leaving the building.	(2) Я видел, как он выходил из здания.
Базовая	Ps (персональность)	0.91	(3) In my opinion, the plan is unrealistic.	(3) На мой взгляд, план нереалистичен.
Базовая	T (темпоральность)	0.90	(4) Yesterday, the committee approved the proposal.	(4) Вчера комитет одобрил предложение.
Добавочная	M (модальность)	0.88	(5) This may cause significant delays.	(5) Это может вызвать значительные задержки.
Добавочная	P (персуазивность)	0.87	(6) You should support this initiative.	(6) Вам следует поддержать эту инициативу.
Добавочная	Evl (оценочность)	0.86	(7) Everyone noted that it is a remarkable achievement.	(7) Все отметили, что это выдающееся достижение.
Добавочная	Ex (экспрессивность)	0.85	(8) It is noteworthy that the streets were eerily quiet.	(8) Следует отметить, что улицы были зловеще тихими.
Добавочная	Emt (эмотивность)	0.84	(9) I'm so happy you're here!	(9) Я так рад, что ты здесь!
Добавочная	Aprx (аппроксимация)	0.83	(10) The witness reported that it was about five miles from here.	(10) Свидетель сообщил, что это было примерно в пяти милях отсюда.
Добавочная	D (отрицание)	0.82	(11) It was impossible for the meeting to take place.	(11) Проведение встречи было невозможно.

Распределение показателей, представленных в Таблице 1, демонстрирует различие между базовой и добавочной эвиденциальной семантикой. Категории, составляющие базовую семантику *Evs* (*A, Ap, Ps, T*), показали более высокие значения *F1-score* (0.90–0.93), что объясняется их обязательным участием в реализации эвиденциальных смыслов, а также наличием устойчивых лексико-грамматических маркеров. В свою очередь, модусные категории, актуализирующие добавочную эвиденциальную семантику (*Aprx, M, D, Evl, P, Ex, Emt*), продемонстрировали более низкие результаты (0.82–0.88), что связано с их высокой контекстуальной вариативностью и зависимостью от коммуникативной ситуации. Полученные данные также подтверждают валидность предложенной Д.В. Козловским модели взаимодействия модусных категорий [см. 5], описывающей обязательное и возможное взаимопроникновение и взаимодополнение модусных смыслов. Базовая семантика выступает ядром эвиденциальности, фиксируется моделью с высокой точностью, тогда как добавочная требует большего объема данных и дополнительной настройки параметров для повышения качества классификации.

2. Качественный анализ. Наряду с количественной оценкой эффективности модели по метрике *Macro F1-score* (см. Таблицу 1), был проведен качественный анализ представленной классификации, включающий проверку структуры ЭВ (наличие профазы и эпифазы), а также корректности отнесения примеров к соответствующим модусным категориям.

2.1. Успешная классификация.

В ходе проведения анализа было установлено, что *BiLSTM*-модель с высокой степенью точности (98,1 %) распознает базовую эвиденциальную семантику (*Evs*). Подобный результат объясняется тем, что модусные категории *A, Ap, Ps* и *T* характеризуются устойчивыми, формально выраженными лексико-грамматическими маркерами и однозначной структурой профазы и эпифазы. Ограниченный набор структурных вариаций такого рода показателей способствует их уверенной идентификации в контексте медиадискурса. Ниже приведены примеры успешной классификации ЭВ, иллюстрирующие распознавание семантики авторизации (*A*) и восприятия (*Ap*).

• ***A* (авторизация).**

(12) *She stated that the committee had already reached a decision* [20] / *Она заявила, что комитет уже принял решение.*

В профазе ЭВ (1) *she stated* / *она заявила* содержится указание на источник информации, в данном случае — на авторитетное лицо, что придает сообщению дополнительную достоверность. Эпифаза *the committee had already reached a decision* / *комитет уже принял решение* представляет фактическое содержание сообщения, транслируемое посредством субъекта коммуникации. Таким образом, наличие указания на субъект коммуникации, а также эвиденциального оператора явного указания *state* / *заявить* позволило модели выявить в ЭВ (12) семантику авторизации (*A*).

• ***Ap* (восприятие).**

(13) *I noticed the lights were still on in the office* [20] / *Я заметил, что в офисе все еще горел свет.*

Профаза ЭВ (2) *I noticed* / *я заметил* отражает наблюдения говорящего. Эпифаза *the lights were still on in the office* / *в офисе все еще горел свет* передает содержание сообщения, зафиксированное в момент зрительного восприятия событий. Такая структура профазы и эпифазы обусловила выявление в ЭВ (2) семантики восприятия (*Ap*) в дополнение к его базовой эвиденциальной семантике.

• ***Ps*** **(персональность).**

(14) *From my perspective, this approach lacks sufficient flexibility* [20] / *С моей точки зрения, этот подход лишен достаточной гибкости.*

Профаза ЭВ (3) *from my perspective* / *с моей точки зрения* содержит явное указание на личную позицию автора, что отражает семантику модусной категории персональности. Эпифаза *this approach lacks sufficient flexibility* / *этот подход лишен достаточной гибкости* передает фактическую информацию, дополненную субъективной оценкой говорящего. Таким образом, использование эвиденциального оператора выражения мнения *from my perspective* / *с моей точки зрения* позволило *BiLSTM*-модели выявить в ЭВ (14) добавочную семантику персональности (*Ps*).

• ***T (*****темпоральность).**

(15) *Last week, the board approved the merger agreement* [20] / *На прошлой неделе совет директоров одобрил соглашение о слиянии.*

Профаза ЭВ (15) *last week* / *на прошлой неделе* выступает в качестве маркера, фиксирующего временные рамки описываемого события и тем самым актуализирующего семантику темпоральности. Эпифаза *the board approved the merger agreement* / *совет директоров одобрил соглашение о слиянии* представляет основное содержание ЭВ. Четкая временная привязка в профазе позволила выявить в ЭВ (15) семантику темпоральности (*T*).

2.2. Сложности классификации.

Несмотря на высокую общую эффективность *BiLSTM*-модели при выявлении эвиденциальной семантики (средний показатель точности при распознавании добавочных модусных смыслов составляет около 92,7 %), качество классификации снижается в случае категорий *Aprx, M, D, Evl, P, Ex и Emt*. В отличие от модусных категорий, составляющих базовую эвиденциальную семантику и обладающих устойчивыми и относительно однозначными маркерами, категории добавочной эвиденциальной семантики отличаются большей семантической и функциональной вариативностью. Это приводит к пересечению формальных средств их выражения и, как следствие, затрудняет однозначную интерпретацию ЭВ, анализируемых моделью.

Согласно результатам проведенного анализа, наибольшие трудности возникают в случае, когда модусные категории имеют общие лексико-грамматические показатели, что затрудняет однозначное определение доминирующего модусного смысла. Как отмечают современные исследователи [см. 7], границы между отдельными модусными категориями носят подвижный характер и во многом зависят от контекстуальных признаков. Игнорирование данных признаков приводит к тому, что модель нередко «смешивает» модальность, оценочность, эмотивность, экспрессивность и другие категории, обладающие схожими лексико-грамматическими показателями, а также в случаях, когда наблюдается пограничная (интерференционная) семантика.

Процедура валидации и исправления ошибок. Для всех анализируемых ЭВ фиксировались исходные предсказания модели и проводилась их экспертная проверка. Случаи с пересечением модусных смыслов или низкой уверенностью классификации дополнительно анализировались с привлечением ручной разметки, после чего в модель вносились исправления. Исправленные ЭВ включались в обновленную версию эталонного корпуса («золотой стандарт»), используемую для последующего анализа и систематизации ошибок. Ниже приведены примеры из корпуса *BNC*, иллюстрирующие наиболее характерные случаи таких исправлений.

• ***Emt*** **(эмотивность) ↔** ***Ex*** **(экспрессивность).**

(16) *She cried out in sheer joy when she saw the results* [20] / *Она вскрикнула от радости, когда увидела результаты.*

Эпифаза ЭВ (16) *cried out in sheer joy* / *вскрикнула от радости* включает эмотивный маркер *joy / радость*, усиливаемый экспрессивным показателем *cry out* / *вскрикнуть*, который придает высказыванию образность и интенсивность. Профаза *when she saw the results / когда увидела результаты* содержит эвиденциальный оператор чувственного восприятия *see / видеть* представляет ситуацию, вызвавшую эмоциональную реакцию субъекта коммуникации. Изначально модель **выявила в ЭВ (16) семантику** ***Ex***; после экспертной проверки метка была **исправлена на** ***Emt***, поскольку эмотивный компонент является доминирующим, в то время как экспрессивный глагольный маркер лишь усиливает эмоциональную окраску высказывания.

• ***M*** **(модальность) ↔** ***Evl*** **(оценочность).**

(17) *It must be a correct solution to the problem* [20] / *Это, должно быть, правильное решение проблемы.*

Профаза ЭВ (17) *It must be* / *это должно быть* указывает на высокую степень уверенности говорящего в правильности предлагаемого решения, тогда как эпифаза *the correct solution to the problem* / *правильное решение проблемы* содержит нейтральную характеристику, которую модель ошибочно восприняла как оценочную. После экспертной проверки метка была скорректирована на *M*, **поскольку преобладающей в анализируемом ЭВ является модальная семантика**.

• ***Aprx*** **(аппроксимация) ↔** ***M*** **(модальность).**

(18) *It will be almost impossible to finish on time* [20] / *Закончить вовремя будет практически невозможно.*

Профаза ЭВ (18) *It will be almost impossible* / *будет практически невозможно* включает аппроксиматор *almost* / *практически*, смягчающий категоричность утверждения говорящего, выраженную посредством эвиденциального оператора уверенности в знании *impossible* / *невозможно*. Эпифаза *to finish on time* / *закончить вовремя* описывает действие. Модель выявила в высказывании модальную семантику (*M*); после экспертной проверки метка была скорректирована на *Aprx*, поскольку ЭВ (18) передает приблизительный характер утверждения говорящего.

• ***P*** **(персуазивность) ↔** ***Evl*** **(оценочность).**

(19) *I urge you to follow these instructions* [20] / *Я настоятельно рекомендую вам следовать данным инструкциям.*

Профаза ЭВ (19) *I urge you* / *я настоятельно рекомендую вам* содержит персуазивный маркер *urge / настоятельно рекомендовать*, отражающий стремление говорящего побудить адресата к определенному действию. Эпифаза *to follow these instructions* / *следовать этим инструкциям* содержит нейтральное по тональности указание, которое модель ошибочно восприняла как оценочное. После экспертной проверки метка была скорректирована на *P*, поскольку ЭВ (19) выражает персуазивное воздействие, а не оценку.

• **D (отрицание) ↔ Emt (эмотивность).**

(20*) I can't believe how wonderful this day has been* [20] / *Не могу поверить, каким чудесным был этот день.*

Профаза ЭВ (20) *I can't believe / не могу поверить* содержит эвиденциальный оператор отрицания *can't*, выражающий невозможность принять факт как реальный. Эпифаза *how wonderful this day has been / каким чудесным был этот день* описывает событие с использованием лексемы *wonderful / чудесный*, которая в данном контексте

может восприниматься как маркер, передающий эмоции говорящего. В связи с этим изначально модель ошибочно классифицировала данное ЭВ как *Emt*; после экспертной проверки метка была **исправлена на *D.***

Заключение. Исследование продемонстрировало высокую эффективность применения архитектуры *BiLSTM* для автоматической контекстуальной классификации операторов категории эвиденциальности в медиадискурсе. В ходе работы были определены модусные категории, вступающие во взаимодействие с эвиденциальностью, сформулированы критерии их классификации, что обеспечило надежную теоретическую основу для дальнейшей автоматизированной обработки эмпирических данных.

Аннотированная выборка эвиденциальных высказываний (ЭВ) из *British National Corpus* позволила отразить типологическое, жанровое и тематическое разнообразие медиадискурса, зафиксировать как эксплицитные, так и имплицитные способы выражения эвиденциальности, а также предоставить качественные контекстуальные данные для обучения модели. Для обработки примеров применялась адаптированная архитектура *BiLSTM* с интегрированным механизмом внимания, что позволило учитывать двунаправленный контекст и выделять наиболее информативные элементы профазы и эпифазы ЭВ.

Обучение и тестирование модели подтвердило ее высокую результативность в распознавании базовой эвиденциальной семантики, в то время как более низкие показатели при классификации добавочной эвиденциальной семантики обозначили направления, требующие дальнейшей доработки. Проведенный анализ ошибок модели показал, что наибольшие трудности возникают из-за пересечения модусных смыслов и семантической близости лексико-грамматических маркеров различных категорий. Экспертная валидация и корректировка эталонной разметки способствовали систематизации типовых ошибок и выявлению путей повышения качества классификации. Полученные результаты исследования подтверждают, что архитектура *BiLSTM* с механизмом внимания является действенным инструментом выявления сложных модусных взаимодействий и может применяться в задачах автоматической обработки медиадискурса.

Перспективы дальнейших исследований включают: (1) расширение исследовательского корпуса за счет многоязычных и мультимодальных данных; (2) внедрение в архитектуру *BiLSTM*-модели современных трансформерных решений для более глубокого контекстного анализа; (3) разработку гибридных методик, сочетающих статистические, нейросетевые и лингвистические подходы к анализу медиадискурса. Отдельное направление работы связано с адаптацией предложенной модели для автоматической оценки достоверности информации и выявления манипулятивных стратегий, что позволит значительно расширить прикладной потенциал технологии в сфере лингвистической экспертизы и медиамониторинга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике (Principles of discourse formation: From psycholinguistics to linguosynergetics) / В.Г. Борботько. — М.: Книжный дом «Либроком», 2011. — 288 с.
2. Иванова С.В. Эвиденциальность и эпистемическая модальность: сопряжение на уровне семантики слова / С.В. Иванова, Г.Ш. Хакимова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2024. — Т. 21, № 4. — С. 802–824. — http://doi.org/10.21638/spbu09.2024.403.
3. Кобрина О.А. Модусная составляющая лингво-коммуникативной категории / О.А. Кобрина // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: Сборник материалов Второй всероссийской конференции с международным участием, Нижний Новгород, 21–22 мая 2021 года. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2021. — С. 50–56.

4. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) / Н.А. Козинцева // Вопросы языкознания. — 1994. — № 3. — С. 92–104.
5. Козловский Д.В. Реализация категории эвиденциальность в дискурсивном пространстве массмедиа: лингвосинергетический аспект / Д.В. Козловский. — Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2023. — 184 с.
6. Кузнецов Р.С. Прогнозирование биржевых котировок Amazon Inc. С использованием BILSTM-Attention нейронной сети / Р.С. Кузнецов // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2023. — № 10-2(104). — С. 19–23. — http://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-10-2-19-23.
7. Нагорный И.А. Контекст как способ экспликации квалификативных модусных категорий / И.А. Нагорный, Е.И. Ивницкий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2020. — №3. — С. 15–23. — http://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-3-15-23
8. Петрова И.М. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях: Учебное пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика» / И. М. Петрова, А.М. Иванова, В.В. Никитина; Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2022. — 259 с.
9. Плунгян В.А. Что такое грамматические категории? // ПостНаукаTV, 2012 [Электронный ресурс] / В.А. Плунгян. — Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=HGSVYt8UpYc (дата обращения: 26.12.2024).
10. Тивьяева И.В. Моделирование когнитивных процессов на основе корпусных данных / И.В. Тивьяева // Когнитивные исследования языка. — 2024. — № 1-1 (57). — С. 298–301.
11. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / сост. О.Г. Ревзина. М.: Наука, 1972. — С. 95–113.
12. Aikhenvald A.Y. The grammaticalization of evidentiality / A.Y. Aikhenvald // The Oxford handbook of grammaticalization. — Oxford: Oxford University Press, 2021. — Pp. 605–606.
13. Bergqvist H. The role of pragmatics in the definition of evidentiality / H. Bergqvist, K. Grzech. — 2023. — No 76 (1). — Pp. 1–30. — http://doi.org/10.1515/stuf-2023-2004.
14. Burnashev R.F. The role of neural networks in linguistic research / R.F. Burnashev, A.S. Alamova // Science & Education. — 2023. — Vol. 4, No. 3. — Pp. 558–569.
15. Feng Z. Deep evidential learning in diffusion convolutional recurrent neural network / Z. Feng, K. Qi, B. Shi, H. Mei, Q. Zheng, H. Wei // Electronic Research Archive, 2023. — Vol. 31, Issue 4. — Pp. 2252–2264.
16. Hu Y. Uncertainty-Aware Reliable Text Classification / U. Hu., L. Khan // KDD '21: Proceedings of the 27th ACM SIGKDD Conference on Knowledge Discovery & Data Mining. — 2021. — Pp. 1–9. — http://doi.org/10.48550/arXiv.2107.07114.
17. Mushin I. Making knowledge visible in discourse: Implications for the study of linguistic evidentiality Discourse Studies / I. Mushin. // Special Issue on Epistemic Discourse Analysis– 2013. — Vol. 15, No. 5. — Pp. 627–645.
18. Soleimany A.P. Evidential Deep Learning for Guided Molecular Property Prediction and Discovery / A.P. Soleimany, A. Amini, S. Goldman, D. Rus, S.N. Bhatia, C.W. Coley. — ACS Cent. Sci. — 2021. No 7 (8). — Pp. 1356–1367. — http://doi.org/10.1021/acscentsci.1c00546.
19. Suleimanova O.A. The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science / O.A. Suleimanova, I.A. Guseinova, A.A. Vodyanitskaya // Society. Integration. Education: Proceedings of the International Scientific Conference, Rēzekne, 22–23 мая 2020 года. Vol. 4. — Rēzekne: Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija, 2020. — Pp. 657–669. — http://doi.org/10.17770/sie2020vol4.4851.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

20. BNC — British National Corpus [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения: 20.05.2025).

REFERENCES

1. Borbotko V.G. (2011). *Printsipy formirovaniia diskursa: ot psikholingvistiki k lingvosinergetike* [Principles of discourse formation: From psycholinguistics to linguosynergetics]. Moscow: Knizhnyi dom "Librokom". (In Russian)
2. Ivanova S.V. & Khakimova G.S. (2024). Evidentsial'nost' i epistemicheskaia modal'nost': sopriazhenie na urovne semantiki slova [Evidentiality and epistemic modality: Interconnection at the level of word semantics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura*, 21(4), 802–824. http://doi.org/10.21638/spbu09.2024.403 (In Russian)

3. Kobrina O.A. (2021). Modusnaia sostavliaiushchaia lingvo-kommunikativnoi kategorii [The modus component of the linguo-communicative category]. In *Aktual'nye problemy filologii i lingvodidaktiki: Sbornik materialov Vtoroi vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* (pp. 50–56). Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet im. N. A. Dobroliubova. (In Russian)
4. Kozintseva N.A. (1994). Kategoriia evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) [The category of evidentiality (problems of typological analysis)]. *Voprosy iazykoznaniia*, (3), 92–104. (In Russian)
5. Kozlovskii D.V. (2023). *Realizatsiia kategorii evidentsial'nosti v diskursivnom prostranstve massmedia: lingvosinergeticheskii aspekt* [The realization of the category of evidentiality in the discursive space of mass media: The linguosynergetic aspect]. Saratov: OOO "Amirit". (In Russian)
6. Kuznetsov R.S. (2023). Prognozirovanie birzhevykh kotirovok Amazon Inc. s ispol'zovaniem BILSTM-Attention neironnoi seti [Forecasting Amazon Inc. stock quotes using a BiLSTM-Attention neural network]. *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika*, 10-2(104), 19–23. http://doi.org/10.24412/2411-0450-2023-10-2-19-23 (In Russian)
7. Nagornyi I.A. & Ivnitskii E.I. (2020). Kontekst kak sposob eksplikatsii kvalifikativnykh modusnykh kategorii [Context as a means of explicating qualificative modus categories]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriia: Russkaia filologiia*, (3), 15–23. http://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-3-15-23 (In Russian)
8. Petrova I.M., Ivanova A.M. & Nikitina, V.V. (2022). *Sovremennye tsifrovye tekhnologii v lingvisticheskikh issledovaniiakh: Uchebnoe posobie dlia obuchaiushchikhsia po napravleniiu "Lingvistika"* [Modern digital technologies in linguistic research: A textbook for students in the field of "Linguistics"]. Moscow: OOO "Iazyki narodov mira". (In Russian)
9. Plungian V.A. (2012). Chto takoe grammaticheskie kategorii? [What are grammatical categories?]. *PostNauka TV.* Retrieved from http://www.youtube.com/watch?v=HGSVYt8UpYc (In Russian)
10. Tiviaeva I.V. (2024). Modelirovanie kognitivnykh protsessov na osnove korpusnykh dannykh [Modeling cognitive processes based on corpus data]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 1-1(57), 298–301. (In Russian)
11. Jakobson R.O. (1972). Shiftery, glagol'nye kategorii i russkii glagol [Shifters, verbal categories, and the Russian verb]. In O.G. Revzina (Ed.), *Printsipy tipologicheskogo analiza iazykov razlichnogo stroia* [Principles of typological analysis of languages of various structures] (pp. 95–113). Moscow: Nauka. (In Russian).
12. Aikhenvald A.Y. (2021). The grammaticalization of evidentiality. In *The Oxford handbook of grammaticalization* (pp. 605–606). Oxford: Oxford University Press. (In English).
13. Bergqvist H. & Grzech K. (2023). The role of pragmatics in the definition of evidentiality. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 76(1), 1–30. http://doi.org/10.1515/stuf-2023-2004 (In English).
14. Burnashev R.F. & Alamova A.S. (2023). The role of neural networks in linguistic research. *Science & Education*, 4(3), 558–569. (In English).
15. Feng Z., Qi K., Shi B., Mei H., Zheng Q. & Wei H. (2023). Deep evidential learning in diffusion convolutional recurrent neural network. *Electronic Research Archive*, 31(4), 2252–2264. (In English).
16. Hu Y. & Khan L. (2021). Uncertainty-aware reliable text classification. In *KDD '21: Proceedings of the 27th ACM SIGKDD Conference on Knowledge Discovery & Data Mining* (pp. 1–9). http://doi.org/10.48550/arXiv.2107.07114 (In English).
17. Mushin I. (2013). Making knowledge visible in discourse: Implications for the study of linguistic evidentiality. *Discourse Studies*, 15(5), 627–645. (In English).
18. Soleimany A.P., Amini A., Goldman S., Rus D., Bhatia S.N. & Coley C.W. (2021). Evidential deep learning for guided molecular property prediction and discovery. *ACS Central Science*, 7(8), 1356–1367. http://doi.org/10.1021/acscentsci.1c00546 (In English).
19. Suleimanova O.A., Guseinova I.A. & Vodyanitskaya A.A. (2020). The learning and educational potential of digital tools in humanities and social science. In *Society. Integration. Education: Proceedings of the International Scientific Conference, Rēzekne, May 22–23, 2020* (Vol. 4, pp. 657–669). Rēzekne: Rēzeknes Tehnoloģiju akadēmija. http://doi.org/10.17770/sie2020vol4.4851 (In English).

Поступила в редакцию 15.08.2025 г

CONTEXTUAL CLASSIFICATION OF INDICATORS OF THE MODUS CATEGORY OF EVIDENTIALITY IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

D.V. Kozlovskii

The article explores the application of a BiLSTM (Bidirectional Long Short-Term Memory) model for automatic contextual classification of modus indicators related to the category of evidentiality in media discourse.

Conducted within the framework of the linguosynergetic paradigm, the study focuses on identifying the specific patterns of activation of both basic (evidentiality, authorization, perception, personal reference, temporality) and extended (approximation, modality, negation, evaluativity, persuasiveness, emotivity, expressiveness) evidential semantics. The material for analysis was an annotated sample of evidential utterances (EUs) extracted from the British National Corpus (BNC). The results demonstrate a high level of accuracy in recognizing polymodal meanings, as well as the model's ability to detect latent synergistic patterns of categorical clustering. The analysis revealed typical errors in automatic classification and identified directions for further optimization of the model for processing texts of various genres. The study emphasizes the significance of the proposed model as an interpretative tool in linguistic expertise and media discourse analysis.

Keywords: evidentiality, modus categories, BiLSTM-model, neural network methods, media discourse, polymodal semantics, automatic classification, linguistic expertise.

Козловский Дмитрий Валентинович.
Доктор филологических наук, доцент.
Московский городской педагогический университет, Российская Федерация, г. Москва.
Профессор кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков.
ORCID: 0000-0002-1413-8882.
E-mail: kozlovskydv@yandex.ru.

Kozlovskii Dmitrii Valentinovich.
Doctor of Philology, Associate Professor.
Moscow City Pedagogical University, Russian Federation, Moscow.
Professor of Department of Linguistics and Translation Studies, Institute of Foreign Languages.
ORCID: 0000-0002-1413-8882.
E-mail: kozlovskydv@yandex.ru.

Научная статья
УДК 811.1
DOI: 10.5281/zenodo.18094328

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА СТИХОВ ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ «ÉMAUX ET CAMÉES»)

© 2025 ***С.М. Кравцов, М.С. Манько***
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»
ORCID[1] 0000-0002-6804-1197
ORCID[2] 0009-0009-5656-7800

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье исследуется механизм создания женского образа через призму стилистических средств, таких как тропы и фигуры речи, на материале сборника стихов «Émaux et Camées» французского писателя романтической школы Теофиля Готье. На примерах многочисленных контекстов с помощью метода контекстного анализа и метода описания выявлены тропы и фигуры речи, определена их типология. Среди тропов выделены *эпитет, метафора, сравнение, метонимия, среди фигур речи – аллюзия, антитеза, повторение.* Дан их функциональный анализ, установлены случаи их отдельного применения в поэтическом тексте, а также в сочетании с другими тропами и фигурами речи. Применение метода статистического анализа позволило определить степень продуктивности стилистических средств в процессе создания женского образа.

Ключевые слова: стилистические средства, троп, фигура речи, эпитет. метафора, сравнение, метонимия, аллюзия, антитеза. повторение.

Для цитирования: Кравцов С.М. Стилистические средства создания женского образа в поэтическом тексте (на материале сборника стихов Теофиля Готье «Émaux et Camées») / С.М. Кравцов, М.С. Манько // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 52–61. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18094328.

Введение. В процессе эволюции человеческого общества женский образ занял важное место в мировой художественной литературе, характеризуясь одновременно своеобразием и многообразием средств его создания, в результате чего он привлекает пристальное внимание исследователей не только в области литературы, но и в области языка. Одним из авторов, в художественном наследии которого существует немало ярких женских образов, является известный французский писатель романтической школы Теофиль Готье (1811–1872). Его художественные произведения, в частности поэтические, представляют значительный интерес сквозь призму довольно широкого круга исследовательских проблем, в том числе сквозь призму проблемы создания женского образа.

Творчеству Т. Готье посвящены труды многих отечественных и зарубежных ученых, таких как С.Г. Горбовская, Т.В. Данилович, Е.В. Сашина, О.С. Павлова, E. Anastasaki, F. Court-Perez, A. Montandon и др. Тем не менее в их работах женский образ не является объектом исследования с учетом лингвистического инструментария его формирования в поэтических произведениях Т. Готье. Так, С.Г. Горбовская изучает флорообразы в поэзии Т. Готье [2], Т.В. Данилович рассматривает его искусство в целом [3], Е.В. Сашина – концепцию символа в его творчестве [5], О.С. Павлова – концепцию

античности в поэзии Т. Готье [4], E. Anastasaki – материальное и индивидуальное, функции различных предметов в его произведениях [7], стратегии создания личности поэта в его поэзии [6], F. Court-Perez – романтизм Т. Готье, отличающийся ироническим колоритом [9], эволюцию понятия смерти в его творчестве [8], A. Montandon – социопоэтику Т. Готье в аспекте хронотопа [10], а также творчество Т. Готье в соотношении со Второй Империей [11].

Недостаточность разработанности проблемы создания женского образа с помощью стилистических средств в поэзии Т. Готье в совокупности с необходимостью и важностью ее изучения для развития теоретической и прикладной лингвистики определяет актуальность данного исследования. Его цель заключается в выявлении и анализе стилистических средств, использующихся при создании женского образа в поэтических произведениях, в частности в сборнике стихов Т. Готье «Émaux et Camées» («Эмали и камеи»). Согласно заявленной цели поставлены задачи: определить понятие стилистических средств; установить типологию стилистических средств, применяющихся в сборнике стихов Т. Готье «Émaux et Camées»; проанализировать эти средства в отобранных нами контекстах с точки зрения их роли при формировании женского образа; определить степень продуктивности стилистических средств в процессе создания женского образа. Сформулированные цель и задачи предполагают перспективу рассмотрения художественного воплощения женского образа в единстве формы и содержания. Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые изучается механизм создания женского образа через призму стилистических средств в сборнике стихов Теофиля Готье «Émaux et Camées», впервые представлены на данном материале их типология и функциональная характеристика.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования служат стихотворения из популярного сборника стихов Т. Готье «Émaux et Camées», представленные в статье в виде небольших по объему контекстов, в которых содержится женский образ, созданный с помощью стилистических средств, таких как тропы и фигуры речи. Общая база материалов исследования включает 52 контекста. Для верификации семантики стилистических средств при их переводе в каждом контексте использовался толковый словарь французского языка «Dictionnaire Le Robert micro». Заявленные выше задачи исследования обусловили применение метода описания, позволяющего классифицировать и охарактеризовать стилистические средства, использующиеся при создании женского образа; метода анализа словарных дефиниций для верификации узуального значения языковых единиц; метода контекстного анализа для идентификации семантики языковых единиц в поэтическом тексте; метода статистического анализа, дающего возможность произвести количественную обработку полученных результатов.

Основная часть. Несмотря на отсутствие единства в интерпретации стилистических средств в современной лингвистике, в статье, вслед за В.В. Виноградовым, они понимаются как языковые единицы, тропы, а также как фигуры речи, стилистические приемы, речевые стратегии и тактики, используемые при выражении стиля [1]. Поскольку стилистические средства, как следует из данной трактовки, весьма разнообразны, в статье рассматриваются среди них только тропы и фигуры речи, которые являются весьма продуктивными в процессе создания женского образа в поэтических текстах Т. Готье, принадлежащих к художественному стилю. Прежде всего уточним их дефиницию. Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю», тропы служат понятием поэтики и стилистики,

обозначают обороты, основанные на употреблении слова или сочетания слов в переносном значении, и используются для усиления изобразительности и выразительности речи [13, с. 520]. В соответствии с приведенной дефиницией троп представляет собой словесное выражение, т.е. языковой знак, обладающий определенным значением. К тропам, таким образом, относятся метафора, метонимия, эпитет, сравнение, гипербола, литота, оксюморон, перифраза и т.п.

В отличие от тропов фигуры речи не имеют точного и общепринятого определения в языкознании. Тем не менее в лингвистической теории текста фигуры речи могут пониматься как любая практическая реализация в речи предусмотренного языком набора элементарных синтаксических типов, образующего парадигму, особенно если эта реализация принимает вид, отличающийся от признанного стандартным [13, с. 542–543]. Следовательно, к фигурам речи относятся не языковые единицы, а способы, приемы их реализации в речи, прежде всего нестандартные, такие как мена порядка слов, ирония, повторение, аллюзия, антитеза, парцелляция, эллипсис и т.п.

Начнем исследование стилистических средств создания женского образа в поэтическом тексте Т. Готье с **тропов** в порядке от наиболее до наименее распространенного.

Эпитет (40%). Многочисленность эпитетов в сборнике стихов «Émaux et Camées» обусловливается тем, что, являясь образными, художественными определениями, они позволили автору экспрессивно передать необходимые качества, свойства, которыми обладает его героиня. Приведем пример из стихотворения «Le poème de la femme» («Поэма женщины»):

Ensuite, en sa verve d'artiste,
Laissant tomber l'épais velours,
Dans un nuage de batiste
Elle ébaucha ses ***fiers*** *contours* [15]

(Затем с воодушевлением артистки при опускающемся густом велюре она в батистовом облаке появилась со своим **гордым** силуэтом) [14] (Здесь и далее перевод наш). В данном контексте эпитет *fier* (гордый) помогает автору создать образ стройной, благородной женщины, стоящей выше повседневности.

Рассмотрим контекст из стихотворения «Clair de lune sentimental» («Сентиментальный свет луны»):

Au loin, dans la brume sonore,
Comme un rêve presque effacé,
J'ai revu, ***pâle*** *et* ***triste*** *encore,*
Mon vieil amour de l'an passé [15]

(Вдали, в звонком тумане, как почти забытый сон, я вновь увидел свою еще **бледную** и **грустную** старую прошлогоднюю любовь) [14]. Здесь посредством эпитетов *pâle* и *triste* поэт описывает бледность и грусть бывшей возлюбленной лирического героя, с которой он расстался в прошлом году.

Проанализируем пример из стихотворения «Diamant du cœur» («Алмаз сердца»):

Mais je garde, empreinte ***adorée****,*
Une larme sur un papier:
Pure *rosée,* ***unique*** *goutte*
D'un ciel d'azur tombée un jour [15]

(Но я храню, **обожаемый** след, слезу на бумаге, **чистую** росу, **единственную** каплю, упавшую однажды с лазурного неба) [14]. В приведенном контексте использование эпитетов *adoré* (обожаемый)*, pure* (чистый) и *unique* (единственный) позволяет предположить, что героиня, оставившая слезу на листе с посвященным ей стихотворением, – чистая, открытая женщина, единственная любовь героя, которую он бережно хранит. Эпитеты подчеркивают искренность чувств, которые переживала женщина.

Метафора (25%). Частотность метафоры в стихах Т. Готье определяется тем, что она представляет собой оборот речи, употребляющийся в переносном значении на основе сходства, сравнения разных одушевленных и неодушевленных объектов окружающего мира. Это позволяет поэту сравнивать женщину с реалиями как живой, так и неживой природы, например, в стихотворении «Symphonie en blanc majeur» («Мажорно-белая симфония»):

De leur col blanc courbant les lignes
On voit dans les contes du Nord,
*Sur le vieux Rhin, des femmes****-cygnes***
Nager en chantant près du bord [15]

(Мы видим в северных сказках о их белом воротнике с изогнутыми линиями плавающих на старом Рейне женщин-**лебедей,** поющих возле берега) [14]. Здесь создается образ грациозных, изящных женщин с помощью метафоры, основанной на их сравнении с лебедями, отличающимися своей длинной, красиво изогнутой шеей.

Рассмотрим контекст из стихотворения «Cærulei oculi»:

Ses yeux, où le ciel se reflète,
Mêlent à leur azur amer,
Qu'étoile une humide paillette,
Les teintes glauques de ***la mer*** [15]

(Ее глаза, в которых отражается небо, соединяются своей горькой лазурью, подобно влажной звезде, с сине-зеленым цветом **моря**) [14]. В данном случае образ женщины основан на описании красоты ее глаз, сине-зеленый цвет которых сравнивается с лазурным цветом моря. Отметим, что, кроме метафоры *моря*, при создании образа используется эпитет *amer* (горький), что позволило автору сделать акцент на грусти в красивых глазах женщины.

Сравнение (22%). Сравнение, как и метафора, дает возможность поэту прибегнуть к образному уподоблению женщины объектам живой или неживой природы. Приведем еще пример из стихотворения «Cærulei oculi»:

Un pouvoir magique m'entraîne
Vers l'abîme de ce regard,
Comme au sein des eaux la sirène
Attirait Harald Harfagar [15]

(Магическая сила влечет меня к бездне этого взгляда, **как в пучине вод сирена притягивала к себе Харальда Харфагара**) [14]. В основе образа женщины лежит описание ее чарующих бездонных глаз, отличающихся большой силой притяжения, сравнимой с силой, с которой сирена в пучине вод завлекала своим сладкогласным пением Харальда Харфагара. Глубина глаз героини передается благодаря

использованию, помимо сравнения, метафоры *l'abîme* (бездна), что помогает автору достичь разносторонности и большей точности ее образа.

Рассмотрим контекст из стихотворения Т. Готье «À la Petra Camara» («Петра Камара»):

Ses cils palpitent sur ses joues
Comme des ailes d'oiseau noir
Et sa bouche arquée a des moues
À mettre un saint au désespoir [15]

(Ее ресницы трепещут на щеках, **как крылья черной птицы**, а ее дугообразный рот выражает гримасу, как будто святого лишили бы небесных благ) [14]. Здесь внешний образ женщины передается посредством описания ее ресниц, которые благодаря их сравнению с крылом черной птицы представляются не только черными, но и длинными подобно ее крылу. С помощью комбинации сравнения с эпитетом *arqué* (дугообразный) поэт дополняет образ героини описанием необычной, красивой формы ее рта.

Многогранность и полнота женского образа передаются посредством реализации сравнения в сочетании с эпитетом и метафорой, например, в стихотворении «La nue» («Облако»):

À l'horizon monte une nue,
Sculptant sa forme dans l'azur:
On dirait une vierge nue
Émergeant d'un lac au flot pur.
Debout dans sa conque nacrée,
Elle vogue sur le bleu clair,
Comme une Aphrodite éthérée*,*
Faite de ***l'écume*** *de l'air* [15]

(На горизонте поднимается облако в форме лазурной скульптуры: можно подумать, что **это обнаженная дева**. Возвышающаяся над чистым озером в перламутровой раковине она плывет по светлой голубой воде, **как небесная Афродита**, созданная из воздушной **пены**) [14]. В данном контексте сравнение женщины с обнаженной девой и с Афродитой – богиней любви и красоты в древнегреческой мифологии, представленной с помощью эпитета как небесное творение, ассоциирующееся посредством метафоры с воздушной пеной, позволило создать образ не только красивой, но и возвышенной, легкой, грациозной женщины.

Метонимия (**13%**). Метонимия, будучи тропом, состоящим в замене одного слова другим, смежным по значению, и не предполагающим сравнения человека с какой-либо реалией универсума, нечасто встречается в сборнике стихов «Émaux et Camées». Рассмотрим контекст из поэтического произведения «La Fellah» («Феллашка»):

Ces yeux *qui sont tout un poème*
De langueur et de volupté
Disent, résolvant le problème:
«Sois l'amour, je suis la beauté.» [15]

(**Эти глаза** — целая поэма о слабости и сладострастии. Решая проблему, они говорят: «Будь любовью, я красота») [14]. В данном случае благодаря переносу значения по смежности образ слабой и в то же время наполненной сладострастным чувством женщины (целое), способной угадывать и подсказывать пути решения проблем, передается благодаря номинации и описания ее глаз (часть).

Перейдем к исследованию стилистических средств создания женского образа в поэтическом тексте Т. Готье, являющихся **фигурами речи**, также в порядке от наиболее до наименее распространенного.

Аллюзия (39%). Аллюзия интерпретируется как соотнесение описываемого или происходящего в действительности с устойчивым понятием или словосочетанием литературного, исторического, мифологического и т.п. характера [12, с. 55]. Возможность соотносить своих героинь при создании их образа с известными женскими персонажами, наделенными незаурядными качествами, обусловливает преобладание аллюзии над другими фигурами речи в сборнике стихов «Émaux et Camées».

Рассмотрим контекст из стихотворения «Sur les lagunes» («В лагунах»):

Sur une gamme chromatique,
Le sein de perles ruisselant,
***La Vénus** de l'Adriatique*
Sort de l'eau son corps rose et blanc [15]

(На хроматической гамме, в струящейся жемчужной пучине, **Венера** Адриатическая обнажает в воде свое бело-розовое тело) [14]. В контексте представлен образ женщины, обладающей красивым бело-розовым телом, напоминающим тело Венеры — богини любви и красоты в древнеримской мифологии.

Приведем пример из стихотворения «Le Château du Souvenir» («Дворец воспоминаний»), где также упоминается Венера:

Sa bouche humide et sensuelle
Semble rouge du sang des cœurs,
Et, pleins de volupté cruelle,
Ses yeux ont des défis vainqueurs.
Ici, plus de grâce touchante,
Mais un attrait vertigineux.
*On dirait **la Vénus** méchante*
Qui préside aux amours haineux [15]

(Ее влажный и чувственный рот кажется красным от крови сердец, и ее глаза, преисполненные жестокого сладострастия, бросают победный вызов. Здесь больше трогательной грации и головокружительного очарования. Она схожа со злой **Венерой**, которая руководит злыми любовными связями) [14]. Здесь поэт изображает свою героиню грациозной, очаровательной наподобие Венеры и в то же время злой, поскольку любовь к ней причиняет сильную неприятность, боль. Противоречивость образа героини, обладающей контрастными качествами, акцентируется благодаря использованию в комбинации с аллюзией двух пар синонимичных эпитетов *sensuel* (чувственный), *touchant* (трогательный) и *cruel* (жестокий), *méchant* (злой), являющихся по отношению друг к другу антонимичными.

Аллюзия может быть основана на соотнесении автором его героини с прототипом, весьма далеким от эталона красоты. Рассмотрим пример из стихотворения «Contralto» («Контральто»):

***Chimère** ardente, effort suprême*
De l'art et de la volupté,
Monstre charmant, comme je t'aime
Avec ta multiple beauté! [15]

(Пылкая **Химера**, последнее усилие искусства и сладострастия, очаровательное чудовище, как же я люблю тебя с твоей разнообразной красотой!) [14]. В этом контексте присутствует образ страстной и очень красивой женщины, ассоциирующейся в представлении автора с Химерой — существом из древнегреческой мифологии, представляющим собой чудовище с огнедышащей львиной пастью, хвостом дракона и туловищем козы [12, с. 857]. Необычность образа женщины состоит в том, что ее красота воспринимается автором через призму чудовища, являющегося устрашающим, уродливым существом. Аллюзия обусловлена тем, что, по мнению поэта, красота разнообразна и ею может обладать пылкая, страстная, горячая женщина, что соотносится с огнедышащей пастью Химеры. В данном контексте аллюзия также сочетается с эпитетами, такими как *ardent* (пылкий), *charmant* (очаровательный), что позволяет автору создать противоречивый образ женщины, отличающейся контрастными качествами.

Антитеза (35%). Антитеза трактуется как фигура речи, основанная на сопоставлении слов или сочетаний слов, резко различных или противоположных по смыслу, на резком противопоставлении, противоположности образов и понятий [12, с. 74]. Свойство антитезы помогает автору поэтического текста создать образ определенной женщины в сопоставлении ее с другой.

Рассмотрим контекст из стихотворения «Rondalla» («Рондалла»):

***Enfant** aux airs **d'impératrice**,*
***Colombe** aux regards **de faucon**,*
Tu me hais, mais c'est mon caprice,
De me planter sous ton balcon [15]

(**Ребенок** с видом **императрицы**, **голубь** с взглядом **сокола**, ты меня ненавидишь, но это мой каприз стоять под твоим балконом) [14]. Здесь создан образ девочки, внешне похожей на императрицу, но противопоставляющейся ей по возрасту и статусу. Образ девочки дополняется благодаря ее метафорическому сравнению с голубем, символизирующим мир и спокойствие, и соколом, являющимся хищной птицей. Образы мирного голубя и хищного сокола формируют антитезу и позволяют автору представить амбициозную девочку, обладающую спокойствием и хищным взглядом. Как видно, здесь женский образ создается в сочетании антитезы с метафорой, что делает его более полным.

Повторение (26%). Такая фигура речи, как повторение, дает автору возможность выделить наиболее важные детали женского образа путем неоднократного употребления в контексте некоторых из его компонентов. Рассмотрим пример из стихотворения «Symphonie en blanc majeur» («Мажорно-белая симфония»):

Sous la glace où calme il repose,
***Oh! qui pourra** fondre ce cœur!*
***Oh! qui pourra** mettre un ton rose*
Dans cette implacable blancheur! [15]

(Подо льдом покоится безмолвие. **О! кто сможет** растопить это сердце! **О! кто сможет** придать розовый тон в этой неумолимой белизне!) [14]. Автор с помощью повтора междометия, подлежащего и сказуемого в восклицании лирического героя обращает внимание на непреклонность холодной женщины с ледяным сердцем, которое пока никто не может растопить. Отметим, что повторение здесь также применяется в

комбинации с метафорой (*fondre ce cœur* — растопить это сердце), что придает разносторонность женскому образу.

Приведем еще пример из стихотворения «Le poème de la femme» («Поэма женщины»):

Un jour, au doux rêveur qui l'aime,
En train de montrer ses trésors
Elle voulut lire ***un poème,***
Le poème *de son beau corps* [15]

(Однажды она, щеголяя своими сокровищами, захотела прочитать любящему ее нежному мечтателю **поэму**, **поэму** о своем прекрасном теле) [14]. Посредством повтора слова *poème* поэт делает акцент на том, что женщина, обладающая прекрасным телом, заслуживает, чтобы ей посвящались поэмы.

В стихах Т. Готье встречаются комбинации нескольких тропов и фигур речи при создании образа одной женщины, благодаря чему он предстает особенно ярким, многосторонним и привлекательным. Рассмотрим такой пример из стихотворения «Le poème de la femme» («Поэма женщины»):

Glissant de l'épaule à la hanche,
La chemise aux plis ***nonchalants****,*
Comme une tourterelle blanche*,*
Vint s'abattre sur ses pieds ***blancs****.*
Pour Apelle ou pour Cléomène,
Elle semblait, marbre de chair,
En ***Vénus Anadyomène***
Poser nue au bord de la mer [15]

(**Неторопливым** движением сползая с плеча к бедрам, ее рубашка, **как белая голубка**, ложилась на ее **белые** ноги. Клеомену и Фидию она казалась моделью, изображающей на берегу моря мраморную **Венеру Анадиомену**) [14]. При создании этого женского образа автором использованы как тропы (эпитет *nonchalant* — неторопливый; сравнение *comme une tourterelle* – как голубка), так и фигуры речи (аллюзия — соотнесение образа героини с *Венерой Анадиоменой;* повторение прилагательного *blanc* – белый). Эпитетом подчеркивается размеренность движений женщины, сравнением – нежность ткани, из которой сшита рубашка, аллюзией — сходство женщины с Венерой Анадиоменой, повторением — чистота образа героини).

Заключение. Произведенный анализ стилистических средств создания женского образа в поэтическом тексте позволяет сделать следующие выводы:

1) среди стилистических средств, понимающихся как совокупность языковых единиц, тропов, фигур речи, стилистических приемов, речевых стратегий и тактик, используемых при выражении стиля, весьма продуктивными при создании женского образа в сборнике стихов Теофиля Готье «Émaux et Camées» являются тропы (эпитет, метафора, сравнение, метонимия) и фигуры речи (аллюзия, антитеза, повторение);

2) по степени продуктивности в процессе создания женского образа тропы и фигуры речи распределяются следующим образом: эпитет (40%), метафора (25%), сравнение (22%), метонимия (13%), аллюзия (39%), антитеза (35%), повторение (26%);

3) стилистические средства применяются для создания женского образа не только отдельно, но и в комбинации друг с другом, что позволяет автору представить его более полным, ярким и разносторонним;

4) каждое стилистическое средство дает поэту возможность подчеркнуть необходимую деталь женского образа (красота тела, красота глаз, стройность, грациозность. благородство, открытость, грусть, страстность, амбициозность, холодность, непреклонность и др.);

5) использование стилистических средств в процессе создания женского образа способствует его художественному воплощению в единстве формы и содержания, позволяет сформировать его целостное понимание в поэтическом творчестве Т. Готье.

Сделанные выводы позволяют констатировать решение поставленных во введении задач. Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении связываются с расширением базы как стилистических средств создания женского образа, так и поэтических произведений, которыми могут быть стихотворения не только Теофиля Готье, но и других авторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1955. – № 1. – С. 60–87.
2. Горбовская С.Г. Флорообразы в поэзии Теофиля Готье до 1850-х годов / С.Г. Горбовская // Вестник СПбГУ. Сер. 9. — 2012. – Вып. 3. – С. 24–29.
3. Данилович Т.В. Николай Гумилев о Теофиле Готье и «Искусство ради искусства» / Т.В. Данилович // Вестник Полоцкого государственного ун-та. — 2012. – № 2. – С. 27–31.
4. Павлова О.С. Концепция античности в поэзии Т. Готье: Сборник «Эмали и камеи»: автореф. дис. … канд. филол. наук / О.С. Павлова. – Нижний Новгород, 2000. – 24 с.
5. Сашина Е.В. Концепция символа у Теофиля Готье и поэтов парнасской школы / Е.В. Сашина // Вестник Псковского государственного ун-та. — 2011. – № 15. – С. 50–57.
6. Anastasaki E. Espaces de poète(s): stratégies et stratagèmes pour l'élaboration d'une figure du poète dans la poésie de Gautier» / E. Anastasaki // Bulletin de la Société Théophile Gautier, 2021. – n°43. – P. 27–41.
7. Anastasaki E. Plus qu'une coquetterie posthume: Matérialité et individualité, les multiples fonctions des objets dans *Émaux et Camées* / E. Anastasaki // Bulletin de la Société Théophile Gautier. — 2009. – P. 329–342.
8. Court-Perez F. L'apprivoisement de la mort: l'évolution de la notion de mort chez Gautier / F. Court-Perez // Bulletin de la Société Théophile Gautier, 1996. – P. 489–503.
9. Court-Perez F. Théophile Gautier, un romantique ironique / F. Court-Perez. – Paris: Honoré Champion, 1998. – 453 p.
10. Montandon A. Pour une sociopoétique du chronotope: la scène de bal chez Théophile Gautier / A. Montandon // Littérat*ure*: Larousse, 1999. – n° 112. – P. 14–25.
11. Montandon A. Théophile Gautier et le Second Empire / A. Montandon // Actes du Colloque international du Palais Impérial de Compiègne, 13-15 octobre 2011. – Nîmes: Lucie éditions, 2013. – P. 159–169.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Эксмо, 2009. – 944 с.
13. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 865 с.
14. Dictionnaire Le Robert micro / réd. par Alain Rey. – Paris, 2018. –1658 p.
15. Gautier Th. Émaux et Camées / Th. Gautier. – M.: Radouga, 1989. – 368 p.

REFERENCES

1. Viniogradov V.V. (1955). Itogi obsujdeniya voprosov stilistiki [The results of the discussion of stylistic issues]. Voprosi yazikoznaniya. No 1. S. 60–87 (In Russian).
2. Gorbovskaya S.G. (2012). Floroobrazi v poezii Teofilia Gotye do 1850 godov [Flora images in the poetry of Theophile Gautier before the 1850s]. Vestnik SPbGU. Ser. 9. Vip. 3. S. 24–29 (In Russian).
3. Danilovich T.V. (2012). Nikolai Gumilev o Teofile Gotye i «Iskusstvo radi iskusstva» [Nikolai Gumilev on Theophile Gautier and "Art for Art's Sake"]. Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo un-ta. No 2. S. 27–31 (In Russian).
4. Pavlova O.S. (2000). Kontseptsiya antichnosti v poezii T. Gotye: sbornik «Emali I kameyi» [The concept of antiquity in T. Gautier's poetry: Collection of "Enamels and cameos"]. Avtoref. dis… kand. fil. nauk. Nizhniy Novgorod. 24 p. (In Russian).

5. Sashina E.V. (2011). Kontseptsiya simvola u Teofilia Gotye I poetov parnasskoy shkoli [The concept of a symbol in Theophile Gautier and the poets of the Parnassus school]. Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo un-ta. No. 15. S. 50–57 (In Russian).
6. Anastasaki E. (2009). Plus qu'une coquetterie posthume: Matérialité et individualité, les multiples fonctions des objets dans Émaux et Camées // Bulletin de la Société Théophile Gautier. P. 329–342 (In French).
7. Anastasaki E. (2021). Espaces de poète(s): stratégies et stratagèmes pour l'élaboration d'une figure du poète dans la poésie de Gautier» // Bulletin de la Société Théophile Gautier, réd. par A. Geisler-Szmulewicz et Alain Montandon. No 43. P. 27–41 (In French).
8. Court-Perez F. (1998). Théophile Gautier, un romantique ironique. Paris: Honoré Champion. 453 p. (In French).
9. Court-Perez F. (1996). L'apprivoisement de la mort: l'évolution de la notion de mort chez Gautier // Bulletin de la Société Théophile Gautier. P. 489–503 (In French).
10. Montandon A. (1999). Pour une sociopoétique du chronotope: la scène de bal chez Théophile Gautier // Littérature: Larousse. No 112. P. 14–25 (In French).
11. Montandon A. (2013). Théophile Gautier et le Second Empire // Actes du Colloque international du Palais Impérial de Compiègne, 13-15 octobre 2011. Anne Geisler-Szmulewicz et Martine Lavaud (réd.). Nîmes: Lucie éditions. P. 159-169 (In French).

Поступила в редакцию 09.10.2025 г.

STYLISTIC MEANS OF CREATING A FEMALE IMAGE IN A POETIC TEXT (BASED ON THE COLLECTION OF POEMS BY THÉOPHILE GAUTIER «ÉMAUX ET CAMÉES»)

S.M. Kravtsov, M.S. Manko

The article explores the mechanism of creating a female image through the prism of stylistic means, such as tropes and figures of speech, based on the collection of poems "Émaux et Camées" by the French writer of the romantic school Theophile Gautier. Using the examples of numerous contexts, applying the method of contextual analysis and the method of description, the tropes and figures of speech were identified, with their typology being determined. Epithet, metaphor, comparison, metonymy are singled out among the tropes, and allusion, antithesis, and repetition are distinguished among the figures of speech. Their functional analysis is given, and cases of their separate use in a poetic text, as well as in combination with other tropes and figures of speech, are identified. The use of the statistical analysis method made it possible to determine the degree of productivity of stylistic means in the process of creating a female image.

Key words: stylistic devices, trope, figure of speech, epithet. metaphor, simile, metonymy, allusion, antithesis, repetition.

Кравцов Сергей Михайлович.
Доктор филологических наук, профессор.
Южный федеральный университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону.
Заведующий кафедрой романской филологии.
ORCID 0000-0002-6804-1197.
E-mail: serg.cravtzov2017@yandex.ru.

Манько Мария Сергеевна.
Южный федеральный университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону.
Ассистент кафедры романской филологии.
ORCID 0009-0009-5656-7800.
E-mail: masha_manko90@mail.ru.

Kravtsov Sergey Mikhailovich
Doctor of Philology, Professor.
Southern Federal University.
Russian Federation, Rostov-on-Don.
Head of Romance Philology Department.
ORCID 0000-0002-6804-1197.
Email: serg.cravtzov2017@yandex.ru.

Manko Maria Sergeyevna
Southern Federal University.
Russian Federation, Rostov-on-Don.
Assistant of Romance Philology Department.
ORCID 0009-0009-5656-7800.
E-mail: masha_manko90@mail.ru.

Научная статья
УДК 8.81.811
DOI: 10.5281/zenodo.18097781

TERRA INCOGNITA: ЙОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ (LANGUES D'OÏL)

© **2025** ***Г. В. Бестолкова***
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики»
ORCID 0009-0009-2438-8461

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Целью данной научной статьи является интеграция и адаптация термина «йольские языки (langues d'oïl)» в понятийный аппарат современной отечественной романистики для расширения научных знаний о данной группе романских языков. В соответствии с поставленной целью в работе решается ряд ключевых задач: анализируются исторические предпосылки формирования самого термина; описываются ареалы распространения региональных языков на территории современной Франции; даётся комплексная характеристика феномену «французского патуа» (patois francisé) как результата взаимодействия йольских языков и стандартного французского. Важными аспектами исследования являются определение места йольских языков в общей классификации романских языков, разработка собственной классификации их диалектов, а также оценка степени влияния германских языков на их развитие. Результатом работы становится системное представление о йольских языках как о самостоятельной языковой группе с сложной структурой и уникальными лингвистическими характеристиками. Статья вносит вклад в отечественную филологию, предлагая унифицированный терминологический аппарат и всесторонний анализ, необходимый для дальнейших исследований в области галло-романской лингвистики.

Ключевые слова: йольские языки (langues d'oïl), термин, диалекты, классификация, отличительные черты, лингвистическая зон «круассан», французский язык, окситанский язык.

Для цитирования: Бестолкова Г. В. Terra incognita: йольские языки (langues d'oïl) / Г. В. Бестолкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025 — № 6. — С. 62–73. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18097781.

Введение. Йольские языки представляют собой уникальный объект для лингвистических исследований, обладающий значительным потенциалом для анализа развития и взаимодействия территориальных и социальных разновидностей языка.

Цель данной работы заключается в расширении области научных знаний о группе романских языков путем введения нового термина «йольские языки (langues d'oïl)» в современную отечественную филологическую науку.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи:

- указать исторические факторы, повлиявшие на процесс формулировки определения термина «йольские языки (langues d'oïl)»;
- описать расположение ареалов региональных языков;
- дать комплексное описание специфики «французского патуа» (patois francisé = langues d'oïl + langue française);
- указать место йольских языков в классификации романских языков;
- создать классификацию диалектов йольских языков;

• определить степень германского влияния на развитие диалектов йольских языков.

Основными методами при проведении настоящего исследования стали методы сплошной выборки, дескриптивного, семантического, количественного и сравнительно-сопоставительного анализа.

Материалом для исследования послужили: лингвистические карты стран Европы, исторические грамматики, грамматики современных европейских языков, словари, культурно-исторические очерки, лингво-исторические научные публикации зарубежных авторов.

Научная новизна данного исследования определяется тем, что оно заполняет лакуну, возникшую в отечественной филологической науке, из-за отсутствия точных научных данных о йольских языках (langues d'oïl).

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что материал, содержащийся в статье, может послужить основой фундаментальных научных трудов в отечественной филологической науке, а также будет интересен лингвистам, филологам и преподавателям при подготовке к занятиям по истории и диалектологии романских языков.

Йольский язык (langue d'oïl) или йольские языки (langues d'oïl)? Первой проблемой, с которой сталкиваются исследователи йольского языка, является наличие двух терминов: йольский язык (langue d'oïl) и йольские языки (langues d'oïl), характеризующих две разные лингвистические ситуации и относящиеся к двум разным историческим периодам.

Изначально, термин «йольский язык» (langue d'oïl) обозначал совокупность разных, но вместе с тем родственных диалектов йольского языка, на которых говорили в средние века (V–XV в.) на территории Северной Франции (Северной Галии) [5, с. 17]. Впоследствии благодаря процессу феодальной раздробленности диалекты йольского языка продолжили дифференцироваться: количество языковых различий увеличилось многократно и, в результате, диалекты стали больше похожи на отдельные языки, что неизбежно привело к появлению второго термина — йольские языки (langues d'oïl).

В 1982 году термин «йольские языки (langues d'oïl)» получил официальный статус одновременно с созданием ассоциации «Защита и Продвижение Йольских Языков» (Défence et Promotion des Langues d'Oïl (DPLO)) [14], что встретило мощное сопротивление со стороны сторонников и защитников окситанского языка (langue d'oc). Причиной недовольства сторонников окситанского языка послужило опасение, что статус окситанского языка может быть поставлен под сомнение, если будут проведены параллели между ним и йольскими языками. Дело в том, что целью окситанского движения является доказательство того, что различные варианты окситанского языка (лангедокский (languedocien), провансальский (provençal), гасконский (gascon) и т.д.) являются диалектами, а не самостоятельными языками как утверждают представители ряда ассоциаций, таких как: Institut Béarnais & Gascon ((Enstitut Biarnés & Gascoû) Институт беарнского и гасконского языков) [17], Cercle Terre d'Auvergne (Langue et Civilisation Auvergnates (Институт оверньского языка и культуры)) [13] и L'Observatoire de la Langue et de la Culture Provençales (Óusservatòri de la Lengo e de la Culturo Prouvençalo en Provençal (Обсерватория провансальского языка и культуры)) [22].

Однако, несмотря на сопротивление сторонников окситанского языка (occitan), данный термин был утвержден официально и используется в государственных документах страны. К примеру, на сайте министерства культуры Франции (Ministère de la Culture) используется именно данный термин (см. рисунок 1).

Таким образом, йольские языки (langues d'oïl) — группа романских языков, распространённых на севере Франции и в южной Бельгии.

Рисунок 1. Региональные языки Франции [19].

Региональные языки Франции. Территория современной Франции разделена на две части ареалами окситанского и йольских языков: в северной части страны расположен ареал йольских языков (langues d'oïl), а в южной части — окситанского языка (langue d'oc) (см. рисунок 2).

Рисунок 2. Ареалы окситанского и йольских языков во Франции [18].

Нельзя не упомянуть любопытный исторический факт, что ареал формирования и распространения йольских языков (langues d'oïl) является также и ареалом формирования и распространения французского языка (langue francaise).

На границе ареалов распространения окситанского и йольских языков образовалась зона интерференции указанных языков и их диалектов, получившая название «круассан» («croissant» (полумесяц)). Данная область в форме полумесяца начинается от департамента

Шарант (Charente) и простирается до департамента Алье (Allier), где она соединяется с другой зоной интерференции с франко-провансальским языком (см. рисунок 3).

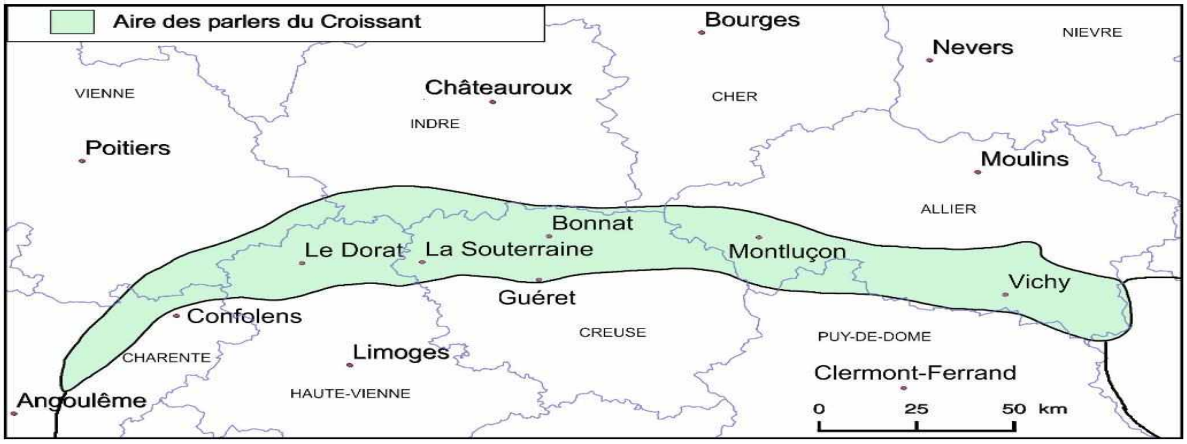


Рисунок 3. Зона интерференции окситанского и йольских языков «Круассан» [21].

Название данному региону — «круассан» («croissant» (полумесяц)) — дал известный французский лингвист, специалист по окситанскому языку Жюль Ронжа (Jules Ronjat (1864–1925)) в своей книге «Эссе о синтаксисе современных провансальских диалектов» (Essai de Syntaxe des Parlers Provençaux Modernes) [11].

Следует отметить, что ареал лингвистической зоны «круассан» имеет очень размытый, нечеткий характер, поскольку он выходит за рамки границ департаментов и его границы определяются прежде всего ареалами диалектов, сформировавшихся в результате интерференции окситанского и йольских языков.

Интерференция языков и их диалектов в рамках лингвистической зоны «круассан» неизбежно привела к появлению языков и диалектов, обладающих чертами, свойственными окситанскому и йольским языкам. Рассмотрим в качестве примера, глагол «chantar» (петь), который в рамках лингвистической зоны «круассан» получил в инфинитиве окончание -**ar** в отличие от французского аналога «chant**er**», что указывает на влияние окситанских эквивалентов, таких как: chant**ar** (лимузенский (limousin) диалект) и cant**ar** (южно-окситанский (occitan du sud) диалект), но произношение данного глагола («chantar» = [ʃã´ta:]) будет выдавать влияние йольских языков, поскольку буквосочетание «ch» произноситься как [ʃ] в йольских языках как во французском, в отличие от окситанского языка, где данное буквосочетание может произносится как [ts], [tch] или [s]. Этот смешанный окситанско-йольский характер становится главной общей чертой, позволяющей объединить языки и диалекты лингвистической зоны «круассан».

Более того, конгломерат йольских и окситанских черт способствует обогащению словарного запаса и выразительных возможностей носителей языков и диалектов лингвистической зоны «круассан». К примеру, в шатр-ланглинскогом (châtre-langlin) диалекте, ареалом распространения которого является департамент Эндр (Indre), есть слова «jòrnade» и «jòrnèïe» эквивалентные французскому слову «journée» (‘день, часть суток: с утра до вечера’): первое слово «jòrnade» [ʒorˈnad] обозначает ‘все виды деятельности, осуществляемые в течение рабочего дня, т.е. с утра до вечера’ и имеет окситанское происхождение, тогда как второе слово «jòrnèïe» [ʒorˈnɛj] обозначает ‘погода в течение дня до вечера’ и имеет йольское происхождение. Таким образом, французское выражение *bonne journée* может быть переведено как *bone jòrnade* ‘хороший день = день, в который удалось много сделать’ и как *bèle jòrnèïe* ‘прекрасный день = день, в который была хорошая погода’.

Йольские языки (langues d'oïl) + французский язык (langue française) = французское патуа (patois francisé). Отправной точкой для формирования и развития йольских языков стала историческая область Франции — Иль-дё-Франс (Île-de-France), расположенная в центральной части северо — французской низменности (Парижского бассейна (Bassin Parisien)) между реками Сена (Seine), Марна (Marne) и Уаза (Oise).

Именно в регионах, расположенных наиболее близко к Иль-дё-Франс (Île-de-France), йольские языки довольно долго сохранялись в сельской местности и пережили упадок из-за постепенного слияния диалектов, что, в итоге привело к смешиванию ойльских языков с региональным французским языком и появлению «французского патуа» (patois francisé).

Характерной чертой французского патуа (patois francisé) является широкое использование префикса *ar-*, аналогом которому во французском языке служит префикс *re-*. К примеру, в Бургундии (Bourgogne), входящей в ареал распространения йольских языков, эквивалентом французскому глаголу «s'en revenir» (вернуться, возвращаться) является глагол «se n'arvenir».

Данная тенденция была документально зафиксирована в анжуйском (йольском) языке: *arcommencer* (анж. яз.) => *recommencer* (фр. яз.); *ardescendre* (анж. яз.) => *redescendre* (фр. яз.); *ardire* (анж. яз.) => *redire* (фр. яз.); *arfaire* (анж. яз.) => *refaire* (фр. яз.); etc [25, с. 45].

Точно датировать начало процесса перехода от префикса *re-* к префиксу *ar-*трудно, однако известно, что впервые данная тенденция была описана еще в XIX веке. Рассмотрим в качестве доказательства данного факта несколько примеров описания тенденции перехода от префикса *re-* к префиксу *ar-* на материале словарей и глоссариев, изданных в XIX веке.

В дополнении к Глоссарию Центральной Франции, созданному Ипполитом Франсуа Жобером (Hyppolite - François Jaubert), содержится большое количество слов с префиксом *ar-*, употребляемых в речи жителей провинции Берри (Berry) центральной части Франции: ***re****demander* => ***ar****demander*, ***re****commencer* => ***ar****coumincer* / ***ar****coemencer*, ***re****connaître* => ***ar****counaitre*, ***re****commander* => ***ar****coumander*, ***re****couper* => ***ar****couper*, ***re****culer* => ***ar****culer*, ***re****couvrir* => ***ar****couvrir* и т.д. [9]

В словаре нормандского диалекта департамента Эр (Eure) сказано, что в 1882 в Нормандии (Normandie) была зафиксирована тенденция замены *re-* на *ra-*, например ***re****couler* => ***ra****couler*, ***re****conduire* => ***ra****conduire*, etc. Кроме того, отмечена тенденция употребления слов с префиксом *ar-*, например ***ar****couler*, ***ar****conduire*, ***ar****culer* и т.д. [24, с. 334].

В период с конца XIX века вплоть до начала XX века в Лингвистическом Атласе Франции (Atlas Linguistique de la France) появились записи о вариативности некоторых глаголов, например, глагола *recevoir*. Так, в атласе указано, что глагол *recevoir* произносится [*r'sevouar*] или [*r'sevèr'*] в западной части ареала распространения йольских языков, включающей департаменты: Атлантическая Луара (Loire-Atlantique), Бретань (Bretagne), Вандея (Vendée), Вьен (Vienne), Дё-Севр (Deux-Sèvres), Мэн и Луара (Maine-et-Loire), Шаранта (Charente), а также зафиксированы и другие варианты написания и произношения данного глагола, которые варьируются в зависимости от региона: департамент Манш (Manche) — *recevoir* => *arcevoir* [arsevé]; департамент Кальвадос (Calvados) *recevoir* => *ercevoir* [èrsevé] / *arcevoir* [archuvé]; департамент Майен (Mayenne) *recevoir* => *ercevoir* [eursevouèr']; департамент Эр (Eure) *recevoir* => *arcevoir* [archevé]; департамент Уаза (Oise) *recevoir* => *ercevoir* [èrsevé]; депаратмент Сомма (Somme) *recevoir* => *ercevoir* [èrchuvouér']; департамент Луар и Шер (Loir-et-Cher) *recevoir* => *ercevoir* [èrsevouèr']; департаменты Эндр (Indre) и Шер (Cher) *recevoir* =>

arcevoir [arsevouèr']; департмент Мёрт и Мозель (Meurthe-et-Moselle) *recevoir* => *ercevoir* [orsevor]; департаменты Арденны (Ardennes), Вогезы (Vosges), Марна (Marne), Мёз (Meuse), Нор (Nord), Ньевр (Nièvre), Эндр и Луар (Indre-et-Loire), Эна (Aisne), *recevoir* => *ercevoir* [èrsevouar] [16]. Таким образом, в данном атласе глагол *recevoir* имеет два вида написания и более десяти видов произношения.

В настоящее время данная тенденция наиболее наглядно проявилась в речи жителей французской коммуны Эстер (Estaires) департамента Нор (Nord) [20]: у существительных и глаголов, начинающихся с *re- + согласная* префикс *re-* заменяется на *ar-*: ***re****venir* (гл.) => ***ar****vénir* (гл.), ***re****tenir* (гл.) => ***ar****ténir* (гл.), ***re****cevoir* (гл.) => ***ar****chevoir* (гл.), ***re****chercher* (гл.) => ***ar****cacher* (гл.), ***re****chauffer* (гл.) => ***ar****cauffer* (гл.), ***re****culer* (гл.) => ***ar****culer* (гл.), ***ar****sort* (сущ.) => ***re****ssort* (сущ.), ***re****montrance* (сущ.) => ***ar****montrance* (сущ.) и т.д.

Отметим также, что данная тенденция на территории современной Франции характерна только для ареала распространения йольских языков и не встречается в ареале распространения окситанского языка и его диалектов.

Аналогичная ситуация наблюдается и в канадском Квебеке (Canada, Québec), где французский язык подвергся влиянию многих диалектов йольских языков, принесенных в страну переселенцами из северных регионов Франции: *re-* постепенно заменяется на *ar-*, например, ***ar****faire*, ***ar****conduire*, ***ar****monter* и т.п. По мнению франко-квебекского лингвиста Лионеля Мени (Lionel Meney), данная черта является очень древней, даже архаичной ("…très vieilli, voire archaïque") [10, с. 30].

Место йольских языков (langues d'oïl) в классификации романских языков. Первую классификацию романских языков создал Данте Алигьери (Dante Alighieri (1265–1321)) в трактате «Della Volgare Eloquenza» (О народном красноречии). Главным критерием дифференциации романских языков, согласно классификации Данте, стала форма утвердительной частицы: oc, oïl, si etc. => langue d'oc, langue d'oïl, langue de si, etc. [6, с. 19].

Основы научного подхода к созданию классификации романских языков заложил немецкий филолог Кристиан Фридрих Диц (Friedrich Christian Diez (1794–1876)). По его мнению, главным критерием объединения языков являлся сравнительно-исторический метод [8*;* 15].

В настоящее время существует ряд критериев классификации романских языков (лингвистический, социолингвистический, территориально-лингвистический и т.п.) и каждый из них дает разное количество языков. К примеру, в работах выдающихся советских и российских лингвистов указано разное количество романских языков: Сергеевский М.В. выделяет десять [3], Гак В.Г. указывает девять романских языков [2], Фортунатов Ф.Ф. определяет семь (французский, итальянский, испанский, португальский, провансальский, ретороманский, румынский) [4], в работе Алисовой Т.Б. упоминаются семнадцать [1] и т.д.

В данном исследовании мы руководствуемся территориально-лингвистическим критерием при создании классификации романских языков, этот критерий позволит определить в какой группе романских языков должны быть указаны йольские языки (langues d' oïl).

Итак, согласно территориально-лингвистической концепции классификации романских языков, йольские языки (langues d' oïl) входят в группу галло-романских (gallo-roman) языков вместе с французским (français), франко-провансальским (franco-provençal), окситанским (langue d'oc, occitan) языками, т.е. языками, сформировавшимися в результате эволюции латыни на территории Галии (современной

Франции) и обладающими рядом общих признаков в лексическом составе и в грамматическом строе (см. таблицу 1).

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК	**ЗАПАДНО-РОМАНСКАЯ ПОДГРУППА**	**ИТАЛО-РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ**	**итальянский**
			сардинский
		ГАЛЛО-РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	**французский**
			франко-провансальский
			окситанский
			ЙОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ
		РЕТО-РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	**рето-романский**
		ИБЕРО-РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	**испанский**
			каталанский
			португальский
			галисийский
	ВОСТОЧНО-РОМАНСКАЯ ПОДГРУППА	**БАЛКАНО-РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ**	**румынский**
			молдавский

Таблица № 1. Классификация романских языков (составлено автором статьи)

Разнообразие диалектов йольских языков. Как уже было отмечено ранее, в северной части Галии (современной Франции) латынь развивалась и диверсифицировалась, порождая диалектное множество йольских языков (см. таблица 2).

ДИАЛЕКТНАЯ ГРУППА	ДИАЛЕКТЫ	АРЕАЛ (РЕГИОН)
СЕВЕРНАЯ	**пикардский** (picard), **валлонский** (wallon), **нормандский** (normand), **шампанский** (champenois)	О-де-Франс (Hauts-de-France), Normandie (Нормандия), Гранд-Эст (Grand Est), Бельгия (Belgique).
ВОСТОЧНАЯ	**лотарингский** (lorrain), **франш-контийский** (franc-comtois), **бургундский** (bourguignon)	Гранд-Эст (Grand Est), Бургундия — Франш-Конте (Bourgogne-Franche-Comté)
ЗАПАДНАЯ	**галло** (gallo), **анжуйский (angevin),** сартский **(sarthois), пуатевин-сентонжский** (poitevin-saintongeais)	Бретань (Bretagne), Пеи-де-ла-Луар (Pays de la Loire), Новая Аквитания (Nouvelle-Aquitaine)
ЦЕНТРАЛЬНАЯ	**франсийен** (francien), **орлеанский** (orléanais), **туренский** (tourangeau)	Иль-де-Франс (Île-De-France), Центр – Долина Луары (Centre-Val de Loire)
ЮГО-ЗАПАДНАЯ	**беррийский** (berrichon), бурбоннеский (bourbonnais)	Центр – Долина Луары (Centre-Val de Loire), Овернь – Рона — Альпы (Auvergne-Rhône-Alpes)

Таблица №2. Классификация диалектов йольских языков (составлено автором статьи)

Названия диалектов, как правило, происходили из названия местности, на которой данные диалекты были распространены, например, Лотарингия (Lorraine) => лотарингский (lorrain) диалект, Бургундия (Bourgogne) => бургунский (bourguignon) диалект, Пикардия (Picardie) => пикардский (picard) диалект и т.п. Однако, в настоящее время, данные названия практически не соответствуют границам старых провинций, также как и ареалы йольских языков и диалектов изменились (расширились или уменьшились), а названия остались прежними.

Характерной чертой диалектов йольских языков служит степень германского влияния на их развитие. Рассмотрим пример германского влияния на диалекты йольских языков. Для этого проследим как менялось произношение и написание латинских слов, таких как canis (собака) и capra (коза) во французском языке и диалектах йольских языков. Процесс изменения произношения и написания этих слов во французском языке выглядит следующим образом с [к] → ch[ʃ]: chien (собака), chèvre (коза). Однако, данных фонетических изменений нет в диалектах йольских языков, сформировавшихся в северной и восточных частях страны, например, в пикарском (le picard) диалекте йольского языка: звук [k] в начале данных слов сохранился, но произошла замена буквы

«c» [k] → «k» [k]: kin (собака), kièvre (коза). Причиной появления данного расхождения служит германское влияние, наглядной иллюстрацией которого является, например, эволюция латинского слова «комната»: **c**amera (лат «комната») => **ch**ambre (фр. «комната, спальня») => **k**ammer (нем. «комната, камера»).

Итак, классификация диалектов йольских языков по степени германского влияния выглядит следующим образом (см. таблицу №3):

СТЕПЕНЬ ГЕРМАНСКОГО ВЛИЯНИЯ	ДИАЛЕКТЫ ЙОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ
очень сильное	**пикардский** (picard), **лотарингский** (lorrain), **валлонский** (wallon), **шампанский** (champenois), **орлеанский** (orléanais), **туренский** (tourangeau)
сильное	**нормандский** (normand), **франш-контийский** (franc-comtois), **бургундский** (bourguignon)
среднее	**галло** (gallo), **анжуйский (angevin),** сартский **(sarthois),** **беррийский** (berrichon), бурбоннеский (bourbonnais), **пуатевин-сентонжский** (poitevin-saintongeais)
слабое	**франсийен** (francien)

Таблица №3. Степень германского влияния диалектов йольских языков (составлено автором статьи)

Данные, представленные в таблице №3, наглядно показывают, что северо-восточные диалекты йольских языков подверглись наибольшему влиянию, тогда как западные и юго-западные диалекты германизированы в меньшей степени.

Поскольку количество диалектов йольских языков огромно и описать все их характерные черты в рамках одной статьи невозможно, то рассмотрим два диалекта, ареалы которых расположены в разных регионах (пикардский (picard) диалект на севере и сартский (sarthois) на западе) и ограничимся характерными чертами в области фонетики, что позволит дать наиболее наглядную картину эволюции диалектов йольских языков.

- ***сартский (sarthois) диалект***

✓ *ареал*: департамент Сарт (Sarthe) региона Пеи — дё — ла — Луар (Pays — de — la - Loire);
✓ *отличительная черта:* сартский диалект отличается от других йольских диалектов тем, что на его развитие оказал сильное влияние французский язык времен Людовика XIV (Louis XIV Le Roi Soleil (1643 - 1715)), в частности, это отразилось на его фонетическом строе. К примеру, согласный «r» имеет апикальное произношение, т.е. звук [p] произносится с помощью кончика языка, который касается или приближается к альвеолярному отростку (бугоркам за верхними зубами): bé**r**ouette (сарт. «с маслом, масляный»). Такое произношение звука [p] было единственным произношением, принятым при дворе Людовика XIV (Louis XIV). Наглядной иллюстрацией данного факта служит четкое описание, данное Мольером (Жан - Батист Поклен (Мольер (Jean-Baptiste Poquelin) Molière)) посредством своего персонажа - учителя философии из комедии «Мещанин во дворянстве» [12, с.17] : ***«…** чтобы произнести звук «р», нужно приставить кончик языка к верхнему небу, однако ж под напором воздуха, с силою*

вырывающегося из груди, язык беспрестанно возвращается на прежнее место, отчего происходит некоторое дрожание: р-ра.» ("… l'R, en portant le bout de la langue jusqu'au haut du palais, de sorte qu'étant frôlée par l'air qui sort avec force, elle lui cède, et revient toujours au même endroit, faisant une manière de tremblement: rra) [23, с.22] Таким образом, сартский диалект йольских языков сохранил некоторые древние формы, полученные из латыни, которые французский язык исключил.

- ***пикардский (picard) диалект***

✓ *ареал*: историческая область Пикардия (Picardie), департаменты Сомма (Somme), Уаза (Oise) и Эна (Aisne) современного региона О — де — Франс (Hauts-de-France);

✓ *отличитльная черта:* поскольку пикардский диалект принадлежит группе диалектов с сильным германским влиянием, то он обладает характерной фонетической особенностью, присущей диалектам данной группы: сохраняет произношение [k], тогда как в аналогичных словах французского языка произносится звук [ʃ]: **c**anter (пикард. «петь») → **ch**anter (фр. «петь»), **c**aud (пикард. «горячий, теплый») → **ch**aud (фр. «горячий, теплый»), **k**eval (пикард. «лошадь») → **ch**eval (фр. «лошадь»), va**qu**e (пикард. «корова») → va**ch**e (фр «корова»);

Следует отметить, что пикардский диалект (picard) был одним из первых диалектов йольских языков, выполнявших функцию литературного языка во времена Средневековья: первое поэтическое произведение на йольском языке - Cantilène de Sainte Eulalie (Секвенция о святой Евлалии (IX век)) — было написано в аббатстве Сен — Мартен — лез — О (Abbaye — de — Saint - Martin — les - Eaux), расположенном недалеко от города Валансьена (Valenciennes) региона О-де-Франс (Hauts — de - France) и содержит много характерных черт пикадийского диалекта. К примеру, в тексте можно встретить слова, содержащие характерную черту пикардского диалекта: **k**ose (… la domnizelle celle ***kose*** …)[7, с. 73] Позже многие писатели из региона Пикардия (Picardie) стали знаменитыми: Конон де Бетюн (Conon de Béthune (1150 — 1220)), Адам де ла Аль (Adam de la Halle (1240 - 1288)), Жан Фруассар (Jean Froissart (1337 - 1405)) и др. Более того, некоторые слова пикардского диалекты были заимствованы французским языком и используются до сих пор, например: caboche (башка), canevas (холст), cloque (волдырь), crevette (креветка), renâcler (упираться, артачиться) и т.д.

Заключение.

Проведенное исследование позволяет решить комплекс взаимосвязанных задач, позволивших всесторонне описать йольские языки (langues d'oïl) как уникальный объект лингвистического анализа и дать научное обоснование для формирования термина «йольские языки (langues d'oïl)» в современной отечественной романистике:

Йольские языки (langues d'oïl) *- группа романских языков, получивших распространение на севере Франции и в Бельгии. Данная группа языков имеет широкий спектр диалектов:* ***пикардский*** *(picard),* ***валлонский*** *(wallon),* ***нормандский*** *(normand),* ***шампанский*** *(champenois) и другие. Несмотря на значительное романское ядро, диалекты йольск несут в себе заметный след германского влияния на различных языковых уровнях, что подчеркивает их важность для исследований в области языковых контактов.*

В результате проведенного исследования были рассмотрены исторические предпосылки формирования йольских языков (langues d'oïl), детально описан их современный ареал распространения и создана четкая классификация их диалектов.

Важным итогом проведенного исследования стало комплексное описание феномена «французского патуа» (patois francisé) как результата интенсивного взаимодействия между французским языком (langue française) и йольскими языками (langues d'oïl).

Как уже было отмечено ранее, несмотря на значительное романское ядро, диалекты йольской группы несут в себе заметный след германского влияния на различных языковых уровнях, что подчеркивает их важность для исследований в области языковых контактов.

Благодаря проведенному исследованию, йольские языки (langues d'oïl) предстают не как архаичные пережитки прошлого, а как динамичная и структурно сложная группа, изучение которой открывает значительные перспективы для понимания механизмов эволюции, вариативности и взаимодействия языков в рамках единого культурно-исторического пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алисова Т.Б. Введение в романскую филологию / Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева. — Москва : Высшая школа, 2007. — 453 с.
2. Гак В.Г. Введение во французскую филологию : учебник и практикум для вузов / В.Г. Гак, Л.А. Мурадова. — Москва : Юрайт, 2020. — 303 с.
3. Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание / М.В. Сергиевский. — Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1952. — 280 с.
4. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительная фонетика индоевропейских языков : краткий очерк / Ф.Ф. Фортунатов. — Москва : URSS, 2010. — 251 с.
5. Ager D. Identity, Insecurity and Image: France and Language / D. Ager. — Bristol : Multilingual Matters, 1999. — 264 p.
6. Alighieri D. Della Volgare Eloquenza / D. Alighieri. — Milano, 1868. — 130 p.
7. Berger R. Les Séquences de Sainte Eulalie / R. Berger, A. Brasseur. — Genève : Librairie Droz, 2004. — 207 p.
8. Diez F.Ch. Grammatik der romanischen Sprachen. Bd. 1 / F.Ch. Diez. — Bonn : Weber, 1836. — 766 p.
9. Jaubert H.-F. Glossaire du Centre de la France. Supplément au Glossaire du Central de la France / H.-F. Jaubert. — Paris : Chaix et Cie, 1864. — 159 p. — 2e éd.
10. Meney L. Le Français Québécois entre Réalité et Idéologie : un Autre Regard sur la Langue. Étude Sociolinguistique / L. Meney. — Québec : Les Presses de l'Université Laval, 2017. — 635 p.
11. Ronjat J. Essai de Syntaxe des Parlers Provençaux Modernes / J. Ronjat. — Mâcon : Protat Frères, Imprimeurs, 1913. — 306 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Мольер Ж.-Б. Мещанин во дворянстве [Электронный ресурс] / Ж.-Б. Мольер // 100 лучших книг всех времён. – Режим доступа: https://www.100bestbooks.ru/files/Moliere_Meschanin_vo_dvoryanstve.pdf (дата обращения: 30.06.2025).
13. Cercle Terre d'Auvergne (Langue et Civilisation Auvergnates) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lecercleterredauvergne.fr/ (дата обращения: 24.01.2025).
14. Défence et Promotion des Langues d'Oïl (DPLO) [Электронный ресурс] / Maitre d'Oil. – Режим доступа: https://www.languesdoil.org/les-langues-doil-defense-et-promotion-des-langues-doildefense-et-promotion-des-langues-doil/ (дата обращения: 22.03.2025).
15. Diez F.Ch. Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen / F.Ch. Diez. – Bonn : Marcus, 1887. – 872 p.
16. Gilliéron J. Atlas Linguistique de la France / J. Gilliéron, Ed. Edmont. – Paris : Champion, 1902. – Vol. 1. – 312 p.
17. Institut Béarnais & Gascon (Enstitut Biarnés & Gascoû) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.institut-bearnaisgascon.com/ (дата обращения: 18.04.2025).
18. Langue d'oc & Langue d'oïl [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lexilogos.com/etymologie_oil_oc.htm (дата обращения: 04.05.2025).
19. Langues Régionales [Электронный ресурс] / Ministère de la Culture. – Режим доступа: https://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France/Agir-pour-les-langues/Promouvoir-les-langues-de-France/Langues-regionales (дата обращения: 20.02.2024).
20. LEXIQUE Patois-Français [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://estaires.com/patois/dico-p.htm (дата обращения: 29.03.2025).
21. Les Parlers du Croissant: une Approche Multidisciplinaire du Contact Oc-Oïl [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://parlersducroissant.huma-num.fr/projet.html (дата обращения: 27.01.2025).
22. L'Observatoire de la Langue et de la Culture Provençales (Óusservatòri de la Lengo e de la Culturo Prouvençalo en Provençal) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.observatoire-provence.com/observatoire/ (дата обращения: 26.07.2024).

23. Molière J.-B. Le Bourgeois Gentilhomme [Электронный ресурс] / J.-B. Molière. – Publisher: Harrap, 1954. – Режим доступа: https://archive.org/details/lebourgeoisgenti0000moli_f4q9/page/n19/mode/2up (дата обращения: 17.06.2025).
24. Robin P.E. Dictionnaire du Patois Normand: en Usage dans le Département de l'Eure / P.E. Robin. – Évreux : Imprimerie de Charles Hérissey, 1882. – 458 p.
25. Verrier A.-J. Glossaire Étymologique et Historique des Patois et des Parlers de l'Anjou (Comprenant le Glossaire Proprement Dit, des Dialogues, Contes, Récits et Nouvelles en Patois, le Folklore de la Province) / A.-J. Verrier, R. Onillon. – Angers : Germain & G. Grassin, Imprimeurs-Éditeurs, 1908. – Vol. 1. – 529 p.

REFERENCES

1. Alisova T.B. (2007). Vvedenie v romanskuiu filologiiu [Introduction to Romance Philology]. Moscow: Vysshaia shkola. (In Russian)
2. Gak V.G. (2020). Vvedenie vo frantsuzskuiu filologiiu: uchebnik i praktikum dlia vuzov [Introduction to French Philology: textbook and workshop for universities]. Moscow: Iurait. (In Russian)
3. Sergeevskii M.V. (1952). Vvedenie v romanskoe iazykoznanie [Introduction to Romance Linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh. (In Russian)
4. Fortunatov F.F. (2010). Sravnitel'naia fonetika indoevropeiskikh iazykov: kratkii ocherk [Comparative Phonetics of Indo-European Languages: a brief outline]. Moscow: URSS. (In Russian)
5. Ager D. (1999). Identity, Insecurity and Image: France and Language. Bristol: Multilingual Matters. (In English)
6. Alighieri D. (1868). Della Volgare Eloquenza. Milano. (In Italian)
7. Berger R. (2004). Les Séquences de Sainte Eulalie. Genève: Librairie Droz. (In French)
8. Diez F.Ch. (1836). Grammatik der romanischen Sprachen (Vol. 1). Bonn: Weber. (In German)
9. Jaubert H.-F. (1864). Glossaire du Centre de la France. Supplément au Glossaire du Central de la France (2nd ed.). Paris: Chaix et Cie. (In French)
10. Meney L. (2017). Le Français Québécois entre Réalité et Idéologie: un Autre Regard sur la Langue. Étude Sociolinguistique. Québec: Les Presses de l'Université Laval. (In French)
11. Ronjat J. (1913). Essai de Syntaxe des Parlers Provençaux Modernes. Mâcon: Protat Frères, Imprimeurs. (In French)

TERRA INCOGNITA: LANGUES D'OÏL

G.V. Bestolkova

The research paper objective is to formulate and integrate the term "langues d'oïl" into contemporary Russian Romance studies' conceptual framework in order to expand Romance languages' scientific knowledge. In accordance with this goal, the given paper involves a number of objectives: term "langues d'oïl" formation's historical background analysis; regional languages' area description in modern France; comprehensive description of "French patois" phenomenon (patois francisé) as a result of langues' d'oïl and standard French's interactions. Important aspects of the research include determination of langues' d'oïl place in Romance languages' general classification as well as formation of their dialects' classification and assess of Germanic languages' influence on their development. The result of the undertaken research is a systematic scientific knowledge of langues d'oïl as Romance languages' group with a complex structure and unique linguistic features. The given article contributes greatly to Russian philology by offering unified terminological apparatus and comprehensive analysis necessary for further scientific research in Gallo-Romance linguistics field.

Keywords: langues d'oïl, term, dialects, classification, distinctive features, linguistic zone "croissant", French language, Occitan language.

Бестолкова Галина Васильевна.
Кандидат филологических наук.
Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики», г. Москва, Российская Федерация.
Доцент Школы нострранных языков.
ORCID 0009-0009-2438-8461.
E-mail: best_talk@mail.ru.

Bestolkova Galina Vasilievna.
Candidate of Philology.
National Research University "Higher School of Economics".
Associate Professor at the School of Foreign Languages.
ORCID 0009-0009-2438-8461.
E-mail: best_talk@mail.ru.

Научная статья
УДК 82-3
DOI: 10.5281/zenodo.18097919

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОДА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ОНОМАСТИКОНЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗИНАИДЫ ДУДЮК

© 2025 *С. Ф. Бут-Гусаим*
Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»
ORCID: 0000-0002-4895-6947

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье представлено комплексное лингвокультурологическое и лингвопрагматическое описание ономастикона романа «Цена свободы» и научно-популярного сборника «Возвращение забытого мифа» белорусской писательницы Зинаиды Дудюк. Рассмотрена репрезентация онимами базового кода духовной культуры. Показано видение в языческих именах (персонимах, мифонимах, геортонимах) мира, наполненного богами, связь посредством имени с семьёй, родом, тотемными предками. Описано выявление в христианских персонимах, агионимах, библионимах религии как мировоззрения и мироощущения, морального кодекса, совокупности нравственных представлений. Выявлены основные закономерности в выборе и создании писательницей имен собственных в жанре исторической прозы и научно-популярной литературы. Использование описательного метода, методов контекстуального анализа, культурно-исторической интерпретации позволило классифицировать поэтонимы с точки зрения денотативного содержания, структуры, насыщенности культурно-истоической информацией.

Ключевые слова: оним, поэтоним, код культуры, языческое имя, христианское имя, топоним, мифоним, агионим, геортоним, этносоциохронотоп.

Для цитирования: Бут-Гусаим С. Ф. Актуализация кода духовной культуры в ономастиконе исторической прозы и научно-популярной литературы Зинаиды Дудюк / С. Ф. Бут-Гусаим // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 74–84. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18097919.

Введение. Современная белорусская писательница Зинаида Иосифовна Дудюк плодотворно работает в жанре исторической прозы. В ее произведениях оживают страницы истории древних славянских племён (романы «Сыновья Рарога», «Велеситы», повесть-хронограф «Славянские князья»), события войны с Наполеоном («Год 1812»), драматическая история Первой и Второй мировых войн и послевоенных десятилетий (романы «Услада и горечь», «Лоза», «Гонды»). Творчество писательницы принадлежит к высоким образцам речевого ономастического мастерства. З. Дудюк серьезно подходит к подбору имён литературных героев, стараясь не отступить от исторической правды, придать именам смысловую нагрузку, что способствует раскрытию идейно-тематического содержания произведений.

В исторической прозе и научно-популярных сборниках белорусской писательницы прослеживается становление славянского именослова, взаимодействие онимов разных этнических групп. При изучении поэтики произведений З. Дудюк анализ ономастического пространства необходим: поэтоним становится своеобразным

культурно-историческим индексом, актуализирующим энциклопедическую информацию об истории, материальной и духовной славянских народов. Однако исследования именослова произведений писательницы «Цена свободы» и «Возвращение забытого мифа», систематизация и классификация составляющих авторского поэтонимикона, лингвокультурологическая квалификация его компонентов еще не проводились, что определяет актуальность представленной работы.

Историю князя Славии Годслава, который стремился утвердить свободу и независимость государства путём установления христианской веры на своих землях, рассказывает Зинаида Дудюк в романе «Цена свободы». В сборнике «Возвращение забытого мифа» писательница рассматривает сюжеты славянской мифологии, возникшей в результате обожествления сил природы и культа предков, размышляет об особенностях мышления славян в древности, объясняет происхождение географических названий, наименований праздников, даёт ключ к пониманию произведений литературы и искусства, в которых использованы мотивы славянских легенд и мифов. Автор тонко чувствует и актуализирует культурно-историческую семантику поэтонимов. При глубокой продуманности подбора имён писательница насыщает их значимой культурно-исторической информацией, документальную точность сочетает с художественной презентацией исторических фактов и личностей, что является особенностью ее стиля.

В современной литературной ономастике работ по изучению поэтонимикона исторической прозы и научно-популярной литературы мало. Национально-культурная специфика именослова романа З. Дудюк «Сыны Рарога» и повести Ольги Ипатовой «Знак великого магистра» рассмотрена С.Ф. Бут-Гусаим в статье «Имя и образ в исторической прозе современных белорусских писателей» [2]. Поэтикоономастические функции онимов в творчестве Ольги Ипатовой рассмотрены в статье «Культурно-историческая специфика поэтонимикона повести Ольги Ипатовой “Последние жертвы священного дуба”» [3]. Образное содержание антропоэтонимов в исторической драматургии проанализировано М. Сивак в статье «Имя и образ в пьесе Зинаиды Дудюк “Микола Гусовский”» [10]. Культурно-историческая функция персонимов в романах Георгия Марчука «Цветы провинции» и «Крик на хуторе» рассмотрена в работе К. Свиридович «Прагматическая значимость личных имён собственных в прозе Георгия Марчука» [9]. Национально-культурная специфика аноропонимикона советского периода отечественной истории проанализирована в статье К. Свиридович «Именослов сборника исторической прозы Зинаиды Дудюк “Пленники жизни”» [8]. Жанрообразующая роль поэтонимов в научно-популярных сборниках белорусских авторов изучена М. Талатынник в работе «Языческая культура славян в зеркале именослова научно-популярной литературы Михаила Чернявского и Анатолия Бутевича» [12]. Историко-лингвистическая, социальная, культурологическая информация поэтонимов исторической прозы Юзефа Игнатия Крашевского рассмотрена в статье К. Свиридович «Именослов исторической повести Юзефа Игнатия Крашевского “Последние минуты князя воеводы (Пане Коханку)”» [7].

Материалы и методы исследования. Материалом для исследования послужили произведения З. Дудюк — исторический роман «Цена свободы» и сборник научно-популярных эссе «Возвращение забытого мифа», в которых интерпретируется история славянских племён. С опорой на сведения, представленные древними историками, писательница рассматривает судьбы рарогов, могилян, селичей, лисичан, лютичей и многих других.

Объект представленного исследования — поэтонимикон исторической прозы и научно-популярных эссе З. Дудюк. В упомянутых произведениях Зинаиды Дудюк было

зафиксировано 397 поэтонимов: 273 антропонима, 55 топонимов, 20 мифонимов, 11 этнонимов, 11 геортонимов, 11 агионимов, 6 теонимов, 10 библионимов.

Предмет исследования — лингвопрагматические, лингвокультурологические, структурные свойства ономастикона сборников.

Цель работы — определение культурно-исторической специфики художественного ономастикона произведений Зинаиды Дудюк с учётом истории формирования славянского именослова. Задачи — осуществить выборку поэтонимов, употреблённых в произведениях белорусской писательницы; расклассифицировать ономастический материал с точки зрения денотативного содержания, структуры, прагматической значимости; выявить энциклопедическое значение имен собственных, обусловленное контекстом исторической прозы и научно-популярной литературы; определить их роль в формировании этносоциохронотопа сборников.

Поэтонимикон произведений Зинаиды Дудюк структурируется **культурными кодами** — «ценностной знаковой системой, которая содержит информацию о мире и выражается в процессах категоризации действительности. Различные фрагменты мира, среди которых и имена собственные, становятся основой **кодов культуры**, описывающих мир с позиций человека» [1, с. 86]. Рассмотрение ономастикона романа З. Дудюк «Цена свободы» и сборника «Возвращение забытого мифа» будет осуществлено в русле выявления культурных кодов, связанных с духовной культурой славянских народов XI века.

При изучении поэтонимикона сборников З. Дудюк были использованы следующие методы: описательный (дескриптивный), методы контекстуального анализа и культурно-исторической интерпретации.

Методологической базой исследования стали работы по литературно-художественной ономастике В.М. Калинкина, М.В. Карпенко, Ю.А. Карпенко, Э.Б. Магазаника, Е.С. Отина, О.И. Фоняковой, А.Ф. Рогалева, В.В. Шура, И.М. Петрачковой и др.

Теоретическое значение работы заключается в том, что полученные результаты способствуют углублению положений литературной ономастики, в частности, признанию значимости литературных онимов в поэтике исторической прозы и научно-популярной литературы.

Практическая ценность полученных результатов заключается в том, что они могут быть использованы в лексикографии — для составления словарей языка писателей. Материалы найдут использование в лингводидактике — в преподавании стилистики, лингвистики текста, литературно-художественной ономастики.

Основная часть.

1. Прагматическая значимость заглавия художественного и научно-популярного текста.

Сильной позицией текста, его доминантой, актуализирующей содержание произведения, является библионим — заглавие. Название очерчивает смысл произведения, выражает сюжетную перспективу, по мере прочтения насыщается прагматической значимостью. И. Р. Гальперин отмечает: «Название своеобразно сочетает в себе две функции — функцию номинации и функцию предикации. Название можно метафорически представить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [4, с. 133]. Заглавие романа «Цена свободы» относится к идейно-характеристическому типу. События произведения разворачиваются во время борьбы славянских племен за независимость с германцами и саксами в XI веке. В начале произведения рассказывается об убийстве саксами князя рарогов Прибыгнева. Княжеский сын понимает: «*Мне досталась такая участь, как у деда, князя Мстивоя, — бороться за* ***волю*** *народа. Он побеждал врагов*» [14, с. 80]. Князь собирает дружину и

идет отвоевывать отцовское наследство, которое забрали чужаки. В этой борьбе за свободу погибают не только воины, но и мирные жители и сестра княжича — Годика. Становясь мудрым правителем, Годслав (в христианстве Готшалк) начинает понимать: чтобы **сохранить свободу** и независимость Славии, необходимо объединить славян верой в Единого Бога, пока им неведомой. Князь строил церкви, монастыри, откуда могли бы выйти проповедники, несшие Слово Божие на родном языке. Новая вера нужна была, чтобы объединить народы, держать их в пределах законов Божиих и человеческих. Став искренним христианином, князь убеждается: «*Для нас важно не только быть подобным Христу, а носить его в сердце, мыслях, стремлениях, служить ему. Эта жизнь, которая есть Христос, оставляет нас и даёт возможность иметь собственную* ***волю*** *на то, чтобы принять или свергнуть его. Победа над своим грехом поддерживается неразрывной связью со Христом, который является для нас чистой победоносной жизнью...*» [17, с. 56–57]. Кровавая цена была заплачена за попытки внедрить христианство на славянских землях: был убит Готшалк и его сын, уничтожались храмы, погибали священники, монахи. Славянский князь-мученик за веру Готшалк был признан святым в Римско-католической церкви. Он считается покровителем лингвистов и переводчиков. Заглавие сборника «Возвращение забытого мифа» также относится к идейно-характеристическому типу: писательница в книге представляет читателям творческое осмысление сюжетов славянской языческой мифологии, следы которой остались не только в языке (фитонимах, топонимах, геортонимах), но и в произведениях устного народного творчества.

2. Классификация антропоэтонимов по структуре, соотношению с денотатом, композиционной роли в тексте.

Ядерную позицию в поэтонимиконе произведений Зинаиды Дудюк занимают антропоэтонимы. В именослове романа «Цена свободы» представлены следующие типы именований персонажей: 1) однокомпонентные именования языческим или календарным онимом (***Хвалена***, ***Прибыгнев***, ***Ратибор***, ***Удо***, ***Журавинка***, ***Бернхард***, ***Ходько***, ***Рута***, ***Красамира***); 2) двухкомпонентные, представляющие сочетание «языческое имя+прозвище» или «христианское имя+характеристическое прозвание-прозвище» (***Любомир Рыжий***, ***Олаф Святой***, ***Карл Великий***).

На основе классификации О. И. Фоняковой [11, с. 38] антропоэтонимы по композиционной роли в тексте были разделены на сюжетные, в числе которых главные (***Готшалк***, ***Будивой***, ***Болеслав***, ***Журавинка***) и эпизодические (***Хвалёна***, ***Удо***, ***Святослава***, ***Гончарик***, ***Ковалек***, ***Костка***, ***Радослав***, ***Бортка***), и внесюжетные — те, что только упоминаются (повитуха ***Рута***, князь ***Ратибор***, конунг ***Кнуд***, император ***Конрад***, епископ ***Пильгрим***, епископ ***Бруно***).

Важный фактор формирования структуры ономастикона исторической прозы и научно-популярной литературы — употребление имён реальных исторических деятелей. В числе реалионимов **имена-современники**: именования правителей государств и религиозных деятелей, события жизни которых приходятся на XI век, время развертывания событий романа: герцог Саксонии ***Гернхард***, князь полабов ***Ратибор***, император Священной Римской империи ***Конрад***, его сын ***Генрих***, король Франции ***Генрих I***, конунг Дании ***Кнуд***, его сыновья ***Свен*** и ***Харольд***, аугсбургский епископ ***Бруно***, архиепископ кёльнский ***Пильгрим***, князь рарогов ***Прибыгнев***, княгиня ***Святослава***. В размышлениях князя-проповедника ***Готшалка*** упоминаются **имена-ретроспекции** — именования правителей, которые укореняли христианство в своих странах: ***Олаф Святой***, ***Карл Великий,*** а также прецедентные имена библейских текстов: царя ***Саула***, святого ***Павла***.

3. Актуализация кода языческой культуры в поэтонимиконе произведений Зинаиды Дудюк.

Репрезентантами базового кода духовной культуры являются антропонимы, мифонимы, геортонимы, топонимы, этнонимы, выражающие **языческие верования** славянских племён XI века. В языческих сакральных именах выявлено видение славянами мира, наполненного богами, выражена связь посредством имени с семьёй, родом, тотемными предками.

Особенностью стиля Зинаиды Дудюк является актуализация в контексте ее произведений внутренней формы имён реальных исторических личностей. Украинский ономатолог Ю.А. Карпенко, рассматривая функционирование в произведении реалионимов, отмечал, что именования исторических деятелей, становясь компонентами поэтической ономастики, являются «говорящими» именами: «Историческая информация, содержащаяся в имени, сохраняется только в той мере, в какой это нужно писателю, и дополняется характерными для данного произведения информационными и эмоциональными “довесками”. Сияя отраженным светом — историческим (от реального денотата) и художественным (от созданного писателем образа), — реально-историческое имя приобретает в художественном произведении собственное ономастическое сияние»[5, с. 39].

Так, князь рарогов носит имя-композит ***Годслав***, смысл которого перекликается со значением слов, которые объединены в имени: **годны**, **годнасць** бел. ‘*достойный (достоинство)*’ [18, с. 143] и ***слава***. Содержание романа насыщает реалионим глубинным смыслом. Сын убитого саксами князя Прибыгнева, узнав о смерти отца решает: «*Он не простой смерд, а княжеский потомок, должен иметь* ***достойное место*** *в стране, не так важно в какой, своей или чужой, случается, что славяне приглашают к себе на службу князя из другого племени, но предварительно нужно заслужить* ***добрую славу*** *о себе*» [14, с. 39]. Собрав дружину, Годслав начинает освобождать от саксов наследственные земли. Пройдя тяжелые испытания (плен, гибель сподвижников и сестры), князь путём соглашения с данами и саксами, распространения христианства, что способствует созданию сильного централизованного государства Славии, проповедь веры Христовой среди славян получает славу **доброго правителя** и просветителя, а после мученической смерти признание в качестве святого.

Контекст романа оживляет внутреннюю форму имени славного князя-воина ***Мстивоя*** (деда Годслава), сумевшего **отомстить** саксам, завоевавшим его земли и поработившим рарогов. Имя-композит княжеского сына ***Будивоя*** (пожелание ***быть воином***) определило судьбу юноши: с детства княжичу «*стрелять из лука, размахивать мечом и метать копьё очень нравилось*» [17, с. 52]. После смерти отца «***Будивой*** *бежал к саксонскому герцогу Ардульфу в Люнебург, вместе они пытались усмирить славян, но это были неудачные попытки. В скором времени* ***Будивой*** *погиб, сражаясь за отцовское наследство с новым князем* ***Круком****, которого избрали его соплеменники*» [17, с. 71].

Основой дохристианских имён становились названия птиц и зверей. Наши предки верили, что носители таких имён — потомки тотемных животных — получают их свойства. Так, князь ободритов, возглавивший восстание против христиан и победивший Готслава, носит имя ***Крук*** (ворон). От тотемного предка-ворона ***Крук*** получил такое качество, как мудрость (всеведение), позволившую победить в борьбе за власть в своём княжестве и в сражении за свободу Славии. ***Крук*** был избран народом в князья, успешно воевал с германцами и саксами, завоевал и разрушил Гамбург в 1072 г. Названное имя может быть отнесено к поэтонимам з мифологическим подтекстом.

Отражен в именослове произведения З. Дудюк давний обычай **соименования**, когда члены княжеских семей имели имена с общим структурным компонентом: князья рарогов ***Мстивой*** и его правнук ***Будивой***, княжич ***Годслав*** и княжна ***Годика***.

Языческие имена созданных фантазией писательницы персонажей –репрезентанты коннотации социальности. Наши предки верили в созидательную (креативную) сущность называния. «Слово **имя** восходит к индоевропейскому *nmen- из *enmen-, которое объясняется как '*то, что находится внутри*'. Отсюда — древнейшая семантическая интерпретация имени как того, что вкладывается, возлагается» [6, с. 23]. **Созидательная (креативная) сущность именования** проявлялась в функционировании так называемых имён-пожеланий, предопределяющих счастливую судьбу славного властителя, воина, жреца. В романе носителями имён-композитов являются жрец ***Радослав***, князь ***Любомир***, пан ***Мирослав***, дружинники ***Ростислав*** и ***Болеслав***.

Языческие имена героев романа, можно считать **«говорящими» поэтонимами** — именованиями-вывесками, лаконичными зарисовками-портретами персонажей. Языческие имена отражают род занятий предков человека (***Ковалёк*** — сын кузнеца, ***Гончарик*** — сын гончара). Именем-оценкой способной к науке, высоко ценимой при дворе князя Прибыгнева служанки, которая рунами переписывалась с важными личностями, стала прозвище ***Хвалёна***.

Репрезентантами кода языческой культуры являются **мифонимы**, выражающие языческие верования славянских племен XI века. Употреблением именований богов и духов писательница передает сведения о первозданной вере пращуров, жизнь которых была тесно связана с природой, которые поклонялись солнцу, грозе, земле, дождю. Рароги верили, что многие исконные боги ***Световит, Велес, Перун, Ярило, Дажьбог, Лада, Лёля***, которые покровительствуют живым и мертвым, не делят людей на добрых и грешных, а принимают в свой дивный мир всех, ибо знают, что славяне чтят свои законы, род, самих себя и все достойны лучшей жизни после смерти, когда их души взлетают с дымом на небо. Славяне-язычники видели в окружающей природе проявления сверхъестественных существ, приносящих людям горе или счастье: «*Нечистиков тоже не стоит бояться: **Русалки** еще в середине лета попрятались в реку, готовясь к холодам, а **Лесовик** не трогает людей, которые не вредят лесу. **Велес** и огненный дух **Рарог** вообще покровительствуют каждому человеку*» [14, с. 40]. Писательница нередко использует прием персонификации: герои романа обращаются к божествам, разговаривают с ними, веря в их содействие и поддержку: «*Боже **Велесе**, помоги князю Годславу! — поднес руки к небу тиун*» [15, с. 38]; «*Молилась богам **Ладе** и **Живе**, чтобы привели парня в ее дом*» [14, с. 67]; «*Тогда он начинал просить **Световита**, **Сварога**, **Велеса** и **Перуна**, чтобы подарили ему мгновенную смерть, как и подобает князю и вою*» [15, с. 53]. Как живых и сильных покровителей племени, князя и воинов воспринимали рароги богов, изображения которых были и в святилищах, и на знамёнах и хоругвях дружины: «*Княжич направился к **Зничу**, поклонился ему и всем богам-сворожичам, положил жертву — несколько серебряных монет — на Алатырь-камень. Начал молиться перед **Радегастом**, прося у него благоприятствования и всякой помощи в походе. Не забыл и о Журавинке, просил богиню **Ладу** помочь ей родить ребенка и сохранить здоровье и силу*» [14, с. 81]. В сборнике «Возвращение забытого мифа» писательница рассуждает о мотивации мифонима ***Радегаст***: «*Главным богом для бодричей (ободритов) был **Радегаст**, имя которого прочитывается как **гость**, несущий **радость**. Возможно, в среде ободритов было много купцов и для благоприятствования этой своей деятельности они и выбрали бога с соответствующими функциями*» [13, с. 98].

Автор повествует, что этнонимы нередко образовывались от имен языческих богов. Основа прозвания племени рарогов — имя огненной птицы ***Рарога***: «*Мы, рароги, **дети огненного Сокола**, всегда душой говорим с небом*» [14, с. 36]. От тотемного предка-Сокола рароги Годслав и его соплеменники получили мужество, чтобы бороться за свободу.

Выразителями кода языческой культуры становятся в романе наименования языческих святилищ: ***святилище Рарога, святилище Родегаста, святилище Перуна***. Святилища посвящались тому или иному божеству. В честь него назывались места и поселения, находившиеся поблизости. Так, топоним ***Велегард*** образован имени бога ***Велеса***: изображение головы бога было на княжеских хоругвях и воротах селения. Слобода торговцев называлась ***Рарогом*** [14, с. 80]. Исчезли святилища и языческая вера, а названия живут, напоминают о себе, помогают понять путь, пройденный народом. В современной топонимике сохранялись такие именования: «*Топонимические названия, посвященные **Ладе**, чаще встречаются на Витебщине: **Ладосно**, **Ладейно**, **Ладиково**, **Ладинец**. Наверное, там эта богиня больше всего почиталась. В этом же регионе есть деревня **Ладеники***» [13, с. 62].

Структура топонимикона исторического романа Зинаиды Дудюк обусловлена мифологическими представлениями славян о мире. Репрезентантом «того» света, куда души людей попадают после смерти, становится ***Вырай*** — волшебная теплая райская страна. Компонент сакрального топонимического пространства — ***Алатырь-камень***, отец всем камням, пуп земли: «*Невольно Годслав опустил глаза, поклонился трижды всем богам, приблизился к **Алатырь-камню**, широкому и приплюснутому, положил несколько серебряных монет, которые носил с собою, начал молиться, чтобы боги приняли в святой **Вырай** его отца, простили ему грехи вольные и невольные*» [14, с. 81].

Мировоззрение славян-язычников передают использованные в исторической прозе **геортонимы**: например, ***Деды*** и ***Радуница*** –именования праздников поминовения усопших. В романе «Цена свободы» актуализируется энциклопедическая информация геортонима ***Коляды*** в повествовании о празднике, когда по Велегарду ходили волочебники, одетые животными (козой, медведем), дедом и бабой, далекими предками, поднимающими над головами звезду, показывая: время повернуло на лето. Во время праздника славяне вспоминали, что ***Коляда*** освободил всадников Хорса, захваченных Чернобогом, и теперь солнце выше будет подниматься над миром, согревая землю, даря жизнь всему живому [16, с. 40]. В праздниках могут сочетаться христианская вера с давними языческими верованиями славян: «*Гроза всегда была и остается для человека страшным и опасным явлением. Поэтому неудивительно, что наши далекие предки создали грозное божество — **Перуна**, которому молились о спасении во время грозы, у которого просили содействия в борьбе с врагами. Праздник **Перуна** приходится на 2 августа. В этот день обычно случаются грозы. После введения христианства **Перуна** постепенно заменили христианские герои, преимущественно **Илья***» [13, с. 19].

4. Актуализация кода христианской культуры в поэтонимиконе произведений Зинаиды Дудюк.

В романе «Цена свободы» об эпохе прорарастания в язычество христинской религии прадставлены онимы-репрезентанты христианской культуры как мировоззрения и мироощущения, морального кодекса, совокупности нравственных представлений.

В XI веке в Европе (в том числе и в славянских княжествах), укрепляло свои позиции христианство. Поэтому компонентом антропонимикона романа З. Дудюк являются христианские (календарные) персонимы. Христиане носили имена, дававшиеся в честь святых мучеников — князей, монахов, священников, погибших за веру. Сакральные (христианские) антропоэтонимы романа — слова, заимствованные из германских (***Карл***, ***Генрих***, ***Ардульф***, ***Конрад***, ***Бруно***, ***Бернхард***, ***Харальд***, ***Удо***, ***Готшалк***), скандинавских (***Олаф***, ***Кнуд***), латинского (***Пильгрим***) языков.

Отражены в романе и факты изменения имён славянских князей после принятия ими христианства: ***Прибыгнев*** становится ***Удо***, ***Годслав Готшалком***, а ***Будивой Михаилом***.

В романе представлено христианское понимание имени. Сакральное имя, данное при крещении, — путь, ступенька на пути служения Единому Богу. Сын князя рарогов ***Годслав*** в монастыре получает христианское имя ***Готшалк***, что означает *'слуга Божий'*. Возрастая как верующий и как князь-христианин, ***Готшалк*** делает все, чтобы объединить славян под знаменем веры во Христа, что сделает их сильнее в борьбе с чужаками. Способствуя созданию церквей и монастырей, распространяющих Слово Божие на славянских языках, князь становится талантливым проповедником: «*Христос не желает, чтобы мы работали ради него, но хочет, чтобы дали ему возможность действовать через нас, тогда наша жизнь становится победоносной, полной* ***служения*** *и радости.* ***Служение*** *будет совершенно новым, если мы сможем дать возможность Христу* ***служить*** *через нас. Но сначала нужно принять его как личного Спасителя через пролитую им Пречистую кровь и смерть на кресте вместо нас*» [16, с. 56-57]; «*Готшалк понимал важность того, что произносит перед верующими проповедник. Каждое слово должно направляться к сердцу слушателей, волновать, призывать к самосовершенствованию, чтобы с чистой душой предстать перед Богом после смерти*» [16, с. 55]. **Служение** Христовой вере славянского князя увековечено тем, что церковью Готшалк признан был святым [17, с. 71].

Духовный код христианской культуры представляют в романе **теонимы** (***Бог, Творец, Господь***), **агионимы** (***Иисус Христос***, ***Дева Мария, апостол Павел***, ***Святой Готшалк***), **экклезионимы** (***монастырь Святого Михаила в Люнебурге***, ***собор Святого Петра в Риме***, ***Хальберштадский собор***), **библионимы** (***Евангелие***, ***Библия***, ***Священное Писание***, ***Ветхий Завет***), **геортонимы** — наименования христианских праздников (***Рождество Святой Марии***, ***Рождество Христа***). Так, насыщена сакральными онимами проповедь князя ***Готшалка***, убежденного, что Словом можно поселить людям веру в Единого Бога и освободить от старых верований и предрассудков: «*Мы, христиане, верим, что существует единый* ***Бог, Творец*** *мира, возведенного словом его, которое предшествовало началу времени. Это слово есть* ***Сын Божий****, которое пришло к* ***Деве Марии*** *и воплотилось в рождении ею ребенка. Это слово —* ***Господь*** *наш* ***Иисус Христос****, проповедовавший* ***Новый Завет*** *и новое заповедание* ***Царства Небесного***» [17, с. 52].

5. Культурно-историческая составляющая ономастикона произведений Зинаиды Дудюк.

Культурно-историческая составляющая поэтонимикона романа «Цена свободы» отражает полиэтничность территории Европы XI века, на которой жили даны, германцы, рароги, лютичи, глиняне, венеды, полабы, лютичи и др. В контексте исторической прозы писательницы нередко актуализируются фоновые знания, информация исторического, политического характера. Топонимы и этнонимы произведения выполняют функцию этносоциохронотопа. Нередко на страницах романа повествуется об изменении именований племён и географических названий в связи с изменением геополитических обстоятельств. Князь Готшалк вспоминает, что после покорения чужаками территорий, ранее принадлежавших славянам, город ***Глинин***, где жили славяне-***глиняне***, стал называться ***Люнебургом***, река ***Лаба — Эльбой***, ***Одра — Одером***, славяне-рароги — ***ободритами*** (живущими за ***Одрой***), ***Велегард — Мекленбургом***, ***Дроздяны — Дрезденом***, ***Славия — Венландом***, страной вендов, ***Старое городище — Альденбургом***. Славяне же германцев стали называть ***немцами***, так как их язык был непонятен, будто они немы [16, с. 51]. Следы именований славянских племён писательница находит в современных белорусских топонимах и антропонимах: «*Как уже отмечалось ранее, на*

территории Европы в то время жили славянские племена ***могилян***, ***смолян,*** ***драговитов***, ***селичей***, ***лисичан***, ***сапов***, ***лютичей***, ***велеситов***, ***углян*** *и других. Славяне двинулись на восток, селились на Днепре, Немане, Припяти, Березине, Двине, обживали новые земли, корчевали леса, строили поселения. На карте Беларуси сегодня мы найдем достаточно топонимов, которые повторяют вышеназванные наименования:* ***Могилев***, ***Смоленск*** *(город входил в состав Великого княжества Литовского),* ***Дрогичин***, ***Селец***, ***Лисичицы***, ***Угляны****... Стоит обратить внимание на наши фамилии. В них также можно встретить знаки принадлежности к определенному племени:* ***Могилянец***, ***Смоляк***, ***Сапач***, ***Речиц***, ***Углянец***, ***Велесевич***, ***Селецук*** *и много други*» [13, с. 116].

По мере развития сюжета романа «Цена свободы» «говорящим» поэтонимом стало название города ***Любицы***, в котором князь Готшалк после многих лет одиночества пережил настоящую любовь: «*Венчание состоялось в* ***Любице****, где даже название городища говорило о* ***любви****. Так, это чувство неожиданно начал переживать Готшалк, его уставшая и очерствевшая душа вдруг будто ожила, сердце сделалось большим от полноты чувств, которыми он готов был одаривать молодую жену. И она, отогретая теплом, раскрылась навстречу князю с надеждой на светлую судьбу. Так, наконец, Готшалк мог позволить себе искупаться в Счастье*» [17, с. 67].

Важное средство создания хронотопа исторической прозы — устаревшие топонимы. В числе них выделяются **археонимы**: **собственно лексические,** полностью отличающиеся от современных названий: ***Константинополь*** (совр. Стамбул), **фонетико-словообразовательные** — особенностями звучания и морфемами: ***Дроздяны*** (современн. ***Дрезден***), ***Лаба*** (современ. ***Эльба***). Использованы в романе и **историонимы** — наименовании государств, исчезнувших с политической карты мира: ***Византия***, ***Славия***.

«Фоновые» онимы произведений З. Дудюк показывают творческий подход писательницы к использованию мифонимов, геортонимов, топонимов и т.д. Упомянутые поэтонимы придают черты узнаваемости описанным историческим местам и событиям, являются ассоциативно нагруженными.

Заключение. Отличительной особенностью поэтонимикона романа «Цена свободы» и сборника «Возвращение забытого мифа» является использование реалионимов — имен реальных исторических деятелей, которые в контексте произведений приобретают прагматическую значимость, становясь «говорящими» именами. Именования персонажей, созданных воображением автора, соответствуют структуре и семантике именослова европейских народов XI века, являясь репрезентантами кода духовной культуры славянских народов — языческой и христианской. «Фоновые» онимы сохраняют и передают читателю ценные сведения об истории славян, т. е. выполняют кумулятивную функцию.

В контексте произведений Зинаиды Дудюк одной из важнейших является **культурно-историческая** функция. Антропоэтонимы и «фоновые» онимы «вписаны» в эпоху прорастания язычества в христианство: выражают веру людей в единение с природой через предка-тотема, стремление именем определить счастливую жизнь (языческий именослов) и обеспечить помощь Бога и небесного заступника (христианский именослов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белорусское Поозерье: культура, ономастика, социум : монография / А.М. Мезенко [и др.] ; под науч. ред. А.М. Мезенко. — Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. — 180 с.

2. Бут-Гусаим С.Ф. Имя и образ в исторической прозе современных белорусских писателей / С.Ф. Бут-Гусаим // Материалы по русско-славянскому языкознанию : [сб. науч. тр.]. — Воронеж: ВГУ, 2024. — Выпуск 37. — С. 223–238.

3. Бут-Гусаим С.Ф. Культурно-историческая специфика поэтонимикона повести Ольги Ипатовой «Последние жертвы священного дуба» / С.Ф. Бут-Гусаим // Учёные записки Шадринского государственного педагогического университета : сетевой науч. журн. — 2024. — № 3 (5). — https://uzshspu.ru/journal/article/view/206.

4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. — М.: Наука, 1981. — 140 с.

5. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю.А. Карпенко // Филологические науки.– 1986. — № 4. — С. 34–40.

6. Рогалев А.Ф. Введение в антропонимику. Именование людей с древнейших времён до конца XVIII века (на белорусском антропонимическом материале) / А.Ф. Рогалев. — Брянск: Группа компаний «Десяточка», 2009. — 147 с.

7. Свірыдовіч К.У. Іменаслоў гістарычнай аповесці Юзафа Ігнацыя Крашэўскага “Апошнія хвіліны князя ваяводы (Пане Каханку)” / К.У. Свірыдовіч // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце : [зб. навук. арт.]. — Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2024. — С. 233– 238.

8. Свірыдовіч К.У. Іменаслоў зборніка гістарычнай прозы Зінаіды Дудзюк “Палоннікі жыцця”/ К. У. Свірыдовіч // Альфа-2024 : [зб. навук. арт.]. — Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2024. — С. 198–200.

9. Свиридович К.В. Прагматическая значимость личных имён собственных в прозе Георгия Марчука / К.В. Свиридович // Сохранение русского языка и культуры в контексте национальной безопасности : [сб. науч. ст.]. — Брянск: РИСО БГУ, 2023. — С. 151–160.

10. Сівак М.Ю. Імя і вобраз у п’есе Зінаіды Дудзюк «Мікола Гусоўскі» / М.Ю Сівак // Наука — практике : [сб. науч. ст.]. — Барановичи: БарГУ, 2024. — Ч. 2. — С. 313–316.

11. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фонякова. — Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. — 104 с.

12. Талатыннік М.А. Язычніцкая культура славян у люстэрку іменаслову навукова-папулярнай літаратуры Міхася Чарняўскага і Анатоля Бутэвіча / М.А. Талатыннік // Слово в языке, речи, тексте : [сб. науч. ст.]. — Брест : БрГУ, 2024. — С. 239–242.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Дудюк З.И. Возвращение забытого мифа / З.И. Дудюк. — Минск: Беларусь, 2013 — 144 с.

14. Дудюк З.И. Цена свободы : роман: ч. 1 / З.И. Дудюк // Молодость. — 2024. — № 9. — С. 36–81.

15. Дудюк З.И. Цена свободы : роман: ч. 2 / З.И. Дудюк // Молодость. — 2024. — № 10. — С. 31–59.

16. Дудюк З.И. Цена свободы : роман: ч. 3 / З.И. Дудюк // Молодость. — 2024. –№ 11. — С. 34–69.

17. Дудюк З.И. Цена свободы : роман: ч. 4 / З.И. Дудюк // Молодость. — 2024. — № 12. — С. 45–71.

18.Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : Больш за 65 тысяч слоў / І.М. Бунчук [і інш.] ; пад рэд. М. Р. Судніка, М.Н. Крыўко. — Мінск: БелЭн, 1996. — 784 с.

REFERENCES

1. Belorusskoe Poozer'e: kul'tura, onomastika, socium : monografiya (2017). [The Belarusian Lake district: culture, onomastics, society : monograph]. Vitebsk: VSU named after P. M. Masherov. (In Russian).

2. But-Gusaim S.F. (2024). Imya i obraz v istoricheskoj proze sovremennyh belorusskih pisatelej [The name and image in the historical prose of modern Belarusian writers]. Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniyu [Materials on Russian-Slavic linguistics].233–238. (In Russian).

3. But-Gusaim S.F. (2024). Kul'turno-istoricheskaya specifika poetonimikona povesti Ol'gi Ipatovoj «Poslednie zhertvy svyashchennogo duba» [Cultural and historical specifics of the poetonymicon of Olga Ipatova's novel "The Last Victims of the Sacred Oak"]. Uchyonye zapiski SHadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Scientific notes of Shadrinsky State Pedagogical University]. 3 (5) (In Russian).

4. Gal'perin I.R. (1981). Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka (In Russian).

5. Karpenko YU. A. (1986). Imya sobstvennoe v hudozhestvennoj literature [Proper name in fiction]. Filologicheskie nauki [Philological sciences].4,34–40 (In Russian).

6. Rogalev A.F. (2009). Vvedenie v antroponimiku. Imenovanie lyudej s drevnejshih vremyon do konca HVIII veka (na belorusskom antroponimicheskom materiale) [An introduction to Anthroponymy: Naming people from ancient times to the end of the 17th century (based on Belarusian anthroponymic material)]. Bryansk: Group of companies "Ten" (In Russian).

7. Svirydovich K.U. (2024). Imenasloў gistarychnaj apovesci YUzafa Ignacyya Krasheўskaga “Aposhniya hviliny knyazya vayavody (Pane Kahanku)” [The author of the historical novel by Jozef Ignatiy Krashevsky "The last moments of Prince Voivode (Pan Kohanku”)"]. Belaruskaya mova i litaratura ў slavyanskim etnakul'turnym kanteksce [The Belarusian language and literature in the Slavic ethnocultural context], 233–238 (In Belarusian).

8. Svirydovich K.U. (2024). Imenasloў zbornika gistarychnaj prozy Zinaidy Dudzyuk “Palonniki zhyccya” [The author of the collection of historical prose by Zinaida Dudyuk "Prisoners of life”]. Al'fa-2024 [Alpha-2024],198–200 (In Belarusian).

9. Sviridovich K.V. (2024). Pragmaticheskaya znachimost' lichnyh imyon sobstvennyh v proze Georgiya Marchuka [The Pragmatic Significance of Personal Proper Names in Georgy Marchuk's Prose]. Sohranenie russkogo yazyka i kul'tury v kontekste nacional'noj bezopasnosti [Preservation of the Russian language and culture in the context of national security]. 151–160 (In Russian).

10. Sivak M.YU. (2024). Imya i vobraz u p’ese Zinaidy Dudzyuk «Mikola Gusoўski» [Name and image in the play by Zinaida Dudyuk"Nikolai Gusovsky"]. Nauka — praktike [Nauka practices].313–316 (In Belarusian).

11. Fonyakova O.I. (1990). Imya sobstvennoe v hudozhestvennom tekste [Proper name in a literary text]. Leningrad: Publishing House of Leningrad State University (In Russian).

12. Talatynnik M.A. (2024). YAzychnickaya kul'tura slavyan u lyusterku imenaslovu navukova-papulyarnaj litaratury Mihasya CHarnyaўskaga i Anatolya Butevicha [Pagan culture of the Slavs in the mirror of the popular science literature of Mikhail Chernyavsky and Anatoly Butevich]. Slovo v yazyke, rechi, tekste [A word in a language, speech, or text]. 239–242 (In Belarusian).

13. Dudyuk Z.I. (2013). Vozvrashchenie zabytogo mifa [The return of a forgotten myth]. Minsk: Belarus (In Russian).

14. Dudyuk Z.I. (2024). Cena svobody : roman: chast' 1 [The price of freedom : a novel: part 1]. Molodost' [Youth].9, 36–81 (In Russian).

15. Dudyuk Z.I. (2024). Cena svobody : roman: chast' 2 [The price of freedom : a novel: part 2]. Molodost' [Youth]. 10, 31–59 (In Russian).

16. Dudyuk Z.I. (2024). Cena svobody : roman: chast' 3 [The price of freedom : a novel: part 3]. Molodost' [Youth]. 11, 34–69 (In Russian).

17. Dudyuk Z.I. (2024). Cena svobody : roman: chast' 4 [The price of freedom : a novel: part 4]. Molodost' [Youth]. 12, 45–71 (In Russian).

18. Tlumachal'ny sloўnik belaruskaj litaraturnaj movy : Bol'sh za 65 tysyach sloў (1996). [Explanatory dictionary of the Russian literary language: more than 65 thousand words]. Minsk: The Belarusian Encyclopedia (In Belarusian).

Поступила в редакцию 28.07.2025

SPIRITUAL CULTURE CODE IN ONOMASTICON OF HISTORICAL PROSE AND POPULAR SCIENCE LITERATURE BY ZINAIDA DUDYUK

S. F. But-Gusaim

The article presents a comprehensive linguocultural and linguopragmatic description of the onomasticon in the novel "The Price of Freedom" and the popular science collection "The Return of the Forgotten Myth" by the Belarusian writer Zinaida Dudyuk. The representation of the basic code of spiritual culture by onyms is considered. The representation by pagan names (personyms, mythonyms, georthonyms) of a world filled with gods, a connection through a name with a family, clan, totemic ancestors is shown. The depiction of religion as a worldview, a moral code, and a set of moral concepts in Christian personims, hagionyms, and biblionyms is brought into the open. The main patterns in the writer's choice and creation of proper names in the genre of historical prose and popular science literature are revealed. The use of the descriptive method, methods of contextual analysis, cultural and historical interpretation made it possible to classify the poetonyms in terms of denotative content, structure, saturation with cultural and historical information.

Key words: onym, poetonym, cultural code, pagan name, Christian name, toponym, mythonym, hagionym, georthonym, ethnosociochronotope.

Бут-Гусаим Светлана Феодосьевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Республика Беларусь, г. Брест.
Доцент кафедры белорусского и русского языкознания.
ORCID: 0000-0002-4895-6947.
E-mail: svfbg@tut.by.

But-Gusaim Svetlana Feodosievna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Brest State University named after A.S. Pushkin, Republic of Belarus, Brest.
Associate Professor at Department of Belarusian and Russian Linguistics.
ORCID: 0000-0002-4895-6947.
E-mail: svfbg@tut.by.

Научная статья
УДК 070.1: 81`22:130.2
DOI: 10.5281/zenodo.18097963

ИММЕРСИВНОСТЬ КАК ПОЛИКОДОВЫЙ ФОРМАТ КОММУНИКАЦИИ

© 2025 М. А. Тамерьян[1], М. Л. Бабочиева[2]
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»
ORCID[1]: 0009-0003-1996-5099
ORCID[2]: 0009-0005-9910-4604

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье исследуется иммерсивная коммуникация как многомерный феномен, характеризующийся сложной социокультурной наполненностью и интерактивными характеристиками, постоянно развивающимися благодаря инновациям и возможностями разноканального влияния на аудиторию. Исследование проводится в условиях новой формирующейся парадигмы медиаориентированного общества и быстрого развития виртуальных технологий. Методологически работа базируется на интердисциплинарном подходе, объединяющем методы коммуникативистики, психологии, психолингвистики, культурологии и когнитивной лингвистики. В фокусе исследования находится описание феномена иммерсивности в различных сферах коммуникации, анализируется прагматика разных форматов иммерсивности в зависимости от сферы их реализации. Выявляется поликодовая синкретичность структуры и подробно рассматриваются компоненты вербально-синестетических комплексов, создающие эффект погружения в конкретные среды или ситуации. Отдельно выделяются типы реальности, синергически взаимодействующие в рамках иммерсивных проектов, спектаклей и полижанровых мероприятий. Примеры иллюстрируют креативные подходы к наименованию видов иммерсивной деятельности. Критическому осмыслению подвергаются функциональные роли иммерсивных практик и их направленность на формирование конвергентного опыта участников.

Ключевые слова: расширенная реальность, мультимедийность, конвергенция, синестезия, жанры иммерсивной коммуникации, функции иммерсивной коммуникации, лингвокреативность.

Для цитирования: Тамерьян М.А. Иммерсивность как поликодовый формат коммуникации / М.А. Тамерьян, М.Л. Бабочиева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 85–96. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18097963.

Введение. В условиях стремительного развития цифровых технологий и изменения коммуникативного ландшафта виртуальная журналистика становится одной из ключевых форм медиаинноваций, предоставляя новые возможности для взаимодействия с аудиторией и контентом. Цифровая революция, начавшаяся в конце XX века, привела к тому, что традиционные формы средств массовой информации — телевидение, радио, печатные издания — стали уступать по популярности и частоте использования новыми цифровым медиа.

Одним из наиболее ярких средств воздействия на аудиторию служат «погружающие медиа», которые представляют собой уникальный способ повествования, основанный на использовании эффектов дополнительной реальности. Современные технологии позволяют создавать иммерсивные способы коммуникации, которые не только информируют, но и вовлекают пользователя в процесс восприятия информации, превращая его из пассивного потребителя в активного участника события. Форматы

контента, соединяя фото, изображения, видео-, аудио- и вербальный текст в единой среде, создают эффект присутствия и позволяют ощущать себя частью происходящего.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью анализа знаний о новых видах реальностей и иммерсивных форматах воздействия на аудиторию в условиях их динамичного развития и модификации разножанровой коммуникации. Сформировавшиеся практика конвергенции новых и традиционных форматов общения и взаимодействия стала признаком нашего времени. Ускорение темпа жизни и потребления информации, знаний и впечатлений создали условия для расширения охвата потребления нового типа контента — иммерсивного, повышающего вовлеченность аудитории в коммуникативный процесс и усиливающего эффекты воздействия.

Новые системы медийной, историко-культурной, экскурсионной, художественной, образовательной и других видов коммуникации, в том числе синтетических, или конвергентных типов находятся в процессе формирования. Технологический аспект развития новых форматов опережает развитие теоретической и стратегической изученности новых жанрово-стилистических и тематически обусловленных направлений коммуникации. Изучение процессов производства и потребления новых способов подачи контента рассматривается в работах по семиотике, культурологии и медиакоммуникации — Daft & Lengel 1986 [17], Lombard & Ditton 1997 [21], Демьянков 2004 [6], Пампура 2010 [14], Мисонжников 2017 [12]; проблемам иммерсивной коммуникации посвящены исследования — Маклюэн 2003 [11], Амзин и др. 2016 [1], Miller & Kraidy 2016 [22], Благов 2017 [2], Вартанова и др. 2017) [4]; вопросы конвергенции и нового контента рассмотрены в работах — Вартанова 1999 [3], Качкаева 2010 [9], Круглова 2013 [10], de La Pena 2010 [18], Савинова 2017 [19], Hermida & Young 2021 [15], Дугин 2021 [8].

Объектом исследования выступают иммерсивные виды коммуникации в аспектах лингвокогнитивных, креативных, психоэмоциональных и технологических характеристик, а также сфер их применения в российском социокультурном пространстве.

Цель исследования заключается в выявлении функциональной прагматики поликодового синкретизма иммерсивных форматов коммуникации на уровне языка, ментальности, психики и перцепции в российском коммуникативном ландшафте.

Материал и методы исследования. Исследование опирается на междисциплинарный подход, ориентированный на области коммуникативистики, психологии, психолингвистики, культурологии и когнитивной лингвистики как интегративой базы. Материалом исследования послужили медиа-, историко-культурные проекты, свидетельствующие о тенденциях развития иммерсивного направления в медиасфере.

Основная часть. Иммерсивная коммуникация признается одной из самых значимых инноваций начала XXI века: эволюция коммуникационных технологий цифрового повествования повлияла не только на развитие медисистемы, но внедрилась практически во все сферы деятельности [23; 19; 23], ориентированные на расширение стратегий воздействия на аудиторию и интеракции с ней.

Новые медиа обусловили появление ряда теорий. Так, в соответствии с теорией богатства медиавозможностей (англ. *Media Richness Theory*) Р. Дафта и Р. Ленгелема средства коммуникации дифференцируются по потенциальной возможности эффективно передавать информацию [17].

Другой важной составляющей нового типа коммуникации является теория присутствия, предложенная М. Мински в 1980 году. Концепция присутствия, которая

учитывает психологическое состояние или субъективное восприятие виртуального нахождения в каком-либо месте или среде во время физического пребывания в другом [21]. На основе данной теории прогнозируются перцептивные воздействия на пользователей при погружении в виртуальную среду. Эффект присутствия достигается за счет сложных технологий, способных имитировать человеческие чувства, воспринимая искусственную среду как реальную.

В контексте иммерсивных медиа данная теория подчеркивает возможности VR-переноса аудитории в эпицентр событий, на новостную сцену, что создает синестетический эффект присутствия, вызывает эмпатию и рефлексию, поскольку аудитория из пассивного получателя информации превращается в соучастника сюжета. Методология теории присутствия используется разработчиками контента для виртуальной реальности, которая максимально усиливает ощущение погружения и присутствия, интенсифицируя тем самым общее воздействие новостного повествования [18].

Для достижения этих целей использовались такие технологии, которые создают иллюзию места, правдоподобия и владения виртуальным телом, стимулируют эмоциональное взаимодействие на аудиторию, повышение достоверности получаемых новостей.

Уже традиционно используются три типа иммерсии:

1) виртуальная реальность (VR — англ. virtual reality) — воображаемый, виртуальный мир, ощущение пребывания в котором создается при помощи специальных технических средств;

2) дополненная реальность (AR — англ. augmented reality), требующая применение мобильных приложений, дополнительных опций и надстроек, при помощи которых она усложняется и наслаивается;

3) смешанная (MR — mixed reality) как одна из разновидностей дополненной реальности, совмещающая возможности шлема VR и внешней видеокамеры [14].

И, наконец, недавняя инновация — расширенная реальность (XR — англ. extended reality) — это зонтичный термин, отражающий более широкое понятие, которое включает в себя VR, AR и MR, т.е. охват всех технологий, расширяющих объективную реальность на основе цифрового контента, позволяющих стирать грани между физическим и цифровым миром.

Рисунок 1. Расширенная реальность [33].

Российские СМИ переживают значительные изменения, обусловленные развитием технологий и потребительских предпочтений. Иммерсивная коммуникация предлагает

новые возможности для наррации, поскольку информационный поток постоянно возрастает, а внимание потребителей рассеивается.

К медиаиммерсивам относят так называемые живые мероприятия (англ *live events*) в реальном времени офлайн или онлайн с возможностью общения и обмена мнениями: конференции, семинары, встречи, лекции, воркшопы, концерты, спортивные и культурные мероприятия, создающие атмосферу присутствия, соучастия и вовлечённости, когда участники могут задавать вопросы, комментировать события и делиться впечатлениями в режиме реального времени. Активно использует чат-боты, форумы, опросы и голосования, что позволяет вовлекать аудиторию в процесс создания новостей и принятия решений.

Создание иммерсивного формата выставок, музеев, художественных и театральных перформансов, образовательных разнотематических проектов и игр привело к появлению полижанровых медиапроектов.

Медиагруппы, агентства и телеканалы «РИА Новости», «ИА ТАСС», «Russia Today/Россия сегодня», «Россия 24» являются на сегодняшний день создателями крупных иммерсивных проектов. Среди наиболее ярких проект **«Нюрнберг. *VRдикт* народов».**

В названии **«Нюрнберг. *VRдикт* народов»**, созданного в жанре документального детектива VR-формата, обыгрывается аксиология осуждения преступлений фашизма. Семантика контаминанта *VRдикт,* первым компонентом которого служит аббревиатура *VR* (*Virtual Reality* ‘виртуальная реальность’), вторым — корень *-дикт-,* от английского *verdict* ‘приговор’, восходящий к латинскому *vere dictum*/*veredictum* ‘истинно сказанное’, о приговоре присяжных в суде. Звуковая игра [*viar*] и [*ver*] создаёт ассоциацию с судом в виртуальном пространстве проекта, отсылая к событиям 1946 года, когда во Дворце юстиции Нюренберга международным военным трибуналом выносился приговор нацистской Германии.

Рисунок 2. VR-проект «Нюрнберг: VRдикт народов» [32].

Иммерсивная инсталляция «Пропавшие в кинохронике» — это уникальный проект, сочетающий историческое исследование, иммерсивные технологии и интерактивность. Метафоричность названия «Пропавшие в кинохронике» многослойна: с одной стороны, маркируются люди, жившие и сражавшиеся в период Великой Отечественной войны, события и объекты того периода, запечатлённые на плёнке, а также операторы, репортеры и фотографы, хроникёры исторических событий; с другой стороны, сам проект отражает аксиологию сохранения исторической памяти. Основная идея проекта заключается в исследовании посетителями архивных материалов — фото- и кинохроники, которые задокументировали исторические события. Зрители участвуют в

процессе поиска, собирают фрагменты кинохроники, расшифровывают надписи и восстанавливают утраченные детали. Название «Пропавшие в кинохронике» символизирует проблему идентификации людей, событий и объектов, сохранившихся только на архивной плёнке, и актуализации памяти о них.

Рисунок 3. «Пропавшие в кинохронике» [29].

Креативный подход к созданию бренда туристического маршрута репрезентируется названием иммересивной экскурсии по Владикавказу *«Дух города В»,* которое представляет собой пример использования однобуквенного сокращения *«В»* для обозначения урбанонима *Владикавказ* и антропоморфной метафоры города, передающей семантику его этнокультурной, исторической и архитектурной идентичности и особой энергетики.

Рисунок 4. Иммерсивная экскурсия по Владикавказу «Дух города В» [26].

Иммерсивный аудиовизуальный гид «Владей Кавказом» — это туристический медиапроект по горной Осетии. В слогане *Владей Кавказом* обыгрывается этимология онима *Владикавказ*, первоначально ойконима крепости-поселения. Контаминация составляющих императивного высказывания *Владей Кавказом* отражает стратегическую важность укрепления как форпоста России на Кавказе. Номинация исторически связана с именем генерала П.С. Потёмкина. Мотивирующий туристический слоган *Владей Кавказом* призывает овладеть знаниями о ландшафтной уникальности Северного Кавказа, интериоризировать богатую культуру и традиции региона. Таким образом, апеллятивный хедлайн иммерсивного гида синтезирует лингвистическую выразительность и этнокультурную значимость турпродукта.

Рисунок 5. Аудиогид по горной части Северной Осетии разработали во Владикавказе [24].

Как следует из рассмотренных выше иммерсивных проектов, каждое из их названий строится по принципу хука, призванного захватить внимание и интерес аудитории: языковая игра и метафорическая ёмкость названий являются значимыми инструментами брендинга, посредством которых осуществляется апелляция к аудитории, создаются образ и содержание, репрезентируемые в проекте, кодируется стимул к просмотру или непосредственному участию. Отметим, что функциональная сфера иммерсивных проектов коррелирует с целевой аудиторией и варьируется в зависимости от тематико-идеологической направленности контента.

Иммерсивный театр как явление стал новым способом медиативизации, который превращает зрителя из пассивного наблюдателя в активного участника действия, вовлекает его в развитие сюжета и порождение смыслов в совместном креативном процессе, возбуждает эмоции и чувства посредством разрушения так называемой четвертой стены (термин введен еще в XVIII веке Дени Дидро) между сценой и залом, артистами и зрителями, что позволяет последним влиять ход событий.

Иммерсивный театр как вид перформанса связывают с древнеримскими пантомимами, к исполнению которых привлекались зрители. Современные истоки иммерсивного театра усматриваются в концепции «театра жёсткости» Антонена Арто, основанной на максимальном вовлечении зрителя в театральное действие. Ж. Деррида дает определение новому направлению следующим образом: «Театр жестокости не есть представление. Это сама жизнь — в той мере, в какой она непредставима. Жизнь есть непредставимый исток представления. Я сказал жестокость, как сказал бы жизнь» [7, с. 372].

Поликодовая символичность нового театрального знака, иероглифа, как определил его А. Арто, заключается в соединение физического действия, звучащей речи, визуальных, пикториальных, звуковых и световых эффектов в синергии образного языка театра, сотворчества со зрителем. Параллели иммерсивной теории театра Арто с «психологическим театром» К.С. Станиславского, в рамках которого разрабатывалась идея погружения артиста в психологическое состояние персонажа с целью вызвать глубокий эмоциональный отклик у зрителей, сопереживание и ощущение полного погружения в разыгрываемые события, очевидна [5].

Иммерсивный театр Бертольда Брехта, «театр отстранения», в противовес театру «сопричастности» А. Арно строится на эффекте «очуждения», или дистанцирования, нацеленном на то, чтобы заставить зрителя анализировать, наблюдать за происходящим на сцене критически, побуждать к размышлению, а не к эмоциональному сопереживанию персонажам, погружаясь в иллюзию театрального пространства. По мнению Б. Брехта, главное предназначение театра — это продуцирование импульса к рефлексии, для чего и была разработана особая структура представления, состоящая из

комментариев к театральному действию, элементов обращения персонажей к зрителям, реплик актеров апарт, зонгов.

Уникальный нарратив иммерсивного театра продолжился в эпоху миллениума британской театральной группой «Punchdrunk» (от англ. ‘сбитый с толку, ошеломленный’), основанной Феликсом Барреттом. Название акцентирует особенности иммерсивно-интерактивных спектаклей, вызывающих у зрителя смятение, потери чувства реальности и потрясение от полного погружения в атмосферу представления.

Что касается развития иммерсивного театра в России, то и его активное внедрение приходится на начало XXI века. Так, например, иммерсивные театральные практики, осуществляемые в Центре им. Всеволода Мейерхольда, также предполагают включение зрителя в пространство действия, поскольку именно В. Мейерхольд столетие назад начал переносить действие со сцены в зрительный зал или в фойе театра, а актёрские мизансцены строить среди зрителей.

Итак, иммерсивный театр настоящего периода развивается в нескольких направлениях. Стилистика ***энвайронмент****-арта* (англ. environment ‘окружающая среда’) — это разновидность авангардного искусства, концепция которого основывается на использовании природного ландшафта и объектов окружающей среды. Представления разворачиваются в различного рода природных локациях, архитектурных и промышленных объектах. Современные иммерсивные перформансы синестетичны, поскольку они активируют органы чувств, а также способность к ориентации в новом пространстве. Синестезию трактуют как соощущения «посредством различных органов чувств, а также одновременное порождение разного рода впечатлений раздражителем, свойственным какому-либо одному органу чувств, но не свойственным другому» [16, с. 9].

Сенсорный, эмоциональный и интеллектуальный опыт зрителей, базируясь на общности культурных и фоновых знаний, синергируется в иммерсивном перформансе, порождая в рамках сценария виртуальный феномен со-чувствия, со-знания, со-ощущения, со-звучия, со-видения.

В иммерсивном спектакле «Черный русский» по повести А.С. Пушкина «Дубровский» уже ставший традиционным перцептивный комплекс расширился за счет введения густации и ольфакции, привлечения глюттонического нарратива в социально-художественный тип коммуникации: зрителей, находящихся во время перформанса в особняке Троекурова, угощают пельменями, кровяной колбасой, салом и блинами, наполняя атмосферу события гастрономическими ароматами. На основе совокупности приемов иммерсии и интеракции артисты и зрители реализуют ход спектакля в процессе совместного творчества. Таким образом складывается вербально-перцептивная синестетическая система иммерсии.

Рисунок 6. «Черный русский» [31].

Стилистика **променада** (фр. *promenade* ‘прогулка’), или бродилки как динамичного жанра сочетает театральность, элементы экскурсий, путешествий, расследований, квестов в одном иммерсивном формате. Это своего рода тематические театрализованные прогулки. Во время перформанса такого рода зрители-участники вливаются в труппу артистов, становятся частью постановки, перемещаясь по пространству города и окрестностей, взаимодействуют с окружающей средой, и даже переносятся во времени, как, например, в историческом музыкально-театральном променаде в музее-заповеднике «Царицыно», когда гости представления вливаются в свиту Екатерины Великой, участвуя в балах и прочих развлечениях.

Рисунок 7. Исторический спектакль-променад в Царицыне [25].

Трансформация оперы «Пиковая дама» в жанре оперы-променада (режиссер Александр Легчаков), разыгрываемая в усадьбе Гончарова-Филлиповых в локациях бального зала, игорного дома, зимнего сада и будуара графини, демонстрирует синтетизм иммерсивного формата коммуникации. Символическая загадочность иммерсивного спектакля начинается с того, что зрительских мест столько же, сколько и карт в полной колоде — пятьдесят четыре. А мистическое погружение в пространство оперы начинается с обряда посвящения в члены тайного общества и артистов, и зрителей-участников представления.

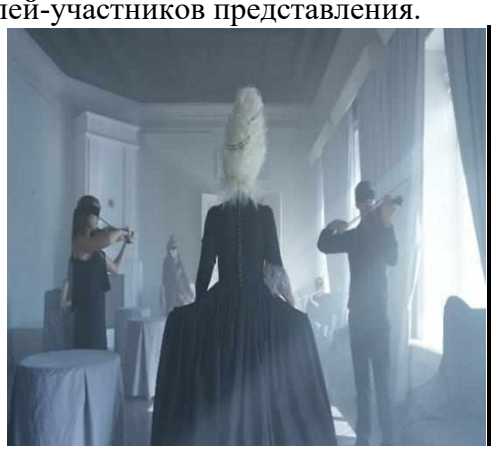


Рисунок 7–8. Опера-променад «Пиковая дама» [27; 28].

Еще один формат коммуникации соединяет специфику иммерсивного перформанса и образовательного проекта — это иммерсивно-образовательный спектакль «Театральный урок» Филиала Мариинского театра в Республике Северная

Осетия-Алания, реализуемый в виде серии интерактивных концертов, представляющих молодежи лучшие образцы всех видов музыкального искусства, помогающий разобраться в этом многообразии, задать вопросы через специальный чат-бот прямо во время мероприятия и получить новые художественные впечатления.

Рисунок 9. Иммерсивно-образовательный спектакль «Театральный урок» [30].

Заключение. Таким образом, признаком нашего времени стала конвергенция всех видов физических реальностей и четырех типов технологических реальностей — виртуальной, смешанной, дополненной и расширенной. Одной из наиболее значимых характеристик измененных реальностей является феномен иммерсивности как инновационный способ общения, предполагающий погружение в искусственно созданную коммуникационную среду при помощи эффекта полного присутствия и максимального вовлечения, интерактивности и мультисенсорности участников. Внедрение новых средств коммуникации, вызванное ускоренным темпом глобальной информатизации и медиативизации привело к глубокой интеграции цифровых технологий со всеми социальными процессами и сферами деятельности общества. Синтез традиционных и новых форм и технологий в процессах интеракций в коммуникативном ландшафте современного общества обусловлен переходом от монофункциональных форматов к интегрированным мультиканальным структурам.

Иммерсивный театр, интегрирующий зрителей и актеров, разрывает пространство сюжета в различных локациях, чтобы затем собрать его воедино, стимулируя на получение уникального эмоционального и вербально-эвалюативного процесса развертывания истории, провоцирующей не только сопереживание, но физическую, психоэмоциональную и историко-культурную причастность к происходящему, в отличие от классического театра. Очевидно, что полифункциональность различных жанров и форматов иммерсивных коммуникативных практик направлена прежде всего на формирование эмоционального, интеллектуального, художественного, образовательного, а также других вариативностей опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амзин А. Как новые медиа изменили журналистику / А. Амзин и др.; под науч. ред. С. Балмаевой и М. Лукиной. — Екатеринбург: Гуманитарный университет. — 2016. –304 с.
2. Благо Ю.В. Иммерсивная журналистика в медиареальности / Ю.В. Благов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева– 2017. — № 3. — С. 146–154.
3. Вартанова Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? / Е.Л. Вартанова // Информационное общество. — 1999. — Вып. 5. — С. 11–14.
4. Вартанова Е.Л. Индустрия российских медиа: цифровое будущее / Е.Л. Вартанова и др. — М.:

МедиаМир, 2017. — 260 с.
5. Демехина Д.О. Трансформации субъективности в театре Жестокости Антонена Арто / Д.О. Демехина // Театр. Живопись. Кино. Музыка. — 2017. — №4. — С. 35–53.
6. Демьянков В.З. Семиотика событийности в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. Часть 2 / Отв. редактор М.Н. Володина. — М.: Изд-во Московского университета. — 2004. — С. 68–83.
7. Деррида Ж. Театр жестокости и закрытие представления / Ж. Деррида // Письмо и различие. — М.: Академический Проект. — 2000. — 495 с.
8. Дугин Е.Я. Медиаиндустрия в условиях цифровых трансформаций / Е.Я. Дугин. — М.: : Канон+, 2021. — 415 с.
9. Качкаева А.Г. Журналистика и конвергенция. Почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / А.Г. Качкаева. — М.: Фокус-Медиа. — 2010. — 201 с.
10. Круглова Л.А. Трансформация аудиовизуального контента в новых медиа / Л.А. Круглова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2012. — № 3. — С. 61–71.
11. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г.М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева. — М. : КАНОНпресс-Ц, Кучково поле, 2003. — 464 с.
12. Мисонжников Б.Я. Мультимедийные системы в журналистике: герменевтический аспект / Б.Я. Мисонжников // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2017. — № 4. — С. 176-179.
13. Онуприенко К.А. «Вы — Там!»: иммерсивные технологии в журналистике информационного общества / К.А. Онуприенко // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2022. — №1(44). — С. 114–124.
14. Пампура Ж.В. Семиотический подход к средствам массовой информации (СМИ) / Ж.В. Пампура // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. — 2010. — № 8. — С. 165–168.
15. Савинова О.Н. Традиционная журналистика в условиях формирования новой медиасреды / О.Н. Савинова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2017. — № 8 (404). — Вып. 107. — С. 49.
16. Шершенович Я. Синестезия: физиология — эстетика — метафизика / Я. Шершенович // Проблемы синестезии и поэтика авангарда. Сборник статей / Отв. ред.-сост. Н.В. Злыднева. — Москва: Государственный институт искусствознания, 2020. — С. 9–39
17. Daft R.L. Organizational information requirements, media richness and structural design / R.L. Daft & R.H. Lengel // Management Science. — 1986. — № 32 (5). — P. 554–571.
18. De La Pena N. Immersive Journalism: Immersive Virtual Reality for the First-Person Experience of News / N. de La Pena // Massachusetts Institute of Technology. — 2010. — vol. 19. — No. 4. — P. 291–301.
19. Hermida A. Journalism innovation in a time of survival / A. Hermida & M.L. Young // News Media Innovation Reconsidered. — 2021. — P. 40–52.
20. Holman L. Diffusion of innovations in digital journalism: technology, roles, and gender in modern newsrooms / L. Holman & G.P. Perreault // Journalism. — 2023. — 24(5). — P. 938–957.
21. Lombard M. At the Heart of It All: The Concept of Presence / M. Lombard, T. Ditton // Journal of Computer-Mediated Communication. — Vol. 3. — Is. 2. — 1997. — P. 1083–6101.
22. Miller T. Global media studies / T. Miller & M.M. Kraidy. — Cambridge: Polity Press: Cambridge and Malden, MA. — 2016. — 256 p.
23. Nielsen R.K. The many crises of Western journalism: a comparative analysis of economic crises, professional crises, and crises of confidence / R.K. Nielsen // The Crisis of Journalism Reconsidered: Democratic Culture, Professional Codes, Digital Future. — Cambridge University Press. — 2016. — P. 77–97.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

24. «В стране» [Электронный ресурс] // ТАСС : [сайт]. — Режим доступа: https://tass.ru/v-strane/6335326 (дата обращения: 10.12.2025).
25. «Исторический спектакль-променад в особый день истории Царицына» [Электронный ресурс] // Москультура : [сайт]. — Режим доступа: https://moscultura.ru/news/2025/istoricheskiy-spektakl-promenad-v-osobyy-den-istorii-caricyna (дата обращения: 10.12.2025).
26. «Обзорные экскурсии во Владикавказе» [Электронный ресурс] // Tripster : [сайт]. — Режим доступа: https://experience.tripster.ru/experience/Vladikavkaz/7445-obzornyie (дата обращения: 10.12.2025).
27. «Пиковая дама» (опера-променад) [Электронный ресурс] // Московский оперный дом : [сайт]. — Режим доступа: https://moscowoperahouse.ru/spektakli/pikovaya-dama-opera-promenad (дата обращения: 10.12.2025).

28. «Пиковая дама» [Электронный ресурс] // Афиша : [сайт]. — Режим доступа: https://www.afisha.ru/performance/pikovaya-dama-201996/ (дата обращения: 10.12.2025).
29. «Пропавшие в кинохронике» [Электронный ресурс] // Афиша : [сайт]. — Режим доступа: https://www.afisha.ru/exhibition/propavshie-v-kinohronike-284223/ (дата обращения: 10.12.2025).
30. «Театральный урок» [Электронный ресурс] // Афиша филиала Мариинского театра в РСО-Алания : [сайт]. — Режим доступа: https://alania.mariinsky.ru/playbill/playbill/2024/4/15/teatr_urok12/ (дата обращения: 10.12.2025).
31. «Чёрный русский» [Электронный ресурс] // Афиша Daily : [сайт]. — Режим доступа: https://daily.afisha.ru/culture/3024-chernyy-russkiy-spektakl-s-ravshanoy-kurkovoy-v-dome-s-privideniyami/ (дата обращения: 10.12.2025).
32. Nuremberg: VRdict of Nations // Steam : [официальный сайт]. — Режим доступа: https://store.steampowered.com/app/1718650/Nuremberg_VRdict_of_Nations/ (дата обращения: 10.12.2025).
33. VR, AR, MR, XR: какая реальность лучшая? [Электронный ресурс] // Consumer View : [сайт]. — Режим доступа: https://consumer-view.ru/2022/02/14/vr-ar-mr-xr-kakaya-realnost-luchshaya/ (дата обращения: 10.12.2025).

REFERENCES

1. Amzin A. et al. (2016). Kak novye media izmenili zhurnalistiku [How new media changed journalism]. Yekaterinburg: Humanitarian University. 304 p. (In Russian).
2. Blagov Yu.V.(2017). Immersivnaya zhurnalistika v mediareal'nosti Vestnik [Immersive journalism in media reality]. Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. № 3. Pp. 146 -154. (In Russian).
3. Blagov Yu.V. Immersive journalism in media reality. Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University, 2017, no. 3, pp. 146–154. (In Russian).
4. Vartanova E.L. (1999). K chemu vedet konvergenciya SMI? [What is the convergence of mass media leading to?]. Informacionnoe obshchestvo. vol. 5. pp. 11–14. (In Russian).
5. Vartanova E.L. et al. (2017). Industriya rossijskikh media: cifrovoe budushchee [Industry of Russian Media: digital]. M.: MediAMir. 260 p. (In Russian).
6. Demekhina D.O. (2017). Transformacii sub"ektivnosti v teatre Zhestokosti Antonena Arto [Transformations of subjectivity in the theater of Crueltyby Antonin Artaud]. Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka. №4. pp. 35–53. (In Russian).
7. Dem'yankov V.Z. (2004). Semiotika sobytijnosti v SMI [Semiotics of events in the media]. Yazyk SMI kak obekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya: Uchebnoe posobie [The language of mass media as an object of interdisciplinary research: A textbook]. Part 2. Ed. by M. N. Volodin. M.: Moscow University Publishing House. pp. 68–83. (In Russian).
8. Derrida Zh. (2000).Teatr zhestokosti i zakrytie predstavleniya [Theater of cruelty and closing of the performance]. Pis'mo i razlichie. M.: Akademicheskij Proekt. 495 p. (In Russian).
9. Dugin E.Ya. (2001). Mediaindustriya v usloviyakh tsifrovykh transformatsii [Media industry in the conditions of digital transformations]. Moscow: Canon+. 415 p. (In Russian).
10. Kachkaeva A.G. (2010). Zhurnalistika i konvergenciya. Pochemu i kak tradicionnye SMI prevrashchayutsya v mul'timedijnye [Journalism and convergence. Why and how traditional media turn into multimedia]. M.: Fokus-Media. 201 p. (In Russian).
11. Kruglova L.A. Transformaciya audiovizual'nogo kontenta v novykh media [The transformation of audiovisual content in new media].Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. № 3. pp. 61–71. (In Russian).
12. Maklyuehn G.M. (2003). Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: External human Extensions]. Per. s angl. V. Nikolaeva. M.: «KANONpress-C», «Kuchkovo pole. 464 p. (In Russian).
13. Misonzhnikov B.Ya. (2017). Mul'timedijnye sistemy v zhurnalistike: germenevticheskij aspekt [Multimedia systems in journalism: a hermeneutic aspect]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. № 4. pp, 176–179. (In Russian).
14. Onuprienko K.A. (2022) «Vy — Tam!»: immersivnye tekhnologii v zhurnalistike informacionnogo obshchestva ["You are There!": immersive technologies in information society journalism]. Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. № 1(44). pp.114-124. (In Russian).
15. Pampura Z.V. (2010). Semioticheskij podkhod k sredstvam massovoj informacii (SMI) [Semiotic approach to mass media (mass media)].Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. № 8. pp. 165–168. (In Russian).
16. Shershenovich YA. (2020). Sinesteziya: fiziologiya — ehstetika — metafizika Problemy sinestezii i poehtika avangarda [Synesthesia: physiology — aesthetics — metaphysics]. Sbornik statej. Otv. red.-sost. N.V. Zlydneva. M. : Gosudarstvennyj institut iskusstvoznaniya. pp. 9–39. (In Russian).

17. Daft R.L. and Lengel R.H. (1986). Requirements for organizational information, the wealth of mass media and structural design. Management Science. 32 (5). 554–571. (In English).
18. De La Pena N. (2010). Immersive journalism: immersive virtual reality for the perception of news from the first person. Massachusetts Institute of Technology, 19(4), 291–301. (In English).
19. Hermida A. and Yang M.L. (2021). Journalism innovation in times of survival. In.: Revised media innovations, 40–52. (In English).
20. Kholman L. and Perrault G.P. (2023). Spreading innovations in Digital Journalism: Technologies, roles and gender in modern editorial offices. Journalism 624(5), 938–957. (In English).
21. Lombard M. and Ditton T. (1997). At the heart of all this: the concept of presence, Journal of computer-mediated communication, 3 (2), 1083–6101. (In English).
22. Miller T. and Crydee M.M. (2016). Global Media Studies, Cambridge: Polity Press: Cambridge and Malden, MA, 256. (In English).
23. Nielsen P.K. (2016) Multiple Crises in Western Journalism: a comparative analysis of Economic Crises, professional Crises, and Trust Crises. In.: Rethinking the crisis of journalism: democratic culture, professional codes, digital future, Cambridge University Press, 77–97. (In English).

Поступила в редакцию 12.12.2025 г.

IMMERSIVNESS AS POLYCODE COMMUNICATION FORMAT

M.A. Tameryan, M.P. Babochieva

This article explores immersive communication as a multidimensional phenomenon characterized by its intricate sociocultural content and interactive attributes, which continuously expands through innovation and exerts diverse influences on audiences. The research is held within the framework of an emerging paradigm shift in media-driven societal engagement and rapid advancements in virtual technology. The study adopts an interdisciplinary approach, synthesizing methodologies from such fields as communicology, psychology, psycholinguistics, cultural studies, and cognitive linguistics. Central to this investigation is the description of the phenomenon of immersiveness in various domains of communication, alongside the analysis of the way different formats' pragmatic functionality adapts according to their respective contexts of implementation. Furthermore, a multicoded syncretic structure is identified. The components within verbal-synesthetic complexes responsible for generating immersive experiences in particular settings or scenarios are considered in detail. Additionally, distinct types of realities synergistically integrated within immersive projects, performances, and cross-genre events are outlined. Illustrative examples highlight innovative strategies employed in designating these immersive activities. Functional roles of immersive practices and their orientation towards creating participants' convergent experience undergo critical examination.

Keywords: extened reality, multimedia, convergence, synesthesia, genres of immersive communication, functions of immersive communication, linguistic creativity.

Тамерьян Мария Алексеевна.
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Российская Федерация.
Бакалавр факультета журналистики.
ORCID: 0009-0003-1996-5099.
E-mail: maritu2005mail.ru.

Бабочиева Мадина Лаврентьевна.
Кандидат политических наук.
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Российская Федерация.
Доцент, завидущий кафедрой журналистики и медиакоммуникаций.
ORCID: 0009-0005-9910-4604.
E-mail: baboch@mail.ru.

Tamerian Maria Alekseevna.
K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation.
Bachelor student in Journalism.

ORCID: 0009-0003-1996-5099.
E-mail: maritu2005mail.ru.

Babochieva Madina Lavrentievna.
Candidate of Political Sciences.
K.L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation.
Associate Professor, Head of Department of Journalism and Media Communications.
ORCID: 0009-0005-9910-4604.
E-mail: baboch@mail.ru.

Научная статья
УДК 811.161.1'36
DOI: 10.5281/zenodo.18098116

КОЛИЧЕСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ КАТЕГОРИИ ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© 2025 О. И. Глазунова
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
ORCID 0000-0003-2369-2065

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Традиционный для современной отечественной лингвистики подход, когда в основе разграничения глагольных видов лежит семантический критерий ограниченного/неограниченного пределом действия, противоречит структурным принципам организации грамматической категории. В статье предлагается проводить деление видовых пар на основе количественных (единичных и множественных) показателей протекания глагольного действия во времени. Глаголы несовершенного вида выражают непрерывную множественность простых однотипных действий (*читать*, *петь*); дискретную множественность сложных однотипных действий, следующих одно за другими (*стучать*, *рубить*) или происходящих периодически на ограниченных отрезках времени (*поговаривать*). В глаголах совершенного вида, образованных с помощью префиксов и суффиксов, множественные количественные показатели глаголов несовершенного вида преобразуются в единичные значения результата, однократного действия или временного единства.

***Ключевые слова**:* категория вида, грамматическое значение, непрерывная множественность, дискретная множественность, качественная единичность, количественная единичность.

Для цитирования: Глазунова О.И. Количественно-временные составляющие категории вида в русском языке / О.И. Глазунова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 97–108. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18098116.

Введение. Традиционное для академической грамматики разделение глагольных видов по принципу: «ограниченное пределом целостное действие (глаголы совершенного вида), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного пределом целостного действия (глаголы несовершенного вида)» [11, с. 581], крайне уязвимо. Например, если глагол *разлюбить* можно отнести к «ограниченному пределом целостному действию», то глагол *полюбить* попадает под эту категорию лишь частично — в его фазовой составляющей.

В «Русской грамматике» *полюбить* относится к глаголам начинательного способа действия наряду с глаголами *полететь*, *поехать*, *помчаться* [11, с. 595]. Хотя очевидно, что ограничение действия по времени (фиксация его начала) не подразумевает целостного его восприятия, а значит противоречит определению, данному в академической грамматике.

Связь совершенного вида с действием, ограниченным пределом, отмечается практически в каждой работе по данной теме. Е.В. Петрухина пишет: «Существующие в современной лингвистике определения категориальной семантики СВ (‘достижение предела’, ‘завершенность’, ‘результат’, ‘смена ситуации’, ‘возникновение новой ситуации’, ‘начало новой ситуации’, ‘целостность’) отражают разную интерпретацию одного концепта, имеющего для русского вида категориальный статус, — КОНЦЕПТА

ПРЕДЕЛА КАК ВРЕМЕННÓЙ ГРАНИЦЫ ДЕЙСТВИЯ, по отношению к которому определяется категориальная семантика СВ и НСВ» [7, с 113].

При данном подходе нельзя забывать о том, что семантика глаголов несовершенного вида может включать предельную кратность (*проговаривать*, *рубить*, *стучать*), а это существенно затрудняет использование предела в качестве критерия разграничения видов.

В современных исследованиях глагольный вид обычно рассматривается на текстовом уровне. В зависимости от контекста и от подходов к его интерпретации глагольные формы квалифицируются по-разному. Как результат — взгляды авторов на категорию вида невозможно свести к единой точке зрения. Более того, перспектива достичь соглашения по этому вопросу воспринимается лингвистами скептически. В.А. Плунгян отмечает, что «типология вида оказывается возможна только в том случае, если сравнивается универсальная семантическая субстанция, а не конкретно-языковые "граммемы", "признаки", "инварианты"». Но и в этом случае «проблема семантического инварианта грамматического показателя (даже если считать, что таковой всегда существует) оказывается для типологического исследования практически нерелевантной» [8, с. 372–373].

Основная часть.

1. Специфика реализации сферы субъективных оценочных значений.

Действительно, в лингвистических исследованиях категория вида до сих пор не имеет однозначной интерпретации. Проблема состоит в том, что предел, на который ориентируются современные исследователи, рассматривается в рамках лексико-грамматических способов глагольного действия, а не грамматической категории вида. А это неизбежно приводит к противоречиям, потому что грамматическая категория характеризуется наличием нескольких соотносительных грамматических значений, регулярно воспроизводимых в целом ряде словоформ и опирающихся на грамматические, а не на семантические показатели.

О неоднозначном восприятии категории вида писал еще А.А. Потебня: «Под видом до сих пор разумеют две совершенно различные категории: совершенность и несовершенность — с одной [стороны], и степени длительности — с другой. <…> Если примем, что слово вид равносильно со словом с т е п е н ь, то под видом мы уже необходимо должны будем разуметь не совершенность и несовершенностъ, а длительность, потому что только в последней есть степени» [9, с. 62].

Лексико-грамматические разряды (в частности, разряд предельных/непредельных глаголов) объединяют слова со сходным лексическим значением, которое обусловливает присущие им общие грамматические признаки. При делении глаголов на лексико-грамматические разряды мы имеем дело с классическим индуктивным методом «от частного к общему». Далее, выделив это общее, нам следует переходить к индуктивному анализу «от общего к частному», от понятийных значений к средствам их выражения на формальном, грамматическом, уровне. А вот здесь возникают проблемы. Средства выражения лексических и грамматических значений напрямую друг с другом не соотносятся.

В рамках функциональной грамматики А.В. Бондарко вслед за М.А. Шелякиным [14] описывает семантику русских глаголов. В монографии «Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис» были выделены значения предельных/непредельных глаголов с точки зрения их способности/неспособности к образованию видовых пар, кратности и лимитативности [12]. Вместе с тем основанный на семантике подход не приблизил нас к пониманию вида

как особой грамматической категории, базирующейся на системе «противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородным значением» [15, с. 115]. Видовые отличия, безусловно, проявляются на уровне способов глагольного действия точно так же, как способы глагольного действия находят свое проявления в видовых парах, но эти понятия не имеют однозначного соответствия.

В середине прошлого века на предельность как показатель принадлежности глагола к совершенному или несовершенному в русском языке обратил внимание В.В. Виноградов: «В понятии совершенного вида основным признаком является признак предела действия, достижения цели, признак ограничения или устранения представления о длительности действия» [3, с. 409].

В своей интерпретации В.В. Виноградов опирался на работу лектора немецкого языка Людвига Павловича Размусена, который писал: «Глагол совершенного вида, мне кажется, означает первоначально действие как достигающее своей цели (своего предела), а затем вообще действие, рассматриваемое как одно целое (начало, середина и конец — совокупно). Глагол несовершенного вида означает первоначально действие как приготовление к достижению цели, а затем вообще действие, рассматриваемое только со стороны вещественных (знаменательных) своих признаков, без обозначения целости действия» [10, с. 379].

Семантическая категория предельности/непредельности глагольного действия возникла в языках, у которых, как в немецком языке, отсутствует грамматическое противопоставление совершенного и несовершенного вида. Отсутствие вида приводит к тому, что «в них возникает большое число времен глагола, кодифицируемых как синтетически, так и аналитически, развивается разветвлённая система форм глагольного наклонения и модальных глаголов <…> При этом вновь возникающие языковые формы неизменно несут в себе следы исконной аспектуальности, в силу чего и проявляется феномен категориальной конвергенции видо-временно́й и модальной функций» [5, с. 12].

В русском языке категория вида имеет грамматическое значение, которое проявляется на уровне глагольных видовых пар. Изначально это значение трактовалось не с точки зрения семантики, а исходя из количественных показателей протекания действия во времени. Например, в работе Н.П. Некрасова «О значении форм русского глагола» (1865) делается попытка описать качественный аспект действие с точки зрения его продолжительности во времени: «Качественность действия заключается в свойстве его проявляться кратко или быстро и медленно или продолжительно» [6, с. 149].

Временно́й аспект лежит в основе видового противопоставления у Ф.И. Буслаева: «Видами глагола означается продолжение или совершение, многократность или однократность и мгновенность действия» [2, с. 123]. По Буслаеву, «недостаток окончаний для означения времен русский язык восполняет видами глагола, совокупляя в одно спряжение различные глаголы одного корня, образовавшееся по различным видам, для означения продолжения или совершения, многократности или однократности действия» [2, с. 196].

Таким образом, изначально разграничение видов русских глаголов опиралось не на ограничение действия пределом, а на единый или множественный характер его протекания. Предел, как и результат, выступает как абстрактно-семантическое понятие, в то время как количественные показатели соотносятся с физическими (объективными) данными.

2. Единичность и множественность как критерии видового противопоставления. Любое действие, выраженное глаголом совершенного вида, не подразумевает множественности: Он *пришел, написал, построил, рассказал*. Исключением являются контекстуальные варианты использования, например с

наречиями меры или с другими показателями кратности: Он *сказал* мне об этом *дважды*. Если глаголы совершенного вида выражают единичные действия, которые в силу своей семантики или в контексте могут соотноситься и с результативностью, то глаголы несовершенного вида опираются на представление о множественности, обладающей разными формами реализации на шкале времени.

В точных науках множество трактуется как совокупность объектов (элементов), которые имеют общие свойства и характеристики и воспринимаются как единое целое [1, с. 310]. Входящие в множества объекты могут быть непрерывными и дискретными. Парная категория «дискретное — непрерывное» является одной из фундаментальных в современной математике и её приложениях.

Оппозицию «дискретное — непрерывное» проще всего представить на примере числовых множеств. «Числовое множество называется дискретным (в топологическом смысле), если в окрестности всякого его элемента есть посторонние элементы (всякий элемент является граничным, или изолированным)». «Числовое множество называется непрерывным (не дискретным), если в окрестности его любого элемента отсутствуют посторонние элементы (его всякий элемент является внутренним)» [4, с. 14].

Если данное определение применить к глагольным действиям, то *непрерывность* будет означать непрерывающееся последовательное действие, а *дискретность* — действие раздробленное, делимое на отдельные части. Непрерывный и дискретный характер определяется самим действием (тем, как оно протекает во времени) и закрепляется в семантике выражающей его лексемы.

Например, глагол *бросать*, как и глагол *постукивать*, обозначает дискретное множество следующих друг за другом сложных однотипных действий. Чтобы что-то бросить, надо это поднять, замахнуться и произвести действие, и потом это действие повторить. А значение глаголов *петь*, *звучать*, выражающих последовательное развитие простых однотипных действий, представляет собой единую непрерывную множественность.

В философии единство трактуется как взаимосвязь объектов, образующих целостную систему взаимодействия. Неразделенность и единство могут характеризовать не только значение глагола в целом, но и фазовые составляющие выражаемого им действия. И в том, и в другом случае мы имеем дело с временны́м единством на некотором этапе осуществления действия.

Глаголы *запеть*, *отцвести* выражают единство начальной и конечной стадии действия. Глаголы *погулять*, *поговорить* указывают на целостный характер протекания единого в рамках некоторого временно́го отрезка действия. Глаголы *поговаривать, прохаживаться, подслушивать*, *прогуливать, запевать* обозначают дискретное множество единых в рамках разрозненных временны́х отрезков однотипных действий.

Таким образом, совершенный вид базируется на единичности (однократной, временно́й или результативной) действий; несовершенный вид — на непрерывной или дискретной их множественности. Если категория числа определяется единичностью/множественностью производителей действия, то категория вида ориентирована на единичные/множественные составляющие глагольного действия, семантика которого совмещает квантитативные значения с результативными и временны́ми.

В таблице 1 представлена схема различий между глаголами несовершенного и совершенного вида, основанная на единичной или множественной структуре действий, которые они обозначают.

Таблица 1.

ЕДИНИЧНОСТЬ (СВ)		**МНОЖЕСТВЕННОСТЬ** (НСВ)	
//	\\	//	\\
КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ЕДИНИЧНОСТЬ	КАЧЕСТВЕННАЯ ЕДИНИЧНОСТЬ	НЕПРЕРЫВНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ	ДИСКРЕТНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ
Однократность: *прыгнуть, толкнуть, бросить, ударить*	**Результат**: *полюбить, простить, списать, прозвучать*	**Процесс**: *спать, петь, играть, плыть, звучать*	**Многократность**: *стучать, толкать, бросать, ошибаться*
Временно́е единство: *поговорить, поспать, походить, прогулять, простоять*[2]*, запеть, пойти*			**Временна́я множественность:** *поговаривать, прохаживаться, прогуливать, запевать*

В качестве начальной формы рассмотрим глаголы несовершенного вида, значение которых соотносится с непрерывной множественностью (*спать*, *петь*, *писать, знать*) или с дискретной множественностью (*рубить*, *хлопать*, *бросать, рыть*). В первом случае глаголы описывают *непрерывную последовательность простых однотипных действий*. Во втором случае действие представляет собой *дискретную последовательность сложных однотипных действий*.

Переход от значения несовершенного вида к значению совершенного вида происходит на основе преобразования количественных показателей в качественные. Благодаря входящим в их состав морфемным структурам — префиксам и суффиксам, глаголы совершенного вида приобретают дополнительные значения.

В русском языке есть глаголы со значением множественного непрерывного или многократного действия (*стоять*, *барабанить*, *скакать*, *смеяться*), которые образуют совершенный вид с помощью префиксов, привносящих в их значение фазовые характеристики (***за**барабанить*, ***за**смеяться*, ***по**скакать*) или характеристики временно́го единства (***по**барабанить*, ***по**стоять*, ***про**стоять*, ***по**смеяться*). У других глаголов несовершенного вида значение множественного непрерывного действия может преобразоваться в значение результата (*говорить* — ***сказать***, *читать* — ***прочитать***) или временно́го единства (*читать* — ***почитать***, *спать* — ***поспать*** (почитать или поспать в течение какого-то времени), *сидеть* — ***просидеть***).

Выраженное глаголом несовершенного вида множественное дискретное действие в силу его семантики будет соотноситься не только с результатом (*толкать* — ***растолкать***, *рубить* — ***срубить***), но и с однократным действием, выражающим количественную единичность: *хлопать* — ***хлопнуть***, *мяукать* — ***мяукнуть***, *бросать* — ***бросить***, *стучать* — ***стукнуть***.

Самую большую группу глаголов, выражающих количественную единичность, составляют глаголы совершенного вида с суффиксом *-ну*: *толк**ну**ть*, *крик**ну**ть*, *шаг**ну**ть* *лес**ну**ть*, *вздрог**ну**ть*, к которым примыкают глаголы без *-ну* с семантикой однократного действия: *встать*, *ударить*, *взять*, *бросить*.

[2] В.А. Плунгян относит глаголы с префиксами *по-* и *про-* (типа *постоять*, *простоять*) к *лимитативным перфективам*, обозначающим «вложенность в более протяженный временной интервал» [8, с. 379]; М.А. Шелякин глаголы типа *посидеть*, *закричать*, *продуть* относит к количественно-временно́му типу предела глагольного действия [14].

Глаголы с суффиксом *-ну-* при присоединении префикса могут сохранять значение однократности: *хлеб**ну**ть* — ***при**хлеб**ну**ть*, *миг**ну**ть* — ***под**миг**ну**ть*, *ки**ну**ть* — ***под**ки**ну**ть*, *клик**ну**ть* — *оклик**ну**ть*, *прыг**ну**ть* — ***под**прыг**ну**ть*, или приобретать значение результативности: *хлоп**ну**ть* — ***при**хлоп**ну**ть*, *плю**ну**ть* — ***пере**плю**ну**ть*, *шаг**ну**ть* — *перешаг**ну**ть*, *швыр**ну**ть* — ***вы**швыр**ну**ть*, *прыг**ну**ть* — ***за**прыг**ну**ть*.

В русском языке есть группа глаголов с суффиксом *-ну-*, значение которых в большей степени соотносится не с однократностью, а с результативностью: *исчезнуть*, *достигнуть*, *замерзнуть*, *погрязнуть*, *продрогнуть*, *окрепнуть*. Отличие их от глаголов с тем суффиксом, но со значением однократности состоит в том, что в формах прошедшего времени суффикс *-ну-* у глаголов со значением результата утрачивается. Ср.: *стук**ну**л*, *хлоп**ну**л*, *шаг**ну**л — исчез*, *достиг*, *замерз*, *погряз*, *продрог*, *окреп*.

Наиболее наглядно эта разница проявляется при сопоставлении форм прошедшего времени глагола *дрогнуть* со значением однократного действия и глагола *продрогнуть* со значением результата: *дрог**ну**л — продрог.* Отсюда следует, что в языке значение однократности/результативности верифицируется на формальном уровне — при образовании глагольных форм от инфинитивов с суффиксом *-ну-*. Исходя из этого, при выборе формы прошедшего времени из вариантов, которые используются в речи: *достиг* или *достигнул*, *воздвиг* или *воздвигнул*, нормативными будут формы без *-ну-*.

Таким образом, глагол совершенного вида, образованный от глаголов несовершенного вида, выражающих множество непрерывных или дискретных действий, приобретает дополнительные значения, закрепленные на уровне морфем, участвующих в его образовании, и, соответственно, в его видовом грамматическом значении.

Однократность, временно́е единство и результативность составляют основные значения глаголов совершенного вида. Однократные глаголы обладают точечным значением на оси времени. Результативные глаголы соотносятся с пределом, к которому стремятся действия, выраженные парным им глаголом несовершенного вида со значением множественности: *делал*, *делал* и ***сделал***; *писал*, *писал* и ***написал***. Значение предельной точки осуществления действия дает возможность отнести результативность в разряд качественной единичности.

Глаголы совершенного вида со значением временно́го единства предельным значением не обладают. Выражаемое ими действие происходит в определенных временны́х рамках и характеризуются: 1) единством одной из его частей — фазовым единством (*запеть*, *захлопать*, *откатить*, *отцвести*), 2) единством всех его структурных составляющих (*погулять*, *посмеяться, прогулять*).

Следующий этап преобразований, согласно законам диалектики, связан с переходом от качества к количеству, когда действия, выраженные глаголами совершенного вида, обретают множественное значение в формах несовершенного вида: *постучать* — ***постукивать***, *разбросать* — ***разбрасывать***, *поговорить* — ***поговаривать***, *прогулять* — ***прогуливать***, *подслушать* — ***подслушивать***.

Дискретную временну́ю множественность выражают глаголы, образованные в процессе вторичной имперфективации от глаголов совершенного вида с помощью суффиксов *-ва-*, *-ыва-/-ива-*: *откры**ва**ть*, *подбрас**ыва**ть*, *вздраг**ива**ть*, *вытаск**ива**ть*, *взвизг**ива**ть*, *распуг**ива**ть*, *перешаг**ива**ть*, *поговар**ива**ть.* Лексическое значение данных глаголов указывает на протекающие во времени множественные действия, обладающие дискретным временны́м единством.

К глаголам вторичной имперфективации примыкают глаголы несовершенного вида, семантика которых изначально выражает дискретную множественность: *рубить, хлопать*, *бросать*, *махать*. Именно они с точки зрения логики восприятия действия

обусловили возможность использования вторичной имперфективации при описании сложных однотипных действий, которые время от времени происходят в окружающей нас действительности.

В ряде случаев при образовании глаголов несовершенного вида от префиксальных глаголов совершенного вида используются суффиксы *-а-/-я-*, изначально присутствующие в глаголах, выражающих дискретную многократность: *очистить — очища**ть*** (*прочистить — прочища**ть***); *укрепить — укрепля**ть*** (*закрепить — закрепля**ть***).

Таким образом, в системе разграничения видовых пар на основе единичной или множественной структуры выражаемых глаголом действий (см. таблицу 1) значение временно́й множественности коррелирует со значением временно́го единства; значение процесса — со значением результата, а многократность действия противостоит его однократности на категориальном уровне.

Разграничение глагольных видов на основе количественно-временны́х составляющих (единичности для глаголов СВ и множественности для глаголов НСВ), с одной стороны, позволяет проводить исследования на структурно-функциональном уровне организации грамматической категории, а с другой — дает возможность распределять по видовым группам заложенные в способах глагольного действия количественно-временны́е характеристики: фазовые, однократные, многократные, распределительные, результативные.

3. Средства выражения видовых значений и их взаимодействие с лексическим значением слова. Образование видовой пары происходит с помощью префиксов и суффиксов. Перфективация преобладает при образовании глаголов совершенного вида от глаголов несовершенного вида: *делать — **с**делать*, *нести — **при**нести*, *бросать — **вы**бросить*. Имперфективация используется при образовании глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного вида: *переписать — перепис**ыва**ть*, *подбросить — подбрас**ыва**ть*, *вычерпать — вычерп**ыва**ть*, *распугать — распуг**ива**ть* [11, с. 383].

В языке всегда есть исключения. Об этом свидетельствуют видовые пары типа *брос**а**ть — брос**и**ть*, *покуп**а**ть — куп**и**ть*, *прыг**а**ть — прыг**ну**ть*, *достиг**а**ть — достиг**ну**ть*, в которых глагол совершенного вида образуется от глагола несовершенного вида с помощью суффиксов.

Один и тот же префикс в составе лексемы совершенного вида может иметь разное значение. Например, в глаголах ***за**петь*, ***за**щелкать, **за**мигать* префикс *за-* указывает на временно́е единство начальной фазы действия, а в глаголах ***за**крыть*, ***за**мочить*, ***за**асфальтировать* — на значение результата. Префикс *по-* в составе глаголов совершенного вида может иметь значение временно́го единства (***по**кричать*, ***по**ныть*, ***по**смеяться*), результата (***по**строить*, ***по**чинить*, ***по**гибнуть*) или фазового единства у глаголов движения (***по**йти*, ***по**бежать*, ***по**лететь*, ***по**ползти*).

Особую группу в русском языке составляют парные глаголы движения несовершенного вида: *идти — ходить*, *бежать — бегать*, *лететь — летать*, *ползти — ползать*, *нести — носить* и т.д. со значением однонаправленного или разнонаправленного характера протекания действия. В процессе перфективации глаголы однонаправленного движения могут приобретать значение временно́го фазового единства (***по**йти*, ***по**лететь*, ***по**бежать*) или результата (***за**йти*, ***пере**лететь*, ***при**бежать*).

Глаголы разнонаправленного движения при присоединении к ним тех же префиксов приобретают значение разнонаправленного временно́го единства (***по**бегать*, ***по**ходить*) или временно́й множественности движений «туда и обратно» (***за**ходить*, ***пере**летать*, ***при**бегать*).

Е.В. Урысон обратила внимание на тот факт, что в контексте определенной (ограниченной) кратности традиционно используются глаголы как совершенного, так и несовершенного вида: *На экзамене она два раза* ***ошиблась*** *<****ошибалась****>*. При этом она отмечает, что не все глаголы этому соответствуют: **Подростком он два раза* ***убежал*** *из дома* [нужно: ***убегал*** *из дома*] [13, с. 78]. Недопустимость использования в данном контексте совершенного вида связана со значением парных глаголов движения: *убежать — убегать*.

Глагол совершенного вида *убежать* обозначает действие в одном направлении в соответствии со значением производящего глагола *бежать*. Несовершенный вид глагола *убегать* образован от глагола *бегать*, который, в частности, выражает действие «туда и обратно». В предложении *Подростком он два раза* (***убегал/убежал***) *из дома* возможен только вариант глагола несовершенного вида: за побегом должно последовать возвращение, в противном случае повторить побег было бы невозможно.

С показателями времени, отвечающими на вопросы *сколько раз*?, *как часто*?, употребляются глаголы разнонаправленного движения *летать*, *ходить*, *бегать*, имеющие значение «туда и обратно»: *Я два раза* ***летал*** *во Владивосток*. С показателями времени, отвечающими на вопрос *на какое время*?, *на сколько*?, употребляются глаголы однонаправленного движения *лететь*, *идти*, *бежать*, обозначающие движение в одну сторону: *Он* ***ушёл*** *на час*.

Если в предложении используется глагол однонаправленного движения с показателем времени, отвечающим на вопрос *сколько раз*?, *как часто*?, это значит, что за действием, которое он выражает, следует другое действие: *Каждое утро он* ***едет*** *на работу и* ***принимает*** *посетителей*.

К глаголам движения примыкает группа глаголов *лечь — ложиться*, *встать — вставать*, *опустить — опускать*, *нырнуть — нырять*, *окунуть — окунать* и др., у которых семантика совершенного/несовершенного вида соотносится с однонаправленным/ разнонаправленным характером действия. Глаголы совершенного вида выражают однонаправленное действие: *Он* ***встал*** *в восемь утра*; *Накануне переаттестации он* ***лег*** *в больницу* (пример Е.В. Урысон). Глаголы несовершенного вида выражают разнонаправленное действие с последующим возвращением в исходное положение: *Ночью он два раза* ***вставал****, чтобы выпить воды*; *В прошлом месяце он два раза* ***ложился*** *в эту больницу* (пример Е.В. Урысон).

Глаголы движения представляют собой особую группу, в которой количественно-временно́е значение вида накладывается на однонаправленный или разнонаправленный характер осуществления действия. Глаголы движения без префиксов относятся к несовершенному виду. Префиксальные глаголы движения могут быть как несовершенного, так и совершенного вида.

В зависимости от того, каким образом значение префикса взаимодействует со значением однонаправленности или разнонаправленности действия, глаголы движения могут выражать значение результата (*убежать*, *переплыть*, *отнести*), временно́й множественности (*убегать*, *переплывать*, *относить*) или временно́го единства (*походить*, *пробегать*, *поносить*, *поплыть*). Каждое из этих значений формируется с учетом заложенного в семантике глагола несовершенного вида направления осуществления действия.

В академической русской грамматике особое положение глаголов движения не всегда учитывается, что приводит к не совсем корректной интерпретации их

использования в составе предложений[3]. Например, В.С. Храковский отмечает, что при выражении ограниченно-кратного счета «глагол СВ выступает в своем основном конкретно-фактическом значении, поскольку обстоятельство кратности в сочетании с глаголом СВ обозначает не просто сумму ситуаций, а единый результат, возникший как итог осуществления называемого количества ситуаций: <…> *Пашка* ***трижды*** *глубоко* ***окунул*** *атамана носом в снег*» [12, с. 132].

Предложение с глаголом движения *Они с Ниточкой уже* ***два раза*** *на фронт* ***бегали***, которое в эту схему не вписывается, В.С. Храковский относит к разряду исключений, объясняя свое решение следующим образом: «Если идея единого итогового результата исключается, то должен употребляться не глагол СВ, а глагол НСВ» [12, с. 132].

Вряд ли приведенный пример может служить для иллюстрации отсутствия значения единого итогового результата. Частотное словосочетание *сбежать на фронт* в русском языке имеет значение ‘уйти на фронт добровольцем’, которое не подразумевает кратности, а потому варианты *бегать* (*сбе́гать*) *на фронт* нельзя рассматривать как корректные. Хотя в составе других словосочетаний использование глагола движения несовершенного вида *бегать* вполне допустимо. Ср.: *Мы уже два раза в магазин* (*за линию фронта*) ***бегали***. = *Мы уже два раза в магазин* (*за линию фронта*) ***сбе́гали***.

Вторичная имперфективация возможна только у некоторых глаголов движения: *доплыть* (однонапр., СВ) — *доплы**ва**ть* (однонапр., НСВ), *залезть* (однонапр., СВ) — *залез**а**ть* (однонапр., НСВ). Бóльшая часть префиксальных глаголов движения образуют совершенный и несовершенный вид от парных глаголов со значением однонаправленного и разнонаправленного действия: *занести* (однонапр., СВ) — *занос**и**ть* (разнонапр., НСВ), *отвезти* (однонапр., СВ) — *отвоз**и**ть* (разнонапр., НСВ), *приехать* (однонапр., СВ) — *приезж**а**ть* (разнонапр., НСВ). Для глаголов *перетащить* и *перетаскать*, согласно словарям, существует одна форма несовершенного вида: *перетаск**ива**ть*.

Таким образом, глаголы совершенного вида чаще всего образуются с помощью префиксов, а глаголы несовершенного вида — с помощью суффиксов вторичной имперфективации. Взаимодействие с лексическим значением слова приводит к тому, что одни и те же префиксы в составе глагола совершенного вида могут выражать разные значения — фазовые, результативные или временнóго единства.

У глаголов движения, которые представляют особую группу в русском языке, значение префиксов и суффиксов взаимодействует не столько с семантикой производящего слова, сколько с заложенным в нем значением однонаправленного или разнонаправленного движения.

Выводы. Категория вида в русском языке выражает способ протекания во времени глагольного действия. Глаголы несовершенного вида обозначают действия-процессы, а также действия, которые происходят регулярно или время от времени. Глаголы

[3] Сложившееся положение дел может быть связано с недостаточной разработанностью данной темы в академической «Русской грамматике», где говорится о том, что «бесприставочные глаголы неоднонаправленного движения никогда не образуют видовой пары — их семантика непредельна» [11, с. 589]. Данная точка зрения не совсем корректна, потому что «неоднонаправленные» глаголы движения *ходить*, *бегать*, *плавать* и др. могут выражать разнонаправленное движение «туда и обратно». В этом значении они образуют совершенный вид с помощью префикса *с-* (***с**ходить*, ***с**бегать*, ***с**плавать*) по типу образования видовой пары *делать* — ***с**делать*. Разница между несовершенным и совершенным видом у этих глаголов состоит в единичной или множественной структуре действия. В предложении *Он* ***ходил*** *в театр каждую неделю* речь идет о множественных однотипных действиях «туда и обратно». Предложение *Сегодня он* ***сходил*** *в театр* выражает единичное действие «туда и обратно».

совершенного вида обозначают действия, которые имеют результат, ограничены временны́м отрезком или характеризуются как однократные.

Понятие предела, которое в современной лингвистике используется при разграничении видов глаголов, не способно описать все видовые различия, так как ориентируется на семантику, в то время как значение любой грамматической категории может быть выражено только на грамматическом уровне.

В данной работе в качестве критерия разграничения глаголов несовершенного и совершенного вида используются количественно-временны́е показатели глагольного действия. Преимущество данного подхода состоит в том, что число как средство выражения количества и время относятся к грамматическим категориям, они поддаются измерению и не зависят от интерпретации. Описание видов глаголов, исходя из количественной структуры обозначаемых ими действий и специфики их реализации на оси времени, в полной мере соответствует грамматической категории вида.

Глаголы несовершенного вида выражают непрерывную множественность действий-процессов (*шить*, *петь*), а также дискретную множественность действий, которые следуют одно за другими (*стучать*, *рубить*) иди происходят периодически на ограниченных отрезках времени (*поговаривать*).

Глаголы совершенного вида образуются с помощью префиксов и суффиксов, которые преобразуют множественные количественные показатели глаголов несовершенного вида в значение результата, однократного действия или временно́го единства.

Согласно предложенной схеме количественно-временны́е показатели глаголов совершенного и несовершенного вида соотносятся между собой: глаголы, выражающие непрерывную множественность (*петь*), соотносятся с глаголами, обозначающими результат (*спеть*); глаголы со значением дискретной множественности (*стучать*) соотносятся с однократными глаголами (*стукнуть*); а глаголы со значением временно́го единства (*поговорить*) соотносятся с глаголами, выражающими временну́ю множественность значений (*поговаривать*).

Очевидно, что пределом, обозначающим итоговую, конечную, часть осуществления действия, обладают только глаголы со значением результата. Все остальные глаголы совершенного вида под это определение не попадают.

Соотносящийся с видом количественно-временно́й характер осуществления действия проявляется на морфемном уровне. Префиксы и суффиксы выступают в качестве средств выражения видовых значений: количественной или качественной единичности у глаголов совершенного вида, непрерывной или дискретной множественности у глаголов несовершенного вида.

Таким образом, противопоставление глаголов несовершенного и совершенного вида на основе количественно-временны́х показателей позволяет объединить существующие в русском языке варианты реализации видового грамматического значения и формальных его показателей в рамках грамматической категории.

Особую группу в русском языке составляют пары глаголов движения несовершенного вида. Заложенное в них значение однонаправленного или разнонаправленного действия оказывает влияние на результаты перфективации и имперфективации, формируя различные количественно-временны́е значения совершенного и несовершенного вида: результативные (*переплыть*, *отнести*), временно́го единства (*побегать*, *поплыть*) или временно́й множественности (*переплывать*, *разносить*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боргест Н.М. Понятие «множество» в теории и практике проектирования / Н.М. Бергест // Онтология проектирования. — 2023. — Т.13. — №3 (49). — С. 306–332.
2. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. — М.: Изд-во Минпросвещения РСФСР, 1959. — 623 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов; Под ред. Г.А. Золотовой. 4 изд. — М.: Русский язык, 2001. — 720 с.
4. Горбачев В.И. Методология математической картины мира в числовых системах общеобразовательного курса алгебры и начала анализа / В.И. Горбачёв // Ученые записки Брянского государственного университета: физико-математические науки / биологические науки / ветеринарные науки. — 2016. — № 1. — Брянск: РИО БГУ, 2016. — С. 9–22.
5. Котин М.Л. Коррелирующие категориальные сигналы в синхронии, диахронии и типологии / М.Л. Котин // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе: коллективная монография / Отв. ред. Д.Б. Никуличева. Ин-т языкознания РАН. — М.: Изд-во «Канцлер», 2017. — С. 9–16.
6. Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола / Н.П. Некрасов. — СПб, 1865. — 313 с.
7. Петрухина Е.В. Объяснительная теория славянского глагольного вида / Е.В. Петрухина // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2009. — № 5. — С. 111–127.
8. Плунгян В.А. Перфектив, комплектив, пунктив / А.В. Плунгян // Типология вида: проблемы, поиски, решения / Под ред. М.Ю. Чертковой. — М.: Языки русской культуры, 1998. — С. 370–381.
9. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог / А.А. Потебня. — М., Л.: Издательство АН СССР, 1941. — 320 с.
10. Размусен Л.П. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках / Л.П. Размусен // Журнал Министерства народного просвещения. — 1891. — Т. 275. — С. 376–417.
11. Русская грамматика. Т. I. — М.: Наука, 1980. — 783 с.
12. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис: коллектив. моногр. — Л.: ЛО «Наука», 1987. — 344 с.
13. Урысон Е.В. Глаголы СОВ и НЕСОВ в контексте многократности: к выявлению семантики видовых граммем в русском языке / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. — 2025. — № 1. — С. 78–94.
14. Шелякин М.А. Категория вида и способы глагольного действия русского глагола (теоретические основы) / М.А. Шелякин. – Таллин: Валгаус, 1983. – 216 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 683 с.

REFERENCES

1. Borgest N.M. (2023) Ponyatie “mnozhestvo” v teorii i praktike proektirovaniya [The concept of “set” in the theory and practice of design]. Ontologiya proektirovaniya [Design Ontology], Vol.13, №3 (49), pp. 306–332. (In Russian).
2. Buslaev F.I. (1959) Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of the Russian language], Moscow: Publishing house “Minprosveshcheniya”, 623 p. (In Russian).
3. Vinogradov V.V. (2001) Russkij yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (grammatical teaching of the word)]. Ed. by G.A. Zolotova, 4 izd. Moscow: Publishing house “Russkij yazyk”, 720 p. (In Russian).
4. Gorbachev V.I. (2016) Metodologiya matematicheskoj kartiny mira v chislovyh sistemah obshcheobrazovatel'nogo kursa algebry i nachala analiza [Methodology of the mathematical picture of the world in numerical systems of the general education course of Algebra and the Beginning of Analysis]. Uchenye zapiski Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta: fiziko-matematicheskie nauki / biologicheskie nauki / veterinarnye nauki [Scientific notes of Bryansk State University: Physical and Mathematical Sciences / Biological Sciences / Veterinary Sciences], № 1, Bryansk: Publishing house “RIO BGU”, pp. 9–22. (In Russian).
5. Kotin M.L. Korreliruyushchie kategorial'nye signaly v sinhronii, diahronii i tipologii [Correlating categorical signals in synchrony, diachrony and typology]. Grammaticheskie kategorii germanskih yazykov v antropocentricheskoj perspektive: kollektivnaya monografiya [Grammatical categories of Germanic languages in an anthropocentric perspective: a collective monograph], Ed. by D.B. Nikulicheva, In-t yazykoznaniya RAN, Moscow: Publishing house “Kantsler”, pp. 9–16. (In Russian).

6. Nekrasov H.P. (1865) O znachenii form russkogo glagola [About the meaning of the forms of the Russian verb], St.Petersburg, 313 p. (In Russian).
7. Petruhina E.V. Ob"yasnitel'naya teoriya slavyanskogo glagol'nogo vida [Explanatory theory of the Slavic verb aspect]. Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of the Moscow State University], Seriya 9: Filologiya, № 5, pp. 111–127. (In Russian).
8. Plungyan V.A. (1998) Perfektiv, komplektiv, punktiv // Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya [Type typology: problems, searches, solutions]. Ed. by M.Yu. Chertkova. Moscow: Publishing house “Yazyki russkoj kul'tury”, pp. 370–381. (In Russian).
9. Potebnya A.A. (1941) Iz zapisok po russkoj grammatike [From notes on Russian grammar]. Vol. IV. Glagol. Mestoimenie. Chislitel'noe. Predlog [Verb. Pronoun. Numeral. Preposition], Moscow. Leningrad: Publishing house “AN SSSR”, 320 p. (In Russian).
10. Razmusen L.P. (1891) O glagol'nyh vremenah i ob otnoshenii ih k vidam v russkom, nemeckom i francuzskom yazykah [On verb tenses and their relation to the verb aspects in Russian, German and French]. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education], Vol. 275, pp. 376–417. (In Russian).
11. Russkaya grammatika [Russian grammar] (1980) Vol. I, Moscow: Publishing house “Nauka”, 783 p. (In Russian).
12. Teoriya funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis: kollektiv. monogr [Theory of Functional Grammar: Introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis: a collective monograph] (1987, Leningrad: Publishing house “Nauka”, 344 p. (In Russian).
13. Uryson E.V. (2025) Glagoly SOV i NESOV v kontekste mnogokratnosti: k vyyavleniyu semantiki vidovyh grammem v russkom yazyke [Perfect and Imperfect Verbs in the context of multiplicity: towards identifying the semantics of specific grammemes in the Russian language] // Voprosy yazykoznaniya [Questions of linguistics], № 1, pp. 78–94. (In Russian).
14. Shelyakin M.A. (1983) Kategoriya vida i sposoby glagol'nogo dejstviya russkogo glagola (teoreticheskie osnovy) [The category of aspect and methods of verbal action of the Russian verb (theoretical foundations)], Tallin: Publishing house “Valgaus”, 216 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 14.12.2025 г.

QUANTITATIVE AND TEMPORAL COMPONENTS OF CATEGORY OF ASPECT IN RUSSIAN

O.I. Glazunova

The traditional approach for modern Russian linguistics, when the semantic criterion of limited/unlimited action is at the heart of the differentiation of verb aspects, contradicts the structural principles of the organization of the grammatical category. The article suggests dividing the Russian aspect pairs depending on the quantitative (single and multiple) indicators of the course of the verbal action in time. Imperfect verbs express a continuous multiplicity of the same type simple actions (shitat’, pet’), or a discrete multiplicity of the same type complex actions following one another (stuchat’, rubit’), or occurring periodically over limited periods of time (pogovarivat’). In perfect verbs formed with the help of prefixes and suffixes, the multiple quantitative indicators of imperfect verbs are transformed into single meanings of a result, a one-time action, or a temporary unity.

Key words: category of aspect, grammatical meaning, continuous multiplicity, discrete multiplicity, qualitative singularity, quantitative singularity.

Глазунова Ольга Игоревна.
Кандидат филологических наук.
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
Доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания.
ORCID 0000-0003-2369-2065
E-mail: o.i.glazunova@mail.ru.

Glazunova Olga Igorevna.
Candidate of Philology.
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.
Associate Professor of Department of Russian as Foreign Language and Methods of its Teaching.
ORCID 0000-0003-2369-2065
E-mail: o.i.glazunova@mail.ru.

Научная статья
УДК 81'26
DOI: 10.5281/zenodo.18069568

ЯЗЫКОВОЙ ПУРИЗМ В КРОССКУЛЬТУРНОМ И КРОССТЕМПОРАЛЬНОМ АСПЕКТАХ[4]

© 2025 *М. Г. Евсеева*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0009-0009-2588-4379

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена концепции языкового пуризма в условиях глобализации, когда языковые барьеры ослабевают, а заимствования становятся обыденностью. Пуризм, как идеология, акцентирует внимание на сохранении чистоты языка, его стабильности и защите от внешних влияний. В статье рассматриваются основные принципы пуризма, такие как защита национального языка от иноязычных заимствований, сохранение традиционных норм и противодействие языковым изменениям. Также выделяются два типа пуризма: вкусовой, основанный на субъективных критериях, и научный, который требует дальнейшего уточнения. Рассматривается типология языкового пуризма по направленности, целям, характеру отношений к языковым фактам. Анализируется опыт пуристической деятельности в различных языках и, соответственно различных социумах, культурах и исторических контекстах. В целом, языковой пуризм становится предметом актуальных дискуссий в контексте стандартизации и кодификации русского литературного языка.

Ключевые слова: язык, лексика, языковая норма, кодификация языковой нормы, социально-культурные функции языка, социолингвистика, психолингвистика, языковой (лингвистический) пуризм.

Для цитирования: Евсеева М.Г. Языковой пуризм в кросскультурном и кросстемпоральном аспектах / М.Г. Евсеева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 109–119. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18069568.

Введение. Языковой пуризм представляет собой идеологию, направленную на сохранение чистоты и стабильности языковой системы путем противодействия лексическим заимствованиям и другим внешним влияниям. В условиях глобализации и активного распространения всех видов межъязыковых заимствований данная концепция приобретает особую актуальность в контексте стандартизации современного русского литературного языка и кодификации языковой нормы.

Пуризм реализуется через стремление к сохранению лингвистических норм в неизменном состоянии, что предполагает защиту языковых структур от инноваций и внешних воздействий. Он проявляется в различных формах, каждая из которых характеризуется своими особенностями и методологическими подходами.

Лингвистическая наука выделяет два основных типа пуризма: вкусовой и научный. Вкусовой пуризм основывается на субъективных критериях, таких как эстетическое восприятие, звуковая привлекательность и эмоциональное воздействие лексических

[4] Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его регионолектном и общеязыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

единиц. Научный пуризм, напротив, опирается на объективные методы исследования языковых процессов и формирования нормативных стандартов, что позволяет более обоснованно оценивать языковые изменения.

В российской лингвистической традиции ярким примером пуризма являются взгляды А.С. Шишкова, выдающегося литератора, президента Российской академии и министра народного просвещения. Шишков выступал против заимствований, рассматривая их как угрозу для самобытности и чистоты русского языка.

Вкусовой пуризм базируется на интуитивных и эмоционально окрашенных оценках языковых явлений, которые могут существенно различаться в зависимости от индивидуальных предпочтений и восприятия.

Разнообразие подходов к установлению языковых норм приводит к противоречивым рекомендациям, отраженным в официальных лингвистических источниках, таких как словари и учебные материалы. Это свидетельствует о том, что языковая политика, направленная на регулирование речевой практики, также подвержена изменениям в соответствии с культурными и социальными потребностями общества.

В контексте перечисленных факторов актуализации исследуемого явления нами предпринята попытка его рассмотрения, целью которой является комплексный анализ феномена языкового пуризма в кросскультурном и кросстемпоральном аспектах, а основу методологической базы составляют сравнительно-исторический метод и метод наблюдения с элементами трансформационного анализа.

Основная часть. В Российской Федерации, по мнению ряда исследователей и публицистов (см. [1; 3; 4; 5; 6; 7; 9]), в настоящее время наблюдается недостаточное внимание к активным мерам по защите и сохранению языковой нормы, что приводит к размыванию литературных стандартов, особенно в условиях интенсивного воздействия средств массовой информации. Одним из ярких примеров таких изменений является интеграция в общеупотребительный язык фразеологического выражения «языковой беспредел», которое первоначально было элементом уголовного жаргона. Впоследствии данное выражение приобрело новые коннотации и было интегрировано в лексикографические справочники с пометкой «разговорное». Как ни парадоксально, данная идиома нередко используется именно сторонниками актуализации языкового пуризма и в контексте каузального словоупотребления их, очевидно, не смущает. (см. [2, с. 228]).

В современном языкознании проблема чистоты языка приобретает особую актуальность в условиях глобализации и интенсивного межкультурного взаимодействия. Языковой пуризм как феномен языковой политики и общественного сознания требует детального теоретического осмысления.

Говоря о сущности языкового пуризма, следует, прежде всего, остановиться на его актуальном определении. Языковой пуризм (от лат. purus — чистый). Стремление к сохранению языка в неприкосновенном виде, борьба против всяких новшеств (неологизмов, иноязычных заимствований), ограждение литературного языка от проникновения в него ненормированных лексических и грамматических элементов, что нередко является естественным для развития языка. [11, с. 246]

Пуристическая концепция базируется на следующих ключевых принципах:

- защита национального языка от иноязычных заимствований;
- сохранение традиционных норм и правил;
- противодействие языковым изменениям;
- поддержка чистоты литературного языка.

Типология пуристической деятельности в целом многоаспектна.

По направленности выделяют внешний пуризм, представляющий собой борьбу с иноязычными заимствованиями, и внутренний пуризм — противостояние ненормированным элементам национального языка

По целям различают:

- реформаторский пуризм, направленный на преобразование языка;
- защитный пуризм, ориентированный на сохранение языковой самобытности.

По характеру отношения к языковым фактам классифицируют:

- эстетический пуризм, основанный на субъективных оценках,
- логический пуризм, опирающийся на принципы кодификации нормы.

Анализируя факторы развития языкового пуризма, следует отметить закономерность активизации пуристических тенденций в периоды: становления нормативной системы литературного языка; активного языкового взаимодействия; формирования билингвизма; глобализационных процессов. (см. [8; 10]).

В рамках анализа проблематики языкового пуризма представляется целесообразным рассмотреть его связь со специфическим социолингвистическим феноменом, который может быть обозначен как коммуникативная элитарность. Элитарность как таковая представляет собой метод социальной дефиниции, основанный на образовательно-культурных (в данном случае) различиях, которые являются фундаментальными элементами социальной структуры любого общества. В различных исторических и культурных контекстах престиж и привилегии ассоциировались с определёнными социальными классами. Например, в феодальной системе статус и престиж были тесно связаны с принадлежностью к дворянству, в буржуазном обществе — с принадлежностью к среднему классу, не обладающему значительным капиталом, но и не относящемуся к категории бедных, и владением средствами производства. В теократических государствах престиж был связан с принадлежностью к духовному сословию.

На первый взгляд, данное явление может показаться не связанным с проблемами языка, если не учитывать его невербальные аспекты. Однако язык и общество находятся в тесной взаимосвязи, и язык выполняет не только коммуникативную функцию, но и служит инструментом для передачи информации, позволяющей идентифицировать личность собеседника и определить наиболее эффективные стратегии взаимодействия.

Примером эталонного произношения английского языка является оксфордский акцент, который, несмотря на своё название, не связан с Оксфордом, а характерен для Итона — элитной частной школы, считающейся наиболее аристократичной в Англии. Многие исследователи полагают, что Итон служит инкубатором для формирования английской аристократической интеллигенции. В настоящее время в Англии наблюдается тенденция к пересмотру расставленных приоритетов, поскольку язык претерпел значительные изменения, и в других странах активно продвигается концепция «правильного» английского, что отражает глобальные процессы языковой стандартизации и глобализации.

В России, с её давними традициями языкового пуризма и стремлением к сохранению чистоты языка, наблюдается повышенная активность языковых пуристов. Они выступают за восстановление в русском алфавите букв ять, фиты, ижицы и твёрдого знака в конце существительных. Данный подход отражает стремление к сохранению культурно-исторической идентичности и противодействию процессам языковой ассимиляции и глобализации.

В современном культурном контексте наблюдается также феномен, который можно квалифицировать как «антиэлитарность». Этот феномен проявляется в том, что

представители маргинализированных социальных групп, традиционно лишенные прав и привилегий, начинают активно противопоставлять себя представителям привилегированных слоев общества. Они демонстрируют презрение к социальному статусу и культурным ценностям последних, что приводит к формированию нового культурного дискурса.

Данный феномен способствовал возникновению нового пласта литературы и искусства, который ориентирован на маргинальные темы и использование лексики, ранее считавшейся табуированной. Маргинализированные группы гордятся своим происхождением и культурными традициями, стремясь отразить их в своих произведениях.

Примером такого подхода является творчество Роберта Бёрнса, который писал: «Я — поэт не для господ, мне чужд их нрав». Аналогично, Франсуа Вийон использовал в своих произведениях язык, характерный для парижского криминалитета — «кокийяров». Примечательно, что творчество Франсуа Вийона в России представляет собой особую сложность для перевода, а во Франции его работы зачастую вызывают затруднения у читателей в силу специфики используемого языка.

Важно отметить, что данный феномен можно охарактеризовать как реакцию «обиженных низов». Это явление нельзя назвать однозначно положительным, поскольку в его возникновении также присутствует вина пуристов, не сумевших установить конструктивный диалог с представителями маргинализированных слоев общества.

Из вышесказанного очевидно, что рассматриваемое явление никогда не являлось и не является в современном мире проблемой какого-то одного языка, например, русского.

Так, французы по сей день переживают глубокую национальную травму, связанную с утратой доминирующего статуса французского языка в международной сфере коммуникации. После норманнского завоевания Англии в XI веке французский язык был принят в качестве основного средства общения среди местной аристократии и получил распространение в придворных кругах других государств. С середины XVII века до начала Первой мировой войны он функционировал как глобальный лингва франка, служа средством коммуникации для правителей, аристократии, научных деятелей и других представителей образованных слоев общества.

Тем не менее, впоследствии произошли значительные изменения, в результате которых английский язык занял доминирующую позицию в качестве международного средства коммуникации. Это стало следствием колониальной политики Британской империи и глобального влияния Соединенных Штатов Америки. Осознание утраты престижного и ранее широко используемого языка вызывает у французов чувство национальной утраты. В связи с этим, редко можно встретить француза, который проявлял бы энтузиазм в использовании английского языка, даже если он им владеет.

Французы проявляют особое внимание к своему языку. В 1635 году была основана Французская академия, специализированное учреждение, занимающееся сохранением чистоты и нормализацией французского языка. Академия продолжает свою деятельность и по настоящее время, играя ключевую роль в поддержании и развитии французского языка как национального достояния.

В 1975 году во Франции был принят Закон о защите французского языка (Loi n 75-1339 du 31 décembre 1975), направленный на охрану французского языка от проникновения и доминирования других языков, в частности английского.

В 1996 году была создана Генеральная комиссия по терминологии и неологизмам (Commission générale de la terminologie et des néologismes), которая уполномочена разрабатывать и предлагать французские эквиваленты для заимствованных слов и

выражений. Например, слово *компьютер* во французском языке имеет официальный эквивалент *ordinateur*, что можно перевести как *упорядочивающее устройство*.

Правительство Франции активно поддерживает политику языкового пуризма, направленную на сохранение чистоты и самобытности французского языка. Общественное мнение также склоняется к сохранению языковых традиций и противодействию внешним влияниям, которые могут привести к упрощению и трансформации языковой структуры.

В Германии в конце XVIII века возродилось движение за реформирование языка, направленное на сокращение использования иностранных заимствований. Государственная поддержка позволила частично заменить заимствованные термины немецкими эквивалентами, хотя не все усилия оказались успешными. Примечательно, что для обозначения понятия «языковой пуризм» был избран термин *Sprachreinigung*, избегая латинских корней. Тем не менее, термин *Sprachpurismus* получил более широкое распространение.

С приходом к власти нацистского режима в 1930-х годах языковая политика была ориентирована на полное устранение следов иностранного влияния, включая элементы латинского и греческого происхождения. Несмотря на то, что создание «арийского новояза» не увенчалось успехом, некоторые термины, такие как *Zeit* (время) и *Erdkunde* (география), были интегрированы в немецкую научную терминологию в этот период.

В настоящее время в Германии функционирует организация «Культура немецкого языка», занимающаяся вопросами языковой политики. Основной целью данной организации является снижение использования английских заимствований и продвижение их немецких аналогов. Кроме того, организация проводит мероприятия для обсуждения актуальных проблем, связанных с развитием и сохранением немецкого языка. В последнее время среди населения наблюдается растущая обеспокоенность тенденцией к гендерной нейтрализации языка.

Языковой пуризм в Италии, рассматриваемый в контексте языковой политики тоталитарных режимов, представляет собой уникальное и многогранное явление, требующее детального анализа. В условиях тоталитарных систем пуризм становится инструментом государственной идеологии, служащим для укрепления национального самосознания и дискриминации языковых меньшинств. Фашистский режим в Италии, под руководством Бенито Муссолини, предпринял систематические меры по регулированию языковой сферы, направленные на устранение заимствований и стандартизацию итальянского языка.

В начале XX века лишь около 10% населения Италии говорило на стандартном итальянском языке, тогда как остальные использовали местные диалекты и наречия. Это объясняется тем, что в XIX веке современная Италия представляла собой конгломерат нескольких независимых государств, каждое из которых имело свою лингвистическую специфику.

Правительство Муссолини ввело строгие ограничения на использование иностранных слов, а также запретило буквы J, K, W, X и Y, которые встречаются исключительно в заимствованных терминах. Кроме того, были запрещены диалекты и местные наречия, которые рассматривались как языковые формы, чуждые национальному стандарту. В результате возник острый дефицит лексических единиц, что стимулировало создание новых терминов и выражений.

Процесс лексического обновления затронул не только географические названия, но и личные имена, фамилии и другие элементы языка, имеющие неитальянское происхождение. Так, американский музыкант Луи Армстронг был переименован в

Луиджи Браччофорте. Эта практика отражала стремление фашистского режима к культурной гомогенизации и укреплению национального единства.

Несмотря на то, что большинство терминов, введенных в этот период, не сохранились в современном итальянском языке, некоторые из них продолжают использоваться. Пять «запретных» букв (J, K, W, X, Y) по-прежнему отсутствуют в официальном итальянском алфавите и изучаются в рамках преподавания иностранных языков.

Языковой пуризм также является значимым феноменом в англоязычных странах, несмотря на активное заимствование элементов из других языков. В Великобритании пуристы выступают за использование исконных слов и выражений, особенно если существуют соответствующие аналоги греческого или латинского происхождения. Этот подход отражает стремление к сохранению культурной идентичности и противодействию глобализационным процессам.

В Японии в период с XVII по XIX век существовала лингвистическая школа, известная как кокугаку. Деятельность представителей этой школы была частью традиции кокугаку, направленной на сохранение и защиту японской культуры. Кокугаку приверженцы считали, что чем дольше существует язык и чем меньше он подвергался внешним влияниям, тем более совершенным и аутентичным он становится. Их вклад в развитие национальной лингвистики был значительным, однако идеи кокугаку утратили свою актуальность после завершения двухвековой изоляции Японии, что привело к изменению подхода к сохранению языковых норм.

Исландский язык характеризуется ограниченным количеством заимствований, и носители языка активно противодействуют этому процессу. Правительство оказывает поддержку пуристам, а в стране функционируют несколько организаций, направленных на сохранение уникальной языковой идентичности.

Для обозначения новых понятий и замены иностранных слов исландцы формируют новые термины на основе существующих корней. Они используют архаизмы, сохраняя их семантическое значение. Зачастую такие термины оказываются более выразительными, чем заимствованные, и их происхождение легко объяснимо для каждого носителя языка. Например, телефон в Исландии обозначается термином *sími*, который в древности имел значение ‘длинная нить’. Слово *veðurfræði* ‘метеорология’ образовано от слов *veður* (‘погода’) и *fræði* ‘наука’. В случае необходимости заимствования, оно адаптируется под местные грамматические и стилистические нормы.

В Греции в период после революции XIX века наблюдалось активное использование кафаревусы — консервативной формы греческого языка, направленной на минимизацию заимствований и возвращение к архаическим лингвистическим структурам. Её основным идейным оппонентом являлась димотика, представляющая собой народный вариант греческого языка. Лишь к концу XIX столетия димотика начала постепенно завоевывать позиции в греческом языковом пространстве.

Адамантиос Кораис (1748–1833) — выдающийся ученый-эллинист и просветитель — признан основоположником кафаревусы. В 1967 году в Греции к власти пришла военная хунта, которая институционализировала кафаревусу в качестве литературного стандарта и исключила димотику из школьной образовательной программы. Однако в 1974 году хунта была свергнута, что ознаменовало возвращение димотики в образовательный процесс и прекращение доминирования архаической формы языка.

На сегодняшний день в Греции преобладает новогреческий язык, который представляет собой гибридную форму, синтезирующую элементы как кафаревусы, так и димотики. Этот процесс лингвистической эволюции отражает сложные

социокультурные и политические трансформации, происходившие в греческом обществе на протяжении столетий.

Как и большинство явлений на стыке областей лингвистики и сублингвального, языковой пуризм имеет индивидуальный и социальный аспекты. Индивидуальный уровень пуризма связан с метаязыковым знанием, языковой рефлексией и представлениями о собственной речи. Социальный же уровень определяется языковой идеологией, нормированием языка и социокультурными факторами.

Для эффективности пуристической деятельности и результативности пуризма необходимы объективная обусловленность, научный подход, понятность предлагаемых замен, преемственность традиций, согласованность действий, открытость процесса и умеренность в реализации.

Рассмотрим комплекс лингвистических элементов, которые могут быть охарактеризованы как неприемлемые с точки зрения языкового пуризма.

1. Просторечные выражения, которые представляют собой языковые конструкции, не соответствующие нормам литературного языка, но широко распространённые в устной речи. В некоторых случаях их употребление может быть оправдано контекстуальными факторами.

2. Жаргоны, включающие специализированную лексику, характерную для определённых профессиональных или социальных групп. Они могут содержать как профессиональные термины, так и неформальные выражения, используемые для обозначения явлений, не предназначенных для широкой аудитории. Важно проводить чёткое разграничение между профессиональным жаргоном и другими его видами.

3. Экспрессивные выражения, которые представляют собой слова и словосочетания, несущие яркую эмоциональную окраску, включая негативную или ироническую. Несмотря на допустимость их использования в определённых контекстах, они часто воспринимаются как несоответствующие нормам литературной речи.

4. Слова-паразиты, являющиеся языковыми элементами, не несущими значительной смысловой нагрузки и часто используемыми в качестве заполнителей пауз. Их применение может искажать смысл высказывания, поэтому рекомендуется избегать их использования.

5. Бранная лексика, которая включает слова и выражения, используемые в качестве оскорблений или ругательств. Она не соответствует нормам литературного языка и обычно относится к табуированной тематике.

6. Варваризмы, то есть заимствования из других языков, которые ещё не полностью интегрировались в систему языка. Они могут быть характерны для жаргонов или использоваться в профессиональной сфере. Варваризмы могут быть заменены на исконные языковые единицы, что способствует укреплению целостности и самобытности языка.

7. «Модные» слова, представляющие собой лексические единицы, которые недавно вошли в активный словарный запас и могут быть непонятны широкой аудитории. Их использование может быть связано с желанием выделиться или подчеркнуть свою принадлежность к определённой группе.

Таким образом, анализ лингвистических элементов, признаваемых неприемлемыми с точки зрения языкового пуризма, позволяет сделать вывод о необходимости соблюдения норм литературного языка в различных коммуникативных ситуациях. Это способствует сохранению языковой чистоты и ясности выражения мыслей.

Параллельно с вышеперечисленными объективными детерминантами и конструктивными характеристиками, языковой пуризм имеет ряд существенных

недочётов. Приступая к их рассмотрению, проведём краткий анализ причин ограниченного потенциала радикального пуризма. Языковая система характеризуется постоянным движением и трансформацией. Несмотря на попытки регламентации языковых норм, включая создание искусственных лингвистических конструкций и контроль за их распространением, при ослаблении внешнего давления язык возвращается в свое естественное состояние. В условиях глобализации поддержание языковой системы требует комплексного контроля, что представляет собой сложную задачу в контексте полилингвального и мультикультурного общества.

Значимую роль в протекании очерченных процессов играют также объективные сублингвальные факторы, влияющие на языковую систему. Так, в мировой лингвистической практике не существует языков, полностью изолированных от внешних контактов. Множество лексических единиц, воспринимаемых как исконные, в действительности имеют иноязычное происхождение. Русский язык прошел через несколько этапов лингвокультурного взаимодействия: сначала подвергся влиянию греческого, затем германского, французского и, наконец, англо-американского языков. Примерами заимствованной лексики являются такие термины, как *стул*, *книга*, *бутерброд*, *шапка* и *метро*. В то же время, история языка знает великое множество заимствований, утративших статус общеупотребительной лексики вместе с актуальностью и полезностью и практически забытых носителями русского языка. Это свидетельствует о том, что языковая система, с одной стороны, обладает высокой степенью проницаемости и подвержена внешним воздействиям, а с другой, не терпит излишеств и достаточно быстро избавляется от языковых единиц, ставших бесполезными.

Следует отметить также экономическую эффективность языковых структур. Языковая система стремится к оптимизации коммуникативных процессов, минимизируя затраты на передачу информации. Это особенно актуально в условиях стремительного развития информационных технологий. Например, громоздкий термин *вычислительная машина* был заменен более лаконичным и удобным словом *компьютер*. Даже термин *машина* сам по себе является заимствованным, что иллюстрирует тенденцию к упрощению и сокращению языковых единиц для повышения эффективности коммуникации.

Сложно переоценить также влияние языковых трендов. Языковая система подвержена влиянию модных тенденций, что проявляется в появлении новых лексических единиц и изменении семантики существующих слов. Например, слово *лайфхак* является труднопроизносимым, но широко используется. Вместо термина *секьюрити* постепенно внедряется *бодигард*, хотя это нововведение пока не получило всеобщего признания. Некоторые термины, такие как *инфлюэнсер*, уже прочно вошли в лексикон, заменяя более длинные и сложные конструкции, такие как *лидер мнений* или *законодатель мод*. Это свидетельствует о постоянном изменении языковых норм под воздействием социальных и культурных факторов.

Объективно значимы в анализируемом вопросе инновации в языковой системе. Основной причиной заимствований является появление новых понятий, для которых отсутствуют эквиваленты в родном языке. Термины *интернет*, *принтер* и *вендинг* не имеют аналогов в русском языке, что подчеркивает необходимость адаптации языковой системы к новым реалиям. Профессиональные сферы, возникающие в современном мире, требуют использования специализированной терминологии, которая создается их представителями. Это позволяет обеспечить точность и

однозначность в коммуникации, что особенно важно в условиях глобализации и технологического прогресса.

Неоднозначны в оценке лингвистов-академистов, но объективны как факт сленговые явления в языковой системе. Профессиональный, молодежный и иные виды сленга являются неотъемлемыми элементами языковой системы, подобно научной терминологии. Эти лексические единицы используются определенными социальными группами, которые не стремятся к доминированию в языке, а функционируют в рамках своей культурной среды. Некоторые из этих терминов могут войти в общеупотребительный язык, другие же утратить свою актуальность. Сленг является важным инструментом самоидентификации и коммуникации внутри социальных групп, что подчеркивает его значимость для языковой системы.

Неотъемлемым свойством языковой системы является, как отмечалось выше, её способность к саморегуляции. Живой язык обладает способностью к саморегулированию, что позволяет ему адаптироваться к изменяющимся условиям и потребностям общества. Например, несмотря на дискуссии относительно рода слова "кофе", данная вариативность уже зафиксирована в ряде словарей. Если значительная часть носителей языка использует определенный термин или форму, это свидетельствует о его функциональной необходимости. Саморегуляция языковой системы является важным механизмом, обеспечивающим ее устойчивость и развитие.

Если же говорить о реальных угрозах избыточно быстрого и интенсивного обновления языковой системы, то наиболее серьезной из таких угроз для языка является утрата его коммуникативной функции, что происходит, когда отправитель информации использует специальные термины или конструкции, которые непонятны получателю. Например, человек, не знакомый с IT-сферой, может не понять фразу «Мы пофиксили баги в бэклоге, но не успели к дедлайну» (Мы устранили ошибки в списке задач, но не успели завершить работу в срок). Сложные официальные документы, предназначенные для упрощения жизни, также часто содержат громоздкие конструкции, затрудняющие понимание их смысла. Это может привести к снижению эффективности коммуникации и ухудшению качества взаимодействия между людьми.

Заключение. Резюмируя все сказанное, можно сделать вывод о том, что языковой пуризм, несмотря на его значимость, не должен стремиться к абсолютизации языковых норм. Вместо этого необходимо разработать механизмы разумного регулирования языкового развития, которые позволят сохранить богатство и выразительность языка, одновременно адаптируя его к современным коммуникативным реалиям. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на создание эффективных механизмов сохранения языковых традиций при одновременном развитии языка в соответствии с общественными потребностями и технологическими инновациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богуславская В.В. Идеологический пуризм в контексте патриотизма: социокультурный аспект / В.В. Богуславская, Э.А. Катанина // Общество: социология, психология, педагогика. — 2016. — № 3. — С. 10–13.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов / Н.С. Валгина. — Москва: Логос, 2003 — 304 с.
3. Валуйцева И.И. Языковой пуризм в современной России. Формирование культурной и языковой компетенции в процессе изучения иностранного языка / И.И. Валуйцева, Д.А. Каютенко // Интернет и

изучение иностранного языка: сборник материалов международной научной конференции. — Москва, 2014. — С. 166–168.
4. Вепрева Е.В. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / Е.В. Вепрева. — Москва: Олма-Пресс, 2005. — 377 с.
5. Жукова Л.С. Исследование языкового пуризма как этнопсихолингвистического явления (на примере современной Великобритании) / Л.С. Жукова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2008. — Т. 6 — № 1. — С. 63–70.
6. Залевская А.А. Вопросы теории двуязычия / А.А. Залевская. — Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2009 — 144 с.
7. Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие нормы / В.Г. Костомаров // Мир русского слова. — 2012. — № 4. — С. 13–19.
8. Насибуллин Р.Ш. Генезис удмуртского пуризма / Р.Ш. Насибуллин // Журналистика и литература финно-угорского мира России: истоки и пути развития. — Ижевск, 2012. — С. 71–83.
9. Трошина Н.Н. Культура языка и языковая рефлексия: Аналитический обзор / Н.Н. Трошина. — Москва: РАН. ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел языкознания, 2010 — 64 с.
10. Шахнарович А.М Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности / А.М. Шахнарович // Вопросы психолингвистики. — 2011. — № 13. — С. 196–201.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Просвещение, 1985. — 399 с.

REFERENCES

1. Boguslavskaya V.V. & Katanina E.A. (2016). Ideologicheskij purizm v kontekste patriotizma: sociokul`turny`j aspekt [Ideological purism in the context of patriotism: a sociocultural aspect]. Society: sociology, psychology, pedagogy. 2016. No. 3. pp. 10–13. (In Russian)
2. Valgina N.S. (2003) Aktivny`e processy` v sovremennom russkom yazy`ke: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov [Active processes in modern Russian: A textbook for university students] (304 p.) Moscow: Logos (In Russian)
3. Valuitseva I.I. & Kayutenko D.A. (2014). Yazy`kovoj purizm v sovremennoj Rossii. Formirovanie kul`turnoj i yazy`kovoj kompetencii v processe izucheniya inostrannogo yazy`ka [Linguistic purism in modern Russia. Formation of cultural and linguistic competence in the process of learning a foreign language]. The Internet and learning a foreign language: a collection of materials from an international scientific conference. Moscow, pp. 166–168. (In Russian)
4. Vepreva E.V. (2005) Yazy`kovaya refleksiya v postsovetskuyu e`poxu [Linguistic reflection in the post-Soviet era]. (377 p) Moscow: Olma-Press. (In Russian)
5. Zhukova L.S. (2008) Issledovanie yazy`kovogo purizma kak e`tnopsixolingvisticheskogo yavleniya (na primere sovremennoj Velikobritanii) [The study of linguistic purism as an ethnopsycholinguistic phenomenon (on the example of modern Great Britain)]. Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural communication. Vol. 6 No. 1. pp. 63–70. (In Russian)
6. Zalevskaya A.A. (2009) Voprosy` teorii dvuyazy`chiya [Questions of the theory of bilingualism] (144 p.) Tver: Publishing House of Tver State University. (In Russian)
7. Kostomarov V.G. (2012) Yazy`k tekushhego momenta: ponyatie normy` [The language of the current moment: the concept of norm]/The world of the Russian word. No. 4. pp. 13–19. (In Russian)
8. Nasibullin R.S. (2012). Genezis udmurtskogo purizma [The genesis of Udmurt purism] Journalism and literature of the Finno-Ugric world of Russia: origins and ways of development. Izhevsk, pp. 71–83. (In Russian)
9. Troshina N.N. (2010) Kul`tura yazy`ka i yazy`kovaya refleksiya: Analiticheskij obzor [Language culture and linguistic reflection: An analytical review] (64 p.). Moscow: RAS. INION. The Center for Humanitarian Scientific and Information Research. Department of Linguistics (In Russian)
10. Shakhnarovich A.M. (2011) Kognitivny`e i kommunikativny`e aspekty` rechevoj deyatel`nosti [Cognitive and communicative aspects of speech activity]. Questions of psycholinguistics. No. 13. pp. 196–201. (In Russian)

Поступила в редакцию 14.12.2025 г.

LINGUISTIC PURISM IN CROSS-CULTURAL AND CROSS-TEMPORAL ASPECTS

M.G. Evseeva

The article addresses the concept of linguistic purism in the context of globalization, when language barriers weaken and borrowings become commonplace. Purism, as an ideology, focuses on preserving the purity of the language, its stability and protection from external influences. The basic principles of purism, such as protecting the national language from foreign borrowings, preserving traditional norms, and countering linguistic changes are considered in the article. Two types of purism can be singled out, such as gustatory, based on subjective criteria, and scientific, which requires further clarification. The typology of linguistic purism is considered in terms of orientation, goals, and the nature of relations to linguistic facts. The experience of puristic activity in different languages and, accordingly, different societies, cultures and historical contexts are analysed. In general, linguistic purism is becoming the subject of topical discussions in the context of standardization and codification of the Russian literary language.

Key words: language, vocabulary, linguistic norm, codification of linguistic norm, socio-cultural functions of language, sociolinguistics, psycholinguistics, linguistic (linguistic) purism.

Евсеева Марина Геннадиевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет,
Российская Федерация, г. Донецк.
Доцент кафедры русского языка.
ORCID 0009-0009-2588-4379.
E-mail: m.g.evseeva@mail.ru.

Evseeva Marina Gennadievna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk State University, Russian Federation,
Donetsk.
Associate Professor of the Russian Language Department.
ORCID 0009-0009-2588-4379.
E-mail: m.g.evseeva@mail.ru.

Научная статья
УДК 81'27:39
DOI: 10.5281/zenodo.18069568

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ВОДА» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ДОНЧАНИНА[5]

© 2025 М.Н. Панчехина
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0000-0002-8268-7293.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Настоящая статья посвящена описанию проблемного лексико-семантического поля «Вода» в языковой картине мира дончанина. Актуальность исследования определяется тем, что оно является первым комплексным описанием компонентов лексико-семантического поля «Вода», которое в период проведения СВО активно расширяется и пополняется в связи с ограниченным централизованным водоснабжением городов Донецкой Народной Республики. В статье рассматривается структура лексико-семантического поля «Вода», его периферийные и ядерные компоненты. В исследовании использовались общенаучные и собственно лингвистические методы. Описательный метод применялся для формирования общего представления о лексико-семантическом поле как термине, а также для уяснения и установления границ между периферийными и ядерными структурами лексико-семантического поля «Вода». Классификационный метод определил типологию тематических групп внутри поля. При выполнении исследования особую результативность продемонстрировал социолингвистический метод, проводимый на этапе анкетирования респондентов с целью отбора региональных лексем для отдельных тематических групп. Описание лексико-семантического поля «Вода» в языковой картине мира дончанина, рассмотрение структуры поля является важным этапом в изучении лингвокультурной самобытности жителей региона.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, компоненты поля, вода, тематические группы, языковая картина мира дончанина.

Для цитирования: Панчехина М.Н. Лексико-семантическое поле «Вода» в языковой картине мира дончанина / М.Н. Панчехина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6 — С. 120–130. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18069646.

Введение. Лексико-семантическое поле представляет собой сложную взаимосвязь и взаимоопределяемость лексем, имеющих общий семантический признак и обозначающих одно понятие. Как отмечает К.А. Кочнова, лексико-семантическое поле «следует считать крупной, объемной лексико-семантической микросистемой, представляющей собой иерархическую структуру, включающую в свой состав различные объединения языковых единиц; представленную. грамматически различными лексическим единицами, образующую вместе с другими лексико-семантическими полями смежные синкретические пространства» [4, с. 7].

[5] Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX—XXI столетий в его региолектном и общеязыковом аспектах» (No госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

К основным характеристикам лексико-семантического поля относят: отсутствие четких границ, континуальность, незамкнутость [5], при этом центральным аспектом является «семантическая близость слов, структурированность этого поля» [6, с. 228].

Материалы и методы исследования. Материалом для исследования послужил язык дончан и их языковое поведение, которые широко представлены в региональных телеграм-каналах, перекличках, пабликах и группах «ВКонтакте». Критерием отбора являлась популярность источника, его востребованность среди местного населения. Так, канал АГС_Русского Донбасса насчитывает более 200 тысяч подписчиков, большая часть из которых являются жителями Донецкой Народной Республики, Донбасса, что очевидно по перекличке канала, чату и его основной тематике.

Не менее иллюстративный материал содержался и в опросниках, используемых в процессе исследования: жителям Донецка было предложено определить значение регионально маркированных лексем (*баклажка* и др.), в результате чего удалось получить расширительную трактовку семантики.

Актуальными для исследования являлись как общенаучные, так и собственно лингвистические методы. Описательный метод использовался для того, чтобы сформировать общее представление о лексико-семантическом поле как особом лингвистическом термине, он позволил раскрыть его значение и общетеоретическое наполнение. Квалификационный метод был необходим для установления типологии тематических групп внутри исследуемого лексико-семантического поля. Сопоставительный метод применялся для установления сходства и различий между указанными тематическими группами с учетом их принадлежности к ядру или периферии поля. Особую результативность показал социолингвистический метод, проводимый на этапе сбора языкового материала. Анкетирование дончан, принадлежащих к различным возрастным и социальным группам, позволило установить актуальность и частотность региональных лексем, которые используются для пополнения тематических групп лексико-семантического поля «Вода», обозначить особую роль концептуализации и метафоризации в выборе лексических средств.

Основная часть. Гипотеза о том, что организация лексико-семантического поля с именем «Вода» отражает структуру фрагмента языковой картины мира носителя языка, неоднократно высказывалась в лингвистике и использовалась как основополагающий тезис в диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Н.В. Гришиной «Концепт “ВОДА” в языковой картине мира: На основе номинативного и метафорического полей русского языка XI— XX вв.» [2]. Н.В. Гришиной впервые «с лингвокультурологической и когнитивной позиций, в динамике описан концепт вода, вербализованный в системе номинативных и метафорических значений семантического поля ВОДА в русском языке XI— XX вв.; выявлена роль концепта вода в структуризации и динамике семантического поля на уровне номинативных и метафорических значений; установлены экстралингвистические и интерлингвистические факторы, влияющие на динамику концепта вода и семантического поля ВОДА» [2, с. 4].

Концептуализация воды в языковой картине мира конкретного этноса представлена в статье Н.В. Поляковой. Исследователь описывает роль и место воды в языковой картине мира селькупского этноса, определяя релевантные признаки воды: «Вода выступает как разрушающая и одновременно дающая жизнь стихия, медиатор между верхним, средним и нижним мирами, одна из фокусных точек — ориентиров в окружающем пространстве» [8, с. 70].

И.Г. Горовая рассматривает концепт «Вода» в русской языковой картине мира с учетом регионального колорита [1], С. Праведников — в русской эпической традиции

[9]. Ю.Н. Зинцова анализирует лексико-семантическое поле «Жидкость» в современном немецком языке [3].

Однако существующие исследования не учитывают важнейший аспект, характерный для языковой картины мира дончанина. Речь идет об эмоциональном компоненте, существенно расширяющем границы тематических групп лексико-семантического поля «Вода», когда речь идет о воде Донецка. При этом наполнение данного поля будет отличаться у жителя Донбасса и средней полосы России, так как донбассовцы находятся в ситуации многолетнего дефицита или полного отсутствия воды.

Структуру лексико-семантического поля «Вода» можно представить как сложное взаимодействие разнообразных по своему значению тематических групп, связанных с ядерной лексемой, или именем поля.

Базовую семантику ядерной лексемы *вода* широко и полно интерпретирует Н.И. Толстой: это «одна из первых стихий мироздания, источник жизни, средство магического очищения. Вместе с тем водное пространство осмыслялось как граница между этим и тем светом, путь в загробный мир, место обитания нечистой силы и душ умерших. Символика воды связана, с одной стороны, с ее природными свойствами — свежестью, прозрачностью, способностью очищать, с быстрым движением, с другой стороны — с мифологическими представлениями о воде как о “чужом” и опасном пространстве. Подобная двойственная оценка воды как оздоравливающей и одновременно смертоносной стихии проявилась в сказочных мотивах живой и мертвой воды. Негативная символика воды характерна и для снотолкований: мутная и грязная вода предвещает болезнь, смерть, грусть, а речная, чистая вода — слезы» [10, с. 388]. Эта семантика, наполненная лингвокультурным и мифопоэтическим контекстом, с разной степенью интенсивности и регионального колорита проявляется в представленных ниже тематических группах.

1. Природное и / или промышленное пространство, заполненное водой

К данной тематической группе относим следующие частотные единицы, характерные для донецкой речи: *водоем, водохранилище, канал, карьер, море, приток, река, русло.*

Смысловым центром этой группы является канал Северский Донец. В 2022 году была прекращена подача воды по каналу, в результате чего Донецк оказался в условиях водного дефицита:

Вода — главный вызов Донбассу сегодня. Киевский режим устроил блокаду, перекрыв нашу основную водную артерию — ***канал из Северского Донца.*** *Жители региона оказались в тяжелых бытовых условиях (https://t.me/Ags_Donbass/367558).*

Традиционный источник снабжения ДНР — ***канал «Северский Донец — Донбасс»*** *— перекрыт (https://t.me/itsdonetsk/250536).*

При этом важнейшей задачей, поставленной местным правительством, является очистка воды и пополнение ее запаса из имеющихся источников. Например: *Пушилин сообщил, что Минприроды ДНР и профильные организации организуют работы по очистке дна обмелевших* ***водохранилищ*** *региона. «Продолжаем работы по переброске воды* ***из водохранилищ*** *и очистке* ***русел рек*** *от заторов и мусора. Дополнительная мера позволит оздоровить и увеличить* ***приток*** *воды* ***в водоемы****», — добавил он (https://t.me/itsdonetsk/285260).*

Отдельно следует сказать об Азовском море, ставшем внутренним морем Российской Федерации и доступным после освобождения Мариуполя, Бердянска и приморских поселков: *Ну что, хорошее вино получается из винограда южного, официально — уже российского) И вкусно — и сердцу радостно. Прям как гулять по освобожденному побережью* ***Азовского моря,*** *такого порядка ощущения (https://t.me/martynovadn/5577).*

В контексте кровопролитных боев Азовское море мифологизируется и поэтизируется в общественном сознании, что прослеживается в известном фрагменте из стихотворения Дмитрия Мельникова:

Напиши — я тебя никому не отдам,
Милый мой, мы увидимся вскоре.
Я не умер, я сплю, и к моим сапогам
Подступает ***Азовское море.***

(Д. Мельников. Напиши мне потом).

В Донецке существует свое, Донецкое море, которое местными жителями воспринималось как аналог Азовского, о чем пишут местные блогеры (орфография и пунктуация автора сохранены): *За восемь лет просто мозоль на пальце натерла, набирая утешительные посты, что, мол,* ***Донецкое море*** *для нас — альтернатива* ***Азовскому.***

Но теперь ***Азовское*** *наше, внутреннее, свернулось, как котеночек, на груди у Матушки-России:)*

И ***донецкое море*** *— дополнительное;) смотрите, как красиво! Еще и штормит чуть-чуть, но это видно вблизи (https://t.me/martynovadn/465).*

При этом Донецким морем, кроме водоема, созданного в Ленинском районе в 1960 году, в Донецке называют расположенное неподалеку кладбище. В связи с многолетними военными действиями на территории Донбасса размеры кладбища стремительно увеличиваются, то есть буквально ***Донецкое море*** *растет.* На наш взгляд, в таком наименовании можно увидеть внутреннюю символику, связанную с тем, что вода, как указывалось выше, является амбивалентным символом: и жизни, и смерти.

2. Характер и особенности движения воды

Указанная тематическая группа представлена глаголами *дать*, *заканчиваться, идти, капать, лить, начинаться, течь, шипеть* и др.

Примеры используются для указания интенсивности напора воды, когда она подается в квартиры и дома. *Розы Люксембург — 109, 109а, 107 —* ***дайте воду*** *людям!*

Где вода? 5 минут ***капала и закончилась****!!! (https://t.me/kievskiybydem/4/238762). Даже* ***не капает!*** *Мы тоже хотим воды! (https://t.me/kievskiybydem/4/236346). Ворошиловский р-н воды до сих пор нет и даже* ***не шипит!!*** *(https://t.me/c/2036798943/170177).*

Частотность использования глаголов демонстрирует проблемную ситуацию, связанную с подачей воды в различные районы Донецка. Хуже всего вода подается в Киевский и Куйбышевский районы, для исправления ситуация, привлечения внимания властей и соответствующих служб пользователи указывают в перекличках районов конкретные адреса: *Опять игры начинаются, то вкл. то выкл. Артема 142,* ***дайте нормально воду,*** *харэ играться (https://t.me/kievskiybydem/4/240478).*

3. Сосуды для хранения воды

В связи с дефицитом воды особое значение приобретают емкости для ее хранения и возможной транспортировки от места подачи к дому: *бак накопительный, баклага (баклаха, баклажка, баклашка), бочка, бутылка, ванна, емкость, резервуар.* Отдельные единицы рассматриваются нами в региональном «Словаре донецкой речи» [7].

Баклага, -и, ж. То же, что и ***баклажка.*** *Воду продавали по 2* ***баклаги*** *на семью (https://t.me/kievskiybydem/4/142174). Девушки с пустыми* ***баклагами*** *для воды в одежде от кутюр... (https://t.me/don_blond/6740).*

Баклажка (баклашка), -и, ж. Пластиковая бутыль для воды или любой жидкости. *Буденновский район Донецка: какой-то не очень умный человек на детской площадке оставил* ***баклажку*** *с пивом — она и взорвалась. По данным МЧС, все нормально. На этот*

раз все обошлось (https://t.me/Ags_Donbass/208604). В истинно элитарных квартирах Донецка между краденым у украинских селян унитазом и французским биде устанавливают кран для набора воды в пятилитровые ***баклажки*** *(https://t.me/Ags_Donbass/126542).* ***Баклажки*** *сами себя не наберут (https://t.me/kievskiybydem/4/28619). Одна* ***баклашка*** *набирается за то же время, что раньше три (https://t.me/kievskiybydem/4/106962).* ■ Ареал распространения: Краснодарский край, Ставропольский край, Ростовская область, Харьковская область, Киевская область. ● Уменьш. к «баклага», от тат. «баклак» — сосуд для воды. ‖ *баклага, баклаха.*

Баклаха, -и, ж. То же, что баклажка. *Нашла такси, и с* ***баклахами*** *ездили искали воду (https://t.me/kievskiybydem/4/29359). Возит минимум две* ***баклахи*** *за раз (https://t.me/c/1746732996/330463).*

Летом 2025 года Донецк был переведен на ужесточенный график подачи воды — один раз в три дня, во многие дома вода не поступала. Правительство приняло решение установить у некоторых многоквартирных домов специальные пластиковые емкости с кранами — *бочки,* в которые воду привозили специализированные машины: *Дождь мелкий. В ведра мало набирается воды ((((15 дней даже воздуха из труб нет,* ***бочек*** *не было. Теперь не очень рядом, но появились, правда без воды от слова совсем (https://t.me/c/2036798943/183543).* Дефицит бочек и несоблюдение графика подвоза воды привело к многочисленным конфликтным ситуациям у многоквартирных домов. Например: *Сообщают, что этой ночью на ул. Артема, 285 неизвестные украли* ***бочку*** *для воды. Как сообщается, вчера вечером приезжала машина, починили кран и набрали воду, а утром* ***бочки*** *уже не было (https://t.me/itsdonetsk/298399).*

4. Характеристики воды

Самым частотным признаком является цвет воды, подаваемой в дома и квартиры. Так, теплосеть предупреждает о недопустимости слива воды из батарей, вода в теплоносителе окрашена в зеленый цвет при помощи уранина. *Отмечается, что человеку, который решит слить воду из батареи и прольет ее на себя, понадобится около двух недель и до 100 литров воды, чтобы отмыться от цветного теплоносителя (https://t.me/itsdonetsk/307150).*

Дончане отмечают низкое качество воды, оставляя характерные сообщения в местных перекличках: *Куйбышева, 246А, вода на врезке* ***рыжего цвета.*** *Стирать такой водой нельзя, да и мыться тоже (https://t.me/kievskiybydem/4/242247). Во врезке на первом этаже есть, но* ***цвета кваса*** *(https://t.me/kievskiybydem/4/219503). Накапало 1,5 литра* ***ржавой жижи*** *(https://t.me/kievskiybydem/4/176339).*

Также используемым, хотя и парадоксальным, является словосочетание *очищенная техническая вода.* Ее нельзя использовать в пищу, только для бытовых нужд. Такая вода попадает к дончанам либо из бочек, либо от частных лиц, занимающихся доставкой такой воды на дом: *Вспомнились очереди за водой на Кальмиусе. Тогда в 2022 году МЧС установили фильтровальные машины и* ***очищенную (но все же техническую) воду*** *из реки дончане могли набрать на набережной. Надеюсь, что в этот раз до этого не дойдет (https://news-donetsk.ru/incident/2025/07/24/383834.html).*

Приводимые примеры подтверждают низкое качество донецкой воды, что широко обсуждается в сети.

5. Действия, производимые в воде или с ее помощью

Местные жители широко используют глаголы, необходимые для описания простейших бытовых действий, затруднительных в связи с дефицитом воды: *купаться, стираться.*

Купаться — южнорусский регионализм, повсеместно используемый в Донецке и буквально обозначающий *мыться* (при этом мыться не в ванне, а в душе, так как

расходуется меньше воды и ее может хватить на всех членов семьи). *Ты ж не объяснишь детям, что война, управленческий кризис и засуха, а потому* ***купаться*** *нужно реже (https://t.me/harry_homolsky/8809). На выходных мои знакомые, не дождавшись воды по графику, собрались, и «с немытыми головами поехали бухать в лес!», потому что «если нет воды, пейте шампанское, и в нем же и* ***купайтесь****!» (https://t.me/martynovadn/5471).* Реже встречается региональная форма ***скупнуться,*** обозначающая принятие душа за малый промежуток времени.

Стираться — просторечное, от *стирать, мыть одежду, белье.*

В день подачи воды весь район в режиме нон стоп набирает баклажки, ведра, всевозможные емкости, ***купается и стирается*** *(https://t.me/kievskiybydem/4/231201). Рассини 3 уже* ***стираются*** *даст Бог и мы посуду помоем сегодня (https://t.me/kievskiybydem/4/176910).*

6. Объекты и механизмы управления централизованным водоснабжением

Данная тематическая группа является одной из самой многочисленных. Ее смысловым центром является словосочетание *«фильтровальная станция»,* а также названия различных механизмов, которые используются дончанами повсеместно: *автоматика, вентиль, врезка, задвижка, клапан, кран, насос, насосная, нитка подключения, порыв, разводка, система бесперебойной подачи воды, стояк.* Каждая из единиц заслуживает отдельного развернутого описания, однако мы остановимся лишь на некоторых из них.

Донецкая фильтровальная станция (ДФС) расположена севернее Донецка и является одним из самых поврежденных в ходе боевых действий объектов городской инфраструктуры. Она была заминирована и выведена из строя в 2022 году. Москва как шеф-регион оказала помощь в восстановлении объекта, что *позволит вернуть стабильную подачу воды в пострадавшие районы и восстановить жизненно важную инфраструктуру (https://donetsk-news.ru/society/2025/07/24/383890.html). Заехал сегодня посмотреть* ***Донецкую фильтровальную станцию,*** *вблизи которой долгое время находилась линия боестолкновения с противником. В результате* ***ДФС*** *получила значительные разрушения, но восстанавливать ее будем (https://t.me/Ags_Donbass/270874).*

Летом 2025 года в связи с тем, что вода не доходила до верхних этажей многоквартирных домов, в Донецке начали массово устанавливать *врезки в водопровод.* Они находятся или в подвале, или на первом этаже. Преимущество в том, что вода должна поступать даже при очень низком давлении и напоре. *Вчера* ***на врезке*** *напор был такой, что не все жители успели ее набрать. Была надежда, что можно будет набрать* ***на врезке*** *возле котельной нашего района. Сегодня возле котельной* ***врезку*** *убрали (https://t.me/kievskiybydem/4/244259). А что с* ***врезками*** *не так-то? Вода не поднимается на этажи не из-за* ***врезок*** *(https://t.me/kievskiybydem/4/243590).*

Чтобы улучшить напор воды, некоторые дончане устанавливают в квартирах *насосы: Хитрые люди туда баки и* ***насосы*** *поставили и живут теперь с водой и радуются (https://t.me/kievskiybydem/2/245819).*

Более дорогостоящей, но не менее востребованной, является установка *системы бесперебойной подачи воды.* Так, в Донецке и Макеевке работают специализированные бригады, основной профиль которых — ***установка систем бесперебойной подачи воды (****https://t.me/Ags_Donbass/254303).*

Указанные примеры подтверждают тот факт, что в условиях ограниченного водоснабжения жители городов Донецкой Народной Республике стремятся разобраться в технологии подачи воды, а также всеми силами получить требуемый напор и объем.

7. Период подачи воды

Главное для рассматриваемой тематической группы — указание на непостоянную подачу воды в регионе и столице Республики, в связи с чем используются следующие конструкции: *время подачи, время подачи воды, график, график подачи, график подачи воды, день воды, час(ы) воды.*

Официальные графики подачи воды в Донецке и других городах Донецкой Народной Республики называют часы подачи воды в районы, однако в реальности это время может не совпадать с указанным и значительно варьироваться по различным причинам. Поэтому жители уточняют информацию в городских чатах. *А **время подачи** вообще какое с 15.00 до 21.00? (https://t.me/kievskiybydem/4/228246). Почему на Россини (все дома) воду выключают в 18.00 каждый раз во **время подачи воды** (https://t.me/kievskiybydem/4/242264).*

Словосочетания со словом *график* чаще всего используются в официально-деловом или публицистическом стиле. *Власти не обсуждают дальнейшее сокращение **графика подачи воды** в ДНР (https://t.me/itsdonetsk/292635). До 1-го декабря **график подачи воды** уже не изменится. — Пушилин (https://t.me/vmakeevke/189202).*

Особую популярность в речи дончан получило выражение *день воды*, обозначающее один день в три и / или более дня, когда осуществляется центральное водоснабжение. *Утром проснулся с мыслью, что сегодня **день воды.** Спросонья что только не померещится. От прежней привычки нужно отвыкать и перестраиваться на новый график. Вода будет только завтра (https://news-donetsk.ru/incident/2025/07/24/383834.html). Ненавижу **день воды!** Испытание для нервов (https://t.me/kievskiybydem/4/236445).*

Впрочем, местные жители даже в таких условиях не теряют чувства юмора и способны шутить над ситуацией. Например: *Наш любимый праздник **«день воды».** Хороший повод встретиться всем подъездом, пообщаться, провести время. Как майский шашлык, но раз в три дня и без шашлыка (https://t.me/kotterry/5545).* Также в сети популярны шуточные высказывания типа: *Ради тебя и **День воды** пропустить не жалко (https://t.me/kotterry/1288).* Не менее растиражированным является и «Словарик дончанина», в котором отмечается следующее: ***День воды** — обобщенное название священных для каждого дончанина часов общения со стихией. В зависимости от района стихию в кране можно наблюдать с периодичностью раз в три / четыре / пять дней в неделю. Данное обстоятельство является неоспоримым предлогом для того, чтобы уйти с важного мероприятия / свидания / свадьбы, как чужой, так и собственной (https://t.me/kotterry/4307).*

8. Продажа воды

Группа образована следующими единицами: *водомат, бесплатная вода, социальная вода, цена на воду.*

В связи с ограниченным водоснабжением власти Республики приняли решение об установке водоматов — это автоматы для продажи питьевой воды. Они представляют собой компактные аппараты, внутри которых находится небольшая фильтровальная станция. Преимущество такого оборудования в том, что оно компактно и обеспечивает доступ к питьевой воде в любое время суток.

*В течение первой недели сентября компания также установит 16 **водоматов** в Донецке (https://t.me/itsdonetsk/295019). Про питьевую воду — Киевский район, у меня мама там. Утром в слезах звонит — нет воды! Обычной питьевой. Титова 7, под домом киоск с автоматической подачей — нет, на Артема 104 **водомат** — нет, на Вероне водомат — нет!!! (https://t.me/martynovadn/5305).*

Основным недостатком, с которым столкнулись дончане при пользовании водоматов, является то, что в них не было воды, а также то, что цена на воду была

высокой. В связи с этим появляется решение правительства о так называемой *социальной воде,* или *воде по социальной цене.*

Пушилин рассказал о контроле поставки ***социальной воды*** *в торговые сети ДНР (https://t.me/itsdonetsk/299775). Раньше был социальный хлеб, а сейчас уже —* ***социальная вода.*** *По 3,5 рубля за литр (https://t.me/martynovadn/5288).*

Несмотря на то, что многие компании по доставке воды намеренно завышали цену на доставляемую воду, в Республике все же функционировали пункты с *бесплатной водой: В этих пунктах* ***вода бесплатная*** *и доступна для набора в любое время. Напоминаем, она техническая — не подходит для питья и употребления в пищу! Берегите здоровье! (https://t.me/Ags_Donbass/369483).* Часто раздачей и развозом воды занимались волонтеры или просто неравнодушные горожане: *Сообщают, что на Донском в районе магазина «Оазис»* ***раздают бесплатно воду*** *(https://t.me/itsdonetsk/292637). Волонтеры* ***бесплатно раздают питьевую воду*** *возле дома-интерната на Лидиевке (https://t.me/itsdonetsk/291932).*

9. Метафоризация водной блокады

В данную тематическую группу входят следующие единицы: *борьба за воду, водная блокада, водомор, водоцид, дефицит воды.*

Словосочетание *борьба за воду* стало частотным и широко используемым летом 2025 года, когда на фоне жаркого и засушливого периода в Донецке и ряде городов Донецкой Народной Республики был внедрен график подачи воды один раз в три дня. Выражение апеллирует к советизмам и в целом к советскому периоду, когда государство вело *борьбу за урожай.* Тональность высказывания совпадает с представлением о донецком народе как о людях со стальным характером, борцах, преодолевающих трудные, невыносимые условия жизни.

Словосочетание *борьба за воду* активно включается в тексты членов правительства, заявления представителей коммунальных служб. В Донецкой Народной Республике создается специальная организация — *штаб борьбы за воду. В последнее время официальные новости идут с формулировкой* ***«борьба за воду»,*** *которая очень веселит, если бы не было столь печально (https://t.me/martynovadn/5484). Продолжаем* ***борьбу за воду*** *вместе со всей Россией! (https://t.me/Ags_Donbass/365603).*

При этом словосочетание часто дополняется эмоционально окрашенным эпитетом *тяжелая* даже в сообщениях первых лиц*: Без прикрас описал ситуацию с водоснабжением в Республике. Объяснил, какую* ***тяжелую борьбу за воду*** *мы сегодня ведем (https://t.me/Ags_Donbass/371830).*

Интересно, что конструкция *борьба за что-либо* в языковом сознании дончан распространяется на описание ситуации со всеми основными коммунальными услугами: *Был день* ***борьбы за воду,*** *добавился еще сезон* ***борьбы за отопление*** *(https://t.me/kievskiybydem/2/245777). Пока* ***за свет*** *не боремся, так как идет* ***борьба за воду*** *(https://t.me/martynovadn/5484). Но с водой такая катастрофа, что уже всем было не до этого. А то начнется, поди, и* ***борьба за электричество,*** *спаси нас, Всевышний (https://t.me/martynovadn/5489).* Реже конструкция распространяется на дефицитные товары: *Как-то забегалась, скажите мне,* ***борьба за бензин*** *уже освещается? (https://t.me/martynovadn/5505).*

Не менее частотным является словосочетание *водная блокада,* широко используемое в местных средствах массовой информации и в сообщениях властей: *Это приближает нас к разрешению* ***водной блокады,*** *которую устроила Украина жителям Донецкой Народной Республики (https://t.me/Ags_Donbass/376715). Денис Пушилин, отвечая на вопрос жительницы Донецка* ***о ситуации с водой,*** *напомнил о причинах*

нехватки воды — украинской ***водной блокаде*** *канала «Северский Донец — Донбасс», традиционно снабжавшего водой регион, недостаточным собственным водным ресурсам и изношенным с советских времен коммуникациям (https://t.me/Ags_Donbass/350114).*

На смену эвфемизмам *ситуация с водой, проблема с водой* приходят новые, эмоционально окрашенные слова с очевидной внутренней формой: *водомор, водоцид. Киевский режим на весь мир рыдает о геноциде-голодоморе, устроенном якобы советской властью сто лет назад. И при этом легко устраивает* ***водомор*** *для мирного населения Донбасса (https://tsargrad.tv/dzen/volk-v-ovechej-shkure-kievskij-rezhim-stjor-s-lica-falshivye-sljozy-i-ustroil-donbassu-vodomor_1351248). Россия не оставила дончан один на один с* ***«водомором».*** *Тонны воды везут в обезвоженный Донбасс из всех регионов (https://vk.com/wall-213182100_76445).*

Донецк не говорит сейчас ни о чем, кроме как о воде. График подачи «раз в три дня» и пояснения, что «оно само высохло» окончательно отодвинули все остальное на второй план. Не буду проходиться на темы ***«водоцида»,*** *это уже сделали, наверное, все (https://t.me/Ags_Donbass/364566).*

К этой же тематической группе можно отнести и поэтизацию водной блокады, широко распространенную в сети. Так, летом 2025 года популярной стала «Песня о воде» Анастасии Соколовой. Хотя этот текст вряд ли имеет высокую художественную ценность, сам факт его распространения в местных пабликах говорит об актуальности затронутой темы.

У нас были «Грады», дроны и смерть,
Подвалы, сирены, привычка терпеть.
Мы жили в обстрелах, теряли друзей,
Но теперь без воды мы живем
много дней.
В Москве снова плачут: «Нет горячей
воды!»
А я усмехаюсь: «Нам бы вашей беды».
Стиралка в углу просто мебель,
не более,
Достала стиральную доску из подполья.
Постирала руками зеленой водой,
Цвет одежды менять мне уже не впервой.
А соседи нашли вариант для двора —
Собирают с кондишки капли «дождя».
И в бутылках стоит этот мутный настой,
Но он чище, чем «чистая» — странный
настрой.
На посуду — пакеты, чтоб воду сберечь.
Вот так и живем — без душа, без встреч...

(А. Соколова. Песня о воде).

Выводы. В настоящее время речь донбассовцев проходит стадию активного пополнения: боевые действия на территории региона внедряют в жизнь горожан те реалии и события, которые до этого не были актуальными. К таким событиям относится дефицит воды и все те трудности, которые горожанам приходится ежедневно преодолевать на протяжении многих военных лет. Можно сделать вывод, что структура и состав лексико-семантического поля «Вода», основанные на представленных выше девяти тематических группах, отражают языковую картину мира дончанина периода

периода проведения специальной военной операции. Анализ многочисленных примеров из местных пабликов подтверждает, что в языковой картине мира современного дончанина взаимодействуют объективно-историческое и мифологическое представление о воде как основе жизни, неотъемлемой составляющей быта и бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горовая, И. Г. Концепт «Вода» как элемент русской языковой картины мира в региональной реализации / И. Г. Горовая // Четвертые Моисеевские чтения : национальные и региональные особенности языка : Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции., Оренбург, 22—24 ноября 2018 года. Том Часть 2. — Оренбург: ООО «Издательство "Оренбургская книга"», 2018. — С. 80—84. — EDN YRFKIX.
2. Гришина Н.В. Концепт ВОДА в языковой картине мира: На основе номинативного и метафорического полей русского языка XI—XX вв. : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гришина Наталья Владимировна. — Саратов, 2002. — 210 с.
3. Зинцова, Ю. Н. Лексико-семантическое поле «жидкость» в современном немецком языке : специальность 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зинцова Юлия Николаевна. — Нижний Новгород, 2009. — 335 с. — EDN QEJHZN.
4. Кочнова, К. А. Дифференциация понятия «лексико-семантическое поле» в рамках изучения языковой картины мира / К. А. Кочнова // Филология и литературоведение. — 2015. — № 5(44). — С. 3—7. — EDN UAEYSN.
5. Куренкова, Т. Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике / Т. Н. Куренкова // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. — 2006. — № 4(11). — С. 173—178. — EDN INMCLD.
6. Орлова, Т. С. Содержание понятия «лексико-семантического поле»: методы изучения лексико-семантических полей / Т. С. Орлова // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. — 2024. — № 5—2. — С. 227—231. — EDN EGAFDV.
7. Панчехина М.Н. Принципы составления «словаря донецкой речи» / М. Н. Панчехина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2025. — № 5. — С. 70—79. — DOI 10.5281/zenodo.16223650. — EDN VADNXH.
8. Полякова Н.В. Концептуализация воды в языковой картине мира селькупского этноса / Н.В. Полякова // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). — 2014. — Вып. 4 (145). — С. 67—71.
9. Праведников, С. Концепт «вода» в русской эпической традиции: региональные отличия / С. Праведников // Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование : Материалы Международной научной конференции, Белгород, 29 сентября — 01 октября 2005 года. — Белгород: Белгородский государственный университет, 2005. — С. 111—112. — EDN OSXSAE.
10. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. — М.: «Международные отношения», 1995. — Т. 1. А—Г. — 488 с.

REFERENCES

1. Gorovaya, I. G. Koncept «VODA» kak ehlement russkoj yazykovoj kartiny mira v regional'noj realizacii / I. G. Gorovaya // Chetvertye Moiseevskie chteniya : nacional'nye i regional'nye osobennosti yazyka : Materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoj konferencii., Orenburg, 22—24 noyabrya 2018 goda. Tom Chast' 2. — Orenburg: OOO «Izdatel'stvo "Orenburgskaya kniga"», 2018. — S. 80—84. — EDN YRFKIX.
2. Grishina N.V. Koncept VODA v yazykovoj kartine mira: Na osnove nominativnogo i metaforicheskogo polej russkogo yazyka XI—XX vv. : special'nost' 10.02.01 «Russkij yazyK» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Grishina Natal'ya Vladimirovna. — Saratov, 2002. — 210 s.
3. Zincova, YU. N. Leksiko-semanticheskoe pole «zhidkost'» v sovremennom nemeckom yazyke : special'nost' 10.02.04 «Germanskie yazykI» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Zincova Yuliya Nikolaevna. — Nizhnij Novgorod, 2009. — 335 s. — EDN QEJHZN.

4. Kochnova, K. A. Differenciaciya ponyatiya «leksiko-semanticheskoe polE» v ramkakh izucheniya yazykovoj kartiny mira / K. A. Kochnova // Filologiya i literaturovedenie. — 2015. — № 5(44). — S. 3—7. — EDN UAEYSN.
5. Kurenkova, T. N. Leksiko-semanticheskoe pole i drugie polya v sovremennoj lingvistike / T. N. Kurenkova // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aehrokosmicheskogo universiteta im. akademika M.F. Reshetneva. — 2006. — № 4(11). — S. 173—178. — EDN INMCLD.
6. Orlova, T. S. Soderzhanie ponyatiya «leksiko-semanticheskogo polE»: metody izucheniya leksiko-semanticheskikh polej / T. S. Orlova // Yazyk i kul'tura v ehpokhu integracii nauchnogo znaniya i professionalizacii obrazovaniya. — 2024. — № 5—2. — S. 227—231. — EDN EGAFDV.
7. Panchekhina M.N. Principy sostavleniya «slovarya doneckoj rechI» / M. N. Panchekhina // Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya. — 2025. — № 5. — S. 70—79. — DOI 10.5281/zenodo.16223650. — EDN VADNXH.
8. Polyakova N.V. Konceptualizaciya vody v yazykovoj kartine mira sel'kupskogo ehtnosa / N.V. Polyakova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). — 2014. — Vyp. 4 (145). — S. 67—71.
9. Pravednikov, S. Koncept «vodA» v russkoj ehpicheskoj tradicii: regional'nye otlichiya / S. Pravednikov // Ehtnokul'turnye konstanty v russkoj yazykovoj kartine mira: genezis i funkcionirovanie : Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Belgorod, 29 sentyabrya — 01 oktyabrya 2005 goda. — Belgorod: Belgorodskij gosudarstvennyj universitet, 2005. — S. 111—112. — EDN OSXSAE.
10. Slavyanskie drevnosti: ehtnolingvisticheskij slovar' : v 5 t. / pod red. N.I. Tolstogo. — M.: «Mezhdunarodnye otnosheniya», 1995. — T. 1. A—G. — 488 s.

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

LEXICO-SEMANTIC FIELD "WATER" IN THE LANGUAGE WORLDVIEW OF DONETSK RESIDENT

M.N. Panchehina

The article deals with the problematic lexical-semantic field "water" in the linguistic worldview of a Donetsk resident. The relevance of this study is determined by its being the first comprehensive description of the components of the lexical-semantic field "water," which has been actively expanding and has been enriched during the SVO period due to the limited centralized water supply in the cities of the Donetsk People's Republic.

The structure of the lexical-semantic field "water" and its peripheral and core components are considered. General scientific and linguistic methods have been applied in the study. A descriptive method was employed to develop a general understanding of the lexical-semantic field as a term, as well as to clarify and establish the boundaries between the peripheral and core structures of the lexical-semantic field "water". By means of a classification method a typology of thematic groups within the field has been determined. The sociolinguistic method, conducted during the survey phase to select regional lexemes for individual thematic groups, turned out to be particularly effective.

The description of the lexical-semantic field "Water" in the linguistic worldview of a Donetsk resident and its structure analysis is an important step in studying the linguistic and cultural identity of the region's inhabitants.

Key words: lexical-semantic field, field components, water, thematic groups, linguistic worldview of a Donetsk resident.

Панчехина Мария Николаевна.
Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет, г. Донецк, Российская Федерация.
Доцент кафедры русского языка.
ORCID 0000-0002-8268-7293.
E-mail: mpanchehina@gmail.com.

Panchehina Maria Nikolaevna.
Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation.
Associate Professor of the Russian Language Department.
ORCID 0000-0002-8268-7293.
E-mail: mpanchehina@gmail.com.

Научная статья
УДК 81'373.43
DOI: 10.5281/zenodo.18098202

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В ДИСКУРСЕ РОМАНТИЧЕСКИХ И ПОСТ-РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (2015–2025 ГГ.)

© 2025 *Ю.И. Трофимова[1], М.В. Крюковская[2]*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
ORCID[1] 0000-0003-3561-3723
ORCID[2] 0009-0006-4860-7583

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье представлены результаты лингвистического исследования семантико-стилистических и дискурсивных особенностей неологизмов, репрезентирующих романтические и пост-романтические отношения в англоязычном дискурсе социальных сетей (TikTok, X, Instagram). На материале корпуса из 119 лексических единиц за период 2015–2025 гг., методами корпусного, количественного и качественного анализа, включая семантико-стилистический и дискурсивный анализ, выделены ключевые семантические группы, отражающие трансформацию романтического дискурса в цифровую эпоху. В работе разработана трехуровневая классификационная модель (семантический, стилистический, дискурсивные уровни) цифровых неологизмов, расширяя понимание механизмов неологизации в условиях цифровой трансформации коммуникации. Результаты демонстрируют, что неологизмы не только фиксируют новые социальные практики, но и формируют их эмоционально-оценочное восприятие посредством метафоризации, иронии, фонетической маркировки и междисциплинарных заимствований. Доминирование социальных ярлыков, культуры свиданий и цифровых практик отражает кризис традиционных моделей романтических отношений и влияние цифровой среды на коммуникативные практики. Результаты могут быть использованы в цифровой лингвистике, социолингвистике и разработке алгоритмов анализа социальных медиа.

Ключевые слова: цифровые неологизмы, романтический дискурс, социальные сети, цифровая коммуникация, социокультурные трансформации.

Для цитирования: Трофимова Ю.И. Семантико-стилистические механизмы формирования цифровых неологизмов в дискурсе романтических и пост-романтических отношений в англоязычных социальных сетях (2015–2025 гг.) / Ю.И. Трофимова, М.В. Крюковская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 131–140. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18098202.

Введение

Актуальность исследования обусловлена фундаментальной трансформацией романтического дискурса в условиях цифровизации социальных практик. Социальные сети и приложения для знакомств не только изменяют способы взаимодействия, но и трансформируют сам концепт любви, создавая гибридные формы коммуникации [2, с. 907], где границы между реальным и виртуальным размываются. Современный человек значительную часть жизни проводит в инфосфере, что трансформирует процессы концептуализации и осмысления реальности в условиях цифровой революции [5, с. 8].

Как отмечает социолог Питирим Сорокин, любовь подобна айсбергу: лишь ее поверхностные проявления доступны для рационального анализа, тогда как глубинные механизмы остаются скрытыми и трудноуловимыми [13, с. 3]. Эта метафора приобретает особую значимость в контексте цифровой эпохи, где онлайн-платформы делают видимыми ранее невербализуемые аспекты отношений, одновременно усложняя их интерпретацию.

Теоретические основания. Исследование объединяет лингвистический анализ с социологическими теориями цифровой интимности. Если традиционные работы по неологии (Виктор Виноградов, 1977; Илья Гальперин, 1977) рассматривали словообразование как системный процесс, мы используем концепции «текучей современности» Зигмунда Баумана (2013) и «эмоционального капитализма» Евы Иллуз (2007) для анализа того, как цифровые неологизмы отражают и формируют новые нормы отношений. В отличие от классических исследований неологии, наша модель учитывает роль виральности (например, влияние TikTok на популяризацию термина *ghosting*) и геймификацию романтического дискурса (например, заимствование спортивной метафоры *benching*).

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе неологизмов 2015–2025 гг., отражающих влияние цифровых платформ на романтический дискурс: неологизмы систематизированы по принципу «цифровой детерминированности»; разработана трехуровневая классификационная модель: семантический (6 групп), стилистический (4 механизма), дискурсивный (3 функции); доказана конституирующая функция неологизмов.

Гипотеза исследования состоит с том, что цифровые неологизмы не только фиксируют, но и конституируют новые романтические практики через семантическую специализацию, использование специфических способов словообразования и стилистических приемов и виральное распространение в социальных сетях.

Задачи исследования:

1) выделить и классифицировать неологизмы по семантическим группам;
2) систематизировать стилистические механизмы их формирования;
3) установить корреляцию между цифровой средой и неологизацией.

Практическая ценность заключается в возможности применения результатов для мониторинга социокультурных трансформаций, разработки методик цифровой лингвистики, анализа коммуникативных стратегий в социальных сетях.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили 119 неологизмов, отобранных методом сплошной выборки из корпуса текстов наиболее популярных социальных медиа (TikTok, X, Instagram) за 2015–2025 гг. по хэштегам #relationshiptok, #genzrelationship, #Tindertok. Единицей анализа является слово (лексема), однако в случаях полисемии или контекстуальной полифункциональности учитывался лексико-семантический вариант, что объясняет отнесение 17 неологизмов (14,3%) к нескольким семантическим группам. Критерии отбора: временной (возникновение единицы после 2015 г. и ее фиксация в Urban Dictionary); частотный (устойчивая повторяемость в исследуемом корпусе); семантический (релевантность лексемы романтическому или пост-романтическому дискурсу).

Методологическая основа исследования представляет собой комплексный подход, включающий: количественный анализ (частотность хэштегов и упоминаний в корпусах), качественный анализ (семантико-стилистический и контекстуальный разбор единиц), классификационный анализ (для группировки неологизмов) и дискурс-анализ (для выявления их прагматических функций в коммуникации).

Основная часть

Анализ неологизмов позволил выделить 6 семантических групп, отражающих ключевые тенденции в романтическом дискурсе (таб. 1).

Таблица 1. Распределение неологизмов по семантическим группам

Семантическая группа	Примеры неологизмов	Количество ЛЕ (абс.)	Доля (отн., %)	Социокультурный контекст
Социальные ярлыки	*pick me, simp, 4 lifer / forlifer, ai partner, BBG, beige flag, blizzard buddy, crush, dad, dink, freckler, fuckboy / fuckboi, green flag, heather, hubby material / wifey material, misso / missus, next on deck, rizzler, snack, sneaky link, soul tie, twin flame, untyping*	22	19,2 %	Конструирование идентичности, задание эмоциональных рамок
Культура свиданий	Рационализация отношений: *intentional dating, future proofing, green dating, boy / girl sober, dry dating, frugal flirting, male-casting, stICKing, uncaffing season.* Сезонные/циклические модели: *cuffing/cuffing season, freckling, whelming, kiss-mets.* Поведенческие паттерны: *yap-trapping, loud looking, freak matching, gambitting, longdez-vous.* Форматы взаимодействий: *cuffle, daterview, netflix and chill.*	22	18,3%	Рационализация романтики, влияние алгоритмов и индивидуализма
Цифровые практики	Пост-отношения: *cobwebbing, dipping, eclipsing, eco-dumping, evil dead rise, groundhogging, haunting, hovering, orbiting, recycling, submarining, zombieing* Цифровая коммуникация: *breadcrumbing, BMS (broke my scale), cyberflashing, dry texting, fexting, ghosting, ghostlighting, kittenfishing, sexting, slide in the DMs, text black hole*	23	19,2%	Цифровая привязанность после расставаний, геймификация романтических взаимодействий
Проблемные модели поведения	*benching, cookie-jarring, enmeshment, fake-ups, fizzling, hardballing, love bombing, love sniping, microcheating, negging, paperclipping, penny dating, phubbing, phonewalling, pocketing, r-bomb, roaching, stonewalling, thorning, trauma bonding, wokefishing*	21	18,3%	Влияние популяризации психопросвещения
Форматы отношений	*delusionship, dexting, DTR (define the relationship), ENM (ethical non-monogamy), friendtroduction, heather,*	20	16,7%	Переосмысление традиционных моделей брака

Семантическая группа	Примеры неологизмов	Количество ЛЕ (абс.)	Доля (отн., %)	Социокультурный контекст
	instaficial, love limbo, micro-mance, nano-ships, on ice, roommate syndrome, situationship, slow burn, slow fade, soft/hard launch, talking stage, textlationship, turbo relationship, vibe check			
Эмоциональные состояния	*ambiguous loss, catch feels, closeness fatigue, deep-like, delulu, glamboozled, ick, love haze, rizz, whelmed, whipped*	11	8,3%	Гиперрефлексия поколения Z, детализация эмоциональных переживаний
Итого (без учета повторов)		119	100%	

Примечание: 17 неологизмов (14,3 %) отнесены к нескольким группам ввиду их семантической полифункциональности.

1. Социальные ярлыки.

Указанные неологизмы иллюстрируют, как социальные ярлыки формируют восприятие отношений и ожидания от партнеров. Данные ярлыки функционируют как инструменты языкового конструирования идентичности, позволяя не только обозначить свое место в романтических отношениях, но и задать эмоциональные рамки их интерпретации. Многие из этих терминов (например, *pick me, simp*) содержат оценочную нагрузку.

2. Культура свиданий.

Эти термины отражают рационализацию романтики в условиях роста индивидуализма и культуры самооптимизации. Для поколения Z платформы для знакомств — новая норма, сопоставимая с появлением института брака [2, p. 909]. Алгоритмы формируют ощущение неопределенности: бинарная оппозиция между иллюзией контроля (фильтры по внешности, интересам) и в то же время вероятностью самому быть отброшенным. Такая формализация и алгоритмизация романтических практик приводит к восприятию поиска любви как игре, лишенной эмоциональной глубины [2, с. 914]. Цифровые платформы реструктурируют инициальную фазу романтических отношений: алгоритмизация сокращает этап знакомства, геймификация усиливает элемент выбора, мультипликация вариантов создает эффект «бесконечного свидания» [2, с. 912].

Современные практики свиданий все чаще напоминают бизнес-стратегии, где партнер воспринимается как «инвестиция» в будущее, такая практика, вероятно, является реактивной реакцией на прекарность современных отношений, что подчеркивается такими терминами как *future proofing* — стратегия «защиты от будущих рисков», направленная на минимизацию риска и будущих потерь. Как отмечает Иллуз, романтические отношения подвергаются коммодификации и превращаются в «проект», требующий планирования и управления рисками [11, с. 82]. Например, *intentional dating* противостоит культуре свиданий ради свиданий, характерной для эпохи приложений для знакомств, подчеркивая социальный запрос на осмысленное построение отношений и взаимную ответственность.

3. Цифровые практики.

Виртуальная среда формирует иллюзию сохранения связи после прекращения

отношений. Платформы поддерживают опосредованный контакт между бывшими партнерами, осложняя эмоциональное дистанцирование. Таким образом, социальные сети сформировали новые поведенческие паттерны после окончания отношений.

Цифровые платформы (например, Tinder) редуцируют поиск партнера до потребительского акта, где оценка сводится к мгновенным свайпам («лайк» / «дизлайк») на основе фотографий и кратких описаний [3, с. 8]. Это формирует парадоксальную ситуацию: с одной стороны, алгоритмы упрощают доступ к множеству потенциальных связей, с другой — заменяют эмоциональную глубину оптимизацией общения. Философ Бен Чхоль Хан определяет этот процесс как «эрозия Другого» — технологическую дегуманизацию, при которой взаимодействие сводится к шаблонным анкетам и алгоритмическим фильтрам [8, с. 1]. В цифровой среде, где физическое присутствие и социальный контекст замещаются алгоритмами, пользователи становятся абстрактными образами. Это превращает взаимодействие в игру: страх, отвержение или унижение воспроизводятся «безопасно», сводя к минимуму эмоциональные риски [2, p. 915]. Например, *breadcrumbing* иллюстрирует, как пользователи манипулируют вниманием, отправляя редкие сообщения, имитирующие заинтересованность, без намерения развивать отношения. Подобные практики, ставшие нормой в онлайн-коммуникации, снижают способность к эмпатии, превращая романтику в игру с заранее заданными, поверхностными правилами.

4. Проблемные модели поведения.

Данные термины функционируют как лингвистические маркеры для идентификации абьюзивных практик и защиты личных границ в условиях цифровой эпохи. В частности, *microcheating* (микроизмены через лайки, скрытые чаты) осуществляет ревизию традиционной парадигмы неверности посредством инкорпорации цифровых поведенческих актов — таких как сокрытие контактов, лайкинг контента с сексуальным подтекстом и виртуальный флирт [12, с. 92]. Интернет-пространство формирует область неопределенности, где анонимность и доступность альтернативных связей снижают порог ответственности. Важно отметить, что 85% неологизмов данной группы имеют негативную коннотацию.

5. Форматы отношений.

Данные термины маркируют отход от традиционной моногамной парадигмы к гибким, неопределенным или многослойным моделям отношений. Эти тенденции перекликаются с теорией Баумана о «жидкой любви» — связи, лишенной стабильности в обществе потребления [4]. В современном «жидком обществе» быстрые изменения и трансформации усиливают чувство неопределенности и незащищенности: *situationship*, *talking stage*; временность связей: *cuffing season, zombieing*; гибкость обязательств: *ENM, soft launch*.

Уверенность в возможности «вернуться на рынок» для новых знакомств превращает романтику во временное развлечение [9, с. 273]. Современная любовь превратилась в продукт индивидуального выбора, свободного от регулирования институтами семьи или религии [2, с. 912]. Такие неологизмы как *slow burn* (медленно развивающиеся отношения) и *ENM* (этичная немоногамия) отражают кризис институциональных форм любви и рост индивидуализированных сценариев, где приоритетом становятся личные границы, ситуативность и осознанный выбор. В отличие от традиционных отношений, где этапы развития были четко структурированы, цифровая эпоха заменила их на квазиритуалы, не способные дать ясности и уверенности в отношениях [10, с. 51]. Сегодня такие термины как *soft / hard launch* и *Instaficial* используются в качестве инструментов для публичного заявлении об отношениях, закрепления статуса и минимизации риска неверности партнера, что одновременно подчеркивает прозрачность повседневной близости и в то же время ее хрупкость и

прекарность, не будучи зафиксированной в сети Интернет.

6. Эмоциональные состояния.

Данные неологизмы подчеркивают интерес современных поколений, выращенных в обществе популяризации психологии, селфхелпа и гиперрефлексии [7, с. 30], к анализу и детализации чувств и эмоций, переводя их в лексические единицы. Несмотря на малую долю (8,3%), эта группа обладает высокой дискурсобразующей силой. Современное поколение воспринимает свою идентичность как рефлексивный проект, постоянно требующий анализа объекта на разных стадиях его жизни [7, с. 30], где неологизмы становятся частью «рефлексивных ресурсов», формируя новый лексикон для управления и понимания романтических сценариев. Например, *ick* (изначально означает реакцию отвращения) описывает эмоциональную реакцию на отталкивающие действия партнера, которую раньше обозначали расплывчатым «что-то не так». Эта гиперрефлексия коррелирует с влиянием цифровых платформ, где поиск партнера превращается в погоню за идеальным партнером.

Анализ корпуса англоязычных неологизмов выявил ключевые механизмы их образования и стилистические особенности. В Таблице 2 представлена систематизация данных, где выделены основные словообразовательные механизмы и сопутствующие им стилистические приемы, способствующие экспрессивности и виральному распространению неологизмов.

Таблица 2. Словообразовательные механизмы и стилистические особенности цифровых неологизмов

Словообразова-тельный механизм	Стилистический прием / особенность	Количество ЛЕ (абс.)	Доля (отн., %)	Характеристики и примеры
Семантическая деривация	Метафоризация	52	43,7%	Преобразование абстрактных понятий в конкретные визуальные образы посредством семантического сдвига. Примеры: *ghosting, breadcrumbing, orbiting*.
Фонетическая маркировка (телескопия, бленды, усечения)	Ирония (включая сарказм и пародию)	39	32,8%	Критика и снижение серьезности явления. Примеры: *delulu, cookie-jarring, pick me.*
Фонетическая маркировка (звуковая игра)	Звуковая выразительность	16	13,4%	Создание меметичных форм через звуковую игру, ономатопею и фонетические ассоциации. Примеры: *rizz, phubbing, ick.*
Заимствование	Терминологизация	12	10,1%	Легитимация новых

				социальных практик через заимствование и адаптацию терминов из других областей знаний. Примеры: *ENM* (психология), *hard launch* (маркетинг), *benching* (спорт).
	Итого	119	100%	

Примечание: многие неологизмы сочетают несколько словообразовательных механизмов и стилистических приемов, классификация проводилась по доминантному признаку. В случае комбинации (например, cookie-jarring — фонетическая маркировка + ирония + метафора) учтен ведущий способ образования и сопутствующий стилистический прием.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы относительно стилистических особенностей цифровых неологизмов:

1. Семантическая деривация, реализуемая преимущественно через метафоризацию, является доминирующим словообразовательным механизмом (43,7%), что подтверждает тенденцию к визуализации эмоций в цифровом общении. Такие неологизмы, как *love bombing* — «бомбардировка» любовью или *situationship* — отношения как «ситуация» (неопределенный статус), выполняют номинативную и образную функции, упрощая сложные эмоциональные концепты.

2. Ирония занимает второе место (32,8%), отражая критическую рефлексию поколения Z на институт отношений. Термины типа *delulu* — ироничное обозначение наивных ожиданий, несмотря на очевидные признаки обратного или *wokefishing* — пародия на «ловлю» социально сознательных партнеров создают дистанцию между говорящим и негативным явлением, выполняя экспрессивную и оценочную функции.

3. Фонетическая маркировка и междисциплинарные заимствования, будучи менее распространенными, играют ключевую роль в обеспечении меметичности и научной легитимации новых социальных практик соответственно.

4. Комбинированные механизмы (например, *cookie-jarring* — ирония + метафора) характерны для наиболее виральных неологизмов, что подчеркивает комплексный характер цифрового словообразования.

Ключевые тенденции:

1) доминирование социальных ярлыков отражает запрос на категоризацию романтических ролей в условиях цифровой гипервидимости;

2) рационализация свиданий коррелирует с ростом индивидуализма и культуры самооптимизации;

3) цифровые практики демонстрируют, как социальные сети трансформируют пост-отношенческие сценарии, затрудняя эмоциональный разрыв;

4) проблемные модели поведения стали инструментами идентификации абьюза, что связано с влиянием психопросвещения в социальных сетях.

Этот процесс материализуется через лингвистические механизмы, где неологизмы выполняют двойную функцию: фиксацию новых социальных реалий (номинативная роль) и их эмоционально-оценочную интерпретацию через стилистические стратегии [13, с. 43]. Как подчеркивает Виноградов, именно экспрессивный потенциал лексики становится катализатором перехода авторских неологизмов в общеязыковой узус [1, с. 154].

Обсуждение.

К ограничениям исследования относится субъективность классификации неологизмов по эмоционально-оценочным категориям, а также потенциальная нерепрезентативность выборки, поскольку корпус формировался на основе открытых данных социальных сетей, где доминирует определенная возрастная и культурная группа: поколение Z, что может снижать репрезентативность для других демографических групп. Выборка отражает преимущественно западный культурный контекст, что ограничивает экстраполяцию результатов на другие культурные группы. Некоторые неологизмы (например, *rizz*) могли устареть к моменту публикации.

Проведенное исследование позволило выявить ключевые тенденции в формировании неологизмов, репрезентирующих романтические отношения в англоязычных социальных сетях:

– семантическая динамика неологизмов: доминирующими семантическими группами стали социальные ярлыки (отражение запроса на категоризацию романтических ролей), культура свиданий (корреляция с ростом индивидуализма) и цифровые практики (трансформация пост-отношенческих сценариев);

– платформенная специфика: TikTok и Instagram являются основными источниками неологизмов, что обусловлено их визуально легко копируемой природой, способствующей массовому спонтанному распространению и внедрению лексических инноваций в повседневную коммуникацию; X демонстрирует тенденцию к ироничному словообразованию (*delulu*, *ick*), что коррелирует с дискуссионным характером платформы;

– словообразовательные механизмы и стилистические приемы: семантическая деривация (часто реализуемая через метафоризацию) и использование иронии служат ключевыми инструментами эмоционально-оценочного воздействия; фонетическая маркировка и междисциплинарные заимствования способствуют, соответственно, виральному распространению и легитимации новых социальных практик;

– социокультурные импликации: неологизмы выступают не только номинативными маркерами новых явлений, но и инструментами конструирования реальности, формируя новые нормы восприятия романтических отношений; гиперрефлексия поколения Z отражает запрос на детализацию эмоциональных состояний, что связано с влиянием цифровых платформ на психологизацию дискурса.

Выявленные закономерности подтверждают теоретические основания исследования. Концепция «жидкой любви» Баумана (2013) находит отражение в 40,3% неологизмов, обозначающих прекарность отношений (например, *situationship*, *zombieing*), что подтверждает тезис Баумана о коммодификации интимности в цифровой среде. Теория «эмоционального капитализма» Иллуз (2007) объясняет рационализацию в неологизмах типа *intentional dating* и *futureproofing* (57% единиц содержат маркеры рационализации), где романтические взаимодействия описываются в терминах стратегических инвестиций. Концепция «эрозии Другого» Хана [8] коррелирует с 49% терминов, демонстрирующих дегуманизацию взаимодействий.

В отличие от традиционных исследований неологизмов (Виноградов, 1977), фокусировавшихся на лексических инновациях в стабильных коммуникативных контекстах, данное исследование демонстрирует, как цифровые платформы трансформируют сам процесс неологизации — через виральное распространение, алгоритмическое усиление и платформенно-специфическую стилистическую игру (например, *delulu*, *rizz*).

Заключение.

Исследование подтвердило гипотезу о том, что цифровые неологизмы не просто отражают, но и конструируют новые модели романтического взаимодействия через:

семантическую специализацию, определенные стилистические механизмы словообразования и платформенную виральность.

Разработанная трехуровневая классификационная модель (семантический, стилистический, дискурсивный уровни) позволила систематизировать 119 неологизмов и выявить доминирование социальных ярлыков, цифровых практик и культуры свиданий. Анализ словообразовательных механизмов и стилистических приемов подтвердил преобладание семантической деривации (часто через метафору) и использование иронии как ключевых инструментов номинации и критической рефлексии в цифровой среде.

Цифровые неологизмы романтического дискурса выполняют три ключевых функции: номинативную (фиксация новых практик), оценочную (эмоциональная маркировка), конституирующую (формирование норм цифрового романтического дискурса).

Результаты имеют значение для цифровой лингвистики, социолингвистики и исследований интернет-коммуникации. Перспективы исследования включают кросс-культурный анализ и изучение долгосрочной динамики неологизации в связи с изменениями цифровых платформ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. / В.В. Виноградов. — М.: Наука, 1977. — 317 с.
2. Bandinelli C. Dating apps: towards post-romantic love in digital societies / C. Bandinelli // International Journal of Cultural Policy. — 2022. — Vol. 28. — № 7. — P. 905–919. — https://doi.org/10.1080/10286632.2022.2137157
3. Bankov K. Cultural transformations of love and sex in the digital age / K. Bankov // Digital Age in Semiotics & Communication. — 2019. — Vol. II. — №. 1. — P. 7–17. — https://doi.org/10.1007/978-3-030-92555-0_6
4. Bauman Z. Liquid love: on the frailty of human bonds. / Z. Bauman — New York: John Wiley & Sons, 2013. — 176 p.
5. Floridi L. Digital ethics online and off / L. Floridi // American Scientist. — 2021. — 109 (4):218. — P. 1–18. — https://doi.org/10.1511/2021.109.4.218
6. Galperin I.R. English stylistics / I.R. Galperin. — M.: Higher School, 1977. — 336 p.
7. Giddens A. The transformation of intimacy: sexuality, love, and eroticism in modern societies/ A. Giddens. — Stanford: Stanford University Press, 1992. — 212 p.
8. Han B.C. The agony of Eros / transl. by E. Butler/ B.C. Han. — Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. — 112 p.
9. Hobbs M. Liquid love? Dating apps, sex, relationships and the digital transformation of intimacy / M. Hobbs, S. Owen, L. Gerber // Journal of sociology. — 2017. — 53(2). — P. 271–284. — https://doi.org/10.1177/1440783316662718
10. Illouz E. The end of love: a sociology of negative relations / E. Illouz. — New York: Oxford University Press, 2019. — 315 p.
11. Illouz E. Cold intimacies: the making of emotional capitalism / E. Illouz. — Cambridge: Polity Press, 2007. — 134 p.
12. McDaniel B.T. Do you have anything to hide? Infidelity-related behaviors on social media sites and marital satisfaction / McDaniel B.T., Drouin M., Cravens J.D. // Computers in human behavior. — 2017. — Vol. 66. — P. 88–95. — https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.09.031
13. Sorokin P.A. The ways and power of love: types, factors, and techniques of moral transformation / P.A. Sorokin. — Philadelphia: Templeton Foundation Press, 2002. — 552 p.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. (1977). Izbrannye trudy. Leksikologiia i leksikografiia [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka. (In Russian).
2. Bandinelli C. (2022). Dating apps: towards post-romantic love in digital societies. International Journal of Cultural Policy, 28(7), 905–919. https://doi.org/10.1080/10286632.2022.2137157 (In English).
3. Bankov K. (2019). Cultural transformations of love and sex in the digital age. Digital Age in Semiotics & Communication, II (1), 7–17. https://doi.org/10.1007/978-3-030-92555-0_6 (In English).

4. Bauman Z. (2013). Liquid love: on the frailty of human bonds. New York: John Wiley & Sons. (In English).
5. Floridi L. (2021). Digital ethics online and off. American Scientist, 109(4), 218, 1–18. https://doi.org/10.1511/2021.109.4.218 (In English).
6. Galperin I.R. (1977). English stylistics. Moscow: Vysshaia Shkola. (In English).
7. Giddens A. (1992). The transformation of intimacy: sexuality, love, and eroticism in modern societies. Stanford: Stanford University Press. (In English).
8. Han B.C. (2017). The agony of Eros (E. Butler, Trans.). Cambridge, MA: The MIT Press. (In English).
9. Hobbs M., Owen S., Gerber L. (2017). Liquid love? Dating apps, sex, relationships and the digital transformation of intimacy. Journal of sociology, 53(2), 271–284. https://doi.org/10.1177/1440783316662718 (In English).
10. Illouz E. (2019). The end of love: a sociology of negative relations. New York: Oxford University Press. (In English).
11. Illouz E. (2007). Cold intimacies: the making of emotional capitalism. Cambridge: Polity Press. (In English).
12. McDaniel B.T., Drouin M., Cravens J.D. (2017). Do you have anything to hide? Infidelity-related behaviors on social media sites and marital satisfaction. Computers in human behavior, 66, 88–95. https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.09.031(In English).
13. Sorokin P.A. (2002). The ways and power of love: types, factors, and techniques of moral transformation. Philadelphia: Templeton Foundation Press. (In English).

Поступила в редакцию 14.12.2025 г.

SEMANTIC AND STYLISTIC MECHANISMS OF DIGITAL NEOLOGISM FORMATION IN ROMANTIC AND POST-ROMANTIC DISCOURSE IN ENGLISH-LANGUAGE SOCIAL NETWORKS (2015–2025)

Yu. I. Trofimova, M. V. Kryukovskaya

This article presents the results of a linguistic study examining the semantic-stylistic and discourse features of neologisms representing romantic and post-romantic relations in English-language social media discourse (TikTok, X, Instagram). In the study based on the corpus of 119 lexical units (2015–2025) quantitative and qualitative methods, including semantic-stylistic and discourse analysis have been applied to identify key semantic groups reflecting the transformation of romantic discourse in the digital era. A three-tier classification model (semantic, stylistic, discourse) of digital neologisms, enhancing the understanding of neologization mechanisms amid the digital communication transformation is worked out. The findings reveal that these neologisms do not only record new social practices, but also shape their emotional and evaluative framing through metaphorization, irony, phonetic marking, and cross-disciplinary borrowings. The prevalence of social labels, dating culture, and digital practices reflects a crisis in traditional romantic relationship models and highlights the impact of the digital environment on communicative practices. The findings can be applied in digital linguistics, sociolinguistics, and social media analysis algorithms development.

Key words: digital neologisms, romantic discourse, social networks, digital communication, sociocultural transformations.

Трофимова Юлия Ивановна.
Кандидат педагогических наук, доцент.
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Российская Федерация, г. Сыктывкар.
Заведующий кафедрой английского языка.
ORCID 0000-0003-3561-3723.
E-mail: adrom@mail.ru.

Крюковская Маргарита Валерьевна.
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Российская Федерация, г. Сыктывкар
Студентка.
ORCID 0009-0006-4860-7583.
Email: margaritakrukovskaa01@gmail.com.

Trofimova Yulia Ivanovna.
Candidate of Pedagogy, Associate Professor.
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Russian Federation, Syktyvkar.
Head of the English Language Department.
ORCID 0000-0003-3561-3723.
E-mail: adrom@mail.ru.

Kryukovskaya Margarita Valerievna.
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Russian Federation, Syktyvkar.

Student.
ORCID 0009-0006-4860-7583.
E-mail: margaritakrukovskaa01@gmail.com.

Научная статья
УДК 81’42:659.3
DOI: 10.5281/zenodo.18098259

ТРАНСПОРТНЫЙ КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРНЫЙ КЛАСТЕР КАК МОДЕЛЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

© 2025 *В. Б. Ширшиков*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет транспорта (МИИТ)»
ORCID: 0000-0002-1268-8522

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье представлена авторская модель транспортного когнитивно-культурного кластера (ТККК), интегрирующая когнитивные, семантические и аксиологические параметры анализа профессионального транспортного дискурса. Модель разработана на базе лингвокогнитивного подхода и опирается на методы концептуального анализа, семантического поля, метафорического моделирования и сценарного анализа. Эмпирическую базу исследования составляют публикации в ведущих российских отраслевых изданиях — «Транспорт России» и «Дороги России XXI века» — за 2020–2021 годы, отражающие институциональный взгляд на процессы модернизации, цифровизации и устойчивого развития транспортной сферы. В результате анализа выявлены и систематизированы ключевые транспортные концепты (ТРАНСПОРТ, ДОРОГА, ПЕРЕВОЗКА, ИНФРАСТРУКТУРА, БЕЗОПАСНОСТЬ), а также периферийные элементы, формирующие концептуальное пространство отрасли. Рассмотрены метафорические модели (организм, сосудистая система, цифровой скелет), ценностные ориентиры (надежность, инновационность, экологичность, коллективизм) и когнитивные сценарии (модернизационный, эксплуатационный, пользовательский, инновационный), задающие нормативные рамки восприятия транспортной политики. Делается вывод о том, что транспортный дискурс формирует устойчивую картину мира, в которой транспорт репрезентируется как структурообразующий элемент социальной, экономической и технологической жизни общества.

***Ключевые слова**:* транспортный дискурс, когнитивно-культурный кластер, концепт, метафорическая модель, когнитивный сценарий, лингвокогнитивный анализ, профессиональная коммуникация, аксиологическая репрезентация, транспортная лексика.

Для цитирования: Ширшиков В. Б. Транспортный когнитивно-культурный кластер как модель лингвистического анализа профессионального дискурса / В. Б. Ширшиков // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 141–155. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18098259.

Введение. Современное развитие транспортной отрасли сопровождается не только техническими и организационными трансформациями, но и изменением способов репрезентации транспорта в массовом и профессиональном дискурсе. Возрастающая роль междисциплинарных исследований, соединяющих лингвистику, социологию и транспортную инженерию, требует новых подходов к анализу отраслевого языка. В этом контексте особую актуальность приобретает когнитивно-культурологический анализ транспортной лексики, способный выявить глубинные концептуальные структуры и ментальные модели, определяющие восприятие транспортной сферы.

В статье предлагается авторская концепция Транспортного когнитивно-культурного кластера (ТККК) как новой методологической модели лингвистического

анализа, направленной на систематизацию и интерпретацию ключевых компонентов транспортного дискурса: концептов, метафор, ценностных ориентиров и когнитивных сценариев. Данная модель позволяет не только описывать структуру отраслевого языка, но и раскрывать идеологические и аксиологические механизмы его функционирования.

В отличие от концепта, трактуемого как минимальная единица когнитивного содержания, транспортный когнитивно-культурный кластер (ТККК), по нашему мнению, представляет собой надуровневую структуру, объединяющую не только отдельные понятия, но и их взаимосвязи в рамках тематически организованной системы. Он репрезентирует сетевую структуру взаимодействующих ментальных единиц, отражающих динамику и системность транспортной сферы. В отличие от дискурса, фиксирующего поверхностные речевые проявления, ТККК позволяет описывать глубинную ментальную базу, на которую опирается производство и интерпретация специализированных текстов, обеспечивая тем самым более целостное представление о лингвистической репрезентации отраслевого фрагмента картины мира.

ТККК также отличается от концептосферы своей локализованностью и тематической направленностью. Он структурирует транспортные концепты на основе типичных когнитивных сценариев, ценностных ориентиров и устойчивых метафорических схем, формируя внутренне связное семантическое пространство. Благодаря такой структуре ТККК становится эффективным инструментом анализа профессионального дискурса, межкультурной коммуникации, лингвистического обеспечения технического перевода и терминологической стандартизации. Введение этого понятия в научный оборот, на наш взгляд, способствует углублению теоретического осмысления лингвокогнитивных механизмов репрезентации специализированного знания.

Цель исследования — выявить специфику когнитивно-культурной репрезентации транспортной сферы в русскоязычном профессиональном дискурсе на материале специализированных изданий «Транспорт России» и «Дороги России XXI века» за 2020–2021 годы. Задачи исследования включают: 1) проведение частотного анализа транспортных концептов; 2) выявление устойчивых метафорических моделей и фреймов; 3) определение доминирующих ценностных ориентиров; 4) реконструкцию типовых когнитивных сценариев; 5) лингвистическую интерпретацию выявленных структур в рамках модели ТККК; 6) анализ современных лингвистических работ транспортного дискурса.

Методологическая основа статьи опирается на лингвокогнитивный подход в сочетании с методами контент-анализа, семантического и прагматического анализа, что позволяет выявить не только формальные, но и концептуальные особенности функционирования транспортной лексики в специализированном дискурсе.

Методология. Методология настоящего исследования основывается на положениях когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и функционального дискурс-анализа, в рамках которых язык рассматривается как инструмент концептуализации и ментального отражения мира. Современная антропоцентрическая парадигма, сформированная в трудах Е.С. Кубряковой [13, с. 93–94], В.И. Карасика [9], Н.Д. Арутюновой [2, с. 5–33], А. Вежбицкой [4], Дж. Лакоффа [15], Ю.С. Степанова [18], утверждает, что язык неразрывно связан с мышлением, культурой и менталитетом человека и общества. Центральное положение занимает концепт как сложная ментальная единица, включающая в себя не только понятийный компонент, но и образную, ценностную и эмоционально-оценочную составляющие. Концептуализация — это процесс упорядочивания информации, поступающей из внешнего мира, в когнитивные

схемы, категории и структуры, которые впоследствии находят своё языковое выражение [3; 11, с. 14–31]. Именно способность концептов к частичной или полной вербализации делает их предметом лингвистического анализа.

В рамках настоящего исследования транспорт рассматривается как когнитивно-культурный кластер (ТККК), включающий иерархически организованные концепты, репрезентируемые в дискурсе средствами естественного языка. Мы опираемся на представление о концепте как многослойной структуре, состоящей из аксиологически значимого ядра и периферии, наполненной стилистически и образно маркированными элементами [10, с. 131]. Это позволяет выстраивать семантические и культурные профили транспортной лексики и реконструировать ценностную структуру отраслевого дискурса.

Методологическая база включает методы когнитивной семантики, дефиниционного и контекстуального анализа, а также фреймового моделирования знаний [14, с. 173–179; 15, с. 31; 19]. Вектор исследования строится на разработке концепта «Транспортного когнитивно-культурного кластера» как методологической рамки, в которой транспорт рассматривается сквозь призму концептов, метафор, символов и культурных сценариев. Такой подход позволяет не только классифицировать лексику, но и вскрыть ментальные и ценностные основания, определяющие функционирование транспортных единиц в языке.

Корпус исследования составлен из 10 выпусков двух российских специализированных изданий — газет «Транспорт России» и «Дороги России XXI века» за 2020–2021 годы. Данный корпус представляет собой репрезентативную выборку официального профессионального дискурса, демонстрирующего нормативные, аксиологические и коммуникативные особенности современной транспортной отрасли.

Критерии выделения ключевых транспортных концептов. В настоящем исследовании концепт рассматривается как ментальная единица, имеющая обязательную словесную репрезентацию в дискурсе. Выделение ключевых концептов осуществлялось в два этапа: **этап 1 — частотный анализ словоупотребления.** В корпусе анализировались лексемы-репрезентанты, непосредственно выражающие понятийное ядро концепта. Концепт включался в список только при наличии **явной вербальной формы** (например: *транспорт*, *дорога*, *инфраструктура*, *перевозка*, *безопасность*). **Этап 2 — контекстно-семантическая группировка.** Лексемы объединялись в концепты, если: они обладали устойчивой частотностью; встречались в нормирующем официальном дискурсе; формировали тематически цельную смысловую зону.

Особый случай составляют концепты **БЕЗОПАСНОСТЬ** и **УСТОЙЧИВОСТЬ**. Первый концепт имеет прямую вербальную репрезентацию (*безопасность*, *дорожная безопасность*) и обладает нормативным статусом в институциональном дискурсе. Второй концепт включён в периферию на основании его **регулярного словесного выражения** (*устойчивый транспорт*, *устойчивое развитие транспортной сферы*, *устойчивость дорожного покрытия*) и высокого уровня аксиологической нагруженности. Следовательно, **все выделенные концепты обладают прямой или производной словесной репрезентацией**, а не выводятся только из тематической интерпретации корпуса.

Анализ современных работ в области транспорта. Несмотря на растущий интерес к теме транспортного дискурса, в современной лингвистике наблюдается фрагментарность теоретических и методологических подходов. Большинство работ посвящены либо частным аспектам — терминологии, стилистике, неймингу, либо исследуют транспортную тематику в смежных направлениях, таких как реклама и массовая коммуникация. При этом отсутствует единая концептуальная база

лингвокогнитивного и лингвокультурологического анализа, что затрудняет формирование целостной картины транспортного дискурса как когнитивно-семиотического феномена. Так, в работе О.С. Рогалевой «Автомобильный дискурс: содержание, структура и языковое оформление» рассматривается феномен автомобильного дискурса как субдискурса транспортной сферы. Автор выделяет ядро и периферию автомобильного дискурса, анализируя лексико-семантические поля («трансмиссия», «климат-контроль», «механический наддув» и др.) и указывая на гибридную природу дискурса, объединяющего научный, рекламный и публицистический уровни. Однако в работе отсутствует когнитивная типология концептов и культурных кодов, что снижает её концептуальную ценность при построении общей модели транспортного мышления [17 с. 4–5].

Монография А.А. Исаковой «Коммуникативное пространство транспортной номинации» предлагает более глубинное осмысление транспортных имен с позиций прагматики, семантики и когнитивной лингвистики. Исследователь подчеркивает аксиологическую нагруженность транспортных номинаций, приводя примеры: *Рафик* (о RAV4), *Пижон* (о PEGO), *япошка* (о Hyundai). При этом анализ ограничен прагматическим подходом, без достаточной опоры на лингвокультурные и концептуальные основания. Автор прямо указывает: «транспортные номинации до сих пор рассматриваются преимущественно как периферия» [7, с. 232]. В другой работе того же автора — «Влияние английского языка на транспортную рекламную коммуникацию» — подробно рассматривается влияние языковой глобализации на рекламные стратегии. Автор справедливо отмечает, что такие слоганы, как «The car that cares» или «Engineered to move the human spirit», формируют «новый язык повседневной лексики, переносящийся в сознание потребителя» [6, с. 107]. Однако когнитивные механизмы формирования метафор, а также культурные ассоциации в структуре этих рекламных единиц не рассматриваются в рамках единой модели.

Особое внимание уделено мифу как устойчивому элементу транспортной рекламы в статье А.А. Исаковой «Миф в транспортном рекламном дискурсе». Здесь анализируется феномен мифологизации брендов («Mazda» — бог света у зороастрийцев, «Lada» — славянская богиня любви) как результат символической обработки лексем в сознании потребителей. Автор делает важный вывод: «Транспортные мифологемы функционируют как элементы коллективного бессознательного, апеллирующие к культурной памяти» [8 с. 2]. Тем не менее, общая когнитивно-дискурсивная модель мифотворчества в транспортной сфере остаётся неразработанной.

Статья А.И. Звягиной «Транспортный дискурс и современность» представляет собой комплексный обзор изменений в лексике и семантике транспортной сферы. Автор исследует заимствования, такие как *dry port*, *eco-driving*, *road train*, и указывает на их роль в формировании новой лексической базы. Особенно важным представляется указание на культурно-исторические метафоры, например: «колбасная электричка» как уникальная для русскоязычного сознания метафора постсоветского периода [5, с. 9–10]. Однако, как и в других работах, отсутствует операционализированная лингвокогнитивная схема анализа этих феноменов.

Проблема терминологической неоднородности и сложности межъязыкового взаимодействия в технической сфере освещается в работе О.Л. Моховой и соавторов. Исследование поднимает вопросы переводческой точности в транспортной терминологии, особенно при работе с аббревиатурами и интернациональными словами: «Термины транспортного дискурса пополняются из различных областей человеческой деятельности, осуществляя связь данного типа дискурса с современным миром и его

дискурсами» [16, с. 133]. Авторы классифицируют транспортные термины, однако анализ остается на уровне переводческой практики и не включает когнитивную структуру терминов как ментальных единиц.

Интересную образовательную перспективу предлагает работа О.П. Алексеевой, в которой раскрывается терминологический подход к обучению будущих специалистов транспортной сферы. Исследование подтверждает, что овладение терминологией — это не только заучивание, но и процесс «создания цельной картины мира предметной области» [1, с. 661]. Несмотря на педагогический уклон, работа иллюстрирует важность когнитивной компонентности при формировании профессионального сознания, однако напрямую не строит лингвокогнитивную модель.

Фундаментальное определение и многослойная структура транспортного дискурса (ТД) представлены в классической статье А.И. Звягиной. Автор концептуализирует ТД как «систему субтекстов», где каждый субтекст отражает аспект коммуникации — понятийный, методологический, аксиологический [5, с. 61]. Звягина указывает на «политекстуальность» ТД как его ключевую характеристику, но не производит явного разграничения между когнитивной природой концептов и культурной символикой транспортных единиц. Модель политекстуальности остаётся описательной, без типологии транспортных концептов или когнитивных метафор.

Наиболее приближенной к когнитивной парадигме является работа В.В. Катерминой, посвящённая когнитивно-прагматическому аспекту англоязычных транспортных неологизмов. Автор анализирует лексемы типа *bio-bus*, *donorcycle*, *ghost flight*, *range anxiety*, акцентируя внимание на семантическом ядре новых единиц и их оценочной нагрузке: «Неологизмы отражают изменения коллективного сознания, передают специфику познавательной деятельности и установок современного человека» [12, с. 113]. Исследование представляет собой ценный вклад в формирование модели лингвистического отражения урбанистических и технократических изменений, однако остается в рамках англоязычного материала и не разрабатывает сопоставительного анализа с другими лингвокультурами.

Итак, обзор научных публикаций показал наличие устойчивого интереса исследователей к транспортному дискурсу, однако также выявил методологическую разрозненность и отсутствие интегральной аналитической парадигмы. Авторы работ поднимают важные вопросы: переводческой точности (Мохова и др.), формирования профессиональной компетенции на основе терминологии (Алексеева), метафоризации и мифотворчества в рекламе (Исакова), динамики неологизмов (Катермина), политекстуальности и субтекстной структуры дискурса (Звягина). Каждое из этих направлений вносит вклад в понимание частных аспектов языкового репрезентирования транспорта, однако ни одно не строит комплексной модели взаимодействия языка, мышления и культуры в сфере транспортной коммуникации. Так, в работах Исаковой и Звягиной прослеживаются элементы дискурсивного и ономастического анализа, но без перехода к понятийному моделированию. Алексеева акцентирует внимание на формировании тезаурусной базы, но не раскрывает семантические механизмы когнитивного освоения терминов. Катермина приближается к когнитивной парадигме через анализ неологизмов, однако материал ограничен англоязычным корпусом. Мохова и соавторы фиксируют сложности перевода, не выходя за рамки прагматического уровня.

На этом фоне становится очевидной необходимость системной интеграции подходов, что и предлагается в виде концепции ТККК. Транспортный когнитивно-культурный кластер — это методологическая модель, позволяющая анализировать транспорт не только как лексико-терминологическую систему, но как совокупность

концептов, метафор, аксиологических доминант и культурных сценариев. В рамках ТККК транспортная лексика рассматривается как отражение ментальных моделей, ценностных ориентаций и социокультурной динамики общества. Это открывает возможности для сопоставительного анализа, перевода, разработки глоссариев, оценки междискурсивных влияний и построения единой когнитивной карты транспортной коммуникации.

Таким образом, дальнейшее развитие лингвистических исследований в сфере транспорта, на наш взгляд, возможно только при опоре на интегративный когнитивно-культурологический вектор. Предложенная модель ТККК может стать основой для междисциплинарного взаимодействия, охватывающего лингвистику, транспортную инженерию, философию техники и социологию городской мобильности.

Анализ ТККК в русскоязычном дискурсе. Корпус исследования составлен из 10 выпусков двух центральных отраслевых изданий — газет «Транспорт России» и «Дороги России XXI века» за 2020–2021 годы (по 5 выпусков каждого издания). Выбор обусловлен стабильной государственной ориентацией указанных изданий, их официальным статусом и регулярной репрезентацией отраслевого дискурса. В совокупности тексты содержат репрезентативную выборку тематически маркированного транспортного материала, пригодного для когнитивно-культурологического анализа.

Методологически анализ базируется на лингвокогнитивном подходе, включающем следующие методы: частотный анализ транспортных концептов, семантическое группирование лексики, выделение устойчивых метафорических моделей и реконструкция типовых когнитивных сценариев. Основу составляет модель «Транспортного когнитивно-культурного кластера» (ТККК), в рамках которой анализируются ключевые концепты, метафоры, ценностные ориентиры и сценарии поведения, характерные для транспортной сферы.

Ключевые концепты. Следует подчеркнуть, что отбор концептов опирался именно на словесную репрезентацию лексем, а не на тематическое обобщение. В таблицу включены только те единицы, для которых в корпусе фиксируются регулярные вербальные формы. На основании частотного анализа, проведенного по корпусу в 10 выпусков газет «Транспорт России» и «Дороги России XXI века» за 2020–2021 годы, были выделены наиболее репрезентативные концепты транспортного дискурса.

Частотность ключевых транспортных концептов

Таблица 1. Источник: составлено по материалам журнала и газеты «Транспорт России» и «Дороги России XXI века» за 2020–2021 гг.

Термин (Концепт)	Частотность	Доля (%)
транспорт	171	32.82
дорога	69	13.24
перевозка	49	9.40
покрытие	45	8.64
инфраструктура	43	8.25
безопасность	23	4.41
контейнер	15	2.88
железнодорожный	12	2.30
магистраль	11	2.11
цифровизация	9	1.73
эксплуатация	9	1.73
автомобиль	9	1.73
логистика	9	1.73
мост	8	1.54
модернизация	8	1.54
скорость	7	1.34
проектирование	6	1.15

авиация	6	1.15
инновация	6	1.15
асфальтобетон	6	1.15

Выделение ядерных и периферийных концептов транспортного когнитивно-культурного кластера (ТККК) осуществляется на основе совокупности лингвокогнитивных и дистрибутивных критериев, позволяющих установить иерархическую организацию концептосферы профессионального дискурса. Методологической основой анализа выступают принципы частотного моделирования, контекстуальной релевантности и семантической стабильности.

Концепты, формирующие ядро, характеризуются высокой частотностью употребления в корпусе текстов (газеты «Транспорт России» и «Дороги России XXI века» за 2020–2021 гг.), институциональной закреплённостью и нормативной функциональностью. Периферийные же концепты (например, СКОРОСТЬ, ПАССАЖИР, МОБИЛЬНОСТЬ, УСТОЙЧИВОСТЬ, ЛОГИСТИКА), напротив, демонстрируют меньшую частотность и высокую контекстуальную вариативность.

Ядро когнитивно-культурного кластера формируют универсальные концепты, выражающие системные характеристики транспортной отрасли: ТРАНСПОРТ, ДОРОГА, ПЕРЕВОЗКА, ИНФРАСТРУКТУРА, БЕЗОПАСНОСТЬ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ. Особого внимания заслуживает концепт ТРАНСПОРТ, как наиболее частотная, обобщающая и когнитивно нагруженная единица. Этимологически слово *транспорт* восходит к латинскому *transportare* ‘переносить, перемещать’, где *trans-* означает ‘через’, а *portare* — ‘нести’. В русском языке оно закрепилось как обозначение системы перемещения людей и грузов с помощью технических средств. Современные дефиниции в лексикографических источниках, таких как Словарь Ожегова, трактуют транспорт как ‘совокупность всех видов передвижения людей и грузов с помощью технических средств’ [31].

Понятийное содержание концепта охватывает как физическую инфраструктуру и средства передвижения, так и логистику, управление, нормативное регулирование и социальную значимость. Он активно функционирует в институциональном и государственном дискурсе: «Национальный проект "Безопасные качественные дороги" охватывает все виды транспорта» [25, с. 2]. В аксиологическом аспекте концепт маркируется положительными признаками: эффективность, надёжность, безопасность, инновационность, устойчивость. Например, в лексических сочетаниях «устойчивый транспорт», «экологичный транспорт», «цифровизация транспортного комплекса» акцентируется его стратегическая значимость для развития государства и общества. Ассоциативное поле концепта включает представления о системности, техническом прогрессе, урбанизации, а также мобильности, доступности и комфорте. В публицистических текстах он часто сопровождается эпитетами с нормативной и оценочной нагрузкой: «надёжный», «скоростной», «инновационный», «экологичный».

Таким образом, концепт ТРАНСПОРТ выступает в качестве когнитивного узла, организующего представления о пространственно-временной мобильности общества, технологической модернизации и социальной инфраструктуре.

Концепт ДОРОГА, в свою очередь, выступает как материальный и метафорический компонент. Он обозначает не только физическую инфраструктуру, но и символическую ось развития, связности и обновления. В высказывании «В 2020 году отремонтировано более 1000 км региональных дорог» [29, с. 5] дорога представляется в терминах количественного показателя государственной эффективности и инфраструктурной модернизации. Дорога — неотъемлемая часть логистической и социальной структуры

региона, её состояние коррелирует с восприятием качества жизни и экономической динамики. В рамках национального проекта подчёркивается масштаб модернизационных усилий: «Ремонт дорог в этом году проводится в рамках национального проекта в 83 субъектах Российской Федерации» [28, с. 3]. При этом технический аспект институционализированного подхода репрезентируется в формуле «применение новых стандартов качества дорожного покрытия» [27, с. 4], где нормативность становится частью когнитивной модели. В пространственном измерении дорога выступает в роли вектора интеграции и стратегического планирования: «После открытия ЦКАД загруженность улично-дорожной сети подмосковных городов уменьшилась на 10% и может снизиться в перспективе до 30%» [23, с. 2]. Таким образом, концепт ДОРОГА в транспортном дискурсе одновременно воплощает инфраструктурную реальность, управленческую инициативу и социокультурную значимость.

Концепт ПЕРЕВОЗКА представлен преимущественно в институциональной лексике, связанной с государственным регулированием и отраслевыми задачами. В заявлении «Планируется увеличить объём грузоперевозок за счёт мультиформатной логистики» [24, с. 2] акцент сделан на управляемости логистических потоков в рамках стратегического планирования. В другой публикации подчеркивается международная кооперация в сфере перевозок: «Россия и Узбекистан обсудили развитие мультимодальных перевозок с участием железнодорожного транспорта и автотранспорта» [24, с. 4], где концепт включён в контекст внешнеэкономической интеграции. Отраслевой подход прослеживается и в высказывании: «Для устойчивого роста объёмов перевозок требуется обновление подвижного состава и инфраструктуры перегрузочных терминалов» [24, с. 5], где подчёркивается связь между качеством инфраструктуры и эффективностью транспортных операций. Таким образом, концепт ПЕРЕВОЗКА репрезентируется как операциональная единица макроэкономического планирования и инструмент территориальной связности.

Концепт ИНФРАСТРУКТУРА активен в дискурсе модернизации и цифровой трансформации. В публикации «Цифровая инфраструктура становится основой управляемости транспортного комплекса» [26, с. 1] подчёркивается роль информационно-коммуникационных технологий в администрировании отрасли. Концепт проявляется также в пространственно-институциональных аспектах, как в высказывании: «Реконструкция инфраструктуры в приграничных регионах расширит пропускную способность и создаст новые логистические маршруты» [24, с. 3], где инфраструктура осмысляется как элемент геополитической логистики. В экономическом измерении он представлен формулой: «Развитие инфраструктуры опережающими темпами позволит нарастить экспортный потенциал в южном направлении» [25, с. 2], что указывает на стратегическую направленность транспортных инвестиций. Инфраструктура в этих примерах не только технический объект, но и когнитивная метафора устойчивого роста, системности и межотраслевой интеграции.

Концепт БЕЗОПАСНОСТЬ репрезентирован через технологические решения и институциональный контроль. В сообщении «Установлено 82 новых комплекса видеонаблюдения» [28, с. 18] акцент делается на цифровизации мониторинга дорожной среды. Этот подход дополняется фразой: «Система видеоконтроля в автоматическом режиме выявляет нарушения скоростного режима и пересечения сплошной линии» [25, с. 3], где подчёркивается высокий уровень автоматизации обеспечения безопасности. Превентивная составляющая концепта реализуется в утверждении: «Размещение интеллектуальных камер позволило снизить аварийность на 18% на ключевых участках»

[26, с. 2], где безопасность предстает как результат внедрения цифровых решений. Таким образом, концепт БЕЗОПАСНОСТЬ в транспортном дискурсе становится синонимом надёжности, предсказуемости и технологической оснащённости, опосредованной институциональной волей и нормативным контролем. Регулярность употребления лексем *безопасность*, *дорожная безопасность*, *обеспечение безопасности* в корпусе подтверждает наличие устойчивой словесной репрезентации данного концепта.

Периферийные концепты СКОРОСТЬ, ПАССАЖИР, УСТОЙЧИВОСТЬ, ЛОГИСТИКА и МОБИЛЬНОСТЬ дополняют когнитивную структуру транспортного дискурса, отражая пользовательские ожидания и направления развития. Концепт СКОРОСТЬ связан с эффективностью: «Скоростной маршрут сократил время в пути вдвое» [28, с. 5]; «Сегодня по трассе можно ехать со скоростью 110 км в час. Раньше максимум был 90» [23, с. 1]. Концепт ПАССАЖИР представлен в аксиологическом ключе: «Уровень удовлетворенности пассажиров растёт» [25, с. 3]; «С помощью приложения пассажиры могут отслеживать маршрут автобуса в реальном времени» [24, с. 2].

Концепт УСТОЙЧИВОСТЬ отражает экологическую направленность: «Развитие электротранспорта снизит уровень вредных выбросов» [26, с. 2]. Лексемы *устойчивый*, *устойчивость*, *устойчивое развитие* фиксируются в корпусе с достаточной регулярностью, что позволяет рассматривать УСТОЙЧИВОСТЬ как периферийный, но вербализованный концепт. Концепт ЛОГИСТИКА фокусируется на мультимодальности и цифровизации: «Сформирована новая логистическая цепочка с участием портов юга России» [24, с. 3]; «Создание платформы единого логистического окна позволит оптимизировать движение грузов» [25, с. 4]. МОБИЛЬНОСТЬ обозначается как индикатор социальной справедливости: «Транспортная мобильность граждан является ключевым показателем социальной справедливости» [24, с. 5]. Эти концепты формируют дополнительную смысловую рамку отраслевого дискурса.

Лингвистически концепты репрезентированы в разных грамматических формах: номинативной (существительные — *транспорт*, *логистика*, *безопасность*), атрибутивной (прилагательные — *устойчивая*, «*цифровая*, *надёжная*) и процессуальной (глаголы — *обновлять*, *перевозить*, *модернизировать*). Это позволяет фиксировать концепты как части устойчивых лексико-семантических комплексов, обладающих прагматической направленностью. В частности, устойчивые словосочетания (*интеллектуальная система*, *экологичный транспорт*, *умная логистика*) задают нормативный регистр и транслируют ценностные ориентиры государственной транспортной политики.

Итак, внутренняя структура ТККК организована по принципу иерархичности: центральное ядро формируют наиболее устойчивые, высокочастотные и нормативно закреплённые концепты, тогда как периферию составляют более вариативные и ситуативно обусловленные единицы. Ядро включает такие концепты, как ТРАНСПОРТ, ДОРОГА, ПЕРЕВОЗКА, ИНФРАСТРУКТУРА, поскольку они репрезентируют институциональную, технологическую и нормативную основу отрасли, функционируют в обобщённых регистрах и часто сопровождаются языковыми маркерами официального дискурса (например, *национальный проект*, *модернизация комплекса*, *регулирование перевозок*). Периферия же включает концепты СКОРОСТЬ, ПАССАЖИР, УСТОЙЧИВОСТЬ, МОБИЛЬНОСТЬ, которые, хотя и важны для восприятия транспорта в повседневной и пользовательской перспективах, демонстрируют большую прагматическую изменчивость и эмоционально-оценочную нагруженность. Их вербализация чаще носит экспрессивный или метафорический характер,

ориентированный на создание положительного имиджа и коммуникативного воздействия (например, *экологичный транспорт*, *удобство для пассажиров*, *ускорение маршрутов*). Подобная бинарность отражает когнитивно-семантическое распределение значимости: концепты ядра обеспечивают когнитивную стабильность транспортной картины мира, а концепты периферии — гибкость и адаптивность её интерпретации в изменяющихся социально-коммуникативных контекстах.

Таким образом, ключевые концепты транспортного дискурса демонстрируют не только высокую частотность, но и устойчивое включение в нормативно-оценочные структуры, что позволяет говорить об их центральной роли в формировании когнитивно-культурного профиля современной транспортной отрасли.

Метафорические модели транспортного дискурса. Метафорика транспортного дискурса базируется на множестве органических, технических и институциональных образов, придающих абстрактным явлениям транспортной отрасли более наглядный и понятный характер. Наиболее устойчивыми являются телесные метафоры, оформляющие транспортную инфраструктуру как живой организм. Так, в журнале «Дороги России XXI века» представлена модель, в рамках которой дорога метафорически репрезентирована как сосудистая система: «Дорожная сеть — это артерии, связывающие регионы в единую систему» [27, с. 3]. Аналогично используется фрейм «лечение дороги»: «Начаты мероприятия по реанимации дорожного полотна после зимнего сезона» [28, с. 6], где *реанимация* выступает предикатом, наделяющим дорогу признаками живого организма.

Наряду с телесной метафорой активно функционирует техноорганическая модель: «Цифровая инфраструктура становится скелетом умной транспортной системы» [23, с. 2]. Здесь образ «скелета» передаёт функцию структурной опоры, подчёркивая фундаментальность цифровых технологий. Подобные конструкции усиливают представление о транспорте как об интегральной системе с взаимосвязанными компонентами.

Особое место занимают метафоры, заимствованные из биосферы и медицины. В заголовке статьи «Дороги лечат» [29, с. 5] используется метафора с активной предикативной позицией, усиливающей представление о дороге как субъекте, поддающемся восстановлению. Лингвистически эти метафоры оформляются через глаголы (*лечат*, *реанимируют*, *омолаживают*) и существительные, обладающие медицинской семантикой (*реанимация*, *устранение симптомов*, *реконструкция как терапия*).

В ряде случаев транспорт репрезентирован как система кровообращения: «Транспортный коридор — главная вена логистики» [24, с. 3], «инфраструктура питает регионы» [26, с. 1]. Эти образы активно поддерживают идею взаимозависимости и постоянного функционирования. Они усиливаются сравнительными оборотами: *как кровь для экономики*, *по венам регионов*, *импульсы движения*.

Анализ показывает, что метафоры транспортного дискурса выполняют не только пояснительную, но и аксиологическую функцию. Они позволяют наделить технические процессы эмоциональной окраской, вовлечь адресата в коммуникативный процесс, формируя положительный имидж транспортной сферы. Использование номинативных эпитетов (*умный транспорт*, *живое движение*) и композитов (*инфраструктурный организм*) свидетельствует о формировании когнитивных сценариев, в которых транспорт воспринимается как динамичная и чувствительная система, требующая ухода и модернизации. Метафорические модели, исходя из проанализированного материала, не являются стилистическим украшением, а выполняют системообразующую функцию

в транспортном дискурсе. Они способствуют когнитивной переработке сложной технической информации, встраивая её в привычные и универсальные фреймы восприятия.

Ценностные ориентиры транспортного дискурса. Ценностная структура транспортного дискурса формируется под воздействием стратегических приоритетов, закреплённых в национальных проектах, программах модернизации и цифровизации отрасли. Среди доминирующих установок фиксируются безопасность, технологическое развитие, экологичность, устойчивость и коллективная кооперация. Так, в журнале «Дороги России XXI века» подчёркивается: «Особое внимание уделяется безопасности дорожного движения, снижению аварийности» [28, с. 10]. Значимым аксиологическим элементом является технологическое развитие: «Залог успеха — системная модернизация и цифровая трансформация отрасли» [25, с. 3]. Лексемы с позитивной семантикой — *надёжность*, *технологии будущего*, *современные подходы*, *экологический эффект*, *доступность* — маркируют ценности, транслируемые транспортным дискурсом. В частности, конструкция «в целях повышения качества и надёжности инфраструктуры» [23, с. 2] задаёт модальность обязательного и целенаправленного действия.

Лингвистически ценностные ориентиры реализуются через: 1) модальные конструкции (*необходимо обеспечить*, *требуется модернизация*, *должна быть достигнута цель*); 2) эпитеты с положительной коннотацией (*экологически чистый транспорт*, *надежная сеть*, *инновационные решения*); 3) повторяющиеся речевые шаблоны (*в рамках нацпроекта*, *в перспективе до 2030 года*, *в целях повышения качества*); 4) целевые лексемы (*реализация стратегии*, *приоритетное направление*, *перспективный план*). Особое место занимает ценностный концепт коллективизма, выраженный в синтаксических конструкциях совместного действия: «В рамках нацпроекта "Безопасные и качественные дороги" объединились усилия субъектов федерации, муниципалитетов и бизнеса» [29, с. 2]. Акцент на кооперации прослеживается также в выражениях: «при поддержке Минтранса», «в партнёрстве с регионами», «реализуется в единой связке». Эти конструкции репрезентируют модель горизонтального взаимодействия и согласованности между институциональными акторами.

Итак, транспортный дискурс формирует и транслирует устойчивую систему ценностей, связанную с безопасностью, развитием и общественной кооперацией, закрепляя её в устойчивых языковых формулах и структурных паттернах официальной коммуникации.

Когнитивные сценарии транспортного дискурса. Анализ транспортного дискурса на материале выпусков «Транспорт России» и «Дороги России XXI века» за 2020–2021 годы позволяет выделить четыре базовых когнитивных сценария: модернизационный, эксплуатационный, пользовательский и инновационный.

Модернизационный сценарий представлен материалами, в которых отражаются планы и процессы обновления инфраструктуры: «Программа капитального ремонта мостов стартует в следующем году» [26, с. 1]; «Развитие цифровой платформы управления трафиком является стратегическим направлением» [23, с. 2]. Используются глаголы с перспективной семантикой (*будет реализовано*, *запланировано*, *планируется запуск*) и существительные, задающие этапность (*программа*, *проект*, *стратегия*), формируя модель поступательного, целенаправленного движения вперёд.

Эксплуатационный сценарий фокусируется на текущем содержании транспортной системы: «Установлено 82 новых комплекса видеонаблюдения» [28, с. 18]; «Начаты

мероприятия по реанимации дорожного полотна» [28, с. 6]. Повторяются лексемы *обслуживание*, *поддержание*, *ремонт*, подчеркивающие заботу о стабильности функционирования. Часто используются активные формы глаголов (*выполнено*, *проведены работы*), указывающие на завершённость этапов эксплуатации.

Пользовательский сценарий формируется через акцент на потребности и ожидания граждан: «Уровень удовлетворенности пассажиров растёт» [25, с. 3]; «Комфорт и безопасность пассажиров остаются приоритетом» [29, с. 3]. Здесь ключевыми являются эпитеты *комфортный*, *доступный*, *безопасный* и конструкции результата: *улучшено качество*, *обеспечена надёжность*, *снижены интервалы движения*. Инновационный сценарий опирается на внедрение передовых технологий: «Развивается интеллектуальная транспортная система» [25, с. 2]; «Переход к цифровому моделированию движения» [26, с. 2]. Используются лексемы цифровой экономики: *ИТС*, *беспилотный режим*, *цифровой двойник*, *моделирование*. В текстах доминирует лексика будущего и термины, ассоциирующиеся с высокотехнологичной трансформацией. Как видно из анализа, когнитивные сценарии отражают многоуровневое функционирование транспортной системы: от стратегических инициатив и технического обслуживания до пользовательских ожиданий и инновационных решений. Их вербализация реализуется в типовых речевых моделях и грамматических конструкциях, фиксирующих вектор развития и нормативную рамку транспортной политики.

Заключение. Предложенная модель транспортного когнитивно-культурного кластера (ТККК) позволила системно описать ключевые концепты, метафорические модели, ценностные ориентиры и когнитивные сценарии, устойчиво репрезентирующие транспортную сферу в русскоязычном отраслевом дискурсе. Установлено, что центральным концептом является ТРАНСПОРТ — когнитивно нагруженный термин, аккумулирующий идею перемещения, инфраструктуры, нормативной системы и социальной значимости. Вокруг него формируются другие концепты ядра: ДОРОГА, ИНФРАСТРУКТУРА, ПЕРЕВОЗКА, БЕЗОПАСНОСТЬ и ЦИФРОВИЗАЦИЯ, что указывает на иерархичность и системность концептуальной структуры.

Метафорическое моделирование основывается преимущественно на телесно-органических образах, создающих эффект антропоморфизации транспортной системы. Это способствует когнитивной наглядности и эмоциональной вовлечённости реципиентов. Фреймы «лечения», «пульса», «артерий» активизируют представление о транспорте как о живом организме и усиливают идеологемы жизненной необходимости и системной интеграции.

Ценностные ориентиры выявляют языковое оформление приоритетов отрасли — надёжности, технологического развития, экологичности и межведомственной кооперации. Лингвистически они выражаются через модальные конструкции, эпитеты с положительной семантикой и клише планово-прогностического характера. Когнитивные сценарии структурируют дискурсивную репрезентацию транспортной деятельности на четырёх уровнях: модернизационном, эксплуатационном, пользовательском и инновационном. Каждый из них реализуется через типовые речевые модели, фиксирующие направления развития и нормативную рамку отраслевой политики.

Таким образом, предложенная модель ТККК опирается на прозрачную методику выделения концептов, основанную на частотном анализе лексической репрезентации и контекстно-семантическом моделировании. ТККК выступает не только как инструмент описания и анализа, но и как прогностическая модель, позволяющая интерпретировать дискурсивные трансформации и проектировать стратегии эффективной профессиональной коммуникации. Перспективным направлением дальнейших

исследований является сопоставление репрезентации транспортных концептов в разных лингвокультурных традициях, что позволит разработать более универсальные подходы к развитию глобальной транспортной семиосферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева О.П. Терминологический подход к формированию языковой компетенции в подготовке специалистов транспортной отрасли / О.П. Алексеева // Подготовка кадров для интеллектуальных транспортных систем. — М.: МИИТ, 2023. — С. 660–664.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. — М.: Наука, 1990. — С. 5–33.
3. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. — М., 1997. — 574 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.
5. Звягина А.И. Транспортный дискурс: определение, характеристика и языковое оформление / А.И. Звягина // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 43 (181). — С. 59–63.
6. Исакова А.А. Влияние английского языка на транспортную рекламную коммуникацию / А.А. Исакова // Успехи гуманитарных наук. — 2022. — №6. — С. 106–108.
7. Исакова А.А. Коммуникативное пространство транспортной номинации / А.А. Исакова // Наука, инновации, образование. — 2020. — №17. — С. 231–237.
8. Исакова А.А. Миф в транспортном рекламном дискурсе / А.А. Исакова // Russian Linguistic Bulletin. — 2023. — №8(44). — С. 1–3.
9. Карасик В.И. Языковое преобразование реальности / В.И. Карасик. — М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2023. — 500 с.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 480 с.
11. Карасик В.И. Тенденции развития современного дискурса / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Актуальные проблемы развития филологии и педагогической лингвистики. — 2021. — № 1. — С. 14–31.
12. Катермина В.В. Когнитивно-прагматический аспект транспортных неологизмов англоязычного дискурса / В.В. Катермина // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2024. — № 1 (118). — С. 112–122.
13. Кубрякова Е.С. Концептуализация / Е.С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: МГУ, 1996. — С. 93–94.
14. Кузьмиченко А.А. К вопросу о структурной организации концепта (на примере концепта огонь) / А.А. Кузьмиченко // Иностранный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития. — Псков, 2017. — Т. 7. — С. 173–179.
15. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. — 1988. — Вып. 23. — С. 31.
16. Мохова О.Л. Особенности перевода транспортной терминологии / О.Л. Мохова, Н.И. Львова, Ю.М. Мухина // Наука и современное общество. — 2023. — № VIII. — С. 131–133.
17. Рогалева О.С. Автомобильный дискурс: содержание, структура и языковое оформление / О.С. Рогалева // Медиастилистика. — 2014. — №4. — С. 1–12.
18. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю.С. Степанов. — М.: Наука, 1981. — 245 с.
19. Goffman E. Frame analysis: An essay on the organization of experience / E. Goffman. — Boston: Northeastern University Press, 1986. — 586 p.
20. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 242 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

21. Газета «Транспорт России». Архив номеров [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://transportrussia.ru/o-gazete/arkhiv.html (Дата обращения: 16.05.2025).
22. Журнал «Дороги России XXI века». Архив номеров [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rosavtodor.gov.ru/press-center/magazines (Дата обращения: 16.05.2025).
23. Газета «Транспорт России». — 2021. — № 29 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://transportrussia.ru (Дата обращения: 16.05.2025).
24. Газета «Транспорт России». — 2021. — № 30 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://transportrussia.ru (Дата обращения: 16.05.2025).

25. Газета «Транспорт России». — 2021. — № 35 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://transportrussia.ru (Дата обращения: 16.05.2025).
26. Газета «Транспорт России». — 2021. — № 36 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://transportrussia.ru (Дата обращения: 16.05.2025).
27. Журнал «Дороги России XXI века». — 2020. — № 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rosavtodor.gov.ru (Дата обращения: 16.05.2025).
28. Журнал «Дороги России XXI века». — 2020. — № 3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rosavtodor.gov.ru (Дата обращения: 16.05.2025).
29. Журнал «Дороги России XXI века». — 2020. — № 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rosavtodor.gov.ru (Дата обращения: 16.05.2025).
30. Журнал «Дороги России XXI века». — 2020. — № 5 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rosavtodor.gov.ru (Дата обращения: 16.05.2025).
31. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/115053 (Дата обращения: 20.05.2025).

REFERENCES

1. Alekseeva O.P. (2023). Terminologicheskiy podkhod k formirovaniyu yazykovoy kompetentsii v podgotovke spetsialistov transportnoy otrasli [Terminological approach to the development of language competence in training specialists for the transport sector]. In Podgotovka kadrov dlya intellektual'nykh transportnykh sistem (pp. 660–664). Moscow: MIIT. (In Russian)
2. Arutyunova N.D. (1990). Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In Teoriya metafory (pp. 5–33). Moscow: Nauka. (In Russian)
3. Bulygina T.V., & Shmelev A.D. (1997). Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki) [Linguistic conceptualisation of the world (based on Russian grammar)]. Moscow. (In Russian)
4. Wierzbicka A. (1996). Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie Slovari. (In Russian)
5. Zvyagina A.I. (2009). Transportnyy diskurs: opredelenie, kharakteristika i yazykovoe oformlenie [Transport discourse: definition, characteristics and linguistic representation]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 43(181), 59–63. (In Russian)
6. Isakova A.A. (2022). Vliyanie angliyskogo yazyka na transportnuyu reklamnuyu kommunikatsiyu [Influence of English on transport advertising communication]. Uspekhi gumanitarnykh nauk, (6), 106–108. (In Russian)
7. Isakova A.A. (2020). Kommunikativnoe prostranstvo transportnoy nominatsii [Communicative space of transport nomination]. Nauka, innovatsii, obrazovanie, (17), 231–237. (In Russian)
8. Isakova A.A. (2023). Mif v transportnom reklamnom diskurse [Myth in transport advertising discourse]. Russian Linguistic Bulletin, 8(44), 1–3. (In Russian)
9. Karasik V.I. (2023). Yazykovoe preobrazovanie real'nosti [Linguistic transformation of reality]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. (In Russian)
10. Karasik V.I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russian)
11. Karasik V.I., & Slyshkin G.G. (2021). Tendentsii razvitiya sovremennogo diskursa [Trends in the development of modern discourse]. Aktual'nye problemy razvitiya filologii i pedagogicheskoy lingvistiki, (1), 14–31. (In Russian)
12. Katermina V.V. (2024). Kognitivno-pragmaticheskiy aspekt transportnykh neologizmov angloyazychnogo diskursa [Cognitive-pragmatic aspect of transport neologisms in English-language discourse]. Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta, 1(118). (In Russian)
13. Kubrjakova E.S. (1996). Kontseptualizatsiya [Conceptualisation]. In Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov (pp. 93–94). Moscow: MGU. (In Russian)
14. Kuz'michenko A.A. (2017). K voprosu o strukture kontsepta (na primere kontsepta 'ogon') [On the structure of the concept (on the example of the concept 'fire')]. Inostrannyy yazyk i kul'tura v kontekste obrazovaniya dlya ustoychivogo razvitiya, 7, 173–179. Pskov. (In Russian)
15. Lakoff G. (1988). Myshlenie v zerkale klassifikatorov [Thinking in the mirror of classifiers]. Novoe v zarubezhnoy lingvistike, 23, 31. (In Russian)
16. Mokhova O.L., Lvova N.I., & Mukhina Yu.M. (2023). Osobennosti perevoda transportnoy terminologii [Peculiarities of translating transport terminology]. Nauka i sovremennoe obshchestvo, VIII, 131–133. (In Russian)
17. Rogaleva O.S. (2014). Avtomobil'nyy diskurs: soderzhanie, struktura i yazykovoe oformlenie [Automobile discourse: content, structure and linguistic representation]. Mediastilistika, 4, 1–12. (In Russian)

18. Stepanov Yu.S. (1981). Imena. Predikaty. Predlozheniya [Names. Predicates. Sentences]. Moscow: Nauka. (In Russian)
19. Goffman E. (1986). Frame analysis: An essay on the organization of experience. Boston: Northeastern University Press.
20. Lakoff G., & Johnson M. (1980). Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press.

Поступила в редакцию 20.09.2025 г.

TRANSPORT COGNITIVE-CULTURAL CLUSTER AS MODEL OF LINGUISTIC ANALYSIS OF PROFESSIONAL DISCOURSE

V.B. Shirshikov

The article introduces an original model of the Transport Cognitive-Cultural Cluster (TCCC), integrating cognitive, semantic, and axiological parameters of professional transport discourse analysis. The model is based on the cognitive linguistic approach and employs such methods, as conceptual analysis, semantic field modelling, metaphorical framing, and cognitive scenario analysis. The empirical data comprises publications from leading Russian transport periodicals — *Transport Rossii* and *Dorogi Rossii XXI veka* — dated 2020–2021, which reflect an institutional perspective on the processes of modernisation, digitalisation, and sustainable development in the transport sector. As a result of the study, five core concepts (TRANSPORT, ROAD, TRANSPORTATION, INFRASTRUCTURE, SAFETY) and a set of peripheral conceptual elements were identified. The metaphorical representations of the transport system as a living organism (arteries, skeleton), as well as scenarios such as modernisation, exploitation, user-oriented planning, and innovation, form the cognitive structure of the professional discourse. Axiological dominants include values of reliability, innovation, environmental safety, and collective benefit. The study demonstrates that the transport discourse shapes a stable conceptual worldview, in which transport is portrayed as a system-forming element of society's social, technological, and institutional development. The proposed model contributes to the methodology of cognitive discourse analysis by offering a multi-level framework applicable to sector-specific language studies.

Key words: transport discourse, cognitive-cultural cluster, transport concept, metaphorical model, cognitive scenario, axiological framing, professional communication, semantic analysis

Ширшиков Владислав Борисович.
Кандидат филологических наук, доцент.
Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ)), Российская Федерация, Москва.
Доцент кафедры иностранного языка Академии базовой подготовки.
ORCID: 0000-0002-1268-8522.
E-mail: vbshirshikov@yandex.ru.

Shirshikov Vladislav Borisovich.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Russian University of Transport (RUT (MIIT)), Russian Federation, Moscow.
Associate Professor at Department of Language Training, Academy of Basic Training.
ORCID: 0000-0002-1268-8522.
E-mail: vbshirshikov@yandex.ru.

Научная статья
УДК: 8.82.82.01/.09
DOI: 10.5281/zenodo.18098293

ЭМЕРДЖЕНТНОСТЬ В БАЛЛАДАХ В.С. ВЫСОЦКОГО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИНКРЕТИЗМА ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕАТРА

© 2025 М.Ю. Конькова
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганский государственный педагогический университет»
ORCID 0009-0003-7037-8092

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматриваются художественные особенности баллад поэта-барда В.С. Высоцкого с точки зрения синкретического взаимодействия литературных форм и театральной поэтики. В качестве ключевого механизма анализа баллад автора была выбрана и обозначена категория эмерджентности, обозначающаяся внезапные перемены лирического сюжета, эмотивность повествования в художественном произведении, соотносимого с жанровой природой новеллистических текстов и театральных постановок. Проблема исследования заключается в анализе категории эмерджентности как способа создания театрального действия в контексте художественного произведения на примере баллад В.С. Высоцкого. Нами были применены следующие методы работы над авторским текстом: структурно-описательный, типологический, концептуальный. В качестве материала исследования были выбраны художественные тексты В.С. Высоцкого, созданные в разные периоды его творчества («Тот, кто раньше с нею был...», «Баллада о брошенном корабле», «Баллада об оружии», «Баллада о любви», «Баллада о двух погибших лебедях» и т.д.). Результаты и выводы исследования являются продуктивным способом осмысления поэтики балладных текстов В.С. Высоцкого с точки зрения драматургической, театральной обусловленности поэтики и ее воплощения в художественном тексте.

Ключевые слова: эмерджентность, синкретизм, жанровая стратегия, баллада, поэтика поэтов-бардов, театральность.

Для цитирования: Конькова М.Ю. Эмерджентность в балладах В.С. Высоцкого как проявление синкретизма литературы и театра / М.Ю. Конькова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 156–165. — https://doi.org/10.5281/zenodo.

Введение. Творчество В.С. Высоцкого, в особенности его балладное творчество, традиционно анализируется в рамках литературоведения (жанровые особенности, поэтика текстов, историко-литературный контекст) или в области театроведения, музыковедения (сценическое воплощение, индивидуальная манера исполнения). Однако художественная природа его баллад может быть описана как нечто большее, чем сумма текста и исполнения. Ключевая проблема, поставленная нами в исследовании, заключается в теоретической разработанности механизмов, объясняющих возникновение синергетического эффекта, при котором синтез литературного и театрального начал в балладах В.С. Высоцкого порождает качественно новые художественные свойства, не сводимые к характеристикам каждого компонента в отдельности. Это явление предлагается рассмотреть через призму эмерджентности, возникающей на основе синкретизма в качестве фундаментальной черты поэтики авторских текстов. Выделение нами категории эмерджентности позволяет соотнести формы литературного текста с индивидуальной связью автора с театральной эстетикой, что проявляется на уровне вплетения в текст диалогичности, выражения разных

эмотивных кодов, а также неожиданности поворотов художественного сюжета. Категория эмерджентности (от англ. *emergence* ‘возникновение, неожиданное появление нового’) свойственна для жанровой стратегии баллад, что обусловлено развитием внезапной развязки действия, основанной на перемене внешних и внутренних обстоятельств. Состояние эмерджентности соотносимо с театральной поэтикой, что проявляется как на примере смены действий, так и неожиданной смены событий, ощутимого формирования характеров персонажей. Через синтез искусств в творчестве В.С. Высоцкого раскрывается индивидуальное своеобразие романтической традиции и роли романтического героя в контексте художественного произведения, что является стилевой доминантой для его баллад. Под романтической традицией понимается модель воплощения стилистического своеобразия поэтического текста, особая форма отражения объективной действительности через размышления о противостоянии человека и всего мира. В балладных произведениях романтическая традиция может быть рассмотрена в качестве жанровой доминанты, позволяющей соединять аспекты двоемирия в художественной эстетике. Необходимо также отметить, что в творчестве В.С. Высоцкого значима роль романтического героя, который воспринимается в качестве исключительной и таинственной личности, пребывающей в особых обстоятельствах, соединяющих элементы реальности и ирреальности.

Проблематика синкретизма на примере творчества В.С. Высоцкого является актуализированным вопросом в области отечественного литературоведения, что позволяет целостно проанализировать неразделенность слова, музыки, актерского воплощения и «ролевого» начала в авторских текстах. По мнению А.В. Кулагина («Поэзия Высоцкого: Творческая эволюция»), театральность является фундаментальной основой поэтики В.С. Высоцкого, что непосредственно выделяется в жанровой стратегии авторских баллад [7, с. 28]. В свою очередь, С.П. Гудкова акцентировала внимание на том, что в творчестве поэта возникают качественно новые формы баллады, что обусловлено тем, что в «сознании автора рождаются новые жанровые формы, что приводит к размытию границ, жанровому синкретизму» [4, с. 98]. Таким образом, на основании имеющихся научно-исследовательских работ нами предлагается рассмотрение жанровой природы баллады в творчестве В.С. Высоцкого с точки зрения синкретизма содержательности и художественной формы текстов, в которых синкретизм литературы и театра выражается через неожиданность сюжета, аспекты формирования театральной поэтики.

Материалы и методы исследования. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить, теоретически обосновать на конкретных примерах проявления категории «эмерджентности» в балладах В.С. Высоцкого как системного результата его уникального синкретизма, синтезирующего литературное (поэтический текст) и театральное (перформативное начало) в неразделимое художественное целое, обладающее принципиально новыми свойствами.

В качестве материала исследования нами был выбран корпус баллад В.С. Высоцкого, созданных в разные периоды творчества (1960–1980-е гг.). Критериями отбора конкретных баллад автора стали следующие положения:

1) наличие ярких театрально-перформативных элементов (ролевая лирика, диалогичность текста и т.д.);
2) документально подтвержденные аудио- и видеозаписи авторского исполнения баллад в творчестве поэта-барда;

3) синкретическая природа балладных текстов, основанная на объединении природы художественного произведения с исполнением в качестве единого целого культурного явления.

Среди методов исследования, задействованных в ходе работы, необходимо отметить структурно-описательный, типологический, концептуальный методы. Структурно-описательный метод используется для деконструкции текста на отдельные уровни (лексико-стилистический, сюжетно-композиционный, ритмико-интонационный) и выделения драматургических элементов. Типологический метод позволяет соотнести различные художественные тексты В.С. Высоцкого, созданные в жанровой форме баллады, по конкретным признакам сходства, в том числе, по узнаванию и акцентированию на категории эмерджентности. Для понимания культурных связей баллад был задействован концептуальный метод, позволяющий определить синкретическое объединение литературы и театрального начала. Таким образом, выбранные нами методы исследования позволяют выдвинуть гипотезу об эмерджентности как системном качестве синкретизма творчества В.С. Высоцкого, возникающем при нелинейном взаимодействии текста, актерского воплощения и конкретного коммуникативного контекста.

Если говорить о задачах исследования, то нами были отмечены следующие проблемы, требующие решения:

1) привести теоретическое определение понятия «эмерджентность», имеющее междисциплинарный характер;

2) проанализировать конкретные баллады В.С. Высоцкого с точки зрения синкретизма творчества автора;

3) выделить особенности проявления эмерджентности в содержании баллад В.С. Высоцкого как способа объединения литературы и театра в художественном произведении.

Таким образом, предложенная исследовательская проблематика позволяет увидеть в творчестве В.С. Высоцкого не только поэта-барда, актера, но и создателя индивидуального синкретического искусства, в котором эмерджентный эффект становится главным инструментом художественного высказывания.

Основная часть. Термин «эмерджентность» анализируется с точки зрения междисциплинарного характера, позволяющего применять понятие относительно гуманитарных, социальных, точных наук. Согласно содержанию словаря иностранных слов под редакцией Н.Г. Комлева, эмерджентность может трактоваться как «наличие у системы свойств целостности, т. е. таких свойств, которые не присущи составляющим элементам. Одной из форм проявления эмерджентности считается принцип перехода количественных изменений в качественные, целостность» [6, с. 198]. Понятие эмерджентности применимо относительно процессов, описываемых в области точных наук, что позволяет определить формы и динамику происхождения явлений. При этом понятийное поле понятия «эмерджентность» широко используется в философских теориях, что стало значимым для распространения в другие научные, гуманитарные области, в том числе и в область литературоведения. По мнению А.А. Хадарцева, «философская концепция эмерджентности, как внезапного появления нового, — базируется на признании факта проявления новых свойств и принципов, которые не сводимы к явлениям более низкого уровня, на каждом уровне сложности физической системы» [11, с. 129]. То есть в области гуманитарных наук понятие «эмерджентности» используется для философского обоснования внезапно возникающего качества в социальной системе, в обществе в целом. Смысловая направленность эмерджентности соотносится в русском языке со словом «вдруг», что определяет модальное состояние

внезапности и неожиданности. По мнению Ю.И. Кнатько, «в естественных и гуманитарных науках, несмотря на различную методологию исследования, эмерджентность трактуется приблизительно одинаково — как свойство системы, образующееся случайно, непредсказуемо и сочетающее разнородные компоненты» [5, с. 166]. Таким образом, использование понятия «эмерджентность» может быть применено для описания и характеристики внезапно возникающих явлений, качественно влияющих на прежние состояния. Относительно выбранного предмета нашего исследования — содержания баллад В.С. Высоцкого — эмерджентность применима для описания неожиданных сюжетных ходов, которые позволяют выделить в художественном тексте аспекты театральной динамики. Поэтому категория «эмерджентности» была использована нами для выявления синкретических форм творчества в балладах поэта-барда, что значимо для конструирования связи литературы, театрального и музыкального воплощения текста.

В творчестве В.С. Высоцкого жанр баллады претерпевает радикальную трансформацию, демонстрируя уникальные драматургические качества художественных произведений. С точки зрения современного литературоведения этот процесс представляет собой жанровый синтез, в котором соединяются типологические черты баллады, поэтические особенности авторского текста и синтез искусств в контексте конкретного художественного произведения. Под синтезом искусств понимается органическое соединение разных видов искусств в единое целое художественное явление, которое может организовать материальную и духовную среду бытия человека. Следует отметить, что баллада как особая константа творческого мира поэта позволяет ему интерпретировать различные грани собственного дарования, представленные эпическим, поэтическим, драматическим началами. В отличие от других отечественных поэтов-бардов, В.С. Высоцкий обращается к жанровой природе баллады не только на основе существующих литературных форм, но и существенно расширяет устоявшиеся жанровые элементы в балладном пространстве. Наблюдаемые трансформации жанровой природы баллады у В.С. Высоцкого базируются на том, что сам поэт исполнял авторские тексты, что содействовало музыкальности художественных произведений. Преобладание театральных элементов, состояния драматизации в балладных текстах обусловлено профессиональной деятельностью В.С. Высоцкого в театре и кинематографе, что сформировало основы эстетического своеобразия его художественных произведений. Таким образом, специфика творческой деятельности поэта-барда во многом определила вектор поэтики балладных текстов, жанровая природы которых позволяет отображать различные культурные коды.

Для целостного понимания эмерджентности в качестве проявления синкретизма литературы и театра в балладах В.С. Высоцкого, приведем конкретные примеры анализа текстов. Баллада «Тот, кто раньше с нею был» (1962) представляет собой уникальный феномен, где литература и театр не просто соседствуют, а порождают новое и целостное через принцип эмерджентности, иллюстрируя возникновение новых свойств целого, внезапных сюжетных поворотов. В.С. Высоцкий мастерки владея словом и сценической интуицией, создает текст, который на уровне восприятия становится спектаклем, воплощая связь искусств не описательно, а сущностно. Основой эмерджентности становится структура баллады в качестве напряженного диалога-поединка. Слова персонажей — это не только носители смысла, но и своего рода драматургические реплики, обладающие сценической энергией, подтекстом и динамикой:

Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл,
И как-то в осень, и как-то в осень

Иду с дружком, гляжу — стоят,
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд –
Их было восемь.

(В. Высоцкий. Тот, кто раньше с нею был.)

Как мы видим из выделенного нами текста, лирический герой сталкивается с ситуацией внезапности, разрушающей привычное положение вещей и обстоятельств. По мнению Е.В. Рякиной, «ранняя лирика Высоцкого носит повествовательный характер. Многие песни этого периода поэт написал под влиянием блатного фольклора» [10, с. 70]. При этом несмотря на стилизацию ранних художественных текстов под блатные песни, в работах В.С. Высоцкого прослеживается глубинное соединение разных видов искусства, в том числе и театральных способов организации повествования. Возникновение эмерджентности значимо для создания определенных «актов» сюжета, которые больше напоминают отдельные действия в драматургическом произведении, чем элементы повествования в балладе. Реплики, вплетенные поэтом в содержание текста, соотносятся с экспрессивными диалогами в пьесах, что способствует выражению эмоциональности и динамики текста. Следовательно, при задействовании диалогичной формы повествования и внезапных поворотов сюжета осуществляется синкретическое взаимодействие двух видов искусства — литературы и театра. Как мы видим из заключающих строф рассматриваемой баллады, В.С. Высоцкий использует функциональность «сценического» синтаксиса, позволяющего развивать состояние эмерджентности в качестве ключевой формы театрального синтеза в художественном тексте:

Разлука мигом пронеслась.
Она меня не дождалась,
Но я прощаю, её — прощаю.
Её, как водится, простил,
Того ж, кто раньше с нею был,
Того, кто раньше с нею был, –
Не извиняю.

(В. Высоцкий. Тот, кто раньше с нею был.)

По мнению Н.М. Рудник, состояние эмерджентности является свойственным для лирических сюжетов В.С. Высоцкого, что выражается на уровне формирования фундаментальных характеров героев, которые не могут существовать в обстоятельствах спокойствия и равнодушия: «Спокойное, бесцветное существование невыносимо для героев Высоцкого. Они живут на пределе душевных сил, поскольку лишь в ситуации экстремальной возможно изменение привычных представлений, даже внутренней сущности» [9, с. 16]. Например, в содержании «Баллады о брошенном корабле» (1970) В.С. Высоцкий обращается к описанию моря, которое символизирует собой сущность человеческого бытия. Поэт намеренно использует индивидуальную коммуникативную стратегию, направленную на создание состояния неожиданности повествования в балладе. То есть образ моря иллюстрирует возникновение жизненных трудностей и невзгод, возникающих на пути человека. Одной из ключевых идей рассматриваемой баллады является интерпретация человеческой судьбы, сталкивающейся с различными испытаниями. При этом контекст произведения не ограничивается исключительно одной человеческой жизнью: мотивы трудностей и невзгод соотносятся с пространством целого государства или цивилизации, что сопоставимо с контекстом баллады «Бесы» (1830) А.С. Пушкина. Поэтика текста В.С. Высоцкого раскрывается в эпизодах пребывания лирического героя в море, отображая каждую мысль персонажа

эмерджентным отсоединением от предыдущего эпизода, что говорит, прежде всего, о смене фактических положений и обстоятельств:

Будет чудо восьмое –
И добрый прибой
Моё тело омоет
Живою водой,
Моря божья роса
С меня снимет табу –
Вздует мне паруса,
Будто жилы на лбу.

(В. Высоцкий. Баллада о брошенном корабле)

Эмерджентность проявляется в том, как описания переходят грань изобразительности: корабль внезапно оживает не как персонаж, а как пространство-актер, интерпретирующий состояние обреченности, подобно сцене перед началом развития трагедии. Фактическая брошенность корабля становится мизансценой для заключительного акта баллады, созданной в театральной форме художественного произведения. Таким образом, «Баллада о брошенном корабле» В.С. Высоцкого — это образец подлинного синтеза искусства, осуществляемого не в сложении отдельных элементов, а в создании целостного восприятия художественного мира, одновременно читаемого и видимого.

В творчестве В.С. Высоцкого осуществляется авторское осмысление классических сюжетов для русской литературы, в частности, рассмотрение проблематики «маленького человека», что отображается в контексте «Баллады об оружии» (1973). Поэт интерпретирует человеческую незащищенность перед внешними опасностями, что позволяет возвести переживания конкретного героя баллады в состояние глобальности. В.С. Высоцкий культивирует концепт постоянного беспокойства человека перед внешними обстоятельствами. Синкретизм литературной и театральной поэтики в балладе заключается в том, что эмотивным центром художественного произведения является внутренний мир человека с его эмоциональными и психологическими переживаниями под влиянием общества. То есть поэт создает определенный конфликт между человеком и миром, что является одним из вечных мотивов классической литературы. Эмерджентность в качестве воплощения внезапности действия проявляется в балладе на примере перемен в восприятии лирическим героем собственной незащищенности:

И рвётся жизнь-чудачка,
Как тонкий волосок, –
Одно нажатье пальчика
На спусковой крючок!
Пока легка покупка, мы все в порядке с вами.
Нам жизнь отнять — как плюнуть: нас учили воевать!
Кругом — и без войны война, а с голыми руками
Ни пригрозить, ни пригвоздить, ни самолёт угнать!

(В. Высоцкий. Баллада об оружии)

Следует отметить, что сюжетные повороты в содержании рассматриваемой баллады являются тем самым эмерджентным механизмом, который не просто соединяет, но и синтезирует литературу и театр. Литературное повествование мгновенно трансформируется в сценическое действие: оружие оживает как актер, а монолог сопровождается диалогическими конструкциями, что позволяет раскрывать многомерность изображаемого. При этом форма выражения синкретизма театрального и

литературного начал в «Балладе об оружии» является метафизическое повествование, соединяющее простоту разговорной речи в тексте с определением абстрактных понятий.

Создание ряда авторских баллад В.С. Высоцкого было сопряжено с возникновением советских фильмов, в которых песни поэта-барда использовались в качестве саундтреков. Например, В.С. Высоцкий создал ряд песен для фильма «Стрелы Робин Гуда» (1975) режиссера Сергея Тарасова. Среди композиций, созданных поэтом для фильма, выделяются две ключевых баллады, значимых для творчества автора — «Баллада о любви» (1975) и «Баллада о борьбе» (1975). Культурное достояние рассматриваемых текстов бытует дифференцированно от контекста фильма «Стрелы Робин Гуда», при этом соотносясь с поэтикой английских средневековых баллад. Соотношение театрального и литературного начал в анализируемых балладах проявляется в символическом воплощении жизни человеческой чувств — любви и стремления к борьбе. В контексте «Баллады о любви» В.С. Высоцкий достигает максимального уровня экзистенциальной абстракции, позволяющей рассматривать чувство любви применительно к разным историческим эпохам. При этом ключевой внезапный поворот, запускающий финальный акт синтеза между театром и литературой — это переход от абстракции к личному, исповедальному «я». То есть жанровая природа баллады трансформируется в своего рода театр исповеди, позволяющей отобразить отношение автора к вечным ценностям:

Я поля влюбленным постелю,
Пусть поют во сне и наяву!
Я дышу — и значит, я люблю!
Я люблю — и, значит, я живу!

(В. Высоцкий. Баллада о любви)

Отличительной особенностью баллады поэта от театральной поэтики является то, что в контексте произведения осуществляется гиперболизация чувства, но нет укрепления и развития характеров. При этом внезапность лирического повествования определяется именно сменой в переживаниях, чувствительности сюжета. В.С. Высоцкий на примере баллад, созданных для фильма «Стрелы Робин Гуда», обращается к использованию композиционно-риторическому приему, выраженных в употреблении прямым моральных сентенциях. Подобные приемы позволяют подчеркнуть завершенность ключевых выводов, развивающихся в содержании баллады. На использовании подобных сентенций осуществляется выстраивание всей композиции «Баллады о любви», что позволяет достичь максимального уровня обобщенности.

Если говорить о контексте «Баллады о борьбе» (1975), то эмерджентность сюжета выражается в том, что В.С. Высоцкий использует несколько типов изложения мыслей в художественном тексте:

1) задействование сюжета-диспута в форме диалога и сюжета-повествования, описывающего жизненный путь героя;
2) изображение аллегорических образов, интерпретирующих соотношение сил добра и зла.

Основной образ «Баллады о борьбе» соотносится с изображением антитезы детской непосредственности с силами воинствующими и злыми: подобное противопоставление позволяет создать разные морально-нравственные коды, значимые для творчества В.С. Высоцкого. Контекст баллады направлен на соотношение «книжности» подросткового восприятия подвигов и реальной готовности на благородство ради высокой идеи:

Ты поймёшь, что узнал,

Отличил, отыскал
По оскалу забрал –
Это смерти оскал!
Ложь и зло — погляди,
Как их лица грубы,
И всегда позади
Вороньё и гробы!

(В. Высоцкий. Баллада об борьбе)

Состояние эмерджентности в тексте проявляется в внезапном возвращении к современности от романтизации «книжных» подвигов. В.С. Высоцкий намеренно сохраняет описательные структуры прошлого, эмотивно интерпретируя формы современности. Эмерджентность подчеркивается и тем, что поэт намеренно противопоставляет вымышленный мир и действительность, что позволяет создавать новые условия реальности, требующие от героев активных, продуктивных действий:

Если путь прорубая отцовским мечом,
Ты солёные слёзы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал что почём, –
Значит, нужные книги ты в детстве читал!

(В. Высоцкий. Баллада об борьбе)

Центральный поворот сюжета — кульминационное «вдруг» и его незамедлительное отрицание «никогда» — становятся апогеем сценического синтеза в содержании баллады:

И когда рядом рухнет израненный друг
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
Оттого, что убили его — не тебя…

(В. Высоцкий. Баллада об борьбе)

Слово «вдруг» является здесь своего рода ментальным кодом, обозначающим переход из одного состояния в другое: В.С. Высоцкий подчеркивает связь романтического прошлого и настоящего. Если в хронотопе прошлого описывается беззаботный мир детства, «книжные» подвиги и доблесть, то в состоянии настоящего времени подчеркивается речь идет о сложности морального выбора. Примечательно, что содержание «Баллады о борьбе» развивается по спирали: мирная реальность переходит в форму яркой книжной жизни, а затем снова транслируется объективная действительность. Подобная структура балладного произведения сопоставима с театральными актами пьесы, которые могут соотносится с параллельным расположением ключевых идей и смыслов, что позволяет закольцевать в восприятии читателя-зрителя конкретный лейтмотив.

Заключение. Таким образом, уникальность жанровой стратегии рассматриваемых баллад В.С. Высоцкого коренится в синкретизме, объединяющем черты классической баллады, поэтического слова, драматургического конфликта и перформативного начала. Профессиональный театральный опыт В.С. Высоцкого и специфика бардовского исполнения стали фундаментом для возникновения эмерджентных состояний в художественных текстах, обеспечивающих внезапные эмотивные, сюжетные переходы от одного к последующему. Баллада в творчестве В.С. Высоцкого (1960–1980-е гг.) эволюционирует в синкретический жанр, где литература не является способом описания театрального действия, а сущностно воплощает его динамику через механизмы внезапности и драматичности. Следовательно, эмерджентность в балладах В.С. Высоцкого задействуется не только в качестве художественного приема, но и

фундаментального принципа его поэтики, обеспечивающего неразделимый синтез литературного и театрального начал. Исследование подтверждает, что эмерджентность является ключевой категорией для понимания уникальной жанровой стратегии баллады в творчестве поэта-барда, позволяющей осуществлять синкретизм литературы и театра на уровне органичного художественного единства, порождающего качественно новые эстетические свойства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбеков Н.Н. Окказинализмы как зона наибольшего проявления эмерджентности текста / Н.Н. Альбеков // Вестник Академии наук Чеченской Республики. — 2016. — № 2(31). — С. 78-80.
2. Альбеков Н.Н. Поле эмерджентности как единица языковой системы / Н.Н. Альбеков. — Грозный : Чеченский государственный педагогический университет, 2020. — 176 с.
3. Гудий К.А. Перевод баллады о любви Владимира Высоцкого на английский язык в контексте жанровой преемственности / К.А. Гудий, О.А. Егорова // Филологический вестник. — 2025. — Т. 4, № 3. — С. 36-41.
4. Гудкова С.П. Особенности развития жанра баллады в отечественной поэзии 1990–2000-х гг. : монография / С.П. Гудкова, Е.В. Назарова. — СПб.: Нестор-История, 2021. — 272 с.
5. Кнатько Ю.И. Эмерджентность социодинамики современного культурно-исторического процесса / Ю.И. Кнатько // Научный поиск в сфере современной культуры и искусства : Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава Белорусского государственного университета культуры и искусств, Минск, 24 ноября 2022 года — 24 ноября 2024 года. — Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2023. — С. 165–169.
6. Кулагин А.В. Поэзия Высоцкого: Творческая эволюция / А.В. Кулагин. — Изд. 3-е, переработ. — Воронеж: Эхо, 2013. — 230 с.
7. Рудник Н.М. Проблема трагического в поэзии В.С. Высоцкого : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01. — М., 1994. — 20 с.
8. Рякина Е.В. Коммуникативный подход к анализу поэтического текста (на примере ранней лирики В. Высоцкого) / Е.В. Рякина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2017. — Т. 9, вып. 1. — С. 68–76.
9. Синельникова Л.Н. Эмоции в ментально-языковом пространстве лирического стихотворения / Л.Н. Синелькинова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2023. — Т. 14. № 2. — С. 466–482.
10. Хадарцев А.А. Об эмерджентности в живых системах и идеях Уилера (обзор научной литературы) / А.А. Хадарцев // Вестник новых медицинских технологий. — 2019. — Т. 26, № 1. — С. 129–132.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Высоцкий В.С. «Баллада об оружии». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rutube.ru/video/1c60fb848d7e4c0d7454ac2df4c7b90f/ (дата обращения: 13.08.2025)
12. Высоцкий В.С. «Баллада о борьбе». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://yandex.ru/video/preview/4998811220683131905 (дата обращения: 13.08.2025)
13. Высоцкий В.С. «Баллада о брошенном корабле». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://yandex.ru/video/preview/3054950382039284527 (дата обращения: 12.08.2025)
14. Высоцкий В.С. «Баллада о любви». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/video-60958526_456273813 (дата обращения: 13.08.2025)
15. Высоцкий В.С. «Тот, кто раньше с нею был». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rutube.ru/video/f6e663bc87a18fd87952eac7642a0913/ (дата обращения: 12.08.2025)
16. Высоцкий В.С. Малое собрание сочинений / В.С. Высоцкий. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 608 с.
17. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов : [более 4500 слов и выражений] / Н.Г. Комлев. — М.: Эксмо, 2006 (Тверь : Тверской полиграфкомбинат). — 669 с.
18. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений / А.С. Пушкин ; [ред.-изд. группа: А. Иванова и др. ; ил. к произв.: Андрей Аристов]. — М.: РООССА, 2014. — 927 с.

REFERENCES

1. Al'bekov N.N. (2016) Okkazinalizmy kak zona naibol'shego proyavleniya ehmerdzhentnosti teksta [Occasionalisms as a Zone of Greatest Manifestation of Text Emergence] Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic] (pp. 78–80). Grozny. (In Russian)

2. Al'bekov N.N. (2020) Pole ehmerdzhentnosti kak edinitsa yazykovoi sistemy [The Field of Emergence as a Unit of the Language System] 176 p. Grozny. (In Russian)
3. Gudii K.A. (2025) Perevod ballady o lyubvi Vladimira Vysotskogo na angliiskii yazyk v kontekste zhanrovoi preemstvennosti [Translation of Vladimir Vysotsky's Love Ballad into English in the Context of Genre Continuity] (pp. 36–41). (In Russian)
4. Gudkova S.P., Nazarova E.V. (2021) Osobennosti razvitiya zhanra ballady v otechestvennoi poehzii 1990–2000-kh gg. [Features of the Development of the Ballad Genre in Russian Poetry of the 1990s–2000s.] 272 p. (In Russian)
5. Knat'ko YU.I. (2023) Ehmerdzhentnost' sotsiodinamiki sovremennogo kul'turno-istoricheskogo protsessa [Emergence of the Sociodynamics of the Modern Cultural-Historical Process] (pp.165-169). Minsk. (In Belarus)
6. Kulagin A.V. (2013) Poehziya Vysotskogo: Tvorcheskaya ehvolyutsiya [Vysotsky's Poetry: Creative Evolution] 230 p. Voronezh (In Russian)
7. Rudnik N.M. (1994) Problema tragicheskogo v poehzii V.S. Vysotskogo [The Problem of the Tragic in the Poetry of V.S. Vysotsky (Abstract of candidate's dissertation)]. 20 p. Moscow. (In Russian)
8. Ryakina E.V. (2017) Kommunikativnyi podkhod k analizu poehticheskogo teksta (na primere rannei liriki V. Vysotskogo) [Communicative Approach to the Analysis of Poetic Text (Based on the Early Lyrics of V. Vysotsky)] (pp. 68–76). Permian. (In Russian)
9. Sinel'nikova L.N. (2023) Ehmotsii v mental'no-yazykovom prostranstve liricheskogo stikhotvoreniya [Emotions in the Mental-Linguistic Space of Lyric Poetry] (pp. 466–482). Moscow. (In Russian)
10. Khadartsev A.A. (2019) Ob ehmerdzhentnosti v zhivykh sistemakh i ideyakh Uilera (obzor nauchnoi literatury) [On emergence in living systems and Wheeler's ideas (review of scientific literature)] (pp. 129–132). Moscow. (In Russian)

EMERGENCE IN BALLADS BY V.S. VYSOTSKY AS MANIFESTATION OF LITERATURE AND THEATRE SYNCRETISM

M.Yu. Konkova

The article deals with the artistic features of the ballads by the poet-bard V.S. Vysotsky from the point of view of the syncretic interaction of literary forms and theatrical poetics. The category of "emergence" was chosen and designated as the key mechanism for analyzing the author's ballads. It denotes sudden changes in the lyrical plot, the emotive nature of an unexpected revolution in a work of art, which is related to the genre nature of short story texts and theatrical productions. The problem of the research lies in the analysis of the category of emergence as a way of creating a theatrical action in the context of a work of art using the example of ballads by V.S. Vysotsky. The following methods are used in the work: structural-descriptive, typological, conceptual. The artistic texts by V.S. Vysotsky, created at different periods of his work ("The One Who Used to Be with Her...", "The Ballad of the Abandoned Ship", "The Ballad of Weapons", "The Ballad of Love", "The Ballad of Two Dead Swans", etc.). The results and conclusions of the study seem to be productive in understanding the poetics of V.S. Vysotsky's ballad texts from the point of view of the dramatic, theatrical nature of poetics and its embodiment in a work of art.

Key words: emergence, syncretism, genre strategy, ballad, poetics of bard poets, theatricality.

Конькова Марина Юрьевна.
Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, Российская Федерация.
Аспирант кафедры русской и мировой литературы.
ORCID 0009-0003-7037-8092.
E-mail: marinakonkova88@gmail.com.

Konkova Marina Yuryevna.
Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russian Federation.
Postgraduate student at Department of Russian and World Literature.
ORCID 0009-0003-7037-8092.
E-mail: marinakonkova88@gmail.com.

Научная статья
УДК 81'38:82-1
DOI: 10.5281/zenodo.18098610

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОДАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО

© 2025 *С.С. Криволап*
Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского»
ORCID 0009-0001-2023-626X

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Работа посвящена исследованию стилистических и художественных особенностей употребления модальных фразеологических единиц в лирических произведениях А. Твардовского. Целью статьи является анализ и интерпретация фразеологических оборотов, связанных с понятиями модальности, эмоционально-экспрессивной оценочности. В исследовании использованы различные методы: для лингвистического анализа ФЕ — эвристический, описательный, метод компонентного анализа, герменевтический метод — для истолкования художественных произведений. Исходя из опыта классификаций модальных идиом, автор разделяет устойчивые сочетания из произведений Александра Твардовского на семь семантических групп, среди которых ФЕ со значением ‘верно, конечно’, ФЕ с обозначением источника сказанного и др. Обращение к изучению указанной группы фразеологизмов является актуальным вопросом лингвистики и литературоведения, так как междометные ФО представляют собой сложную структуру, которая многосторонне отображена в языке и репрезентируется во фразеологическом фонде поэтических произведений.

Ключевые слова: фразеологизм, модальность, модальные фразеологические единицы, идиома, сакральный компонент, фразеологическая единица, эмоциональная экспрессивность, коннотация, художественное произведение, лирический текст.

Для цитирования: Криволап С.С. Стилистические и художественные особенности использования модальных фразеологических единиц в поэтическом тексте Александра Твардовского / С.С. Криволап // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 166–175. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18098610.

Введение. В последнее время в трудах отечественных и зарубежных лингвистов не ослабевает интерес к изучению модальности фразеологизмов. На сегодняшний день дискуссионными остаются вопросы, связанные с пониманием сущности модальности, определением границ этой категории (В. Виноградов, А. Пешковский, Н. Шведова, А. Эмирова). В. Виноградов отмечал: «В современном русском языке категория модальности передаётся разными средствами, при этом различия в способах выражения этой категории отчасти связаны с внутренними различиями в самих её синтаксико-семантических функциях, в её функционально-синтаксическом существе» [1, с. 58]. С целью стилистической используем как синонимы следующие понятия: междометные эмоциональные идиомы, междометные фразеологизмы, модально-междометные фразеологизмы.

Под модальностью в работе понимаем функционально-семантическую категорию, выражающую разные виды отношения высказывания к действительности, также разные виды субъективной квалификации сообщаемого [4, с. 123]. В тесном взаимодействии с модальностью находятся такие языковые категории: оценочность, эмоциональность, экспрессивность. Исследуемые единицы обладают большой эмоционально-экспрессивной насыщенностью, и многие из них способны выражать не одно, а несколько экспрессивно-модальных отношений, эмоциональных и рациональных, положительных и отрицательных: *Боже мой*, *в самом деле*, *ради Бога*, *может быть* и др. [9, с. 5].

Цель работы — провести лингвистический анализ устойчивых сочетаний модального характера.

Задачи исследования:

1) выявить в художественных текстах идиомы и классифицировать их на семантические группы;

2) раскрыть стилистические и художественные особенности употребления МФЕ в поэтических текстах.

Материалы и методы исследования. С целью функционально-стилистического анализа модально-междометных фразеологизмов были выбраны художественные тексты, отображающие все этапы творческого пути автора. В статье использованы различные методы: для лингвистического анализа ФЕ — эвристический, описательный, метод компонентного анализа, герменевтический метод — для истолкования поэтических произведений.

Основная часть. Категория модальности в устойчивых сочетаниях изучается лингвистами не только с позиции лингвистического анализа художественного текста, но и теоретического языкознания. Работы Ж. Мительской посвящены модальным фразеологическим единицам (далее МФЕ) и их исследованиям в различных аспектах. Диссертация ученого основана на языковых свойствах фразеологизмов модального класса. Автор описывает структурную, семантическую и функциональную природу фразеологических единиц (ФЕ). По мнению диссертантки, в отличие от модальных слов и примыкающих к ним по выражаемым отношениям междометий, указанные фраземы представляют собой всегда раздельнооформленные образования, построенные по трем основным типам синтаксических моделей: 1) сочетаний слов как мельчайших синтаксических единиц, представляющих собой сочетание знаменательного слова со служебным в форме р. п. имени (*до завтра*, *ради бога*), д. п. (*к сожалению*, *к досаде*), тв. п. (*между прочим*, *с богом*), п. п. (*в целом*, *в принципе*), в. п. (*на грех*, *на диво*); 2) словосочетаний (*доброго утра*, *ни в коем случае*); 3) предложений (*упаси бог*, *мать честная*) [6, с. 7–9]. Помимо этого, МФЕ охарактеризованы Ж. Мительской в свете структурно-функциональной парадигмы [7, с. 99]. В статье «Модальные фразеологизмы как объект лингвистического исследования» автор приходит к выводу, что «названные фразеологические единицы в большей степени, чем другие фраземы, передают всё многообразие субъективных ощущений человека: печали, радости, удивления, разочарования, восхищения, возмущения, сомнения и т. п. [8]. Также ученым исследована проблема выявления и анализа сущностных свойств модально-интеръективных фразеологизмов, составляющих большое семантико-грамматическое объединение, или класс фразеоединиц, соотносительных по своим свойствам в морфологии с модальными словами и междометиями, а в синтаксисе — с вводными конструкциями [9].

В монографии «Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении» А. Эмирова разделяет междометные эмоциональные идиомы на следующие группы: а) модальные фразеологизмы, выражающие эмоциональные и интеллектуальные оценки говорящего, в том числе достоверность / недостоверность сообщаемого (*грешным делом*, *шутка сказать*); б) модальные фразеологизмы, служащие средством акцентирования, выделения сообщаемого, часто в сочетании с апелляцией к собеседнику (*надо сказать*, *между прочим*); в) МФЕ, выражающие различные связи и отношения между элементами содержания высказывания (*стало быть*, *таким образом*); г) единицы, выражающие отношение к характеру и способу изложения, оформления сообщения: (*иначе говоря*, *иными словами*) [17, с. 110–113].

Значительная часть современных лингвистических работ связана с исследованием МФЕ, содержащих сакральные компоненты — *бог*, *черт*. В связи с активизацией фразеологизмов подобного типа в публичном дискурсе, Н. Усачева и Н. Шведова приходят к выводу, что широкое использование модальных фразеологизмов обусловлено следующими свойствами: раздельнооформленностью, эмоциональностью, экспрессивностью, оценочностью, воспроизводимостью, целостностью значения [14, с. 151]. Также авторами предпринята попытка семантически классифицировать МФЕ с компонентом *бог*, что связано с высокой коммуникативной и прагматической информативностью, обусловливающей силу воздействия данных единиц языка [14, с. 152]. На основании анализа публичных выступлений выделяются следующие группы междометных эмоциональных идиом со значениями: 1) уверенности / неуверенности (*бог свидетель*, *видит бог*); 2) добрых пожеланий, приветствия (*бог в помощь*, *сохрани боже*); 3) оценки сообщаемого факта с точки зрения общих категорий долга, совести и т. д. (*ради бога*, *бог простит*); 4) выражения различных эмоций, эмоциональных оценок (*бог ты мой*, *боже сохрани*); 5) выражения разного рода предостережений, предупреждений (*избави бог*, *не приведи бог*) [14, с. 152].

МФЕ с элементами *бог*, *черт* рассматривает Н. Шведова [16]. С точки зрения диссертантки, модальные фразеологизмы подобного плана выражают субъективную модальность высказывания, характеризуют эмоциональную сферу человека. Фразеологизмы с компонентом *бог* призваны, как правило, выражать положительные эмоции; фразеологизмы с компонентом «черт» — отрицательные эмоции, что связано с семантикой исследуемых компонентов: *бог* как воплощение доброты, милости, всепрощения, праведности и т. д.; *черт* как воплощение вселенского зла [16, с. 7].

Особенности функционирования модально-междометных фразеологизмов (с элементами *бог*, *черт*) в художественном тексте рассматривают Е. Ратушная и А. Уткина [12]. В статье проанализирована семантика модальных идиом на примере романов Ф. Достоевского «Братья Карамазовы», «Идиот», «Преступление и наказание», а также выделены три семантические группы фразем эмоционального отношения: 1) МФЕ, выражающие положительные чувства и эмоции субъекта речи (*Слава Богу*, *Бог послал*); 2) ФЕ со значением отрицательности (*Боже мой*, *черт возьми*); 3) фразеологизмы, передающие различного рода пожелания, требования к человеку, побуждение его к совершению каких-либо действий, поступков, а также выражающие значение просьбы, проявление вежливости (*дай вам Бог*, *сохрани тебя Бог*) [12, с. 8–10].

В монографии «Фразеология произведений Михаила Матусовского» Т. Дьяковой устойчивые сочетания рассмотрены с точки зрения происхождения, их компонентного состава и т. п. Идиомы, в состав которых входит элемент *черт*, относятся к группе модальных и междометных ФЕ и выполняют различные функции, например, *ко всем чертям* — создание характеристики действия военной техники, *черт побери* — описание

эмоционального состояния лирического героя [3, с. 78–80]. Модальные фразеологизмы в работе лингвиста представлены оборотами, содержащими эмоциональную оценку говорящим того, о чём идет речь (*упаси вас бог*, *хоть умри*) [3, с. 137–138].

Проводит функционально-семантический анализ ФЕ с сакральными компонентами *бог* и черт на материале ранней и военной поэзии А. Твардовского С. Криволап [5]. Автор приходит к выводу, что фразеологизмы типа *ей-богу*, *ни боже мой* представляют собой так называемый фразеорефлекс (ФР), а *боже сохрани* является ФР-заклинанием [5, с. 102–103]. По мнению исследователя, в художественных текстах поэта преобладают идиомы с пейоративно маркированной единицей *черт* (*шут*), что объясняется ироничностью высказывания и т. п.

В настоящее время возрос интерес к изучению особенностей употребления МФЕ в произведениях писателей. Комплексно анализирует фразеологию дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века О. Фесенко [15]. В текстах писем автор выделяет следующие группы указанных фразем: 1) ФЕ со значением эмоционального отношения — как положительного, так и отрицательного (*слава провидению*, *пиши пропало*); 2) ФЕ, передающие отношение говорящего к высказанной мысли — уверенности / неуверенности говорящего в том, что он сообщает, согласия / несогласия, указывающие на источник сообщаемого и т. п. (*да и только*, *бог весть*); 3) МФЕ — этикетные фразы пожелания, просьбы, прощания, извинения и др. (*в добрый час*, *милости просим*) [15, с. 18–19]. Исследователь указывает на то, что модальные ФЕ являются средством выражения авторского «Я», средством реализации языковой личности автора через оценку окружающей действительности.

Стилеобразующая роль коннотативных ФЕ в драматургии А. Вампилова проанализирована А. Овсянниковой [10]. Модальные фразеологизмы с компонентом *черт*, по мнению исследователя, выражают субъективную модальность высказывания, характеризуют эмоциональную сферу индивида: *к черту*, *черт подери* [10, с. 12]. Также ученый делает акцент на том, что употребление МФЕ во многом формирует антропоцентричность пьес А. Вампилова. Употребление в текстах модальных фразеологизмов — этикетных фраз служит для выражения активной авторской позиции, отношения автора к предмету речи (отношения согласия, просьбы, пожелания, предположения и др.) [10, с. 20].

Как элемент идиостиля Б. Зайцева — русского писателя Серебряного века, М. Орехова рассматривает фразеологические единицы, их семантику, грамматические свойства [11]. К фразеологической периферии, лишенной яркой образности, диссертантка относит модальные ФЕ (*может быть*, *одним словом*) [11, с. 7]. Модальные ФЕ, обозначающие желательность или нежелательность чего-либо (*дай Бог*, *не дай Бог*), необходимы для усиления выразительности и убедительности, поскольку являются более экспрессивным средством, чем близкие по значению лексические предикативы [11, с. 14]. Далее автор выделяет группу идиом, соотносящихся с незнаменательными частями речи — союзами, предлогами, частицами. ФЕ-частицы служат для выражения модального значения, семантических оттенков или имеют эмоционально-экспрессивный характер (*вот именно*, *а что* и др.) [11, с. 15].

В работе О. Девиной анализируется авторская модальность произведений А. Твардовского как текстовая категория, рассмотрены средства ее реализации в художественных текстах — поэтических и прозаических; авторская модальность, по мнению исследователя, в произведениях А. Твардовского всегда представляет реализацию яркой, четко обозначенной, активной позиции автора [2, с. 6]. Однако в современной лингвистической науке отсутствуют работы, посвященные исследованию

МФЕ в лирических текстах поэта. Следовательно, обращение к изучению указанных фразеологизмов является актуальным вопросом как в языкознании, так и литературоведении.

Творчество Александра Твардовского, проникнутое глубоким пониманием народной мудрости и языковой выразительности, отличается мастерским использованием фразеологических оборотов в лирических текстах. Особое место в поэтической речи занимают модальные ФЕ, которые придают художественному повествованию дополнительный смысл и эмоционально-экспрессивную окраску. Автор умело вводит в поэтическую «канву» МФЕ для того, чтобы выразить уверенность или сомнение, достоверность / недостоверность сообщаемого, дать оценку происходящему.

Исходя из опыта классификаций модальных идиом, полагаем целесообразным разделить устойчивые сочетания из произведений А. Твардовского на такие семантические группы.

1. ФЕ со значением ‘верно, конечно’.

Что и говорить, разг. экспрес. ‘вне всякого сомнения, совершенно определённо, действительно’ [22, с. 141]: — *Дельный,* ***что и говорить****, / Был старик тот самый, / Что придумал суп варить / На колесах прямо* [20, с. 161]. Устойчивое сочетание используется автором для подчеркивания неоспоримости какого-либо факта, а также в качестве средства создания эмоционального фона лирического повествования.

Ясное дело, разг. экспрес. ‘ясно же; конечно, безусловно’ [22, с. 187]: — *Ну, брат, он еще дает, / Отпускает, не скупится... / — Все же с прежним не сравнится., — / Снял сапог с одной ноги. / —* ***Дело ясное****, — беги! // — Охо-хо. Война, ребятки. / — А ты думал! Вот чудак* [20, с. 282–283]. Как видим, автор прибегает к изменению узуального порядка слов в устойчивом сочетании *ясное дело → дело ясное* с целью ритмической организации текста. В идиоме отражено ироничное настроение говорящего, а также подчеркнуты абсурдность и трагизм военных реалий, когда очевидные факты кажутся не такими, как на самом деле.

Еще бы нет, ‘конечно, иначе и быть не может’ [22, с. 225]: *Такая служба твоя, поэт, / И весь ты в ней без остатка, / — А страшно все же? —* ***Еще бы — нет****! / И страшно порой. / Да — сладко!* [21, с. 128]. В лирическом произведении устойчивое сочетание использовано в качестве неопровержимого представления жизненного опыта. Разговорная окраска модального фразеологизма создает эмоционально-экспрессивный фон повествования.

2. ФЕ с обозначением источника сказанного.

Языковые явления, представляющие собой промежуточную категорию между словом и фразеологизмом, рассматривает Р. Рогожникова. Это большой разряд высокочастотных в разных жанрах «фразеологически связанных сочетаний» знаменательного слова со служебным или двух и более служебных слов, функционально и семантически эквивалентных слову: *в области*, *во имя* [13, с. 114]. Одна из таких идиом употреблена поэтом: *Весенний, утренний, тоненький / Ледок натянуло сеткой, / Но каплет с каждой соломинки, / С каждой ветки // Поет по-зимнему улица, / Но свету — что летним днем. / И,* ***как говорится****, курица / Уже напилась под окном* [21, с. 58]. Предполагаем, что использование МФЕ *как говорится* связано с народной приметой. Погоду на Сретенье Господне предугадывали с помощью курицы: если в этот день солнце хорошо пригреет и с крыши накапает воды столько, что птица напьется, то весна будет ранняя и теплая. В данном случае прослеживается связь автора с житейской мудростью, подкрепленной опытом поколений.

*И знать, что к бою правомочна / Она призвать нас вновь и вновь... // **Как говорится**: «Дело прочно, / Когда под ним струится кровь»* [21, с. 91]. ***Как говорится***, разг. ‘как принято говорить’ [22, с. 141]. Используемый оборот выражает отношение к характеру и способу изложения, оформления сообщения. При помощи фразеологизма автор создает эффект непосредственной беседы с читательской аудиторией.

3. ФЕ со значением ‘начало–конец’.

Первым делом, ‘прежде всего’ [22, с. 187]:

*– Бельишка пару собери / Да свежие портянки, / Чтоб мне в порядке до зари / Сниматься со стоянки. // — Все собрала уже, дружок, / Все есть. А ты в дороге / Хотя б здоровье поберег, / И **первым делом** ноги* [20, с. 360]. Идиома по стилистической окраске — просторечная, используется автором для характеристики главного героя как со стороны физического, так и психического состояния. Также при помощи устойчивого сочетания в поэме передаются черты разговорной речи персонажей: непринужденность, естественность, ситуативность.

4. ФЕ со значением ‘достоверность / недостоверность сообщаемого’.

Должно быть, разг. ‘вероятно, по всей вероятности, кажется’ [22, с. 204]: *И сердце женское вдвойне / Тоска, тревога гложет, / Что своего лишь там, в огне, / Жена представить может. // В огне, в бою, в чадном дыму / Кровавой рукопашной. / И как, **должно быть**, там ему, / Живому, смерти страшно* [20, с. 345]. Фразеологизм указывает на то, что жизнь в условиях войны полна случайностей и неожиданностей. Неопределенность подчеркивает хрупкость человеческого существования и необходимость ценить каждое жизненное мгновение.

*И мальчик жил. **Должно быть**, он / Недаром по природе / Был русской женщиной рожден, / Возросшей на свободе. // **Должно быть**, он среди больших / И маленьких в чужбине / Был по крови крепыш мужик, / Под стать отцу — мужчине* [20, с. 375–376]. Идиома используется автором для создания эффекта доверительной беседы с читателем. Поэт делится своими размышлениями, призывая людей к совместному поиску истины.

В самом деле, ‘действительно, правда’ [22, с. 179]:

*Словом — дальше. Генералу / Показалось под конец, / Что своей награде мало / Почему-то рад боец. // Что ж, боец — душа живая, / На войне второй уж год... // И не каждый день сбивают / Из винтовки самолет. // Молодца и **в самом деле** / Отличить расчет прямой. // — Вот что, Теркин, на неделю / Можешь с орденом — домой* [20, с. 238]. Фразеологизм *в самом деле* используется автором для подчеркивания положительных качеств советского бойца — невероятной стойкости, героизма. МФЕ указывает на то, что обычные люди способны на подвиги, превосходящие воображение читателя.

*Сон-забвенье на пороге, / Ровно, сладко дышит грудь. / Ах, как холодно в дороге / У объезда где-нибудь! // Как прохватывает ветер, / Как луна теплом бедна! / Ах, как трудно все на свете: / Служба, жизнь, зима, война // Как тоскует о постели / На войне солдат живой! / Что ж не спится **в самом деле**? / Не укрыться ль с головой?* [20, с. 263]. Находясь в доме отдыха, Теркин проводит несколько дней в нормальных условиях. Однако в таком месте главному герою трудно уснуть, так как он привык к фронтовому быту. При помощи МФЕ А. Твардовский подчеркивает, насколько рядовому солдату трудно адаптироваться в мирных условиях после фронтовых будней, полных опасности и постоянного напряжения.

Прибаутки, поговорки / Не такие ловит слух... / — Где-то наш Василий Теркин? — / Это слышит Теркин вдруг. // Привстает, шурша соломой, / Что там дальше —

подстеречь. / Никому он не знакомый — / И о нем как будто речь <…> Что-то странное творится, / Непонятное уму. / Повернулись тотчас лица / Молча к Теркину. К тому // Люди вроде оробели: / — Теркин — лично? / — Я и есть. / — ***В самом деле****? / —* ***В самом деле****. / — Хлопцы, хлопцы, Теркин здесь!* [20, с. 284]. Повтор фразеологизма *в самом деле* выполняет функцию экспрессивного и эмоционального воздействия на читателя, а также усиливает образность и живость лирического повествования — добавляет речи персонажей разговорный оттенок.

5. ФЕ со значением ‘так, что можно позавидовать’.

На зависть, разг. экспрес. ‘исключительно, очень, весьма’ [22, с. 234]: *Нет, ты смотреть не выходи / Ребят на водопое. / Скорей своих прижми к груди, / Пока они с тобою. // Пока с тобой, / В семье родной, / Они, пускай не в холе, / В любой нужде, / В своем гнезде — / Еще* ***на зависть*** *доля* [20, с. 343]. *Зависть*, ‘чувство досады, раздражения, вызванное превосходством, успехом, благополучием другого’ [18, с. 503]. Происхождение этого выражения связано с тем фактом, что *зависть* издревле считалась одним из негативных качеств личности.

6. ФЕ со значением ‘неуверенность, неизвестность’.

Как знать, разг. ‘выражение сомнения, неуверенности, несогласия’ [22, с. 261]: *Народ мы взрослый, занятой. /* ***Как знать****, когда случится / Вот так стоять, вдвоем с тобой, / Над этою криницей?* [19, с. 160]. Произведение «Сверстники», написанное в 1938 году, раскрывает основные философские темы и мотивы: воспоминания о детстве — автор обращается к другу, предлагая вспомнить о той поре; переход во взрослую жизнь — повествуется об изменениях, происходящих с персонажами лирического повествования. Идиома *как знать* является частью риторического вопроса, который поэт впоследствии задает товарищу, однако внутри себя он чувствует сомнение, страх перед неизвестностью.

7. ФЕ со значением согласия / несогласия.

Так и быть, разг. ‘пусть будет так, согласен (раз другое невозможно)’ [22, с. 677]: *Так и так. Иду полдня. / Карточка в кармане... / — Воротите мне коня, Граждане цыгане. // —* ***Так и быть****, — сказал один, — / Ты — мужик хороший. / Заявляю — отдадим, / Как признаешь лошадь* [19, с. 264]. ФЕ используется в речи выходцев из крестьянской среды, что еще раз подчеркивает близость автора к народу. При этом А. Твардовский вкладывает в сочетание оттенок простоты, искренности и житейской мудрости.

Заключение. Исследовав функциональные и художественные особенности МФЕ произведений Александра Твардовского, можно сказать следующее: 1) устойчивые сочетания модального характера являются неотъемлемой частью авторского стиля поэта, при помощи которых создается особая экспрессия и национальный колорит лирического повествования; 2) междометные фразеологические обороты представляют собой сложную структуру, которая многосторонне отображена в языке и репрезентируется во фразеологическом фонде; 3) МФЕ с ярко выраженной разговорной окраской придают поэтическим текстам А. Твардовского особую аутентичность, а также отражают особенности русского национального характера; 4) выделены семь групп указанных ФЕ со значением ‘верно, конечно’ (*что и говорить*, *ясное дело*); идиомы с обозначением источника сказанного (*как говорится*); фразеологизмы со значением ‘начало–конец’ (*первым делом*); ФЕ со значением ‘так, что можно позавидовать’ (*на зависть*) и т. д.; 5) междометные фразеологизмы в поэтических произведениях выполняют различные функции: подчеркивание неоспоримости какого-либо факта, создание эмоционально-

экспрессивного фона повествования, применение эффекта доверительной беседы автора с читателем.

Последующее изучение фразеологии поэтических текстов Александра Твардовского позволит подробнее проанализировать группы идиом по семантике и грамматике. Результаты исследования могут быть использованы при рассмотрении фразеологического фонда произведений автора с позиции лингвистических дисциплин (стилистика, методология анализа художественного произведения), применяться в школьном и вузовском курсах русской литературы второй половины XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Исследования по русской грамматике. Избранные труды. — М.: Наука, 1975. — 559 с.
2. Девина О.В. Авторская модальность в произведениях А.Т. Твардовского: автореф. дисс. … канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / О.В. Девина. — Калининград, 2012. — 25 с.
3. Дьякова Т.А. Фразеология произведений Михаила Матусовского : монография / Т.А. Дьякова. — Луганск : Изд-во Академии Матусовского, 2025. — 163 с.
4. Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория: на материале башкирского языка / М.В. Зайнуллин. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1986. — 123 с.
5. Криволап С.С. Фразеологические единицы с сакральными компонентами бог, рай, душа, черт в творчестве Александра Твардовского (на материале ранней и военной поэзии) / С.С. Криволап // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2024. — № 4. — С. 99–110. — https://doi.org/10.5281/zenodo.13996975.
6. Мительская Ж.З. Языковые свойства фразеологизмов модального класса: автореф. дисс. … канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Ж.З. Мительская. — Волгоград, 1996. — 24 с.
7. Мительская Ж. З. Модальные фразеологизмы как объект исследования в свете структурно-функциональной парадигмы / Ж.З. Мительская // Актуальные проблемы русистики : тезисы докладов и сообщений международной научной конференции, посвященной 70-летию профессора Э.В. Кузнецовой (Екатеринбург, 7–9 февраля 1997 г.). — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1997. — С. 98–100.
8. Мительская Ж.З. Модальные фразеологизмы как объект лингвистического исследования / Ж.З. Мительская // Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (Тамбов, 30 сентября 2013 г.). — Тамбов : ООО «Консалтинговая компания Юком», 2013. — С. 70–72.
9. Мительская Ж.З. Имманентные свойства модально-интеръективных фразеологизмов в русском языке / Ж.З. Мительская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». Вопросы грамматики и истории языка. — 2014. — Т. 11. № 4. — С. 5–9.
10. Овсянникова А.В. Стилеобразующая роль коннотативных фразеологических единиц в драматургии А. Вампилова: автореф. дисс. … канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / А.В. Овсянникова. — Челябинск, 2012. — 25 с.
11. Орехова М.В. Фразеологические единицы как элемент идиостиля Б. Зайцева (на материале романов): автореф. дисс. … канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / М.В. Орехова. — Орел, 2009. — 24 с.
12. Ратушная Е.Р. Модальные фразеологизмы субкатегории эмоционального отношения в творчестве Ф.М. Достоевского / Е.Р. Ратушная, А.В. Уткина // Вестник Курганского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2018. — № 3. — С. 7–10.
13. Рогожникова Р.П. Толковый словарь словосочетаний, эквивалентных слову / Р.П. Рогожникова — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 416 с.
14. Усачева Н.Б. Использование модальных фразеологических единиц в публичной речи / Н.Б. Усачева, Н.В. Шведова // Записки Горного института. Риторика в свете коммуникативных дисциплин. — Санкт-Петербург. — 2005. — Т. 160. Ч. 1. — С. 151–153.
15. Фесенко О.П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века: автореф. дисс. … д. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / О.П. Фесенко. — Томск, 2009. — 37 с.
16. Шведова Н.В. Фразеологизмы с компонентами «бог» и «черт» в современном русском языке: автореф. дисс. … канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н.В. Шведова. — Тюмень, 2004. — 21 с.
17. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении / А.М. Эмирова. — Симферополь : ООО «Издательство «Научный мир», 2020. — 228 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

18. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. А–Й. — М.: Русский язык, 1985. — 696 с.
19. Твардовский А.Т. Собрание сочинений : в 6 т. / Александр Твардовский. — Т. 1. — М.: Худ. лит, 1976. — 431 с.
20. Твардовский А.Т. Собрание сочинений : в 6 т. / Александр Твардовский. — Т. 2. — М.: Худ. лит, 1977. — 432 с.
21. Твардовский А.Т. Собрание сочинений : в 6 т. / Александр Твардовский. — Т. 2. — М.: Худ. лит, 1978. — 431 с.
22. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. — М.: Астрель: Аст, 2008. — 878 с.

REFERENCES

1. Devina O.V. (2012). Avtorskaya modal'nost' v proizvedeniyah A.T. Tvardovskogo [The author's modality in the works of A.T. Tvardovsky] (Candidate dissertation). Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad. (In Russian)
2. Diakova T.A. (2025). Frazeologiya proizvedeniy Mikhaila Matusovskogo [Phraseology of Mikhail Matusovsky's works]. Lugansk: Izdatelstvo Akademii Matusovskogo (In Russian)
3. Emirova A.M. (2020). Russkaya frazeologiya v kommunikativno-pragmaticheskom osveshchenii [Russian phraseology in a communicative-pragmatic light]. Simferopol: «Nauchnyy mir». (In Russian)
4. Fesenko O.P. (2009). Kompleksnoye issledovaniye frazeologii druzheskogo epistolyarnogo diskursa pervoy treti XIX veka [A comprehensive study of the phraseology of friendly epistolary discourse in the first third of the 19th century] (Doctoral dissertation). Tomsk State University, Tomsk. (In Russian)
5. Krivolap S.S. (2024). Frazeologicheskie edinicy s sakral'nymi komponentami bog, raj, dusha, chert v tvorchestve Aleksandra Tvardovskogo (na materiale rannej i voennoj poehzii) [Phraseological units with sacred components: God, paradise, soul, and devil in the works of Alexander Tvardovsky (Based on early and war poetry)]. Bulletin of Donetsk National University. Series D. Philology and Psychology, 4, 99–110. (In Russian)
6. Mitel'skaya Zh.Z. (1996). Yazykovye svojstva frazeologizmov modal'nogo klassa [Linguistic properties of modal class phraseological units] (Candidate dissertation). Volgograd State Pedagogical University, Volgograd. (In Russian)
7. Mitel'skaya Zh.Z. (1997). Modal'nye frazeologizmy kak ob"ekt issledovaniya v svete strukturno-funkcional'noj paradigmy [Modal phraseological units as an object of research in the light of the structural-functional paradigm]. Aktual'nye problemy rusistiki : tezisy dokladov i soobshchenij mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu professora E.V. Kuznecovoj, 98–100. (In Russian)
8. Mitel'skaya Zh.Z. (2013). Modal'nye frazeologizmy kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Modal phraseological units as an object of linguistic research]. Nauka i obrazovanie v XXI veke: sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 70–72. (In Russian)
9. Mitel'skaya Zh.Z. (2014). Immanentnye svojstva modal'no-inter"ektivnykh frazeologizmov v russkom yazyke [Immanent properties of modal-interjective phraseological units in the Russian language]. SUSU Bulletin. Linguistics Series. Grammar and History of Language, 4 (11), 5–9. (In Russian)
10. Orekhova M.V. (2009). Frazeologicheskiye edinitsy kak element idiostilya B. Zaytseva (na materiale romanov) [Phraseological units as an element of B. Zaitsev's idiostyle (based on novels)]. (Candidate dissertation). Oryol State University, Oryol. (In Russian)
11. Ovsyannikova A.V. (2012). Stileoobrazuyushchaya rol konnotativnykh frazeologicheskikh edinits v dramaturgii A. Vampilova [The style-forming role of connotative phraseological units in the dramaturgy of A. Vampilov]. (Candidate dissertation). Chelyabinsk State Pedagogical University, Chelyabinsk. (In Russian)
12. Ratushnaya E.R., & Utkina A.V. (2018). Modal'nye frazeologizmy subkategorii emocional'nogo otnosheniya v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [Modal phraseological units of the subcategory of emotional attitude in the works of F.M. Dostoevsky]. Bulletin of the Kurgan State University. Humanities, 3, 7–10. (In Russian)
13. Rogozhnikova R.P. (2003). Tolkovyy slovar slovosochetaniy. ekvivalentnykh slovu [Explanatory dictionary of phrases equivalent to the word]. Moscow: Astrel: AST. (In Russian)
14. Shvedova N.V. (2004). Frazeologizmy s komponentami «bog» i «chert» v sovremennom russkom yazyke [Phraseological units with the components «God» and «devil» in modern Russian] (Candidate dissertation). Tyumen State University, Tyumen. (In Russian)
15. Usacheva N.B. & Snvedova, N.V. (2005). Ispolzovaniye modalnykh frazeologicheskikh edinits v publichnoy rechi [The use of modal phraseological units in public speech]. Mining Institute Notes. Rhetoric in light of communication disciplines, 160 (1), 151–153. (In Russian)

16. Vinogradov V.V. (1975). O kategorii modalnosti i modalnykh slovakh v russkom yazyke [On the category of modality and modal words in Russian]. Moscow: Nauka (In Russian)
17. Zaynullin M.V. (1986). Modalnost kak funktsionalno-semanticheskaya kategoriya: na materiale bashkirskogo yazyka [Modality as a functional-semantic category: based on the Bashkir language]. Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta (In Russian)

Поступила в редакцию 24.10.2025 г.

STYLISTIC AND ARTISTIC FEATURES OF MODAL PHRASEOLOGICAL UNITS USE IN POETIC TEXT BY ALEXANDER TVARDOVSKY

S.S. Krivolap

This paper explores the stylistic and artistic characteristics of modal phraseological units in A. Tvardovsky's lyrical works. The article objective is to analyse and interpret phraseological units related to the concepts of modality and emotional-expressive evaluativeness. A number of methods have been used in the study, among which are as follows: heuristic, descriptive, and componential analysis methods for the linguistic analysis of phraseological units, and a hermeneutic method for interpreting literary works. Based on the classification of modal idioms Proceeding from the experience of modal idioms classifications, the author subdivides the set phrases from Alexander Tvardovsky's works into seven semantic groups, including the phraseological units with the meaning 'true, of course', the phraseological units designating the source of what was said, etc. Addressing this group of phraseological units is relevant in linguistics and literary criticism, as interjectional phraseological units are structurally complex, which is reflected in the language in many ways and is represented in the phraseological fund of poetic works.

Key words: phraseological unit, modality, modal phraseological units, idiom, sacred component, emotional expressiveness, connotation, literary work, lyrical text.

Криволап Светлана Сергеевна.
Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского,
Российская Федерация, г. Луганск.
Преподаватель кафедры русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин
ORCID 0009-0001-2023-626X.
E-mail: krivolap_2016@mail.ru

Krivolap Svetlana Sergeevna.
Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky,
Russian Federation, Lugansk.
Lecturer at Department of Russian Philology and Social Sciences and Humanities
ORCID 0009-0001-2023-626X.
E-mail: krivolap_2016@mail.ru

Научная статья
УДК: 81'373.611
DOI: 10.5281/zenodo.18098633

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ИНТЕРПРЕТИРОВАННЫХ КАК АББРЕВИАТУРЫ ЗАИМСТВОВАНИЙ

© 2025 *Н. В. Северова*
Образовательное частное учреждение высшего образования «Московский университет имени А.С. Грибоедова»
ORCID: 0009-0002-3019-0397

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Объектом рассмотрения в статье являются сложносокращённые слова, представляющие собой интерпретированные как аббревиатуры заимствования, в которых какое-либо слово языка-донора получает статус абброконструкта в силу его совпадения с основой заимствованного ранее автономно слова и частью основы образованного от него прилагательного. Данные единицы рассматриваются на фоне противопоставления их другим аббревиатурам иноязычного происхождения — трансформированным, содержащим компонент, совпадающий с абброконструктом уже освоенных русским языком слов, что приводит к их автоматической псевдоунивербализации и трактовке как аббревиатур, и калькированным, в которых какой-либо компонент замещается в русском языке семантически тождественным или близким, но формально отличающимся абброконструктом. Предметом исследования становятся особенности формирования эквивалентности интерпретированных как аббревиатуры заимствований, которые могут образовывать аббревиатурные группы интерпретационного типа. Такие группы, показывающие панораму эквивалентности заимствованного слова, характеризуются с точки зрения типа семантической коррелятивности, по квантитативному принципу, по типу структурной интерпретации, характеру репрезентации базисного и признакового компонентов, по структуре дешифровальной матрицы. Важным для определения путей создания эквивалентности аббревиатур, содержащих интерпретированные как абброконструкт элементы, является описание формальных и ономасиологических моделей эквивалентности.

Ключевые слова: заимствование, аббревиатура, сложносокращённое слово, интерпретация, аббревиатурная группа, трансформация, калькирование.

Для цитирования: Северова Н. В. Формирование эквивалентностных отношений у интерпретированных как аббревиатуры заимствований / Н.В. Северова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 176–186. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18098633

Введение. Целью предлагаемой статьи является описание особенностей формирования эквивалентностных отношений у интерпретированных как аббревиатуры заимствований на примере аббревиатурной группы «веган». Для достижения обозначенной цели предполагается выполнение ряда задач, к которым относятся: 1) определение сущностных характеристик интерпретированных как аббревиатуры заимствований; 2) установление причин интерпретации их как аббревиатур; 3) дефиниция понятия «аббревиатурная группа интерпретированных как аббревиатуры заимствований»; 4) определение типов дешифровальных стимулов интерпретированных как аббревиатуры заимствований; 5) определение формальных и ономасиологических моделей формирования эквивалентности интерпретированных как аббревиатуры заимствований.

В работе рассматриваются не все формально-ономасиологические типы аббревиатур, а только сложносокращённые слова, то есть «нарицательные лексемы, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающие в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом (сокращённым эквивалентом)» [9, с. 104]. Иначе говоря, если говорить о «классических» сложносокращённых словах, то к ним относятся **частично сокращённые лексемы**, состоящие из абброконструкта (абброконструктов) и полного эквивалента какого-либо слова, например *дезкамера* (= *дезинфекционная камера*, *камера для дезинфекции*, *камера дезинфекции*), *женсовет* (= *женский совет*), *канцтовары* (= *канцелярские товары*), и **слоговые аббревиатуры**, полностью состоящие из абброконструктов, например *комбриг* (= *командующий бригадой*), *легпром* (= *лёгкая промышленность*), *фабком* (= *фабричный комитет*).

Важным положением, ставшим основанием для нового подхода к определению и описанию аббревиации, стало разграничение её диахронного и синхронного рассмотрения, произведённое представителями Донецкой дериватологической школы — В.И. Теркуловым, В.А. Рязановой, К.Ю. Емельяновой и др.

Аббревиатурами с точки зрения диахронии при таком подходе считаются только те слова, которые реально были произведены в результате универбализации (свёртывания) словосочетания путём замены каких-либо компонентов этого словосочетания абброконструктами, выступающими в функции абброэквивалентов. Слова же, содержащие абброконструкт, но имеющие другие источники формирования, названы указанными учёными квазиаббревиатурами. В.И. Теркулов в этой связи отметил, что «большое количество слов, имеющих на синхронном срезе языка мотивационно связанные эквивалентные словосочетания, возникли не в результате универбализации этих словосочетаний, а по другим причинам: вследствие либо прямого присоединения абброконструкта к производящему слову, либо аббревиатурного калькирования иноязычного слова, либо сохранения абброконструкта в сложнопроизводном слове» [10, с. 78]. Важно отметить, что у таких слов часто появляются вторичные дескриптивные эквиваленты, что имеет своей причиной псевдоунивербализацию, то есть «развёртывание на базе сложносокращённого слова вторичных словосочетаний, возникновение которых в данном случае обусловлено действием сложившегося в сознании носителей языка стереотипа: если в состав слова входит абброконструкт, этому слову должно соответствовать словосочетание, в котором должен присутствовать словесный эквивалент этого абброконструкта» [10, с. 78].

К.Ю. Емельянова, используя идеи В.И. Теркулова, описала в ряде работ следующие процессы квазиаббревиации:

«1) прямое присоединение абброконструкта к производящему слову (*авиа-* + *индустрия* > *авиаиндустрия*, *гидро-* + *костюм* > *гидрокостюм*, *зоо-* + *магазин* > *зоомагазин*, *мульт-* + *фильм* > *мультфильм*, *орг-* + *комитет* > *оргкомитет* и т. д.);

2) аббревиатурное калькирование иноязычного слова (англ. *oil derrik* — рус. *нефтевышка* / *нефтяная вышка*);

3) сохранение абброконструкта в сложнопроизводном слове (*авторемонт* > *авторемонтник*, *автожурнал* > *автожурналист*, *автозаправка* > *автозаправщик*, *автодизайн* > *автодизайнер*, *автопутешествие* > *автопутешественник* и т. д.»
[4, с. 73].

Диахронному подходу противопоставляется синхронный подход, который базируется на констатации актуальных мотивационных отношений между словом и словосочетанием, независимо от того, возникли эти отношения в результате

универбализации или псевдоунивербализации. Практически все указанные выше диахронные квазиаббревиатуры были псевдоунивербализационно развёрнуты в русском языке в словосочетания *авиационная индустрия*, *зоологический магазин*, *мультипликационный фильм*, *организационный комитет*, *нефтяная вышка*, ремонтник *автомобилей*, *автомобильный журналист*, *автомобильный заправщик*, *заправщик автомобилей*, *дизайнер автомобилей*, *автомобильный дизайнер*, что автоматически перевело их на актуальном срезе языка в разряд синхронных аббревиатур.

В принципе, такое разграничение синхронии и диахронии представляет собой частный случай предложенного И.С. Улухановым разграничения синхронного и диахронного словообразования. Учёный отметил: «Целесообразно, как мы полагаем, синхронные отношения между словами называть словом мотивация, а диахроническое образование слова — производностью» [11, с. 8].

Следует сказать, что изучение квазиаббревиатур и построение их классификаций практически не осуществлялось: оно отмечается только в работах представителей Донецкой филологической школы, в основном, в работах К.Ю. Емельяновой. Это же можно сказать и о заимствованных аббревиатурах. Пожалуй, только работы Л.А. Барановой [2; 3 и др.], созданный ею словарь [1], а также исследования К.Ю. Емельяновой, например [5], посвящены описанию иноязычных по происхождению аббревиатур, однако в первом случае речь идёт не о сложносокращённых словах, а об инициальных аббревиатурах, а во втором исследователь, как он сам и отмечает, опирается на нашу работу.

Основная часть.

В одной из наших предыдущих статей [8] мы определили три модели формирования аббревиатур на базе иноязычных единиц: трансформационную, калькирующую и интерпретационную.

Сущность **трансформационной модели** заключается в совпадении компонента заимствованной лексемы с абброконструктом уже освоенных русским языком слов, что приводит к её автоматической псевдоунивербализации и трактовке её как аббревиатуры. Так, например, слова *автомат* и производное от него *автоматический* стали активно употребляться в русском языке, по данным Google Ngramm Viwer, в 10-е годы XX столетия. Примерно в то же время появляется ряд аббревиатур, в которых данные лексемы замещаются абброконструктом *авто-*. Он активно используется как абброэквивалент (заместитель слова исходного словосочетания) при универбализации возникших на русской почве синлексов, например *автоматический запуск* (с 1932 г.) — *автозапуск* (с 1945 г.), и как абброморфема (абброконструкт, непосредственно присоединяющийся к слову, минуя стадию словосочетания) при квазиаббревиации, например *автопилот* (с 1930 г.), *авторучка* (с 1917), на базе которых позднее возникли псевдоунивербализованные словосочетания *автоматический пилот* (с 1932 г. окказионально), *автоматическая ручка* (с 1928 г.). Те же слова, которые в иноязычном источнике содержат элемент *авто* «автоматический» сразу же воспринимаются носителями русского языка как аббревиатуры, получают псевдоунивербализационный эквивалент, что и приводит к их финальной трансформации в сознании носителей русского языка в сложносокращённые слова. Так, например, слово *автоадаптация*, являющееся заимствованием 50-х гг. из английского языка (англ. *autoadaptation*) получило в 60-е гг. русском языке эквивалент *автоматическая адаптация*: *В случае, когда температуры и/или давления на выходе с куста (линейные) не регистрируются,* ***автоадаптацию*** *ГСС можно начинать непосредственно с устьев скважин — В статье рассматривается новый метод* ***автоматической адаптации*** *детерминированной*

физико-математической модели сети сбора продукции газовых скважин в пределах месторождения (https://2023.runeft.ru/8/strekalov).

Калькирующая модель предполагает замену абброконструктом семантически тождественного или близкого по значению, но формально отличающегося элемента исходной единицы. Такова, например, замена слова *flight* «полётный» в словосочетании *flight simulator* абброконструктом *авиа-* и образование сложносокращённого слова *авиасимулятор* (1996 г). Позднее это слово было развёрнуто в словосочетание *авиационный симулятор*. Подтверждением вторичности этого словосочетания является то, что оно не отмечается сервисом Google ngramm viwer и обнаруживается в текстах, предлагаемых поисковой машиной Google в 30 раз реже слова, что было бы невозможно, если бы слово образовалось на его базе: обычно исходное словосочетание представлено в текстах значительно чаще производного слова. Указанные слово и словосочетание часто встречаются в эквивалентных текстах, например: *Мировая игровая индустрия с завидной регулярностью выпускает реалистичные и аркадные* ***авиасимуляторы****, многие из которых хороши, а некоторые — откровенно шедевральны — Итак, перед нами* ***авиационный симулятор*** *гражданских летательных аппаратов* (https://cq.ru/articles/gaming/8-luchshikh-aviasimuliatorov-kotorye-realno-zakhvatyvaiut-dukh).

Для нас наибольший интерес представляет **интерпретационная** модель, в которой аббревиатурой в языке-реципиенте становится словосочетание языка-источника. Например, английское словосочетание *vegan menu*, существование которого подтверждается, например, фразами *A* ***vegan menu*** *for beginners must be as simple and appetizing as possible* (https://ru.pinterest.com/ideas/vegan-menu-for-a-week/956535265989/), *10* ***Vegan Menu*** *Ideas Designed to Inspire Culinary Inspiration* (https://www.hitchcockfarms.com/blog/vegan-menu-ideas) и др., во-первых, получает в русском языке статус слова, что подтверждается его дефисным написанием — *веган-меню*, а во-вторых, псевдоунивербализационно разворачивается в эквивалент *веганское меню*: *В новом* ***веган-меню*** *основными критериями выбраны нескучный, яркий вкус, множество текстур, польза и соответствие веганским постулатам — Попробовать* ***веганское меню*** *от шеф-повара Дмитрия Голенина можно в ресторане Sage с 3 марта по 19 апреля* (https://chef.ru/news/veganskoe-menyu-v-sage-tretya-versiya-ezhegodnoj-ody-ovoshham-i-korneplodam-ot-shef-povara-dmitriya-golenina-3-03-19-04/). Последнее и показывает, что словосочетание *vegan menu*, интерпретированное как слово, трактуется носителями русского языка как аббревиатура — сложносокращённое слово, поскольку между абброконструктом и эквивалентным ему прилагательным устанавливается формальное несоответствие «основа (прилагательное) = часть основы (абброконструкт)».

Интерпретированные как аббревиатуры заимствования, особенности их образования и функционирования никогда не становились объектом научного описания. Многие из них формируют так называемые аббревиатурные группы, то есть группы слов с тождественным абброконструктом, становящиеся эталонным средством для перевода интерпретационной модели в трансформационную: появление большого количества интерпретируемых как аббревиатуры заимствований с тождественным абброконструктом обеспечивает возможность его использования при создании новых аббревиатур с данным абброконструктом уже на русской почве. Анализ таких групп позволяет определить особенности формирования эквивалентностных отношений у интерпретированных как аббревиатуры заимствований.

В качестве объекта рассмотрения нами избрана наиболее показательная, на наш взгляд, группа — «*веган*». Она включает в свой состав, по данным картотеки «Толкового словаря сложносокращённых слов», всего 12 регулярных, то есть отмечаемых в конкордансе

запроса поисковой машины Google более 1000 раз, единиц: *веган-блюдо*, *веган-буфет*, *веган-вариант*, *веган-кафе*, *веган-кондитер*, *веган-кондитерская*, *веган-магазин*, *веган-меню*, *веган-продукт*, *веган-фест*, *веган-фестиваль* и *веган-шоколад*. Впрочем, в различных текстах отмечаются ещё слова с данным компонентам, например *веган-шоколатье*, *веган-косметика* и пр., однако они представлены в немногочисленных текстах. Сравните, например, *веган-кафе*, обнаруживаемое поисковой машиной Google более чем в 21 000 текстов, и *веган-шоколатье*, отмеченное только в 195 текстах. Но мы предполагаем в связи со всё возрастающей популярностью веганства увеличение и количества узуальных слов в группе.

Источником для формирования данной группы стало существительное *веган*, заимствованное из английского языка (англ. *vegan*), где оно было искусственно создано Дональдом Уотсоном и его женой Дороти путём синкопирования английского слова *vegetarian* «вегетарианец», потому что «веганство начинается с вегетарианства и доводит его до логического завершения» (https://good2be-vegan.livejournal.com/20994.html). В отличие от вегетарианства, представляющего собой систему питания, при которой из рациона полностью или частично исключаются продукты животного происхождения (мясо, рыба, птица, морепродукты), веганство не признаёт полумер. Веганы отказывают полностью не только от еды животного происхождения, но также и от использования вещей из животных (кожа, шерсть, мех, шелк) и косметики, тестируемой на животных.

Веганское движение очень популярно: в России веганами себя считают 2% опрошенных в марте 2019 года независимым агентствам ZOOM MARKET россиян (https://www.mazm.ru/article/a-2122.php), в США — 3% по данным института Гэллопа (https://news.gallup.com/poll/238328/snapshot-few-americans-vegetarian-vegan.aspx) и т.д. Это привело к возникновению культурного пространства веганов, потребовавшего своего терминологического аппарата. В языке-источнике веганских объединений данные термины представляют собой словосочетания, которые при переносе на русскую почву приобретают статус сращений, поскольку элемент *vegan* в английском языке выполняет функцию прилагательного, чего не может сделать его эквивалент в русском языке — слово *веган*. Во-первых, оно оформлено не как прилагательное, а как существительное, а во-вторых даже не может быть интерпретировано как приложение, поскольку занимает в обороте позицию главного члена словосочетания с приложением, являясь, по сути, атрибутивным компонентом (ср. *девочка-подросток*, *мальчик-колокольчик* и под., где главными компонентами вполне очевидно выступают слова *девочка* и *мальчик*). Более того, в русском языке сочетание, например, *веган кафе* / *веган-кафе* может быть интерпретировано только как слово: как писала Т.Н. Молошная, «для словосочетаний с аппозитивной связью и сложных слов, состоящих из основ двух существительных, **цельнооформленность** (то есть интерпретация как слова. — Н.С.) выражается в неизменяемости по падежам и числам первого компонента анализируемого образования, например *Летит **жар-птица*** и *Любуюсь **жар-птицей***, а отсутствие цельнооформленности, или **раздельнооформленность** (то есть интерпретация как словосочетания. — Н.С.), — в изменяемости по падежам и числам 1-го компонента, например *Открылась **фабрика-кухня*** и *Обедаем на **фабрике-кухне***» [6, с. 37]. В словах с компонентом *веган-* данный конструкт не склоняется, например *Ваш любимый вкус в **веган варианте** без лактозы, глютена и сахара* (https://cuppcake.ru/catalog/Vegan-Snickers-cake); *Менее вкусно, чем обычный их вариант протеинового печенья, но для **веган-варианта** просто восхитительно*! (https://www.perekrestok.ru/cat/251/p/pecene-bombbar-vegan-so-vkusom-sokoladnogo-deserta-40g-4126155?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f); *Мы активно развиваем*

оптовое направление, сотрудничаем с ЗОЖ и ***веган магазинами****, с сетью аптек Маркет Здоровья, с сетью спортивного питания* (https://avtopoligon.hh.ru/vacancy/128328483) и т. д. Это, на наш взгляд, и подтверждает, во-первых, словесный статус единиц с конструктом *веган-*, а во-вторых, то, что он выступает в них как конструкт сложного/сложносокращённого слова

Семь входящих в группу единиц являются аббревиатурными интерпретациями иноязычных (английских) образцов (табл. 1). Пять единиц представляют калькирующую модель заимствования (табл. 2).

Таблица 1. Интерпретирующая модель заимствования

веган-буфет	*vegan buffet*
веган-кафе	*vegan café*
веган-меню	*vegan menu*
веган-продукт	*vegan product*
веган-фест	*vegan fest*
веган-фестиваль	*vegan festival*
веган-шоколад	*vegan chocolate*

Таблица 2. Калькирующая модель заимствования

веган-блюдо	*vegan dish*
веган-вариант	*vegan option*
веган-кондитер	*vegan pastry chef*
веган-кондитерская	*vegan pastry shop*
веган-магазин	*vegan shop*

Впрочем, в последнем случае следует, скорее всего, говорить об интерпретационно-калькирующей модели, поскольку калькирование главного компонента исходного словосочетания сопровождается здесь абброконструктной интерпретацией первого. Именно поэтому мы и определяем группу «*веган*» как аббревиатурную группу интерпретированных как аббревиатуры заимствований, то есть группу слов, имеющих в своём составе интерпретированное как абброконструкт иноязычное слово. Описание такой группы в целом осуществляется по моделям, разработанным В.А. Рязановой и представленным в её статье «Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация» [7].

1. По **типу семантической коррелятивности** данная группа является **однозначной**, поскольку в ней представлены интерпретации одного значения абброконструкта *веган-* «связанный с веганами, веганством»: 1) предназначенный для веганов (*веганское меню — веган-меню, веганское блюдо — веган-блюдо*); 2) объединяющий веганов (*веганский фестиваль — веган-фест*). Напомним, что однозначные группы в концепции В. А. Рязановой противопоставляются не многозначным, а симультанным, то есть таким, которые вступают в корреляцию с омонимичными абброконструктами других аббревиатурных групп, например *арт*^{1} — *артистический*, *арт*^{2} — *артиллерийский*, *арт*^{3} — *артезианский*.

2. По **квантитативному принципу**, в основе которого лежит учёт количественных характеристик компонентов групп, выделяются три параметра классифицирования:

а. по **количеству гнёзд эквивалентности** группа «*веган*» определяется как малокомпонентная, поскольку включает менее 20 регулярных единиц (12 — см. выше);

б. по **количеству употреблений входящих в группу слов** она определяется как регулярная, поскольку в неё мы отобрали только те слова, которые имеют более 500 фиксаций в поисковых машинах (см. выше);

в. по **соотношению частотности употребления эквивалентов** мы определяем данную группу как псевдоунивербализационную, поскольку в ней преобладают словосочетания, отмечаемые в текстах меньше раз, чем эквивалентные им слова.

3. По **типу структурной интерпретации** группа относится к **гибридным композитно-аббревиатурным группам**, поскольку слова в ней имеют:

а. **композитную интерпретацию**, когда конструкт равен основе эквивалентного слова (в данном случае *веган-* = ***веган***-), например *В Тель-Авиве, в тени эффектных небоскребов и многочисленных пальм, прошел самый большой в мире* ***фестиваль веганов*** (https://www.1tv.ru/shows/dobroe-utro/mezhdu-tem/v-mire-festival-veganov-dobroe-utro-fragment-ot-19-06-2019) — *Самый крупный* ***веган-фестиваль*** *в Тель-Авиве* (https://www.youtube.com/playlist?list=PLEuNNIMoU2eCgWm7Rj1O3FfWcFSOeZaes);

б. **аббревиатурную интерпретацию**, когда конструкт равен части основы эквивалентного слова (в данном случае *веган-* = ***веганск***-), например ***Веганские фестивали*** *— отличный повод, чтобы собраться вместе с друзьями, обсудить последние новости и наесться вдоволь вкусностей — Самый крупный* ***веган-фестиваль*** *Европы пройдёт уже в десятый раз на главной площади города Alexanderplatz* (https://vegetarian.ru/guide/veg-mesta/gde-kogda-samye-izvestnye-veganskie-festivali.html).

4. По **характеру репрезентации базисного и признакового компонентов** рассматриваемая группа относится к **признаковым**, поскольку абброконструкт в ней замещает слово, реализующее признаковый смысл, например *веган-кондитерская = веганская кондитерская.*

5. По **структуре дешифровальной матрицы**. Под дешифровальной матрицей понимается «совокупность всех ДС (дешифровальных стимулов — Н.С.) группы (собственно моделей, по которым возможно развёртывание всех сложных слов одной абброгруппы)» [7, с. 118]. Дешифровальным стимулом в работах Донецкой дериватологической школы называют «слово или сочетание слов, которое является эквивалентом абброконструкта и может быть использовано для его замены в эквивалентном словосочетании» [10, с. 88]. Новым для теории аббревиации является разграничение дешифровальных токенов, то есть реально представленных в дескриптивном эквиваленте форм составляющих его слов, и дешифровальных лемм — их словарных интерпретаций.

Семантически значимым является разграничение дешифровальных стимулов на:

1) презентативные, представляющие собой адъективные атрибуты; в нашем случае это атрибут ***вега́нский***, представленный токенами *веганский* (*веган-буфет — веганский буфет*); *веганская* (*веган-кондитерская — веганская кондитерская*); *веганское* (*веган-кафе — веганское кафе*);

2) релятивные, «которые осуществляют разную интерпретацию статуса референта в пределах номинации» [10, с. 94] при помощи существительных, обычно являющихся производящими для презентативного дешифровального стимула и реализующих разные семантические падежи, а значит и семантические роли токенов; в нашем случае релятивный стимул представлен леммой ***вега́н***, воплощённой в токенах *вегана* (*веган-меню — меню вегана*), *веганов* (*веган-меню — меню веганов*) и *для веганов* (*веган-магазин — магазин для веганов*);

3) модификативные, которые «конкретизируют значение аббревиатуры, предоставляя ей возможность употребляться для номинации разновидностей обозначенного ею референта»; они содержат обычно компонент, который не имеет эквивалента в структуре аббревиатуры: лемма ***вега́нская еда́*** с токеном *веганской еды*

(*веган-фест — фестиваль веганской еды*) и ***вега́нская ку́хня*** с токеном *веганской кухни* (*веган-фестиваль — фестиваль веганской кухни*).

Наиболее частотным в нашем случае является, как и в большинстве аббревиатурных групп, презентативный дешифровальный стимул, однако наличие в гнёздах эквивалентности релятивных и модификативных лемм позволяет говорить о формировании группы как использующей в дешифровальной матрице комбинацию типов дешифровальных стимулов.

Важным для описания путей создания эквивалентности аббревиатур, содержащих интерпретированные как абброконструкт элементы, является описание формальных моделей эквивалентности, показывающих как осуществляется интерпретация аббревиатуры на формальном уровне. Как было показано в [10], такое описание осуществляется в два этапа.

На первом этапе определяется модель реализации дешифровального стимула в сложносокращённом слове. Для этого используются маркёры[6] у — базисный компонент, х — признаковый, то есть дешифровальный стимул абброконструкта, адъект — адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), предл — предлог, , z — слово, входящее в дешифровальный стимул — словосочетание, но не имеющее эквивалента в аббревиатуре. Для группы веган отмечаются следующие модели реализации дешифровального стимула:

1) х(адъект)+у: *веганский кондитер — веган-кондитер*;
2) у+х: *меню вегана — веган-меню*;
3) у+предл+х: *магазин для веганов — веган-магазин*;
4) у+х(адъект)+z: *фестиваль веганских блюд — веган фестиваль*.

На втором этапе устанавливается модель формальной разновидности эквивалентности, в которой определяется степень формального соответствия компонентов словосочетания и аббревиатуры. В модель входит два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента. Для описания используются операторы, определяющие часть речи (сущ — существительное, прил — прилагательное, предл - предлог), номер падежной формы (1 — именительный, 2 — родительный, Нескл — несклоняемое), на числовую характеристику (ед — единственное, мн — множественное). В блоке аббревиатуры добавляются операторы, определяющие качество абброконструкта (Осн — основа, Чосн — часть основы). В случаях, когда при образовании аббревиатуры опускаются какие-то компоненты словосочетания, они даются в блоке аббревиатуры в скобках после знака «-». Для аббревиатурной группы «веган» обнаружены следующие модели:

1) модель х(адъект)+у: Прил1ед+Сущ1ед=ЧоснПрил1ед+Сущ1ед, например *веганское блюдо = веган-блюдо*;
2) у+х: Сущ1ед+Сущ2мн = ОснСущ2мн+Сущ1ед, например *фестиваль веганов — веган-фестиваль*;
3) у+х: СущНескл+Сущ2ед = ОснСущ2ед+СущНескл, например *меню вегана — веган-меню*;
4) у+х: СущНескл+Сущ2мн = ОснСущ2мн+СущНескл, например *меню веганов — веган-меню*;
5) у+предл+х: Сущ1ед+предл+Сущ2мн = ОснСущ2мн+Сущ1ед (-предл), например *вариант для веганов — веган-вариант*;

[6] Здесь представлены только те маркёры, которые были обнаружены в аббревиатурной группе «веган».

6) y+предл+x: Сущ1ед+предл+Сущ2ед = ОснСущ2ед+Сущ1ед (-предл), например *блюдо для вегана — веган-блюдо*;

7) y+предл+x: СущНескл+предл+Сущ2мн = ОснСущ2мн+СущНескл (-предл), например *кафе для веганов — веган-кафе*;

8) y+x+z: Сущ1ед+Прил2ед+Сущ2ед = ЧоснПрил2ед+Сущ1ед (-Сущ2ед), например фестиваль *веганской еды = веган-фестиваль*.

Ономасиологическое описание определяет как интерпретируется номинация при построении эквивалентного словосочетания. Данный тип описания учитывает: а) семантический тип дешифровального признака (презентатив, релятив или модификатив); б) лексико-семантическую группу, в которую входит аббревиатура, в) ономасиологическую модель, включающую ономасиологический базис как указание на принадлежность к лексико-семантической группе и ономасиологический признак как указание на значимую для номинации актантную характеристику объекта номинации. Ономасиологический признак интерпретируется в терминах семантических, или актантных падежей. Для группы «веган» отмечаются: квалификатив (указание на качество или статус объекта номинации без его конкретизации), дестинатив (указание на назначение объекта номинации), посессив (указание на принадлежность объекта номинации).

Ономасиологические типы аббревиатур в группе «веган»

Лексико-семантическая группа «учреждение», например *веган-магазин*, *веган-кафе* и подобные. Ономасиологические модели:

1) Учреждение +квалификатив: *веган-буфет — веганский буфет*;
2) Учреждение + дестинатив: *веган-кондитерская — кондитерская для веганов*.

Лексико-семантическая группа «статус продукта», например *веган-блюдо*. Ономасиологические модели:

1) Статус продукта +квалификатив: *веган-вариант — веганский вариант*;
2) Статус продукта + дестинатив: *веган-продукт — продукт для веганов*.

Лексико-семантическая группа «мероприятие», например *веган-фест*. Ономасиологические модели:

1) Мероприятие +квалификатив: *веган-фест — веганский фест*;
2) Мероприятие + посессив: *веган-фестиваль — фестиваль веганов*.

Лексико-семантическая группа «продукт», например *веган-шоколад*. Ономасиологические модели:

1) Продукт +квалификатив: *веган-шоколад — веганский шоколад*;
2) Продукт + дестинатив: *веган-шоколад — шоколад для веганов*.

Лексико-семантическая группа «документ», например *веган-меню*. Ономасиологические модели:

1) Документ +квалификатив: *веган-меню — веганское меню*;
2) Документ + дестинатив: *веган-меню — меню для веганов*;
3) Документ + посессив: *веган-меню — меню вегана.*

Заключение. Итак, интерпретированные как аббревиатуры заимствования являются наряду с трансформированными и калькированными аббревиатурами разновидностью иноязычных аббревиатур, освоенных системой русского языка, системообразующей особенностью которых является интерпретация словосочетания языка-донора как слова. Один из компонентов такого словосочетания получает в языке-реципиенте статус композитного конструкта (при наличии автономно заимствованного существительного, имеющего формально совпадающую с одним из конструктов основу) и абброконструкта (при наличии образованного от указанного существительного прилагательного, часть основы которого тождественна одному из

конструктов слова). Объединение интерпретированных как аббревиатуры заимствований определяется как аббревиатурная группа. Интерпретированная как абброконструкт единица получает набор дешифровальных стимулов, выступающих в качестве эталона для формирования эквивалентных отношений у новых заимствований с данным абброконструктом. Описание процессов формирования эквивалентностных отношений интерпретированных как аббревиатуры заимствований предполагает определение формальных и ономасиологических характеристик эквивалентности. В дальнейшем мы предполагаем описать пути формирования эквивалентности для трансформационной и калькирующей моделей заимствования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова Л.А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения / Л.А. Баранова. — Москва : АСТ-Пресс, 2009. — 317 с.
2. Баранова Л.А. Иноязычные аббревиатуры и квазиаббревиатуры в современном русском языке / Л.А. Баранова // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2016а. — № 5. — С. 25–29.
3. Баранова Л.А. Иноязычные аббревиатуры в русском языке: опыт лексикографического представления / Л.А. Баранова // Психолингвистика и лексикография : сборник научных трудов. — Воронеж : Истоки, 2016а. — С. 112–118.
4. Емельянова К.Ю. Диахронный подход к описанию сложносокращённых апеллятивов. Квазиаббревиатуры / К.Ю. Емельянова // Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке : монография / Е.В. Петрухина [и др.]; отв. ред. Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов, О.Ю. Крючкова. — Москва : Издательство Московского университета, 2024а. — С. 72–85 . — https://www.philol.msu.ru/~modern/pict/sys_res_fi.pdf.
5. Емельянова К.Ю. Квазиаббревиатуры иноязычного происхождения / К.Ю. Емельянова // Русский язык в поликультурном мире : Сборник научных статей VIII Международного симпозиума. В 2-х томах, Ялта, 09–13 июня 2024 года. — Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2024б. — С. 45–51.
6. Молошная Т.Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках / Т.Н. Молошная. — М.: Наука, 1975. — 240 с.
7. Рязанова В. А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация / В.А. Рязанова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: филология и психология. — 2020. — № 1. — С. 114–122.
8. Северова Н. В. Понятие об абброконструкте иноязычного происхождения / Н.В. Северова // Вестник Московского международного университета. — 2024. — № 1(1). — С. 264–270.
9. Теркулов В.И. Сложносокращённые апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В.И. Теркулов // Русистика. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 97–112. — DOI 10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112.
10. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.
11. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И.С. Улуханов. — Москва : Изд. Центр «Азбуковник», 2005. — 311 с.

REFERENCES

1. Baranova L.A. (2009) Slovar' abbreviatur inoiazychnogo proiskhozhdeniia [Dictionary of abbreviations of foreign language origin]. Moscow: AST-Press, 317 (In Russian).
2. Baranova L.A. (2016a) Inoiazychnye abbreviatury i kvaziabbreviatury v sovremennom russkom iazyke [Foreign language abbreviations and quasi-abbreviations in modern Russian]. Dinamika iazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii [Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia], 5, 25–29 (In Russian).
3. Baranova L.A. (2016б) Inoiazychnye abbreviatury v russkom iazyke: opyt leksikograficheskogo predstavleniia [Foreign language abbreviations in Russian: the experience of lexicographic representation]. sikholingvistika i leksikografiia : sbornik nauchnykh trudov [Psycholinguistics and lexicography : collection of scientific papers]. Voronezh. Istoki Publ., 112–118 (In Russian).
4. Yemelyanova K.Y. (2024a) Diakhronnyi podkhod k opisaniiu slozhnosokrashchennykh apelliativov. Kvaziabbreviatury [Diachronic approach to the description of compound appellatives. Quasi-abbreviations].

Sistemnye, kognitivno-diskursivnye i sinkhronno-diakhronicheskie aspekty derivatsionnykh protsessov v russkom iazyke : monografiia [Systemic, cognitive-discursive and synchronous-diachronic aspects of derivational processes in the Russian language : a monograph]. Moscow. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 72–85. https://www.philol.msu.ru/~modern/pict/sys_res_fi.pdf. (In Russian)
5. Yemelyanova K.Y. (2024б) Kvaziabbreviatury inoiazychnogo proiskhozhdeniia [Quasi-abbreviations of foreign language origin]. Russkii iazyk v polikul'turnom mire : Sbornik nauchnykh statei VIII Mezhdunarodnogo simpoziuma. V 2-kh tomakh, Ialta, 09–13 iiunia 2024 goda [The Russian language in the multicultural world : Collection of scientific articles of the VIII International Symposium. In 2 volumes, Yalta, June 09–13, 2024]. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University, 45–51 (In Russian).
6. Moloshnaya T. N. (1975) Substantivnye slovosochetaniia v slavianskikh iazykakh [Substantive phrases in Slavic languages]. Moscow: Nauka, 240 (In Russian).
7. Ryazanova V.A. (2020) Tipologiia abbreviaturnykh grupp: printsipy i realizatsiia [Typology of abbreviation groups: principles and implementation]. Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriia D: Filologiia i psikhologiia [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology]. 1, 114–122 (In Russian).
8. Severova N.V. (2024) Poniatie ob abbrokonstrukte inoiazychnogo proiskhozhdeniia [The concept of a abbrocostruct of foreign origin]. Vestnik Moskovskogo mezhdunarodnogo universiteta [Bulletin of the Moscow International University], 1(1), 264–270 (In Russian).
9. Terkulov V.I. (2020). Slozhnosokrashhennyje apellyativy kak avtonomnaya raznovidnost` abbreviatur [Complex abbreviated appellatives as an autonomous variety of abbreviations]. Rusistika [Russian language studies], 1, 97–112 (In Russian).
10. Terkulov V.I. (2017) Slozhnosokrashhyonnyje slova: sinxronnyj i diaxronnyj aspekty opisaniya [Compound words: synchronous and diachronic aspects of description]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [Moscow University Bulletin. Series 9. Philology]. 6, 73–97 (In Russian).
11. Ulukhanov I.S. (2005) Motivatsiia v slovoobrazovatel'noi sisteme russkogo iazyka [Motivation in the word-formation system of the Russian language]. Moscow: Publishing Center «Azbukovnik», 311 (In Russian).

Поступила в редакцию 15.12.2025

FORMATION OF EQUIVALENCE RELATIONS AMONG BORROWINGS INTERPRETED AS ABBREVIATIONS

N.V. Severova

The article addresses compound words, interpreted as loan acronyms, in which a word of the source language aquires the status of an abbreviation by virtue of its coincidence with the base of the previously borrowed word and part of the base of the adjective formed from it. Russian acronyms are opposed to other abbreviations of foreign origin, i.e. the transformed ones containing a component that coincides with the abbreviation of words already assimilated in Russian, which leads to their automatic pseudo-verbalization and interpretation as abbreviations, and the calqued ones, in which any component is replaced in Russian by a semantically identical or similar, but formally different abbreviation. The study focuses on the peculiarities of the formation of equivalence of borrowings interpreted as abbreviations, which can form abbreviated groups of the interpretative type. Such groups, showing a panorama of the equivalence of a borrowed word, are characterized in terms of the semantic correlation type, the quantitative principle, the type of structural interpretation, the nature of the representation of the basic and feature components, and the structure of the decoding matrix. The description of formal and onomasiological equivalence models is important for determining the ways of creating equivalence of abbreviations containing elements interpreted as acronyms.

Keywords: borrowing, abbreviation, compound word, interpretation, abbreviation group, transformation, calculation.

Северова Наталия Владимировна.
Московский университет им. Грибоедова.
Старший преподаватель кафедры европейских языков и межкультурной коммуникации.
ORCID: 0009-0002-3019-0397.
e-mail: natalyseverova1986@mail.ru.

Severova Nataliia Vladimirovna
Moscow University named after Griboyedov's.
Senior Lecturer at the Department of European Languages and Intercultural Communication
ORCID: 0009-0002-3019-0397.
e-mail: natalyseverova1986@mail.ru.

Научная статья
УДК 81`42
DOI: 10.5281/zenodo.18098673

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ В КОММУНИКАЦИИ «УЧИТЕЛЬ — УЧЕНИК» В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

© 2025 *Я. В. Фирсова*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0009-0001-0201-1198.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье исследуются речевые жанры в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в контексте коммуникативной модели «учитель — ученик». Анализ опирается на теорию речевых жанров М.М. Бахтина и современные лингвистические подходы, рассматривающие жанр как устойчивый тип высказывания, обусловленный социальными и коммуникативными факторами. Материалом работы послужили фрагменты романа, отражающие взаимодействие персонажей различных социальных и функциональных сфер. Методологическую основу составили лингвостилистический, жанрово-речевой анализ, сравнительно-стилистический и контекстуально-интерпретационный методы. Исследование позволило выявить жанровую многослойность произведения, включающую бытовые, официально-деловые, философско-религиозные и сатирические формы речи. Особое внимание уделено диалогам Мастера и Ивана Бездомного, а также Иешуа Га-Ноцри и Понтия Пилата, в которых речевые жанры выполняют функции наставничества, этического воздействия и духовного преображения. Полученные результаты демонстрируют, что жанровое разнообразие речи героев служит важным средством создания полифонии романа, способствует раскрытию внутреннего мира персонажей и формирует особую модель ответственного, понимания-ориентированного общения.

Ключевые слова: речевой жанр, М.М. Бахтин, М.А. Булгаков, Мастер, Иван Бездомный, языковая личность, диалог, слово.

Для цитирования: Фирсова Я.В. Речевые жанры в коммуникации «учитель — ученик» в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Я.В. Фирсова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 187–196. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18098673.

Введение. В последние десятилетия в лингвистике усилился интерес к функциональной и прагматической сторонам языка. В связи с этим понятие речевого жанра приобрело особую значимость, поскольку оно позволяет описать устойчивые формы речевого поведения, обусловленные социальными, культурными и коммуникативными факторами. Речевой жанр рассматривается как важнейшая единица анализа в рамках теории речевой деятельности, коммуникативной лингвистики и дискурс-анализа.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужил роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Для анализа были отобраны фрагменты, содержащие речевые взаимодействия персонажей различных социальных и функциональных сфер (московская часть, ершалаимские главы, эпизоды с Воландом и его свитой), что позволяет выявить специфику жанровой и стилистической многослойности романа. Методы исследования: лингвостилистический анализ, использованный для выявления особенностей языка персонажей, функциональных стилей и способов речевой характеристики героев; жанрово-речевой анализ,

предполагающий классификацию речевых актов и жанров, представленных в диалогах и монологах персонажей; контекстуально-интерпретационный метод, применяющийся для осмысления речевых жанров в контексте авторского замысла, жанровой природы произведения и эпохи его создания; сравнительно-стилистический метод, использованный при сопоставлении речевых жанров различных пластов повествования.

Для анализа были отобраны фрагменты, содержащие речевые взаимодействия персонажей различных социальных и функциональных сфер, что позволяет выявить специфику жанровой и стилистической многослойности романа.

Анализ речевых жанров и моделей коммуникативного поведения в художественных текстах позволяет выявить особенности их взаимодействия, культурных кодов и стилевых предпочтений. В романе Булгакова «Мастер и Маргарита» особое значение приобретает изучение речевых стратегий и жанрового разнообразия, использованных героями Мастером и Иваном Бездомным, которые позволяют определить границы в коммуникации «ученик — учитель». Актуальность исследования обусловлена недостаточной комплексной аналитикой речевых жанров в художественном тексте с точки зрения межличностных коммуникационных моделей, а также необходимостью отражения особых коммуникативных стратегий персонажей. Новизна состоит в системном анализе речевых жанров и коммуникативных моделей, реализованных персонажами. Впервые предлагается комплексный подход к интерпретации речевых стратегий героев в контексте их духовных и культурных характеристик, что позволяет раскрыть их внутреннюю динамику и проследить экзистенциальный рост Ивана Бездомного.

Цель исследования — выявить и описать особенности речевых жанров персонажей романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в коммуникативной модели «учитель — ученик» и определить их функциональную роль в формировании духовного, мировоззренческого и этического пространства произведения. Задачи: охарактеризовать теоретические основы понятия речевого жанра на базе трудов М.М. Бахтина и современных исследователей; определить жанрово-речевые особенности коммуникации основных персонажей романа, прежде всего Мастера, Ивана Бездомного, Иешуа Га-Ноцри и Понтия Пилата: проанализировать структуру и функции жанровых форм в ключевых диалогах и монологических фрагментах произведения; выявить специфику модели «учитель — ученик» в художественном дискурсе романа и способы ее реализации через речевые жанры.

Основная часть. Термин «речевой жанр» был введен в научный оборот М.М. Бахтиным, который в работе «Проблема речевых жанров» (1952–1953) отмечал, что любое речевое высказывание принадлежит к определенному жанру, то есть «относительно устойчивому типу высказывания» [2, с. 270]. По мнению М.М. Бахтина, жанры формируются в процессе общественной коммуникации и отражают типичные ситуации взаимодействия между людьми. Исследователь акцентирует внимание на другом ответвлении коммуникации, называя его «жанром устного речевого общения» и приводя в пример «жанры салонных бесед», «жанры застольных бесед» и т.д. [2, с. 273]. Отсюда следует, что М.М. Бахтин не исключает того, что жанрами можно считать и устойчивые формы речевого общения, т. е. возможны «диалогические жанры», состоящие из последовательности высказываний, принадлежащих разным речевым субъектам; причем каждое из этих высказываний в свою очередь выстроено в том или ином жанре и ограничено «сменой речевых субъектов» [2, с. 263].

Между лингвистами, изучающими речевые жанры, сохраняются острейшие разногласия по вопросу о том, как относиться к наследию М.М. Бахтина, в полном ли

объеме оно является «руководством к действию» при решении этой проблемы в современных условиях.

В дальнейшем идея Бахтина получила развитие в трудах отечественных и зарубежных исследователей (Т.В. Шмелева [18], В.И. Карасик [8], Н.И. Формановская [15], В.В. Фролова [16] и др.). Современная наука трактует речевой жанр как устойчивый тип речевого произведения, характеризующийся специфическим содержанием, композиционной структурой и языковым оформлением, соответствующим определенной коммуникативной ситуации. Проблема речевых жанров изучается в рамках теории коммуникации, функциональной лингвистики, дискурс-анализа и психолингвистики. В.В. Карасик [8] выделяет функциональные различия между жанрами, используемыми в обучении и межличностной коммуникации, акцентируя внимание на роли вопросов, пояснений и аргументации. Д.Э. Розенталь [11] рассматривает жанровую структуру как инструмент организации когнитивной и эмоциональной информации в процессе общения.

Каждый жанр реализует определенную коммуникативную задачу: информирование, побуждение, воздействие, установление контакта и др., а также характеризуется устойчивым порядком частей и приемов построения текста.

М.М. Бахтин предложил деление жанров на первичные (простые, спонтанные) и вторичные (сложные, вытекающие из первичных). В современной теории также используются классификации по функционально-стилистическому признаку (научные, официально-деловые, публицистические, художественные, разговорные жанры) и по коммуникативной направленности (информативные, экспрессивные, императивные): «В литературоведении и лингвистике существует несколько классификаций речевых жанров. Жанры могут дифференцироваться в зависимости от канала общения (устные и письменные), субъекта речи (индивидуальные или коллективные), условий коммуникации (естественные и искусственные), объекта речи (моноадресные и полиадресные), стиля (художественные и нехудожественные), композиции (полные и неполные), первоисточника (первичные и вторичные)…» [16, с. 165].

Дискурс-аналитический подход позволяет рассматривать жанры как совокупность типичных структурных элементов: инициирующий акт, развертывание темы, пояснения, аргументы, заключение, рефлексивная вставка и эмоциональная окраска [14, с. 134].

Таким образом, понятие речевого жанра включает в себя не только внешние формальные признаки, но и внутреннюю структуру, социальные функции и способы организации коммуникативной деятельности. Эта теория предоставляет основу для анализа литературных диалогов и позволяет выделять различные функции и стратегии, реализованные в коммуникации героев романа «Мастер и Маргарита».

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении и углублении понимания сущности речевых жанров и их классификации, демонстрации функциональных возможностей жанров в литературной коммуникации, а также выявлении механизмов построения речевых личностей персонажей. Работа позволяет уточнить теоретические подходы к анализу диалогов, раскрыть роль жанров в формировании когнитивных и эмоциональных стратегий восприятия текста и показать их влияние на интерпретацию философских и нравственных идей.

Практическая значимость исследования проявляется в возможности применения полученных выводов при преподавании литературы и лингвистики, разработке методик анализа художественных текстов и коммуникативных стратегий, а также при подготовке образовательных материалов, направленных на развитие навыков критического мышления, аргументации и рефлексивного чтения. Анализ речевых жанров и речевых личностей героев позволяет формировать у студентов и исследователей умение выявлять структурные и

функциональные особенности диалогов, оценивать их педагогический и нравственный потенциал, что актуально в современной образовательной и культурной практике.

В произведении М.А. Булгакова речевые жанры играют важную роль в создании полифонии текста: бытовые жанры (разговоры москвичей, реплики поэтов, сцены в «Грибоедове») передают колорит советской действительности; официально-деловые жанры проявляются в речах представителей власти, работников МАССОЛИТа и конферансье Варьете; философско-религиозные жанры (беседы Иешуа и Понтия Пилата, внутренние монологи) придают роману глубину и символизм; пародийные и сатирические жанры (сцены с Воландом, сатира на бюрократию и литераторов) создают ироническое звучание.

Так, М.А. Булгаков соединяет первичные и вторичные речевые жанры, формируя многоуровневую речевую картину, в которой пересекаются различные речевые стили, социальные типы и миры.

Роман М.А. Булгакова представляет собой полифоническое произведение, где различные социальные, культурные и языковые пласты взаимодействуют и противопоставляются друг другу. Именно через разнообразие речевых жанров проявляется сатирическая, философская и мистическая многослойность текста.

С точки зрения теории речевых жанров М.М. Бахтина, роман объединяет первичные жанры (разговор, просьба, насмешка, реплика) и вторичные (повествовательные и религиозно-философские повествования, роман в романе).

Наиболее ярко бытовая речь проявляется в главах, посвященных Москве 1930-х годов — прежде всего в диалогах между поэтами, служащими, литераторами: «Вы, как поэт, должны знать, что ни один человек не может предвидеть, что с ним случится» [19, с. 54].

Здесь используется жанр дружеской беседы с элементами наставления, характерный для интеллигентской речи. Данный жанр имитирует бытовую коммуникацию, но в то же время содержит интонацию иронии, предвещающей вмешательство сверхъестественного.

Другой пример — сцены в ресторане «Грибоедов», где звучат иронизированные жанры застольной беседы и хвастовства. Булгаков демонстрирует стандартные речевые клише литературной богемы:

« — Не надо, товарищи, завидовать. Дач всего двадцать две, и строится еще только семь, а нас в МАССОЛИТе три тысячи.

– Ну вот видите, — проговорила Штурман, — что же делать? Естественно, что дачи получили наиболее талантливые из нас…

– Одни в пяти комнатах в Перелыгине, — вслед ему сказал Глухарев.

– Лаврович один в шести, — вскричал Денискин, — и столовая дубом обшита!» [19, с. 51].

Подобные речевые формы раскрывают социальный тип речи московской среды, отражая штампы и пустословие официального литературного круга.

Диалоги Пилата с Иешуа представляют жанр диалога-проповеди, где один персонаж воплощает рациональное, другой — духовное начало. Их речь строится по законам библейского повествования, с ритмикой и синтаксисом, напоминающим Евангелие: «Добрый человек! Поверь, за тобой пойдут другие…» Здесь речевой жанр служит этической и философской функции — выражению идеи добра, свободы и сострадания. В сценах с Мастером и Иваном Бездомным также прослеживается жанр диалога-проповеди, в которых Мастер занимает наставническую, учительскую роль.

По мнению В.А. Салимовского, «речевой жанр как интегральное целое высказывание выступает не просто как тип высказывания, но как социально обусловленный феномен,

отражающий коммуникативную ситуацию и культурно-речевую практику» [12, с. 152]. Примечательным становится разговор Мастера и Ивана происходит в психиатрической клинике после событий у Патриарших прудов и исчезновения Берлиоза. Это первая встреча героев, принадлежащих к совершенно разным речевым и мировоззренческим пространствам: Иван Бездомный — представитель официальной советской литературы, «поэт-гражданин», чья речь построена на лозунгах и клише, а Мастер — творец внутренне свободного, духовно наполненного слова, принадлежащий к сфере искусства и истины. Их общение становится жанровым столкновением, в котором проявляется конфликт мировоззрений и речевых миров.

В начале сцены Иван говорит языком протеста, обвинения и отчета — типичных жанров советской идеологической речи. Он пытается рационализировать мистические события, используя речевые клише официозного характера: «– Да-с, — продолжал Иван, — знается! Тут факт бесповоротный. Он лично с Понтием Пилатом разговаривал. Да нечего так на меня смотреть! Верно говорю! Все видел — и балкон, и пальмы. Был, словом, у Понтия Пилата, за это я ручаюсь.!» [19, с. 61]. Здесь мы видим жанр устного отчета, который Бездомный произносит как перед следствием или редакцией. Синтаксис короткий, ритм резкий, эмоциональные слова («говорю», «видел», «ручаюсь») подчеркивают аффективный, оправдательный характер речи. Иван пытается осмыслить происходящее через жанр объяснения, но этот жанр рушится — реальность выходит за пределы советского рационализма.

Мастер же говорит иным языком — жанром повествовательного рассказа и исповеди. Он сразу переводит разговор из бытового уровня в экзистенциально-философский:

«– Вы — писатель? — с интересом спросил поэт.

Гость потемнел лицом и погрозил Ивану кулаком, потом сказал:

– Я — мастер, — он сделался суров и вынул из кармана халата совершенно засаленную черную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой «М». Он надел эту шапочку и показался Ивану и в профиль и в фас, чтобы доказать, что он — мастер. — Она своими руками сшила ее мне, — таинственно добавил он» [19, с. 118].

Эта реплика принадлежит к жанру личного признания, близкому к исповеди, с отсутствующей официальностью изложения. Интонация спокойная, замедленная, структура синтаксически уравновешена, что контрастирует с нервозной речью Ивана. Мастер вводит повествовательный жанр воспоминания, рассказывая о своем прошлом, любви к Маргарите, о создании романа и его сожжении: «Когда она утихла, я сказал: — Я возненавидел этот роман, и я боюсь. Я болен. Мне страшно» [19, с. 127].

Короткие фразы героя — жанр самоотречения, в котором он формулирует свою духовную катастрофу. Речь Мастера становится метафизической, направленной не столько на собеседника, сколько на внутренний диалог с самим собой и миром.

Иван Бездомный — типичный представитель советской литературной среды 1930-х годов, поэт-пропагандист. Его речь насыщена клишированными оборотами, лозунгами и декларациями. В сцене на Патриарших прудах он вместе с Берлиозом общаются с Воландом: «– Да, мы не верим в Бога, — чуть улыбнувшись испугу интуриста, ответил Берлиоз, — но об этом можно говорить совершенно свободно.

Иностранец откинулся на спинку скамейки и спросил, даже привизгнув от любопытства:

– Вы — атеисты?!

– Да, мы — атеисты, — улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал, рассердившись: "Вот прицепился, заграничный гусь!"» [19, с. 12], но данная фраза

демонстрирует только шаблон времени, в которое они живут, а не их индивидуальную позицию. Клишированные, шаблонные, эпохальные фразы, лишенные «я» являются декларированными высказываниями, «мертвым словом». В этом периоде поэту присущи публицистическая декларативность, стереотипность, отсутствие диалогического начала, неспособность слышать другого. Отсюда разговор Ивана с Воландом превращается в столкновение двух несовместимых речевых миров. Иван не способен вступить в подлинный диалог — его слова заранее принадлежат системе идеологического языка.

Каждая реплика Мастера выполняет несколько функций одновременно: образовательную, наставническую, эмоционально-регулятивную и когнитивную. Например, разъяснение сути событий в романе сопровождается использованием метафор, риторических вопросов и этических дилемм, что повышает вовлеченность ученика и стимулирует рефлексию.

Структурно диалог состоит из чередующихся вопросов и ответов, уточнений и повторов, что соответствует модели интерактивного обучения. Эмоциональный компонент проявляется в интонационной окраске реплик, выражении сомнения и удивления со стороны Ивана, а также мягкой, но убедительной аргументации Мастера. Анализ показывает, что речевой жанр здесь сочетает элементы информационной передачи и наставничества, создавая эффект погружения в философскую проблематику.

Коммуникативная деятельность героев романа структурирована посредством разнообразных речевых жанров, которые определяют стратегию передачи информации, укрепление авторитета и эмоциональное воздействие. Взаимодействие Ивана Бездомного и Мастера характеризуется преобладанием жанров вопросно-ответной дискуссии, наставнической лекции и рефлексивного комментария. Вопросы Ивана о природе добра и зла, такие как: «А может быть, вы тоже думаете, что все это случайно?», инициируют подробное разъяснение со стороны Мастера: «Нет, случайностей нет. Все закономерно, даже то, что кажется случайным». Подобные структуры обеспечивают не только передачу знаний, но и воспитательное воздействие, стимулируя когнитивное и эмоциональное вовлечение ученика. Диалогическая форма проявляется также через рефлексивные комментарии, когда Иван, объясняя произошедшие события, прислушивается к анализу этого события: «– Вчера в ресторане я одному типу по морде засветил, — мужественно признался преображенный поэт.

– Основание? — строго спросил гость.

– Да, признаться, без основания, — сконфузившись, ответил Иван.

– Безобразие, — осудил гость Ивана и добавил: — А кроме того, что это вы так выражаетесь: по морде засветил? Ведь неизвестно, что именно имеется у человека, морда или лицо. И, пожалуй, ведь все-таки лицо. Так что, знаете ли, кулаками… Нет, уж это вы оставьте, и навсегда» [19, с. 114]. Ответы Мастера не ограничиваются информацией; они включают художественные метафоры и философские рассуждения, что позволяет формировать у Ивана более глубокое осмысление ситуации. Таким образом, речевые жанры здесь функционируют как инструмент педагогического воздействия, сочетая когнитивную и эмоциональную составляющие коммуникации.

Стоит отметить, что в романе присутствует не один, а два Ивана Бездомного: до знакомства с Мастером (экспрессивного, резкого, по-советски воспитанного, клишированного, зачастую говорящего в жанре бытового возмущения) и после его духовного перерождения под влиянием героя-писателя. Мастер коммуницирует в жанре философской исповеди, между героями постепенно возникает жанр понимающего диалога, который Бахтин называл формой «ответственного общения». Иван, сначала не способный воспринять духовную речь Мастера, постепенно меняет речевой тон, а к

концу беседы появляются жанры сочувствия и доверия: «– Но вы можете выздороветь… — робко сказал Иван… — Скажите мне, а что было дальше с Иешуа и Пилатом, — попросил Иван, — умоляю, я хочу знать» [19, с. 130].

М.А. Булгаков тщательно выстраивает контраст речевых стилей. Иван употребляет разговорные и просторечные формы («морда», «удрать», «дурак»), в то время как Мастер — книжные, литературные, архаичные выражения («извольте», «вообразите мое изумление»).

Диалог Иешуа Га-Ноцри и Понтия Пилата демонстрирует иной тип речевого жанра, сосредоточенный на морально-философском наставлении и диалоге-аргументации. Лаконичные, но насыщенные смыслом высказывания Иешуа, например: «– Я, игемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины. Сказал так, чтобы было понятнее» [19, с. 22], способствуют формированию у Пилата способности к саморефлексии и нравственной оценке поступков. Ответ Пилата: «И тут прокуратор подумал: «О боги мои! Я спрашиваю его о чем-то ненужном на суде… Мой ум не служит мне больше…» И опять померещилась ему чаша с темною жидкостью. «Яду мне, яду!» [19, с. 22], фиксирует активное участие реципиента в процессе осмысления и демонстрирует интерактивность жанра. Аргументационные элементы диалога, выраженные в высказывании Иешуа: «В числе прочего я говорил, — рассказывал арестант, — что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть» [19, с. 22], создают основу для этического и логического воздействия, формируя у слушателя навыки анализа и оценивания.

Речевой жанр диалога Иешуа и Пилата характеризуется высокой степенью абстрактности и философской направленности. Здесь используются риторические вопросы, апелляции к совести, акценты на моральной ответственности и гуманистических ценностях. Данный тип жанра сочетает функции нравственного наставления, педагогического влияния и психолингвистического воздействия на реципиента [12].

Таким образом, речевые жанры в коммуникации героев не только обеспечивают обмен информацией, но и структурируют процесс нравственного, философского и когнитивного усвоения содержания. Взаимодействие Ивана и Мастера ориентировано на образовательную и воспитательную функцию, тогда как диалог Иешуа и Пилата концентрируется на нравственном и философском воздействии, стимулируя рефлексию и этическое осмысление событий. Эти жанры демонстрируют гибкость и многоуровневость литературного дискурса, где каждое высказывание одновременно выполняет информационную, эмоциональную и педагогическую функции.

Речевая личность Ивана Бездомного отражает жанр рефлексивного комментария и активного вопросно-ответного взаимодействия. Его высказывания характеризуются сомнением, уточнением и поиском понимания. Иван задает вопросы и выражает эмоциональное отношение к событиям, что делает его речевой стиль интерактивным, динамичным и ориентированным на получение объяснения и осмысление информации.

Сходство речевых личностей Мастера и Ивана проявляется в том, что оба участвуют в диалогической коммуникации, где каждая реплика имеет функцию передачи и обработки информации. Оба персонажа включены в активный процесс осмысления, их речь направлена на взаимопонимание и когнитивное освоение философских и нравственных идей.

Различие заключается в доминирующих функциях и жанрах: Мастер является источником знания и наставником, его речь организована, целенаправленна, обладает высокой степенью уверенности и аналитической структурой; Иван же находится в позиции

ученика, его речь характеризуется сомнением, запросом разъяснения и эмоциональной реакцией, что делает его коммуникативный стиль интерактивным и восприимчивым.

Таким образом, взаимодействие Мастера и Ивана иллюстрирует классическую модель «учитель — ученик», где различие в речевых личностях подчеркивает распределение ролей в процессе передачи знаний и формирования понимания, а сходство заключается в общей направленности на познание и философское осмысление происходящего.

Заключение. Коммуникация Мастера и Ивана выполняет инициационную функцию: через диалог герой-профан (Иван) проходит путь духовного прозрения. Речь Мастера становится жанром наставления и откровения, а речь Ивана — жанром ученического слушания. Этот переход знаменует начало внутренней трансформации Бездомного: в эпилоге романа он преображается в исследователя, говорящего спокойно, научно, рассудительно, т.е. владеющего новым речевым жанром интеллектуального рассказа.

Эволюция речи Ивана отражает путь от внешнего, коллективного слова к внутреннему, личному. Речь Мастера изначально воплощает высшую форму духовного слова — исповедально-творческую, обращенную к истине и любви. Мастер по-учительски наполняет дискуссионное пространство базовыми способами достижения коммуникативного результата: доминирование над ситуацией коммуникации, неконфронтационное поведение, участливость к рассказу оппонента. «Иван Бездомный на глазах читателя проходит все этапы формирования культуры и предстает в финале романа как элитарная, образцовая личность — Иван Николаевич Понырев» [1, с. 23].

Диалог Мастера и Ивана — это не просто встреча двух людей, а встреча двух типов речи, двух жанровых миров. Булгаков показывает, как смена речевого жанра отражает духовное развитие: от клишированной советской речи к индивидуальному, осмысленному слову. В этом эпизоде воплощается бахтинская идея о том, что понимание — это ответ в другом жанре, а не просто повтор чужих слов.

Сопоставление обоих типов диалогов выявляет как общие, так и специфические черты. Оба диалога включают структурированные вопросы и ответы, пояснения, уточнения и элементы рефлексии. Отличие заключается в цели коммуникации: диалог Мастера с Иваном ориентирован на передачу знаний, объяснение сюжетных и философских концепций, тогда как диалог Иешуа с Пилатом — на этическое осмысление, моральное наставление и философскую интерпретацию происходящего.

Таким образом, жанровая структура диалогов в романе формирует различный тип коммуникативного воздействия: когнитивное обучение, эмоциональное вовлечение, нравственное и философское наставничество. Это подтверждает актуальность применения теории коммуникации и дискурс-анализа для изучения литературных текстов и их педагогического потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аношина Я.В. Стилевое многообразие лексикона элитарной языковой личности в художественном тексте/ Я.В. Аношина, М.Н. Панчехина // Язык и культура: сб. науч. трудов VI Республиканской очно заочной научной конференции (11 ноября 2020 г.). — Макеевка, 2020. — С. 21–24.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. — Москва: Худож. лит., 1986. — С. 428–472.
3. Белянина В.А. Типы и динамика терминов в статьях журнала/сборника «Жанры речи» (1997–2019): компьютерный анализ: Выпускная квалификационная работа / В.А. Белянина. — Саратов, 2020. — 84 с.
4. Дементьев В.В. Интегральное описание речевых жанров / В.В. Дементьев. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2024. — 304 с.
5. Дементьев В.В. Нужно ли в жанроведении понятие жанросферы? / В.В. Дементьев // Жанры речи, 2025. — Т. 20, № 1 (45). — С. 24–33. doi.org/10.18500/2311-07402025-20-1-45-24-33.

6. Дементьев В.В. Статья по жанрам речи в жур нале «Жанры речи» как… жанр речи? / В.В. Дементьев // Жанры речи. — 2021. — № 1 (29). — С. 12–33. DOI: 10.18500/2311-0740 2021-1-29-12-33.
7. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. — М. : Знак, 2010. — 594 с.
8. Карасик В.И. Предсказание как речевой жанр / В.И. Карасик // Жанры речи. — 2018. — № 1 (17). — С. 39–47. — DOI: DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-39-47.
9. Колесникова А.П. Индуктивные и дедуктивные заголовки научных статей сборника и журнала «Жанры речи»: структура и функционирование / А.П. Колесникова. — Саратов, 2020. — 151 с.
10. Ларина Т.В. Речевой жанр «отказ» в американской и русской деловой коммуникации в аспекте эмотивной вежливости / Т.В. Ларина, А.В. Литвинова // Жанры речи. — 2025. — Т. 20, вып. 3 (47). — С. 290–299. DOI: 10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-290-299
11. Розенталь Д.Э. А как лучше сказать? : Кн. для учащихся ст. классов сред. шк. / Д.Э. Розенталь. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Просвещение, 1988. — 175 с.
12. Салимовский В.А. О тождестве речевого жанра / В.А. Салимовский, Д.В. Яруллин // Жанры речи. — 2017. — №2 (16). — С. 151–159. DOI:10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159
13. Стексова Т.И. Изъяснительные конструкции в научном дискурсе: жанровые предпочтения / Т.И. Стексова // Жанры речи, 2020. — №4(28). — С. 278–286. DOI: 10.18500/2311 0740-2020-4-28-278-286.
14. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Норматив. социокультур. контекст / Н.И. Формановская. — Москва: Рус. яз., 2002 (ЗАО Астра семь). — 160 с.
15. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности рус. яз. и лит. / Н.И. Формановская; Гос. ин-т рус яз. им. А.С. Пушкина. — Москва: Рус. яз., 2002 (ЗАО Астра семь). — 213 с.
16. Фролова В.В. Речевой жанр списка, его типы и жанрообразующие характеристики // Международный научно-исследовательский журнал. — 2020. — №10 (100). — С. 160–166. doi.org/10.23670/IRJ.2020.100.10.067
17. Шаронов И.А. Фатические единицы языка и теория речевых жанров / И.А. Шаронов // Жанры речи, 2025. — Т. 20, вып. 3 (47). — С. 231–238. DOI: 10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-231-238
18. Шмелева Е.Я. Русский анекдот. Текст и речевой жанр / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 144 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

19. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Собачье сердце. — Донецк: СПД «Кабдин», 2012. — 416 с.

REFERENCES

1. Anoshina Ya. V., & Panchekhina M. N. (2020). Stilevoe mnogoobrazie leksikona elitarnoy yazykovoy lichnosti v khudozhestvennom tekste [Stylistic diversity of the lexicon of an elite linguistic personality in a literary text]. In Yazyk i kul'tura: sb. nauch. trudov VI Respublikanskoy ochno-zaochnoi nauchnoy konferentsii (pp. 21–24). Makeevka. (In Russian).
2. Bakhtin M.M. (1986). Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In Literaturno-kriticheskie stat'i (pp. 428–472). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
3. Belyanina V.A. (2020). Tipy i dinamika terminov v stat'yakh zhurnala / sbornika "Zhanry rechi" (1997–2019): komp'yuternyi analiz [Types and dynamics of terms in the articles of the journal/collection "Speech Genres" (1997–2019): computer analysis]. Vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota. Saratov. (In Russian).
4. Dementyev V.V. (2024). Integral'noe opisanie rechevykh zhanrov [Integral description of speech genres]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. (In Russian).
5. Dementyev V.V. (2025). Nuzhno li v zhanrovedenii ponyatie zhanrosfery? [Do we need the concept of genre sphere in genre studies?]. Zhanry rechi, 20(1(45)), 24–33. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-24-33 (In Russian).
6. Dementyev V.V. (2021). Stat'ya po zhanram rechi v zhurnale "Zhanry rechi" kak… zhanr rechi? [An article on speech genres in the journal "Speech Genres" as… a speech genre?]. Zhanry rechi, 1(29), 12–33. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33 (In Russian).
7. Dementyev V.V. (2010). Teoriya rechevykh zhanrov [Theory of speech genres] (594 p.). Moscow: Znak. (In Russian).
8. Karasik V.I. (2018). Predskazanie kak rechevoy zhanr [Prediction as a speech genre]. Zhanry rechi, 1(17), 39–47. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-39-47 (In Russian).
9. Kolesnikova A.P. (2020). Induktivnye i deduktivnye zagolovki nauchnykh statei sbornika i zhurnala "Zhanry rechi": struktura i funktsionirovanie [Inductive and deductive titles of scientific articles of the collection and journal "Speech Genres": structure and functioning]. Saratov. (In Russian).

10. Larina T.V., & Litvinova A.V. (2025). Rechevoi zhanr “otkaz” v amerikanskoi i russkoi delovoi kommunikatsii v aspekte emotivnoi vezhlivosti [The speech genre “refusal” in American and Russian business communication in the aspect of emotive politeness]. Zhanry rechi, 20(3(47)), 290–299. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-290-299 (In Russian).
11. Rozental' D.E. (1988). A kak luchshe skazat'? Kn. dlya uchashchikhsya st. klassov sred. shk. [How better to say? A book for senior secondary school students] (2nd ed.). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian).
12. Salimovskiy V.A., & Yarullin D.V. (2017). O tozhdestve rechevogo zhanra [On the identity of the speech genre]. Zhanry rechi, 2(16), 151–159. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159 (In Russian).
13. Steksova T.I. (2020). Iz’yasnitel’nye konstruktsii v nauchnom diskurse: zhanrovye predpochteniya [Explanatory constructions in scientific discourse: genre preferences]. Zhanry rechi, 4(28), 278–286. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-278-286 (In Russian).
14. Formanovskaya N.I. (2002). Russkiy rechevoy etiket: Normativ. sotsiokul'tur. kontekst [Russian speech etiquette: Normative sociocultural context]. Moscow: Russkiy yazyk (ZAO Astra sem'). (In Russian).
15. Formanovskaya N.I. (2002). Rechevoye obshcheniye: kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti russ. yaz. i lit. [Speech communication: Communicative-pragmatic approach: Textbook for university students majoring in Russian language and literature]. Moscow: Russkiy yazyk (ZAO Astra sem'). ISBN 5-200-03192-3 (In Russian).
16. Frolova V.V. (2020). Rechevoy zhanr spiska, ego tipy i zhanroobrazuyushchie kharakteristiki [Speech genre of the list, its types and genre-forming characteristics]. Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatelskiy zhurnal, 10(100), 160–166. https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.100.10.067 (In Russian).
17. Sharonov I.A. (2025). Faticheskie edinitsy yazyka i teoriya rechevykh zhanrov [Phatic units of language and the theory of speech genres]. Zhanry rechi, 20(3(47)), 231–238. https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-231-238 (In Russian).
18. Shmeleva E.Ya., & Shmelev A.D. (2002). Russkiy anekdot. Tekst i rechevoy zhanr [Russian anecdote. Text and speech genre]. Moscow: Yazyki slavanskoy kultury. ISBN 5-94457-070-9 (In Russian).

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

SPEECH GENRES IN TEACHER-STUDENT COMMUNICATION IN NOVEL «THE MASTER AND MARGARITA» BY M.A. BULGAKOV

Y.V. Firsova

The article addresses speech genres in the novel *The Master and Margarita* by M.A. Bulgakov, which is approached within the framework of the communicative model “teacher–student.” The analysis is based on M. M. Bakhtin’s theory of speech genres and on modern linguistic approaches that view genre as a stable type of utterance determined by social and communicative factors. The material of the study consists of fragments of the novel that reflect interactions among characters belonging to various social and functional spheres. The methodological framework includes linguistic–stylistic and genre–speech analysis, as well as comparative–stylistic and contextual–interpretive methods. The study reveals the multilayered genre structure of the novel, which encompasses everyday, official–business, philosophical–religious, and satirical forms of speech. Special attention is paid to the dialogues between the Master and Ivan Bezdomny, as well as between Yeshua Ha-Notsri and Pontius Pilate, in which speech genres perform the functions of mentorship, ethical influence, and spiritual transformation. The findings demonstrate that the genre diversity of the characters’ speech serves as an important means of creating the novel’s polyphony, contributes to revealing the characters’ inner worlds, and shapes a distinctive model of responsible, understanding-oriented communication.

Key words: speech genre, M.M. Bakhtin, M.A. Bulgakov, Master, Ivan Bezdomny, linguistic personality, dialogue, word.

Фирсова Яна Витальевна.
Донецкий государственный университет, г. Донецк, Российская Федерация.
Аспирант кафедры русского языка.
ORCID 0009-0001-0201-1198.
E-mail: ms.kotenokkissa@mail.ru.

Firsova Yana Vitalievna
Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation.
Postgraduate student of the Russian Language Department.
ORCID 0009-0001-0201-1198.
E-mail: ms.kotenokkissa@mail.ru.

Научная статья
УДК 070
DOI: 10.5281/zenodo.18098706

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОРУЖИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ

© 2025 Д.В. Неренц
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»
ORCID 0000-0002-6370-0157

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Искусственный интеллект в условиях информационной войны XXI века можно рассматривать двояко: как угрозу и как способ защиты. Уже не раз и теоретики, и практики делали акцент на том, что на данном этапе нейросети представляют собой мощный инструмент, а как им воспользоваться — каждый решает сам. Однако, несмотря на повышение уровня медиаграмотности и достаточно высокий уровень осторожности медиапотребителей, злоумышленники находят новые пути для обмана и манипуляций, а государство и СМИ, наоборот, проводят эксперименты с использованием ИИ в качестве оружия в борьбе с вредоносным контентом. В статье предпринята попытка систематизировать накопленный опыт и на основе проведенного среди студентов факультета журналистики опроса соотнести уровень пользы и вреда от использования этой технологии. В качестве методов исследования выступают метод обобщения и систематизации, метод анализа контента, а также метод опроса.

Ключевые слова: журналистика, СМИ, информационная война, искусственный интеллект (ИИ), нейросети, информационная угроза, опрос, факультет журналистики.

Для цитирования: Неренц Д. В. Искусственный интеллект как оружие в информационной войне / Д. В. Неренц // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 197–208. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18098706.

Введение. Эпоха цифровизации стала временем кардинальных перемен в медиапотреблении аудитории. Изменились условия доставки контента, гаджеты стали неотъемлемым атрибутом жизни каждого человека, мессенджеры все больше заменяют людям личную коммуникацию (более того, для некоторых нейросеть теперь наиболее предпочтительный собеседник), социальные сети становятся главным источником информации, успешно вытесняя традиционные СМИ. И все это происходит на фоне обострившейся фазы информационной войны, которую можно рассматривать как процесс манипуляции предоставляемыми массовой аудитории сведениями в целях продвижения интересов определенных лиц или организаций, дестабилизации политической и социальной сфер деятельности в недружественной стране, разобщения мнения граждан по определенным вопросам.

Очевидно, что в подобных условиях именно на виртуальное пространство делаются основные ставки. Telegram-каналы, социальные сети, интернет-сайты — площадки, где разворачивается большинство информационных кампаний. И сегодня технологии искусственного интеллекта стали не только эффективным средством в преодолении культурных, языковых, образовательных барьеров, но и серьезным оружием в борьбе за управление восприятием реальности аудитории.

В научной литературе уже неоднократно были описаны возможные угрозы от искусственного интеллекта в условиях информационной войны. О том, какие существуют виды ИИ и в чем их опасности описали А.А. Колодка, П.В. Метелкин и В.В. Леоненко [5]. О важности внедрения искусственного интеллекта в различные сферы деятельности пишет А.Д. Бортник [1]. С. Льюис и М. Логан [10] описывают перспективы применения технологий ИИ. О возможностях и угрозах нейросетей упоминают в своих работах А.О. Третьяков, О.Г. Филатова, Д.В. Жук [8], А.Д. Иванов [3]. Д.В. Неренц предлагает рассматривать искусственный интеллект не только как эффективный инструмент, но и как серьезное «информационное оружие» [7]. Учитывая, что одной из самых эффективных информационных угроз, создаваемых ИИ, является фейк-контент, важно отметить исследования в этой области. Так, Е.И. Галяшина пишет о понятии и сущности фейка и фейкинга, отмечает причины распространения фейков [2]. Способы распознавания лжи в медиатекстах также представлены в труде А.М. Шестериной и И.А. Стернина [6]. Авторы монографии «Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность» пишут о коммуникативной природе фейка, семантике фейка и формировании фейкового контента в гипертексте цифровых медиа [9]. В зарубежной научной среде также представлено достаточное количество трудов, посвященных проблемам фейков и дипфейков в мировом инфополе. Среди них — материал Дж. Стрея, который говорит о высоком риске столкновения с фейками в журналистских расследованиях, о галлюцинировании нейросетей и опасностях, которые могут из-за этого последовать [12]. При этом большинство исследователей выказывают серьезные опасения касаемо постоянного совершенствования технологий нейросетей и отмечают множество негативных последствий от их применения.

Отличительные особенности применения ИИ в информационном пространстве. Определение понятия «искусственный интеллект» в рамках федерального проекта по развитию ИИ и Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. представляет собой следующее описание: «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека…» [24].

Отходя от официальной терминологии, интересно отметить, что эксперт в области ИИ С.В. Карелов указывает на существование более 200 официальных определений понятия «искусственный интеллект» [16]. Исследователи в каждой области дают свою интерпретацию в зависимости от целей и задач, которые ИИ решает в этой сфере деятельности. Поскольку данное исследование посвящено искусственному интеллекту как оружию в информационной войне, следовательно, мы будем понимать ИИ как комплекс технологий, способных выполнять творческие и технические задачи в контексте создания информационного контента, формируя тем самым повестку дня и оказывая воздействие на общественное мнение и сознание.

Технологии ИИ постоянно развиваются и все больше влияют на все сферы деятельности. Так можно уверенно сказать, что в 2025 г. тема применения ИИ в условиях активной фазы информационной войны все более актуальна. Нейросети могут заменить человека при подготовке текстовых материалов, создавать фотоиллюстрации по любой теме, превратить одного человека в другого в видеороликах с помощью технологии дипфейка.

Самый важный кластер данных, способный оказать как серьезное положительное влияние, так и стать крайне опасной информационной угрозой, — данные о людях. Для высокой точности прогнозов и выводов от алгоритмов распознавания образов, требуются

огромные объемы данных. Чем более открыта страна в плане сбора персональных данных и чем слабее требования к защите неприкосновенности частной жизни граждан, тем более высока вероятность создания эффективных алгоритмов, способных с предельной точностью угадывать интересы, предпочтения, привычки, желания каждого пользователя цифровых технологий. Активному сбору таких данных помогают звонки, покупки онлайн, посты с фотографиями или видео, отметки геолокаций в социальных сетях, использование «умных» часов, мобильных приложений и пр. Все это используют злоумышленники, способные благодаря такому неисчерпаемому ресурсу повлиять на мировоззрение, жизненные ценности человека, изменить образ жизни и привычки пользователя и способствовать формированию общественного мнения.

Ученые выделяют три фазы развития искусственного интеллекта [5, с. 41]. Первая — это слабый ИИ (нижний уровень иерархии). По-другому его можно назвать нейросетями, т. е. это технология, способная учиться на предложенных данных и выполнять исключительно четко поставленные задачи на основе прописанных решений (или алгоритмов). Он способен обрабатывать определенные задачи или выполнять узконаправленные функции. Примерами могут послужить системы распознавания голоса, рекомендательные системы, чат-боты. Вторая фаза — сильный ИИ (Artificial General Intelligence или AGI). Это автономный (независимый) разум, мыслящий на уровне человека — способен самостоятельно развивать глубокое понимание мира или выполнять широкий спектр задач на уровне человеческого интеллекта. И третья — искусственный сверхинтеллект (ASI) — интеллект, который способен превзойти человеческий ум в любой сфере, в том числе творчества и социальных навыков. Учитывая, что сейчас разработчики находятся на первой фазе, можно предполагать, что в ближайшие несколько десятков лет осуществится переход во вторую фазу, где ИИ станет самостоятельным и более мощным. О третьей фазе развития пока можно говорить только в контексте научной фантастики.

В то же время искусственный интеллект так резко развивается, что становится менее заметен для человека. Личные данные анализируются, уточняются неочевидно для самих пользователей, а человеческая способность понимать, каким способом автономные системы принимают решения, снижается. Таким образом, на данном этапе большая часть аудитории не в состоянии понять, каким образом ИИ влияет на нашу жизнь, и этот разрыв продолжает расти.

Положительные и отрицательные стороны использования ИИ. Достоинства и недостатки технологий ИИ стали предметом оживленных дискуссий благодаря осознанию того, что «машины» уже не просто помощники в решении простейших задач, а серьезные инструменты, которые используются буквально везде. В каждой сфере деятельности ИИ применяют по-своему: где-то он помогает в работе специалистов, занимается мониторингом, анализирует большие массивы данных, создает какие-то продукты, ищет материалы, придумывает новые идеи и т.д. Кажется, что его возможности уже сейчас безграничны при умелой настройке. В интернете благодаря поисковому запросу можно встретить более 30 различных вариаций нейросетей, чат-ботов и виртуальных помощников. Многие компании разрабатывают свои программы на основе ИИ для использования внутри организации.

В 2024 г. наибольшую долю рынка ИИ занимали банковское дело, финансовые услуги, страхование и здравоохранение. Согласно прогнозам, предоставленным изданием РБК, в 2025 г. инструменты искусственного интеллекта будут использовать 314 млн человек, а к 2030 г. их количество вырастет до 729 млн [20]. Более того, к 2026 г. 90% интернет-контента будет создаваться с помощью ИИ. 97% пользователей мобильных телефонов используют

голосовых помощников на базе ИИ, и 41% считают, что искусственный интеллект тем или иным образом улучшит их жизнь. На сегодняшний день более 1,5 млрд человек в мире используют чат-ботов [20]. Можно представить, насколько уязвимыми становятся пользователи, если их данные попадают в руки недоброжелателей.

В 2023 г. НТВ опубликовал репортаж на своем сайте о том, какие перспективы ждут человечество в случае самого худшего сценария с использованием ИИ [26]. Технология будет представлять опасность, если станет обладать собственными мыслями, чувствами и методами влияния на разум человека. Однако сейчас ИИ — лишь инструмент для людей. Согласно мнению сотрудников телеканала НТВ, искусственный интеллект всегда будет дополнением к человеку. Возможны опасения, но вероятность их реализации крайне мала, и ответ на этот вопрос пока что однозначен: взаимодействие между ИИ и людьми будет взаимовыгодным, а не конкурирующим.

Сегодня, с одной стороны, растет интерес к возможностям ИИ. По данным Яндекса, с начала 2022 г. нейросетями стали интересоваться в 15 раз чаще. И слово *нейросеть* в запросах встречается так же часто, как *караоке* или *рыбалка* [23]. С другой стороны, ощутимо и недоверие аудитории к нейросетям и компьютерным алгоритмам, которое может стать существенной преградой на пути развития ИИ. Согласно исследованию ВЦИОМ, в 2022 г. более трети опрошенных (32%) россиян не доверяли технологиям ИИ. Самыми сильными страхами были названы утечка собираемых им данных, использование в корыстных целях и риск принятия решений, за которые никто не несет ответственности [25]. Помимо названного, респонденты считали, что ИИ приведет к деградации населения (что, в целом, может быть близко к истине, учитывая последние тенденции в сфере образования, когда студенты считают приемлемым сдавать сгенерированный нейросетями текст в качестве реферата, курсового проекта и даже ВКР), а также слишком велики риски систематических сбоев и ошибок в работе.

В начале 2025 г., несмотря на все позитивные прогнозы разработчиков и прочих специалистов, уровень доверия к искусственному интеллекту падает. Это подтверждают данные исследований, одно из которых провел ВЦИОМ [13]: одновременно со стремительным освоением и внедрением данного инструмента во все сферы деятельности, происходит снижение доверия к нему со стороны пользователей (38% россиян не доверяют ИИ, это на 6% больше, чем в 2022 г.), при этом уровень недоверия среди аудитории 45–59 лет достигает 45%. В чем кроется такой парадокс однозначно сказать сложно, но очевидно, что чем больше среди людей понимания рисков и опасностей новой технологии, тем больше становится опасений касаемо возможных последствий его использования. В целом ключевые страхи россиян остались такими же, только прибавились еще и новые, связанные с мошенничеством и зависимостью детей и подростков от гаджетов. Таким образом, за последние несколько лет переломить общественное мнение относительно полезности ИИ не удалось. И здесь можно говорить о целом ряде причин.

Например, важным является недостаток квалифицированных кадров для настройки и управления таким программным обеспечением. Это не позволяет организациям углубляться и изучать все возможности нейросети, а, что называется, идти «по верхам», используя только доступные и понятные всем функции. Подобный подход приводит к низкому качеству создаваемого контента и негативному отношению аудитории к подобным опытам. А компания в результате теряет большие деньги и не может продолжать свои эксперименты.

Значительной сложностью является отсутствие полной картины мира (алгоритмы создают «информационный пузырь»), когда именно ИИ решает за пользователя, что главное, а что второстепенно и может быть проигнорировано, тем самым, не позволяя

человеку увидеть все происходящее вокруг, а сосредоточиться только на маленькой части. В результате, это приводит к ограниченности восприятия.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что, перевешивают ли плюсы использования ИИ минусы, пока определенно сказать невозможно. Очевидно, что есть позитивные моменты: в Роскомнадзоре обсуждается перспектива использования искусственного интеллекта для борьбы с дезинформацией в интернете. ИИ сможет выявлять дипфейки, определять контекст происходящего на видео и проверять факты. Его внедрение может произойти в срок от 3 до 5 лет [14].

В центре ИИ НИУ ВШЭ в 2024 г. уже разработали ассистента по проверке фактов [19]. Программа позволяет уменьшить риски ошибок и облегчить процесс проверки данных. Эксперименты по созданию нейросети для фактчекинга разрабатывают в Университете Лобачевского [18]. В первую очередь, проект направлен на помощь молодому поколению, но, если он будет общедоступным, пользоваться им смогут люди любого возраста, что существенно снизит риски стать жертвой обмана и манипуляций. Помимо университетских научных разработок, в онлайн-пространстве уже есть ряд приложений, которые также нацелены на определение степени достоверности информации. Среди них можно выделить: LongShot AI, который способен сопоставить текст с базами данных, научными статьями или иными открытыми материалами и определять степень его достоверности [29]. Программа Fabula позволяет быстро оценить достоверность статьи в интернете. Схожими возможностями обладают и ресурсы Logically, Wolfram, Factual, Pheme и пр. Все они позволяют оценить, насколько представленные сведения соответствуют действительности.

Кроме того, ИИ способен быстро принимать решения, находить закономерности в больших наборах данных и делать точные предсказания. Искусственный интеллект эволюционировал от простой программы по помощи в поиске информации к сложной системе, способной создавать аналитические тексты с последующей минимальной редактурой со стороны человека.

Однако отрицательные последствия заключаются прежде всего в том, что ИИ может представлять неточную или неполную информацию (для полных сведений необходимо постоянно пополнять базу данных), неправильно интерпретировать контекст, усиливать существующие стереотипы и предубеждения. ИИ кардинально меняет жизнь людей, делая одни действия проще и доступнее, а другие труднее и непонятнее. Такой скачок в развитии нейросетей не позволяет человечеству осознать и обдумать происходящее, заставляя осваивать и усваивать все буквально на ходу. Все это делает современного пользователя уязвимым с точки зрения медиабезопасности, ведь человеческое сознание не успевает отгородиться от всех нововведений, которыми активно пользуются манипуляторы.

Дипфейки как оружие информационной войны. ИИ способен создавать настолько качественные фейки, что они неотличимы от оригинала. И если еще в прошлом году метод анализа теней, отражения в глазах или артефакты генерации действительно позволяли распознать подделку, то в 2025 г. многие из них уже не актуальны. Конечно, появляются новые способы: частота моргания глаз и пр., но, скорее всего, уже в следующем году и они будут неэффективны.

В будущем технологии дипфейка из-за создания ложного видеоролика или фотоизображения могут не только испортить жизнь одному человеку, но привести к массовым беспорядкам, митингам и даже военным столкновениям. Согласно исследованию о фейках АНО «Диалог Регионы», в 2024 г. уникальных дипфейков стало в 5 раз больше, чем в 2023 г. Среди самых распространенных тем — дипфейки глав

регионов (35%), публикации, связанные с акцией «Солдат ребенка не обидит» (15%), дипфейки представителей Минобороны РФ (14%) [21].

Стоит также вспомнить, что даже примитивные возможности фотомонтажа позволяли представлять аудитории изображения пришельцев, НЛО или лохнесского чудовища, а также шантажировать политиков и знаменитостей с целью создания провокаций, сенсаций, давления на общественное мнение. С тех пор слово «дипфейк» имеет негативную коннотацию, хотя может использоваться и с благими намерениями. Таким образом, **дипфейк представляет собой синтетический контент, в котором фото- или видеоизображение и/или голос человека заменяется на другого.** В итоге получается, что человек может оказаться где-то, где его никогда не было, говорить то, что он на самом деле никогда не говорил, вести себя так, как в реальности он бы никогда себя не повел и т. п.

Такой подход открывает неограниченные возможности для манипуляторов, поскольку кардинально отличается от подделок прошлых поколений. Раньше для создания убедительной фотографии требовался по-настоящему профессиональный специалист, который тратил много времени и сил на подделку продукта. При этом результат все равно не мог обмануть эксперта. Сейчас генеративный сети доступны каждому, что порождает бесконечное количество дипфейков в информационном пространстве. В то же время сама медиасфера все больше влияет на человечество. По данным издания The Wall Street Journal количество случаев мошенничества с помощью дипфейков выросло на 700% за последний год [17]. А в России в 2024 г. мошенники стали в семь раз чаще использовать дипфейки в финансовой сфере [22].

Создание качественных дипфейков требует серьезных компьютерных мощностей и специальных знаний [4]. Они могут использоваться как для создания шуточного видео или рекламного ролика, так и для манипуляции общественным мнением (в том числе через СМИ) [11, с. 69]. Пример — скандально известный видеоролик 2018 г., на котором бывший президент США Барак Обама прямо оскорбляет действующего на тот момент президента Дональда Трампа. Этим видео автор ролика, Джордан Пил, продемонстрировал реальную информационную угрозу, которая способна серьезно повлиять на общественное мнение и настроения масс.

В рамках предвыборной кампании 2024 г. в США команда Д. Трампа также активно использовала нейросети для дискредитации политики Д. Байдена. В YouTube активно распространялся ролик Beat Biden, полностью сгенерированный ИИ. В нем аудитория должна была увидеть, какие проблемы ждут США при переизбрании действующего президента на второй срок [27]. В России дипфейки с политиками появляются все чаще. Опасность в том, что пользователи могут принять их за агитационные материалы или политическую рекламу, даже не подумав проверить на предмет подлога или подделки. В августе 2021 г. в интернете появился дипфейк, который за считанные часы стал вирусным. В видеоролике С. Лавров (министр иностранных дел РФ), Д. Проценко (главврач больницы № 40 в Коммунарке) и С. Шойгу (бывший на тот момент министром обороны РФ) советуются с обычным россиянином на темы ядерной войны, вакцинации и прочих важнейших государственных вопросов [15]. В конце видео главный герой (рядовой гражданин нашей страны) так напуган, что быстрее спешит на выборы, чтобы проголосовать и переложить принятие важных решений в надежные руки. Сразу после выхода ролика партия «Единая Россия» сообщила о своей непричастности к его созданию, что сразу позволило отнести данный контент к категории дипфейка.

Более того, теперь публичный деятель, чиновник, политик или представитель шоу-бизнеса может обвинить нейросеть и заявить, что его высказывания — результат работы ИИ, и он там никогда не был и никогда такого не говорил. Насколько возможно это

доказать — вопрос сложный и пока только начинающий подниматься в правовом, этическом и научном поле. Кстати, разговор о потенциальных этических угрозах ИИ в мире происходит все чаще. Одной из проблем на протяжении уже нескольких десятилетий является распознавание и определенная реакция ИИ на расу, пол, сексуальную ориентацию. Множество недовольств сегодня связано с дискриминацией, поскольку ИИ тесно связан лишь с той информацией, которой с ним поделился разработчик. Нередко при распознавании изображений нейросеть может проявлять признаки сексизма и расизма, определяя женщину в категорию домохозяек, а чернокожего — в разряд преступников. Показателен в этом ключе материал американского агентства Bloomberg под названием «Люди предвзяты. Генеративный искусственный интеллект еще хуже» [28]. Для создания проекта журналисты издания попросили модели преобразования текста в изображение Stable Diffusion создать более 5 000 изображений работников различных профессий, а также людей, связанных с преступностью, а затем сравнили полученные изображения с правительственными данными о фактической расовой и половой принадлежности людей в этих группах. Полученный анализ показал, как модели увековечивают стереотипы, доводя их до крайностей, и используют креативные визуальные средства, чтобы наглядно продемонстрировать это читателям.

В 2025 г. законодательных актов, регулирующих деятельность ИИ, очень мало, этические аспекты находятся в стадии активного обсуждения, а разочарование пользователей в ИИ становится уже ощутимым. Более того, ошибочной информации становится все больше и появляются серьезные опасения, что подобные данные могут стать причиной заметных повреждений или даже гибели людей (обоснованные опасения эксперты высказывают особенно часто по поводу беспилотного транспорта, медицинского оборудования).

Нейросети — помощник VS противник: результаты опроса. В апреле-мае 2025 г. на факультете журналистики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) прошло исследование среди студентов 1, 3 и 4 курсов бакалавриата очной формы обучения. Всего в опросе приняли участие 168 человек. Респондентам предлагалось ответить на 12 вопросов: 8 — были закрытого типа, остальные требовали развернутого ответа. Представленные результаты позволили определить отношение будущих работников медиасферы к ИИ, а также узнать, каковы риски применения нейросетей в условиях информационной войны.

На вопрос о том, можно ли в СМИ встретить сгенерированные тексты без указания на это, 76,4% ответили утвердительно, при этом чуть меньше четверти (23,6%) считают, что нельзя. Касаемо возможности определить самостоятельно, сгенерирован ли текст, мнения разделились: 36,6% (большинство) затруднились с ответом, 34,1% ответили отрицательно, 29,3% смогли выявить материал, созданный нейросетями. Интересны ответы на вопрос: «Какого рода сгенерированные элементы медиатекста можно встретить в информационном пространстве чаще всего (можно выбрать несколько вариантов)?» Большинство (74,8%) указали, что это визуальные элементы — фотографии, рисунки. На втором месте (60,2%) — статьи-списки по типу: Топ-5 лучших сериалов 2025 года и т.п. Замыкает тройку вариант: короткое сообщение, новостная заметка (так ответили 59,3%). Кроме того, студенты выделили инфографику (49,6%), рейтинги и прогнозы (35,8%), справочную информацию (30,9%), рецензии и комментарии (22%). Обращает на себя внимание ответ: лонгрид или аналитическая статья — этот вариант выбрали 26,8%, что наводит на мысль о нечетком представлении возможностей ИИ на современном этапе. Судя по всему, будущие журналисты считают, что нейросети способны также создавать объемные материалы аналитического

характера, при этом они не учитывают фактор оригинальности и качества содержательной стороны вопроса.

Первым открытым вопросом для респондентов была просьба описать маркеры распознавания сгенерированных текстов по смысловым признакам. Самым распространенным оказались повторы слов, некорректные формулировки и сюжетные несоответствия, при которых терялась логика повествования. Такой ответ дали 83,5% опрошенных. На втором месте по частотности оказались клишированные фразы и многочисленные шаблоны в тексте (отметили 62,9%). Третье место осталось за наличием в тексте малоиспользуемых в человеческой речи фраз и словосочетаний, бесполезный характер информации, частые повторы мысли и вводных слов (52,6%). Среди интересных ответов можно выделить: «*Непоследовательное изложение мысли. Общие выражения, нехватка смысла. Повторение одних и тех же тезисов разными словами»; «Часто бывают недостоверные факты»; «Отсутствие эмоциональной окрашенности»; «Содержание обобщено, иногда оторвано от реальности. Текст не всегда понятен обывателю, сух и содержит не подтверждение факты»; «Обычно нет причинно-следственной связи, все как-то раскидано».* С одной стороны, мы видим некий общий базис, который отмечает подавляющее большинство респондентов. С другой стороны, есть расхождения в понимании таких текстов: для кого-то текст довольно сложен для восприятия из-за своей стилистики, а кто-то воспринимает его как простейший шаблонный материал, который легко сможет написать даже малообразованный человек.

На вопрос о маркерах ИИ-материалов по текстовым признакам самым частотным ответом были пунктуационные ошибки, которые, по мнению респондентов, проявились в либо чрезмерном, либо явно недостаточном их количестве (это отметили 63%). Кроме того, респонденты указали на отсутствие вопросительных и восклицательных предложений (54,9%), композиционные особенности — текст оформлен с подзаголовками и разбит на части, чаще всего нелогичные (42,7%), графические знаки: использование длинного тире, звездочки перед перечислением, двоеточия в конце предложений (35,2%). При этом 21,9% отметили отсутствие длинных предложений и ощущение некой обрывочности мысли, а другие 9,2% респондентов, наоборот, указали, что предложения слишком длинные, зачастую использован официально-деловой стиль речи. Интересно также, что многие ответы содержали в себе утверждение о наличии ошибок в пунктуации и даже орфографии, другая часть респондентов (хотя их было сравнительно меньше) отметили, что текст, наоборот, абсолютно грамотный, без ошибок и опечаток. Среди ответов также встречались: *«Простая структура текста. Отсутствие анализа»; «Ошибки в орфографии и пунктуации, либо же чрезмерное использование сложных слов, проф. жаргона и т.д.»; «Однообразный стиль. Слишком идеальная орфография и пунктуация».*

Далее опрашиваемых попросили описать информационные угрозы, которые способен создать и решить ИИ. Самым частотным ответом стал риск столкнуться с фейком (отметили 77,8%), причем опасения вызывают не только *«поддельные фото, видео или аудиозаписи»*, но также *«посты в социальных сетях, публикации, подборки, тексты»*. На втором месте угроза встретить неверные данные: ошибки в цифрах, датах, именах, выдуманные цитаты, неправильные имена или должности, названия (так ответили 63,1%), замыкает тройку риск столкнуться с мошенниками и открыть ссылку, которая содержит в себе вирус (43%). Кроме представленных выше ответов, также встречались варианты: увидеть устаревшую информацию, получить сведения о несуществующих событиях, вступить в переписку с ботом или программой, выдающей себя за реального человека.

При этом респонденты отметили и возможности борьбы с информационными угрозами с помощью ИИ. 54,4% указали на возможности фактчекинга, поскольку *«ИИ способен лучше всех распознать дипфейк»*. Не менее важным респонденты указали способность быстрого поиска альтернативного источника представленного факта или поиск справочной (дополнительной) информации с помощью нейросети (33,9%). Существенным студенты также считают и способность ИИ представить первоисточники информации, метаданные файлов, определение авторства.

Еще один вопрос был связан с плюсами и минусами создания дипфейков. В качестве самого популярного ответа можно выделить тезис о попытке обмана людей с целью получения какой-либо выгоды (92%). В качестве примеров положительного использования дипфейков 61% отметили, что не могут назвать таковые, а оставшиеся ответы носили единичный характер. Среди них: *«Иногда встречаются смешные ролики»; «Забавно посмотреть, как меняют лица актеров в роликах»; «Мне нравятся дипфейки в рекламе, как в ролике Сбера с Милославским»; «В фильмах интересно, выглядит очень реалистично».* Интересно отметить, что респонденты рассматривали дипфейк только как подделку видеофайлов, и в ответах никто не упомянул ни фото, ни аудиозаписи, хотя голосовые подделки сейчас тоже крайне распространены, а подделка фотографий — явление явно неновое.

Последний вопрос предлагал респондентам сделать свой прогноз о вероятности в ближайшие пять лет доминирования в информационном пространстве текстов, созданных нейросетями. 62,3% указали, что аналитический контент все равно останется за людьми, равно как и эмоциональные истории о людях. 17,2% указали, что действительно ИИ-текстов будет гораздо больше, чем тех, которые написал человек. Еще 13,1% уверены, что нейросети будут делать только короткие новости и справочные материалы, 7,4% уверены, что нейросети будут только подбирать информацию, а все публикации будут созданы людьми.

Проведенный опрос позволяет составить представление об опасностях и прогнозах касаемо применения ИИ в условиях информационной войны. Прежде всего, бросается в глаза отсутствие понимания всех опасностей, которые несут в себе нейросети при умелом использовании персональных данных. Эта угроза явно не на первом месте у молодежной аудитории, что говорит о необходимости повышения уровня информационной безопасности и непрерывной просветительской работы для полного донесения всех возможных последствий неаккуратного обращения с этим инструментом. В целом, студенты довольно трезво оценивают свои возможности по распознаванию сгенерированных текстов: большинство либо не может их определить, либо не знает, сталкивалось ли с таким контентом. При этом небольшая часть уверена, что легко отличит такие тексты, что опять же, наводит на мысль о недостаточно полном представлении о всех возможностях применения ИИ, которые уже сейчас доступны не только специалистам, но и злоумышленникам.

В контексте возможностей использования ИИ респонденты выделяют гораздо больше минусов и рисков, в первую очередь, связанных с фейковым контентом, ошибками в фактической информации, придуманными сведениями. Дипфейк однозначно воспринимается как серьезнейшая угроза, способная обмануть и навредить человеку. При этом респонденты также осознают, что нейросеть может стать помощником в проверке данных, поиске источника данных, обнаружении ошибок и неточностей в тексте.

Заключение. Обострившаяся фаза информационного противостояния России с недружественными странами диктует новые условия формирования и существования

информационного пространства, которое в условиях цифровизации, повсеместного доступа к интернету и использования социальных сетей, практически невозможно контролировать. Следовательно, оградить граждан от деструктивного контента, который все чаще создается в неограниченном количестве в минимальные сроки благодаря технологиям ИИ, — задача невыполнимая. Нейросети сегодня способны создавать реалистичные видеоролики и фотографии, подделывать голос, создавать тексты любой сложности для любой цели, вести с человеком переписку 24/7, отвечать на любые вопросы пользователей, генерировать отзывы на произведения — перечислять все риски можно еще долго.

При этом ИИ может стать мощным помощником в борьбе с дезинформацией и фейками, поскольку, как отмечают специалисты — ничто не может также хорошо распознать дипфейк, созданный ИИ, как другой ИИ. Перепроверка данных, поиск источника информации, определение генерации текста — возможности, которые сейчас также активно применяются в разных сферах. На основе работы нейросетей пользователь может защитить себя от спама, блокировать звонки мошенников, настроить фильтры проверки поступающей информации.

Возможности искусственного интеллекта позволяют использовать его максимально эффективно, исходя из целей и задач, которые преследует пользователь. Учитывая многообразие функций и постоянно обновляющиеся приемы, которые используют злоумышленники для обмана людей, только собственная осторожность, сознательность и внимательность, а также критическое отношение к любым получаемым сведениям, позволяют защитить человека от деструктивного контента и возможных негативных последствий от него.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бортник А.Д. Как искусственный интеллект изменит мир медиа рынка / А.Д. Бортник // Вестник магистратуры. — 2022. — №12–2 (135). — С. 84–87.
2. Галяшина Е.И. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа / Е.И. Галяшина и др. — М.: Блок-Принт, 2023. — 144 с.
3. Иванов А.Д. Роботизированная журналистика и первые алгоритмы на службе редакций международных СМИ / А.Д. Иванов // Знак. Проблемное поле медиаобразования. — 2015. — № 2 (16). — С. 32–40.
4. Колесникова Е.В. Технология deepfake в журналистике / Е.В. Колесникова // Мир современных медиа: новые возможности и перспективы: сб. научных трудов / под общ. ред. Д.В. Неренц. — М.: Знание-М, 2022. — С. 74–77.
5. Колодка А.А. Искусственный интеллект: защитить и защититься / А.А. Колодка, П.В. Метелкин, В.В. Леоненко // Интеллектуальные транспортные системы. — 2023. — № 25. — С. 41.
6. Маркеры фейка в медиатекстах: учебно-методическое пособие / И.А. Стернин, А.М. Шестерина, К.И. Грибанова [и др.]. — Воронеж: РИТМ, 2020. — 34 с.
7. Неренц Д.В. Специфика применения искусственного интеллекта в современном медиапространстве / Д.В. Неренц // Litera. — 2024. — № 8. — С. 186–198. — https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.8.44025.
8. Третьяков А.О. Метод определения русскоязычных фейковых новостей с использованием элементов искусственного интеллекта / А.О. Третьяков, О.Г. Филатова, Д.В. Жук // International Journal of Open Information Technologies. — 2018. — Т.6, № 12. — С. 54–60.
9. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность. Коллективная монография / С.Т. Золян, Н.А. Пробст, Ж.Р. Сладкевич, Г.Л. Тульчинский; под ред. Г.Л. Тульчинского. — СПб.: Алетейя, 2021. — 288 с.
10. Lewis S. A Decade of Research on Social Media and Journalism: Assumptions, Blind Spots, and a Way Forward / S. Lewis, M. Logan // Media and Communication. — 2018. — No 6 (4). — P. 11–23. — https://doi.org/10.17645/mac.v6i4.1562.
11. Marconi F. Newsmakers: Artificial Intelligence and the Future of Journalism / F. Marconi. — NY: Columbia University Press, 2020. — 216 p.
12. Stray J. Making Artificial Intelligence Work for Investigative Journalism / J. Stray // Digital Journalism. — 2019. — № 7 (8). — P. 1076–1097. — https://doi.org/10.1080/21670811.2019.1630289.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Бевза Д.В России стали меньше доверять искусственному интеллекту: результаты исследований [Электронный ресурс] // Российская газета. — Режим доступа: https://rg.ru/2025/02/12/rossiiane-stali-menshe-doveriat-iskusstvennomu-intellektu.html (дата обращения: 18.07.2025).
14. Гуреева Ю. Роскомнадзор использует искусственный интеллект в борьбе с интернет-фейками [Электронный ресурс] // Российская газета. — Режим доступа: https://rg.ru/2023/04/24/roskomnadzor-ispolzuet-iskusstvennyj-intellekt-v-borbe-s-internet-fejkami.html (дата обращения: 21.07.2025).
15. В Сети появился вирусный ролик с дипфейками Лаврова, Проценко и Шойгу. Технологию все чаще используют в рекламе и политической агитации [Электронный ресурс] // Moscow Daily News. — Режим доступа: https://www.mn.ru/smart/v-seti-poyavilsya-virusnyj-rolik-s-dipfejkami-lavrova-proczenko-i-shojgu-dipfejki-vse-chashhe-ispolzuyut-v-reklame-i-politicheskoj-agitaczii (дата обращения: 20.07.2025).
16. Гурова Т. Хакнуть человечество / Т. Гурова // Эксперт [Электронный ресурс]. — 2019. — № 3. — — Режим доступа: https://pressa.ru/ru/top10/detail/haknut-chelovechestvo-10949#/ (дата обращения: 20.07.2025).
17. Емельянцева М. Мошенники стали чаще использовать дипфейки для обмана россиян: названы их самые популярные схемы [Электронный ресурс] / М. Емельянцева // Men Today. — Режим доступа: https://www.mentoday.ru/life/news/10-04-2024/moshenniki-stali-chashche-ispolzovat-dipfeiki-dlya-obmana-rossiyan-nazvany-ih-samye-populyarnye-shemy/ (дата обращения: 28.07.2025).
18. ИИ и журналистика: как в ННГУ работают над нейросетью для фактчекинга [Электронный ресурс] // Институт филологии и журналистики Университета Лобачевского. — Режим доступа: https://fil.unn.ru/news/ii-i-zhurnalistika-kak-v-nngu-rabotayut-nad-nejrosetyu-dlya-faktchekinga/ (дата обращения: 21.07.2025).
19. ИИ поможет делать фактчекинг: ученые ВШЭ упростили процесс верификации информации [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. — Режим доступа: https://www.hse.ru/news/expertise/897116325.html (дата обращения: 21.07.2025).
20. Искусственный интеллект в цифрах и фактах // РБК. — 2024. — № 1–2 (178).
21. Исследование по распространению фейковой информации. Ежегодный доклад АНО «Диалог Регионы» [Электронный ресурс] // Диалог о фейках 2.0. — Режим доступа: https://fakes2024.dialog.info/static/files/Исследование_2024.pdf (дата обращения: 11.07.2025).
22. Мошенники стали в семь раз чаще использовать дипфейки в секторе финансовых технологий [Электронный ресурс] // Искусственный интеллект Российской Федерации. — Режим доступа: https://ai.gov.ru/mediacenter/moshenniki-stali-v-sem-raz-chashche-ispolzovat-dipfeyki-v-sektore-finansovykh-tekhnologiy/ (дата обращения: 15.07.2025).
23. Нейростат [Электронный ресурс] // Яндекс. — Режим доступа: https://ya.ru/ai/stat (дата обращения: 30.06.2025).
24. Разработка Федерального проекта по развитию искусственного интеллекта. Презентация для рабочей группы 11 октября 2019 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://digital.gov.ru/uploaded/files/razrabotka-federalnogo-proekta-po-razvitiyu-iskusstvennogo-intellekta.pdf (дата обращения: 16.07.2025).
25. Россияне назвали свои главные страхи перед искусственным интеллектом [Электронный ресурс] // РБК. — Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/28/12/2022/63ab45de9a7947664c3ef893 (дата обращения: 17.07.2025).
26. Чечулинский А. Искусственный интеллект пугает создателей: когда машины заменят людей [Электронный ресурс] // НТВ. — Режим доступа: https://www.ntv.ru/novosti/2754471/ (дата обращения: 26.07.2025).
27. Beat Biden [Электронный ресурс] // YouTube. — Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=kLMMxgtxQ1Y&t=6s (дата обращения: 21.07.2025).
28. Nikoletti L., Bass D. Humans Are Biased. Generative AI Is Even Worse [Электронный ресурс] // Bloomberg. 2023. — Режим доступа: https://www.bloomberg.com/graphics/2023-generative-ai-bias/?sref=pmOAaxNp&ref=sigmaawards.org (accessed: 20.07.2025).
29. Top 12 AI Fact-Checking Tools for Content Accuracy [Электронный ресурс] // Longshot. — Режим доступа: https://www.longshot.ai/blog/best-ai-fact-checkers#10-spike (accessed: 20.07.2025).

REFERENCES

1. Bortnik A.D. (2022). Kak iskusstvenny`j intellekt izmenit mir media ry`nka [How artificial intelligence will change the world of the media market]. Vestnik magistratury, 12–2 (135), 84–87. (In Russian).
2. Galyashina E.I. etc. (2023). Fejkovizaciya kak sredstvo informacionnoj vojny` v internet-media [Fake news as a means of information warfare in online media]. M.: Blok-Print. (In Russian).

3. Ivanov A.D. (2015). Robotizirovannaya zhurnalistika i pervy`e algoritmy` na sluzhbe redakcij mezhdunarodny`x SMI [Robotic journalism and the first algorithms in the service of international media editorial offices]. Znak. Problemnoe pole mediaobrazovaniya, 2 (16), 32–40. (In Russian).
4. Kolesnikova E.V. (2022). Texnologiya deepfake v zhurnalistike [Deepfake technology in journalism] // Mir sovremenny`x media: novy`e vozmozhnosti i perspektivy`: sb. nauchny`x trudov / pod obshh. red. D.V. Nerents. (pp. 74–77). M.: Znanie-M. (In Russian).
5. Kolodka A.A., Metelkin P.V., Leonenko V.V. (2023). Iskusstvenny`j intellekt: zashhitit` i zashhitit`sya [Artificial intelligence: protect and defend yourself]. Intellektual`ny`e transportny`e sistemy, 25, 40–44. (In Russian).
6. Sternin I.A., Shesterina A.M., Gribanova K.I. (2020) Markery` fejka v mediatekstax: uchebno-metodicheskoe posobie [Fake markers in media texts: an educational and methodological guide]. Voronezh: RITM. (In Russian).
7. Nerents D.V. (2024). Specifika primeneniya iskusstvennogo intellekta v sovremennom mediaprostranstve [The specifics of the use of artificial intelligence in the modern media space]. Litera, 8, 186–198. https://doi.org/10.25136/2409-8698.2024.8.44025. (In Russian).
8. Tret`yakov A.O., Filatova O.G., Zhuk D.V. (2018). Metod opredeleniya russkoyazy`chny`x fejkovy`x novostej s ispol`zovaniem e`lementov iskusstvennogo intellekta [A method for identifying Russian-language fake news using artificial intelligence elements]. International Journal of Open Information Technologies, Vol.6, 12, 54–60. (In Russian).
9. Zolyan S.T., Probst N.A., Sladkevich Zh.R., Tul`chinskij G.L. (2021). Fejki: kommunikaciya, smy`sly`, otvetstvennost`. Kollektivnaya monografiya [Fakes: communication, meanings, responsibility. Collective monograph]. SPb.: Aletejya. (In Russian).
10. Lewis S., Logan M. (2018). A Decade of Research on Social Media and Journalism: Assumptions, Blind Spots, and a Way Forward. Media and Communication, 6 (4), 11–23. https://doi.org/10.17645/mac.v6i4.1562. (In English)
11. Marconi F. (2020). Newsmakers: Artificial Intelligence and the Future of Journalism. NY: Columbia University Press. (In English)
12. Stray J. (2019). Making Artificial Intelligence Work for Investigative Journalism. Digital Journalism, 7 (8), 1076–1097. https://doi.org/10.1080/21670811.2019.1630289. (In English)

Поступила в редакцию 03.09.2025 г.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A WEAPON IN INFORMATION WARFARE

D.V. Nerents

Artificial intelligence in the context of information warfare of the 21st century can be viewed in two ways: as a threat and as a way of protection. More than once, both theorists and practitioners have emphasized that neural networks are a powerful tool at this stage, and how to use them is up to everyone to decide for themselves. However, despite the increase in media literacy and a fairly high level of caution among media consumers, attackers are finding new ways to deceive and manipulate, while the government and the media, on the contrary, are experimenting with using AI as a weapon in the fight against malicious content. The article attempts to systematize the accumulated experience and, based on a survey conducted among students of the Faculty of Journalism, correlate the level of benefits and harms from using this technology. The methods used are the method of generalization and systematization, the method of content analysis, as well as the survey method.

Key words: journalism, mass media, information warfare, artificial intelligence (AI), neural networks, information threat, survey, Faculty of Journalism.

Неренц Дарья Валерьевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, г. Москва.
Доцент кафедры журналистики.
ORCID 0000-0002-6370-0157.
E-mail: ya.newlevel@yandex.ru.

Nerents Daria Valer'evna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Russian State University for the Humanities, The Russian Federation, Moscow.
Associate Professor of Department of Journalism.
ORCID 0000-0002-6370-0157.
E-mail: ya.newlevel@yandex.ru.

Научная статья
УДК 811.221.18
DOI: 10.5281/zenodo.18098745

МЕХАНИЗМЫ И КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ГРАНИЦ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» (НА МАТЕРИАЛЕ ОСЕТИНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)

© 2025 *И.И. Скрипай*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»
ORCID: 0009-0008-5028-7704

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Данная статья посвящена проблеме выявления скрытой этнокультурной информации, заключенной во фразеологическом корпусе осетинского языка. В настоящем научном изыскании используются методы лексикографического анализа, лингвистического наблюдения, сплошной выборки. С помощью изучения внутренней формы и образной составляющей во фразеологии представляется возможным обратиться к закодированным культурным элементам, механизмам фразеосемиозиса, характерным для осетинской лингвокультуры. В рамках данной работы удалось выявить денотативно-сигнификативные, коннотативные и интерпретационно-оценочные компоненты, с помощью которых выстраивается внутренняя структура фразеологизмов, что позволило отметить специфику этнокультурной интенциональной режиссуры, а также интерпретации имеющихся сведений. По итогам исследования выделены способы выявления имплицитной информации, сформированной с помощью креативной способности языковых единиц репрезентировать систему миропонимания посредством перцептивных и когнитивных компонентов.

Ключевые слова: имплицитная информация, фразеосемиозис, внутренняя структура, фразеология, осетинский язык, лингвокультура, перцепция, этнокультура, интерпретация.

Для цитирования: Скрипай И. И. Механизмы и когнитивно-прагматические мотивы установления границ «своего» и «чужого» (на материале осетинских фразеологизмов) / И. И. Скрипай // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 209–218. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18098745.

Введение. Каждое явление, переживание, событие формируется и отражается в сознании человека: любой из этих векторов антропоцентричен. Все, что нас окружает, безусловно, осуществляется через познавательные процессы, принцип работы которых неоднороден от индивида к индивиду, от этноса к этносу. Но подобная гетерогенность и является интереснейшим полем для исследований, поскольку в каждой этнокультуре по-разному расставляются приоритеты, каждая из них характеризуется уникальной культурно-значимой информацией.

Интересно, что исследование образов, заложенных во фразеологизмах, способствуют успешному постижению тайн определенной этнокультуры, поскольку все эти элементы являются продуктом объективации переработанных сознанием субъективных образов реалий объективного мира.

При всем при этом, существует особый эфемерный вектор, именуемый «имплицитной информацией», понимание которого предполагает основательное

погружение в материал. Фразеологизмы представляют собой «кладезь» сведений о культуре, менталитете этноса, кроме того, они способны «консервировать» накопленные сведения и представления о пространстве, времени, обычаях, морали [11, с. 208].

Фразеологические единицы обладают мощным культуроносным потенциалом благодаря богатой этноязыковой маркированности (часто с наличием импликаций) знаков косвенно-производной номинации [15].

Кроме того, по мнению Е.С. Арсентьевой, все, что связано с человеком, со сферами его жизнедеятельности, оставляет след в языке и аккумулируется именно во фразеологических единицах [2, с. 7]. Антропоморфной природой фразеологии объясняется ее интерпретационная, оценочная составляющая и субъективное отношение к окружающей действительности.

Таким образом, в рамках данного исследования решено рассмотреть фразеологические единицы с этих ракурсов с целью получить не просто «культурологическую справку», но и выявить сопровождающую скрытую информацию и коннотативные векторы, понимание которых позволит точнее понять особенности осетинского этноса.

Отметим, что фразеологизмы осетинского языка не первый раз попадают в поле научного исследования. Следует, в частности, упомянуть о работах И.А. Кодзати [8], Р.Г. Цопановой и Ю.Д. Каражаева [16, с. 92], В.Т. Дзаховой [3]. В исследованиях указанных авторов рассматривается проблема образования фразеологизмов и их функционирования в языке, отмечается, что особенности этносознания наилучшим образом раскрываются на прагматическом уровне, в контексте художественных произведений.

Соглашаясь с мнением относительно того, что фразеология может рассматриваться «в качестве одного из самых значимых и надежных инструментов для изучения религиозных воззрений народа и их влияния на повседневную жизнь» [3, с. 205-206], хотелось бы подчеркнуть, что фразеологический материал позволяет декодировать заключенную в языке имплицитную информацию об особенностях восприятия окружающего мира.

Основными причинами, лежащими в основе использования фразеологизмов в качестве надежного источника сведений о культурном наследии этноса, В.Т. Дзахова выделяет, в частности, следующие:

1) «*исторические корни*»: множество фразеологизмов «имеют свои корни в религиозных текстах, мифах и преданиях» [3, с. 206];

2) «*культурные традиции*»: «религиозные обычаи и ритуалы часто влияют на язык» [3, с. 206];

3) «*символизм*»: в структуре фразеологизмов могут присутствовать символы, передающие сложные идеи в более простом формате;

4) «*социальные отношения*»: языковой материал способен указать на восприятие и отношение общества к определенным ситуациям [3, с. 206].

Однако вычленение первоначальных смыслов, заложенных во фразеологических единицах языка, не является конечной целью исследования, так как фразеосемиозис направлен не только на выявление причин появления и интерпретацию фразеологизмов, но и на анализ функционирования фразеологизмов в дискурсе.

Материалы и методы исследования. Методологической базой настоящей работы послужили труды Н.Ф. Алефиренко [1, с. 160], И.В. Зыковой [6, с. 92–95], В.И. Карасика [7], В.А. Масловой [11, с. 208], Е.С. Арсентьевой [2, с. 7], И.В. Гюббенет [5, с. 8], А.В. Кунина [9, с. 175].

В частности, в пределах данной статьи делается акцент на механизмах корреляции культуры этноса и фразеологии, схеме восхождения к культуре этноса через фразеологию, разработанной И.В. Зыковой [6, с. 92–95]. Вслед за А.В. Куниным и Н.Ф. Алефиренко, подчеркивается важность «денотативно-сигнификативного компонента» фразеологического значения, то есть эти два феномена рассматриваются с точки зрения некоторого «альянса» [1, с. 160; 9, с. 175]. Кроме того, мы руководствовались взглядами Е.С. Арсентьевой при рассмотрении антропоцентричной природы фразеологии, а также учитывалась концепция «имплицитности» и «вертикального контекста» (И.В. Гюббенет), применимая для текстов, но переосмысленная с точки зрения исследования фразеологизмов как текстовых фрагментов, поскольку они также обладают функцией аккумуляции культурных сведений и способны не только воспроизводить элементы культурно-этнического миропонимания, но и формировать их [2, с. 7; 5, с. 8].

Эмпирический материал составляют фразеологизмы Фразеологического словаря осетинского языка З.Т. Дзабиты [19], репрезентирующие компоненты бинарного противопоставления «свой-чужой». В результате выборки было отобрано 183 фразеологизма.

К основным критериям отбора фразеологических единиц из лексикографических источников можно отнести следующие:

1) наличие семы притяжательности/принадлежности во фразеологизме;

2) наличие в структуре фразеологизма лексем, непосредственно обозначающих понятия «свой» или «чужой»;

3) наличие во фразеологизме оппозиции «свой-чужой» либо отдельных компонентов этой оппозиции;

4) наличие во фразеологизме любых (даже периферийных) сем «свой-чужой».

Избранный фокус обоснован пониманием того, что данная фундаментальная оппозиционная диада может существовать не только в индивидуальном, но и в национальном сознании, «составляя часть языковой картины мира посредством вербализации многочисленными языковыми единицами, в том числе знаками косвенно-производной номинации» [10, с. 4].

Кроме того, изучение фразеологических единиц через призму оппозиционной диады «свой-чужой» может способствовать получению наиболее точного представления об этнокультуре осетин, учитывая, что деление на «свое» и «чужое» происходит автоматически, на уровне подсознания, и подобное членение может отражать систему архетипических представлений о категоризации мира.

В пределах настоящей статьи предлагается рассмотреть принцип декодирования имплицитной информации на примере нескольких осетинских фразеологизмов из имеющейся выборки:

кæнгæ æфсымæр — названый брат;

иу зарæг кæнын — быть одного мнения, единомышленниками, жить в согласии (букв. ‘одну песню петь’);

мæ къона — ласк. дорогой, милый (букв. ‘мой очаг’);

æхгæд дуарæй цæрын — замкнуться, обособиться (букв. ‘жить с закрытой дверью’);

искæй фæстæ дон калын — делать кому-то плохое, поступать плохо (букв. ‘вылить воду за кем-то’).

Суть исследования состоит в том, что внутренняя структура фразеологизмов может рассматриваться с точки зрения денотативно-сигнификативного, коннотативного, эмотивно-образного и интерпретационно-оценочного компонентов: с их помощью

представляется возможным сфокусироваться на образах, концентрирующих в себе этнокультурную информацию. В процессе изучения внутренней структуры и образов осуществляется поиск культурологических сведений относительно когнитивно-дискурсивного пространства «своего» и «чужого» на основании традиций, символов, обычаев.

Основная часть. Этап получения имплицитной информации является заключительным, а предшествует ему целый алгоритм действий. Прежде всего необходимо разобраться, каким образом строится отношение или мета-тождество «культура этноса=фразеология».

Начнем с того, что, по мнению И.В. Зыковой, существует определенный механизм кодирования и декодирования в рамках корреляции культуры этноса и фразеологических единиц. Так, фразеологизм стоит воспринимать как двухфазное образование, которое состоит из сообщающихся уровней «поверхностного» (собственно-семантического) и «глубинного» (концептуального): концептуальный уровень формирует семантический, а глубинный уровень формируется под влиянием концептосферы культуры. Поскольку данные уровни разноформатны, для их успешного «прочтения» важна процедура «перекодирования». Для осуществления этого «перекодирования» необходимо ключевое звено — «личностное сознание» (индивидуального/ коллективного) [6, с. 92–95].

Таким образом, руководствуясь принципом работы этой схемы восхождения к этнокультуре через фразеологию, представляется возможным распознавать тонкости национальной культуры, а также сформировать новые.

Культурная информация (в том числе и имплицитная) может быть встроена во фразеологический корпус языка разными способами.

На основе разработок Н.Ф. Алефиренко, А.В. Кунина, В.Н. Телия, З.Д. Поповой, И.В. Зыковой, было решено выделить денотативно-сигнификативный, коннотативный, эмотивно-образный и интерпретационно-оценочный компоненты, с помощью которых возможно рассматривать внутреннюю структуру фразеологизма.

Важно, что в данной работе не ставится акцент на ранжировании выделенных аспектов с точки зрения их значимости, но отметим, что Э.И. Швец и Г.Г. Соколова (на основе позиции В.Н. Телия) полагают, что главным компонентом стоит считать именно коннотативный [17].

Это мнение обосновано, поскольку данная концепция несколько коррелирует с изучением модусной категории, которая в свою очередь является инструментом отражения сознания и тесно связана с интерпретирующей функцией.

Тем не менее, решено подробно рассмотреть все компоненты, вне зависимости от степени их субъективной значимости, в том числе по той причине, что в пределах одной фразеологической единицы могут быть обнаружены сразу несколько компонентов одновременно. Отметим, однако, что денотативно-сигнификативный компонент исследуется скорее как принцип построения внутренней структуры фразеологической единицы, а коннотативный, эмотивно-образный и интерпретационно-оценочный компоненты — как сопутствующая важнейшая информация.

Денотативно-сигнификативный компонент в построении внутренней структуры фразеологизма.

Вслед за З.Д. Поповой, следует выделять денотаты, которые выражают ситуацию, обозначаемую прототипом фразеологической единицы (восприятие в буквальном смысле) (денотат 1), и денотаты, которые обозначают новое, образное представление предмета фразеологической номинации (переосмысление) (денотат 2). По мнению

А.В. Кунина, под «сигнификатом» стоит понимать отражение свойств денотата в человеческом сознании [9, с. 175; 13, с. 175].

В качестве примера обоих типов денотатов в описании фразеологизмов рассмотрим единицу осетинского фразеологического фонда: *кæнгæ æфсымæр* ‘названый брат’ [19]. Денотатом 1 будет считаться то, что воспринимается буквально, предметная ситуация, которая передается сочетанием — букв. ‘сделанный брат’ [20], а денотатом 2 — то, что уже переосмыслено — ‘названый брат’.

Что касается осетинского фразеологизма *иу зарæг кæнын* ‘быть одного мнения, единомышленниками, жить в согласии’ [19], то в нем денотатом 1 служит комбинация букв. ‘одну песню петь’, а денотат 2 представляет собой смысловую трансформацию ‘быть единомышленниками, одного мнения, жить в согласии’.

Следовательно, сигнификат представляет собой осмысление денотата 2 ‘названый брат’, ‘быть единомышленниками, одного мнения, жить в согласии’, в формате образно-смысловой структуры фразеологизма в процессе ассоциативно-образного мышления.

Согласно исследованию Е.Б. Бесоловой, посвященному древнейшему обряду побратимства, институт искусственного родства имеет широкую географическую принадлежность, прочную сакрально-символическую базу и специальный набор ритуальных алгоритмов. Феномен *кæнгæ æфсымæр* может репрезентироваться также через термин *æрдхорд* (с осет. *ард*- ‘клятва’ (*арт* ‘огонь’) + *хæрын* ‘есть’, что букв. составляет ‘съевший клятву’ (поклялся на огне), способствующее священной трансформации от базового «неродства» к «родству» [4].

Схожесть образа мыслей, согласие во взглядах является немаловажной особенностью осетинской культуры. Недаром денотативный компонент внутренней структуры фразеологизма *иу зарæг кæнын* ‘придерживаться одного мнения, быть единомышленниками, жить в согласии’, консервирующий в языке данный аспект культуры осетин, содержит образ *зарæг* (с осет. ‘песня’), поскольку через подобную форму вокальной музыки транслируются особенности национального духа, отражается уклад жизни и быта.

В традиции осетинского народного песенного искусства одним из наиболее распространенных форматов исполнения был и остается жанр хорового пения, а именно героическая песня, в которой воспеваются благородство, храбрость, патриотизм и взаимопомощь.

Данная экспрессивно-музыкальная форма, прежде всего, по своему плану выражения, а также содержания формирует стремление к согласию, дружбе, взаимодействию.

Таким образом, рассмотренные денотат 1, денотат 2 и сигнификат данной фразеологической единицы организуют «стройную цепочку», но сигнификат в этой цепи концентрирует в себе наибольший уровень экспрессивности [17].

Коннотативный компонент.

В качестве иллюстрации данного компонента может послужить осетинский фразеологизм *мæ къона* ‘ласк. дорогой, милый’ (букв. ‘мой очаг’), выражающий «теплое» обращение к детям [19]. Здесь возможно выявить эмотивно-образный компонент, переплетающийся с интерпретационно-оценочным и коннотативным компонентами.

В рамках данного фразеологизма используется образ очага, считающийся в осетинской культуре «величайшей святыней каждого осетина»: все ключевые события, начинания и этапы жизни осетин, согласно описанию старого осетинского быта, проходили возле этого сакрального центра [14]. Следовательно, обращение, в котором

используется данная фразеологическая единица, априори выражает положительное, «теплое» отношение, при этом прослеживается месседж безграничного уважения.

Эмотивно-образный и интерпретационно-оценочный компоненты.

Для изобразительного описания данного феномена предлагается анализ осетинской фразеологической единицы *Æхгæд дуарæй цæрын* ‘замкнуться, обособиться’ (букв. ‘жить с закрытой дверью’) [19].

В первую очередь, при рассмотрении этого фразеологизма необходимо показать связь «обозначаемое — когниция/сознание — культура социума».

В данном фразеологизме присутствует весьма интересная образность *æхгæд дуар* ‘закрытая дверь’, *цæрын* ‘жить’, но помимо нее имплицирована религиозная составляющая.

В осетинской культуре считается неприемлемым отказать гостю в убежище, кроме того, в давние времена негостеприимный хозяин покрывался несмываемым позором. Отказ в принятии гостя, мотивированный отсутствием средств, не приемлем, поскольку осетины всегда верили, что старания помочь ближнему будут награждены Богом благодаря молитвам гостя. Существует даже приветствие *Уазæг — Хуыцауы уазæг* ‘гость — Божий гость’.

Основываясь на понимании Ч. Пирсом механизма «семиозиса» [12; 18], становится понятно, что интерпретанта выступает в качестве воздействующей силы, прогнозирует конкретную реакцию интерпретатора на данный феномен. Более того, она способствует формированию значения фразеологической единицы. Рассмотрим, какие конкретные компоненты возможно выделить: объекты из сферы предметного окружения (закрытая дверь); оценка, отношение и убеждения (в том числе религиозные), сформировавшиеся в сознании осетинской этнокультуры относительно «жизни за закрытыми дверями»). Так выстраивается новое значение — сигнификат самой фразеологической единицы «настороженно относиться к тем, кто живет за закрытой дверью».

Новый сигнификат формируется ввиду нового видения (определенной интерпретации, с комплексом эмотивно-образных и оценочных компонентов) объекта из сферы предметного окружения интерпретатором. В целом, конечно же, при использовании этого фразеологизма имеется в виду «человек, мало контактирующий с другими людьми» [17].

Фразеологизм *Искæй фæстæ дон калын* ‘делать кому-то плохое, поступать плохо’ [19] также представляет интерес с точки зрения рассмотрения данных компонентов. Буквальный его перевод составляет выражение ‘выливать воду за кем-то’.

По данным, полученным из перевода данного фразеологизма, то есть по внутренней структуре, под влиянием ряда факторов, можно было бы интерпретировать рассматриваемый образ положительно.

К мотивам, ведущим к неправильной интерпретации, могут быть отнесены тесные контакты, например с проживающими в регионе представителями армянского этноса и некоторыми другими этносами. Помимо этого, влияние может оказать возросший интерес со стороны россиян (и осетин в частности) к турецкой культуре посредством продуктов киноиндустрии, которые подробно описывают традиции и обычаи турков (обычай выливания воды вслед за кем-то означает заботу о человеке, пожелание хорошей дороги и так далее).

Хотелось бы отметить, что в турецкой, армянской, болгарской и во многих других традициях, кувшин с водой льют вслед за человеком для того, чтобы его дорога сложилась хорошо, согласно турецкому *şans için su dökmek* (‘выливание воды на удачу’).

По убеждениям народов стран Балканского полуострова, пролитая вода символизирует чистоту, легкость и благополучие.

Но в этнокультурном сознании осетин подобный акт имеет совершенно противоположный смысл. К сожалению, нам не удалось обнаружить дополнительные достоверные источники, в которых можно было бы найти информацию о несоответствии внешне синонимичной формы и различной смысловой интерпретации в разных этнокультурах. Однако мы можем руководствоваться словарной статьей, где указывается на то, что в рамках осетинской лингвокультуры *искæй фæстæ дон калын* (с осет. ‘вылить воду вслед за кем-то’) означает ‘делать кому-то плохое, поступать плохо’ [19].

На основе анализа фразеологических единиц установлено, что только при помощи подробного рассмотрения внутренней структуры с привлечением исследования денотативно-сигнификативного, коннотативного, эмотивно-образного и интерпретационно-оценочного компонентов возможно выявление имплицитной информации. Поскольку внутренняя структура является многогранным феноменом, исследование фразеологических единиц, а точнее образов, формирующих эти фразеологизмы, важно проводить через призму этих компонентов, чтобы получить наиболее достоверные результаты, исключив неточности в понимании истинного, порой, скрытого, сообщения.

Каждая из анализируемых фразеологических единиц (*кæнгæ æфсымæр* ‘названый брат’; *иу зарæг кæнын* ‘быть одного мнения, единомышленниками, жить в согласии’ (букв. ‘одну песню петь’); *мæ къона* ‘ласк. дорогой, милый’ (букв. ‘мой очаг’); *Æхгæд дуарæй цæрын* ‘замкнуться, обособиться’ (букв. ‘жить с закрытой дверью’); *Искæй фæстæ дон калын* ‘делать кому-то плохое, поступать плохо’ (букв. ‘вылить воду за кем-то’) содержит скрытую информацию, которая в свою очередь и выступает ключевым «интенциональным материалом» фразеологизма и открывает путь к постижению миропонимания осетинского этноса, к раскрытию механизмов установления «своего» и «чужого».

Безусловно, не стоит умалять важности феномена образности, ведь красочность, изобразительность, способность обратить на себя внимание реципиента налаживает связь между словом и культурой.

Поиск имплицитной информации хоть и вызывает большой интерес и дает полнейшее представление об этносе, но стимулирующим фактором для инициации любого исследования, вероятнее всего, будет являться гетерогенная, уникальная система образности или когнитивно-перцептивной креативности.

Заключение. По итогам исследования осетинских фразеологизмов, выбранных в качестве иллюстрации процессов этнокультурного декодирования механизмов установления границ «своего» и «чужого», было определено, что к важнейшим параметрам стоит относить не только уникальную внутреннюю структуру, но и множество сопутствующих феноменов, таких как: оценочность, интенция, коннотация, интерпретация и многие другие.

Конечно, каждая культура имеет множество точек соприкосновения в вопросах общечеловеческой морали и во многих культурах существует схожий взгляд на определенные ценности, но, ввиду неоднородности феномена образности и креативной природы ее конструирования, далекой от клишированных канонов и стандартов, каждый этнос по-своему формирует идею о нормах, традициях, а язык консервирует эти понимания во фразеологическом фонде.

Фразеологизмы, как одна из экспрессивно-творческих форм трансляции этнических воззрений, нуждается в изучении через призму денотативно-сигнификативного,

коннотативного, эмотивно-образного и интерпретационно-оценочного компонентов, поскольку подобный формат способен декодировать имплицитную информацию, а также минимизировать риски неверной интерпретации (или интерпретации не по релевантному клише), когда может быть неверно истолкована модальность.

Изучение через призму исследуемых в данной статье компонентов — это не только «схема навигации» по механизму когнитивно-прагматической деятельности, осуществляемой путем интеракции феноменов: чувственного и интеллектуального («переживаемого» и «осмысляемого»), но и ключ к пониманию всех скрытых смыслов, заложенных интенциональной режиссурой и творческим потенциалом определенного этноса.

Таким образом, только при условии всестороннего и внимательного исследования возможно получить доступ к имплицитной информации, а этот этап является самым важным, поскольку именно с помощью данной информации открывается доступ к тонкостям этнокультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-прагматическая фразеология как лингвистическая проблема: монография / Н.Ф. Алефиренко. — 3-е изд., стер. — М.: Флинта, 2019. — 192 с.
2. Арсентьева Ю.С. Сигнификативно-денотативный компонент значения фразеологизмов-эвфемизмов английского и русского языков / Ю.С. Арсентьева // Вестник ТГГПУ. — 2012. — №1. — С. 5–8.
3. Басаева А.Б. Взаимодействие человека и Бога во фразеологизмах / А.Б. Басаева, В.Т. Дзахова // Гуманитарный научный журнал. — 2025. — № 7. — С. 205–210.
4. Бесолова Е.Б. Кæнгæ (æфсымæр, лæппу, фырт, чызг, фыд, хо): древнейший обряд побратимства / Е.Б. Бесолова // Алания от А до Я / Северо-осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева — филиал ФГБУ науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр РАН». — Владикавказ: Проект-Пресс, 2021. — С. 183–186.
5. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста / И.В. Гюббенет. — Изд. 2-е, доп. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 208 с.
6. Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения / И.В. Зыкова. — Изд. 3-е, стереотип. — М.: ЛЕНАНД, 2022. — 376 с.
7. Карасик В.И. Пралогическая коммуникация / В.И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2024. — № 1. — С. 137–147. — DOI 10.29025/2079-6021-2024-1-137-147.
8. Кодзати И.А. Источники возникновения фразеологической единицы в осетинском языке / И.А. Кодзати // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2–3. — С. 97.
9. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. — М.: Высш. шк.; Дубна: Издател. центр «Феникс», 1996. — 351 с.
10. Лаптева М.Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Лаптева Мария Леонидовна. — Волгоград, 2013. — 46 с.
11. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений / В.А. Маслова. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
12. Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс / В. Нёт // Критика и семиотика / ред. И.В. Силантьев, Ю.В. Шатин. — Новосибирск, 2001. — Вып. 3-4. — С. 5–32.
13. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. — 250 с.
14. Салбиев Т.К. Святость осетинской надочажной цепи (истоки и семантика культа) / Т.К. Салбиев // Вестник Владикавказского НЦ РАН. — 2019. — №4. — С. 23–29.
15. Стебунова К.К. Косвенно-производная номинация как предмет теории межкультурной коммуникации / К.К. Стебунова // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 5. — С. 554.
16. Цопанова Р.Г. Отражение этносознания в экспрессивных конструкциях осетинского языка / Р.Г. Цопанова, Ю.Д. Каражаев // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2005. — № S10. — С. 92–97.

17. Швец Э.И., Соколова Г.Г. Специфика знаковой природы фразеологических единиц в аспекте формирования фразеологического значения (на материале фразеологических единиц французского языка с компонентом-этнонимом) / Э.И. Швец, Г.Г. Соколова // Litera. — 2017. — №3. — С. 98–105.
18. Peirce Ch.S., Collected Papers of Charles Sanders Peirce, Harvard University Press, vol. 1 — 6, 1931–1935; vol. 7 — 8, 1958) (vol. 1) Режим доступа: https://colorysemiotica.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/08/peirce-collectedpapers.pdf.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

19. Дзабиты З.Т. Фразеологический словарь осетинского языка. Более 7000 фразеологических единиц / З.Т. Дзабиты. — 2-е издание, дополненное. — Цхинвал, Владикавказ: ИПЦ ИП Цопановой А.Ю., 2018. — 598 с.
20. Осетинско-русско-английский словарь. Часть 1 / Под ред. Т.А. Гуриева. — Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. — 530 с.

REFERENCES

1. Alefirenko N.F. (2019). Kognitivno-pragmaticheskaya frazeologiya kak lingvisticheskaya problema: monografiya [Cognitive-pragmatic phraseology as a linguistic problem: monograph] 3-e izd., ster. p. 192 Moscow: Flinta. (In Russian).
2. Arsent'eva YU.S. (2012). Signifikativno-denotativnyi komponent znacheniya frazeologizmov-ehvfemizmov angliiskogo i russkogo yazykov [The significative-denotative component of the meaning of phraseological units-euphemisms of English and Russian languages]. Vestnik TGGPU, 1, 5–8 (In Russian).
3. Basaeva A.B., Dzahova V.T. (2025). Vzaimodejstvie cheloveka i Boga vo frazeologizmah [The interaction of man and God in phraseological units]. Gumanitarnyj nauchnyj zhurnal, № 7, pp. 205-210 (In Russian).
4. Besolova E.B. (2021). Kængæ (æfsymær, læppu, fyrt, chyzg, fyd, kho): drevneishii obryad pobratimstva / [Sworn (brother, son, daughter, father, sister): the oldest ritual of fraternization]. Alaniya ot A do YA. Severo-osetinskii institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovanii im. V.I. Abaeva — filial FGBU nauki Federal'nogo nauchnogo tsentra "Vladikavkazskii nauchnyi tsentr RAN". (pp.183-186). Vladikavkaz: Proekt-Press. (In Russian)
5. Gyubbenet I.V. (2010). Osnovy filologicheskoi interpretatsii literaturno-khudozhestvennogo teksta. [Fundamentals of philological interpretation of literary and artistic text]. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM». (In Russian)
6. Zykova I.V. (2022). Kontseptosfera kul'tury i frazeologiya: Teoriya i metody lingvokul'turologicheskogo izucheniya. [Cultural Conceptosphere and Phraseology: Theory and methods of linguistic and cultural studies] Izd. 3-e, stereotip. 376, M.: LENAND. (In Russian)
7. Karasik V.I. (2024). Pralogicheskaya kommunikatsiya [Pralogical communication] Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. № 1. (pp. 137–147). http://DOI 10.29025/2079-6021-2024-1-137-147. (In Russian)
8. Kodzati I.A. (2015). Istochniki vozniknoveniya frazeologicheskoj edinicy v osetinskom yazyke [Sources of the origin of the phraseological unit in the Ossetian language] Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya 97, № 2–3. (In Russian)
9. Kunin A.V. (1996). Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka. [Modern English Phraseology Course], 351, Moscow: Vyssh. shk.; Dubna: Izdatel. tsentr «FenikS». (In Russian)
10. Lapteva M.L. (2013). "Svoe" i "CHuzhoe" v kognitivno-diskursivnom prostranstve russkoj frazemiki ["One's Own" and "Alien" in the cognitive-discursive space of Russian phrasemics], 46, special'nost' 10.02.01 "Russkij yazyk" : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskih nauk. Volgograd (In Russian)
11. Maslova V.A. (2001). Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb, zavedenii. [Cultural linguistics: Study guide for university students], 208, M.: Izdatel'skii tsentr «AkademiYA» (In Russian).
12. Net V. (2001). Charl'z Sanders Pirs [Charles Sanders Peirce]. Kritika i semiotika (ed. Silant'ev I.V., Shatin YU.V.) (pp. 5-32) Vyp. 3-4. Novosibirsk (In Russian).
13. Popova Z.D., Sternin I.A. (2007). Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka. Monografiya.[Semantic and cognitive analysis of language. The monograph] 250, Voronezh: izd-vo «IstokI» (In Russian)
14. Salbiev T.K. (2019). Svyatost' osetinskoi nadochazhnoi tsepi (istoki i semantika kul'ta) [The sacredness of the Ossetian fire-place chain (the origin and semantics of the cult)]. Vestnik Vladikavkazskogo NTS RAN. №4 (In Russian)

15. Stebunova K.K. (2014). Kosvenno-proizvodnaya nominatsiya kak predmet teorii mezhkul'turnoi kommunikatsii [Indirect-derived nomination as a subject of the theory of intercultural communication], 554, № 5, Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. (In Russian)
16. Tsopanova R.G., Karazhaev YU.D. (2005). Otrazhenie etnosoznaniya v ekspressivnyh konstrukciyah osetinskogo yazyka [Reflection of ethnic consciousness in expressive constructions of the Ossetian language] R№ S10 (pp. 92-97) Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki (In Russian).
17. Shvets EH.I., Sokolova G.G. (2017). Spetsifika znakovoi prirody frazeologicheskikh edinits v aspekte formirovaniya frazeologicheskogo znacheniya (na materiale frazeologicheskikh edinits frantsuzskogo yazyka s komponentom-ehtnonimom) [The specificity of the symbolic nature of phraseological units in the aspect of the formation of phraseological meaning (based on the material of phraseological units of the French language with an ethnonym component)] №3, Litera (In Russian).
18. Peirce Ch.S. (1958) Collected Papers of Charles Sanders Peirce, Harvard University Press, (vol. 1) (In English).

Поступила в редакцию *30.10.2025 г.*

MECHANISMS AND COGNITIVE-PRAGMATIC MOTIVES FOR ESTABLISHING THE BOUNDARIES OF "ONE'S OWN" AND "ALIEN" (BASED ON THE MATERIAL OF OSSETIAN PHRASEOLOGICAL UNITS)

I.I. Skripay

This article is devoted to the problem of identifying hidden ethnocultural information contained in the phraseological corpus of the Ossetian language. In this scientific research, the methods of lexicographic analysis, linguistic observation, and continuous sampling are used. By studying the internal form and figurative component in phraseology, it is possible to turn to the encoded cultural elements, mechanisms of phraseosemiosis, characteristic of Ossetian linguoculture. Within the framework of this work, it was possible to identify denotative-significative, connotative and interpretative-evaluative components, with the help of which the inner structure of phraseological units is built, which made it possible to note the specifics of ethnocultural intentional directing, as well as the interpretation of available information. Based on the results of the study, the methods of identifying implicit information formed with the help of the creative ability of linguistic units to represent the worldview system through perceptual and cognitive components are highlighted.

Key words: implicit information, phraseosemiosis, internal structure, phraseology, Ossetian language, linguoculture, perception, ethnoculture, interpretation.

Скрипай Инна Игоревна.
Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, Российская Федерация, г. Владикавказ.
Старший преподаватель кафедры романо-германских языков.
ORCID 0009-0008-5028-7704.
E-mail: ii.skripay@yandex.ru.

Skripay Inna Igorevna.
North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, The Russian Federation, Vladikavkaz

Assistant Professor.

ORCID 0009-0008-5028-7704.
E-mail: ii.skripay@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 159.9
DOI: 10.5281/zenodo.18098778

ФЕНОМЕН МАНИПУЛЯТИВНОГО ОБЩЕНИЯ В АСПЕКТЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© **2025** ***П.А. Побокин[1], Г.Г. Слышкин[1, 2]***
[1]Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
[2]Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко»
[1]ORCID: 0000-0002-7814-0463
[2]ORCID: 0000-0001-8121-0250

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Исследование посвящено изучению психологических механизмов и эффектов манипулятивного воздействия на личность. В эмпирической статье рассматривается специфика понятий «манипуляция» и «внушение» как феноменов психологического влияния на личность. Проанализированы основы изучения манипулятивного общения в межличностных отношениях. Подробно описаны типы манипуляторов. Использованы стандартизированные психодиагностические инструменты, позволяющие выявить индивидуальные особенности восприятия и реакции на манипулятивные воздействия. В пилотажном исследованиий приняли участие 155 респондентов. Достоверность различий по показателям манипулирования, внушаемости, самооценки и саморегуляции подтверждена статистическим критерием Стьюдента для независимых выборок. Применение факторного анализа позволило выявить основные факторы, влияющие на восприятие участниками экспериментов манипулятивных воздействий. Результаты исследования могут быть использованы в психокоррекционной терапии и в информационно-просветительской деятельности среди молодежи.

Ключевые слова: манипуляции, саморегуляция, базовые свойства, уровень самооценки, внушаемость, психика.

Для цитирования: Побокин П.А. Феномен манипулятивного общения в аспекте межличностных отношений / П.А. Побокин, Г.Г. Слышкин, // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 219–227. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18098778.

Введение. Изучение психологических механизмов манипуляций является важной задачей современной психологической науки ввиду возрастающей роли манипулятивных техник в различных сферах жизни общества — коммуникации, рекламе, масс-медиа, управлении персоналом, семейных отношениях и др. Повышение эффективности противодействия негативным последствиям манипуляций требует глубокого анализа теоретико-методологических подходов и эмпирического изучения феноменов манипуляции. Психология манипуляций играет важную роль в развитии способности критически мыслить. Люди ежедневно сталкиваются с огромным количеством

информации, среди которой легко потеряться. Осознавая принципы и приемы манипуляции, человек учится анализировать получаемую информацию, оценивать её достоверность и проверять скрытые мотивы тех, кто пытается повлиять на его решения. Анализ специфики манипулятивного поведения продолжает оставаться актуальным направлением научного интереса, поскольку подобные практики повсеместно встречаются в обыденной жизни и оказывают существенное воздействие на продуктивность человеческих взаимоотношений. Изучение психологии манипуляций позволяет не только защитить себя от негативного внешнего воздействия, но и способствует развитию социальной компетентности, укреплению личной независимости и повышению уровня осознанности поведения. Манипуляции нередко вызывают негативные последствия, включая утрату взаимного доверия, возникновение разногласий и усиление конфликтных ситуаций, вследствие чего крайне значимо проведение углубленного исследования тех способов и стратегий, которыми субъекты пользуются для оказания воздействия друг на друга. Подобное изучение позволит выделить отличительные признаки и поведенческие шаблоны, сигнализирующие о манипулятивном поведении, и создать научно обоснованные методики их идентификации и нивелирования.

Цель данного исследования состоит в исследовании характерных черт манипулятивного поведения в рамках межличностных коммуникаций.

Объект исследования охватывает межличностные связи среди членов общества, включающие процессы коммуникации и взаимодействия в многообразии жизненных ситуаций.

Предмет исследования — психологическое воздействие манипуляции на самооценку и эмоции участников коммуникативного процесса.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что манипулятивное общение, характеризующееся определенными стратегиями (например, газлайтингом или эмоциональным шантажом), оказывает негативное влияние на межличностные отношения, особенно в случаях, когда жертва обладает низкой самооценкой и недостаточными навыками распознавания манипуляций, а манипулятор имеет выраженные нарциссические черты личности.

Задачи исследования — проверить гипотезу о зависимости между подчинением манипуляциям и факторами формирования личности.

Методы исследования: анализ научной литературы по проблеме исследования, анкетирование и тестирование, качественная и количественная обработка данных, математико-статистическая обработка данных.

Методики исследования:

1) опросник самооценки Уайнхолд;
2) шкала «Макиавеллизм» (MACH IV);
3) шкала произвольной саморегуляции (EATQ-R);
4) методика определения степени внушаемости С.В. Клаучека.

Выборка испытуемых: в эмпирическом исследовании приняли участие 80 мужчин и 75 женщин в возрасте от 18 до 45 лет. Средний возраст (M) респондентов составил — 28 лет. Все испытуемые приняли участие в исследовании при соблюдении принципов конфиденциальности и добровольности.

Под манипуляцией подразумевают совокупность различных способов воздействия на чужое мышление [7]. Это, по сути, развитое умение, требующее от манипулятора глубокого понимания психологии и способности находить индивидуальный подход к каждому. Для достижения желаемого результата он постоянно меняет свою маску, создавая новый образ. Многие люди не осознают, насколько распространены и разнообразны техники

манипулирования, и что они, возможно, ежедневно подвергаются чужому влиянию. Причина кроется в скрытности, свойственной подобным воздействиям. Освоить все методы непросто, однако даже знание нескольких может позволить контролировать действия другого человека. Американский психолог Э. Шостром предостерегает от использования манипуляций как привычного способа взаимодействия, даже в ситуациях, когда это кажется безобидной игрой, призванной разрешить неприятную ситуацию [10]. Постоянное прибегание к манипуляциям чревато разрушением личности, поскольку все внутренние ресурсы направлены на контроль над другими людьми. Для того, кто подвергается манипуляциям, ситуация становится невыносимой из-за ощущения подавления и ощущения себя лишь инструментом в руках другого. Что же заставляет людей выбирать манипуляции в качестве инструмента для достижения своих целей? Какие факторы этому способствуют? В своем анализе Э. Шостром [10], опираясь на работы других исследователей, выделил ряд возможных причин: внутренняя борьба (Ф. Перлз), отсутствие веры в окружающих, неспособность испытывать любовь (Э. Фромм), чувство полной безысходности (экзистенциализм), страх перед близостью в отношениях (Дж. Хейли, Э. Берн, В. Глассер) и слепое желание угодить всем (А. Эллис).

По мнению Э. Шострома, манипуляторы делятся на несколько типов.

- Активные манипуляторы. Эти люди испытывают неуверенность в себе и предпочитают перекладывать ответственность за все на других, чтобы иметь возможность ими управлять. Некоторые из них, стремясь к признанию и любви, пытаются добиться власти над окружающими, используя хитрость и обман.
- Пассивные манипуляторы. Они настолько боятся критики, что стараются угодить всем, или же, когда сталкиваются с трудностями, предпочитают пассивно принимать происходящее, словно говоря: «Делайте со мной что хотите!».
- Соревнующиеся манипуляторы. Для них жизнь — это непрекращающаяся борьба, в которой они видят себя как бойца. Они воспринимают деловых партнеров как соперников или противников, реальных или потенциальных.
- Безразличные манипуляторы. Эти люди создают видимость безразличия и отстраненности, избегая активного взаимодействия. Манипулятор должен хорошо разбираться в людях, быть чутким к их настроению и эмоциональному состоянию. Под влияние такого человека может попасть любой [10].

Однако степень восприимчивости к манипуляциям зависит от индивидуальных особенностей. Существуют люди, на которых практически невозможно воздействовать — это, как правило, сильные и проницательные личности со специфическими психическими качествами, с которыми манипуляторы стараются не пересекаться, так как их скрытые намерения сразу становятся очевидными. В определенной степени, любой манипулятор — это психолог, поскольку он оценивает «потенциал» жертвы, выявляет ее слабые и сильные стороны характера и темперамента.

Психологи, изучающие корни манипулятивного поведения, сходятся во мнении, что ключевым фактором является дефицит доверия [2; 5]. Часто манипулятор не уверен в себе и подсознательно верит, что его благополучие зависит от других. Это подталкивает его к действиям, направленным на то, чтобы держать людей в своей власти. Кроме того, психологи утверждают, что неспособность к искренней любви также может быть причиной манипуляций. Они считают, что здоровые отношения основаны на любви, которая подразумевает безусловное принятие и уважение к личности. Для манипуляторов такие отношения недостижимы из-за «узкого взгляда», мешающего им объективно оценивать окружающих.

Любовь, в свою очередь, воспринимается ими как сложная задача, победа в которой требует усилий. Тому, кто не готов прилагать эти усилия, остается лишь стремление к полному контролю над другим человеком. Многие прибегают к манипуляциям, ощущая собственную уязвимость и испытывая страх перед глубокими личными связями. Этот страх особенно силен у тех, кто остро переживает чувство неполноценности, предпочитая формальные контакты искреннему общению.

Зачастую действия людей, использующих манипуляции, обусловлены их приверженностью общепринятым нормам, например, стремлением заслужить одобрение окружающих.

Возможные побуждения манипулятора включают:

- стремление к достижению собственных целей и получению выгоды;
- потребность в ощущении превосходства над другими;
- желание доминировать и обладать властью;
- повышение самооценки;
- получение удовольствия от контроля над другим человеком и прочие.

Исследователи, изучающие манипулятивное воздействие, выявили ряд психологических факторов, лежащих в основе этого явления [3; 4; 9]. Б.С. Братусь уделял значительное внимание вопросам личностного роста и зрелости, в частности проблемам манипулятивного поведения. В своих работах он подчёркивал связь между эгоизмом и использованием манипуляций для удовлетворения собственных нужд. По мнению Братуся, осознание человеком собственной ценности и смысла жизни снижает потребность в манипуляциях, позволяя строить честные и доверительные отношения [1]. А.Н. Леонтьев изучал проблемы активности субъекта и саморегуляции поведения. Один из аспектов его работ касается вопроса о степени свободы выбора и автономии личности. Манипуляторы, согласно взглядам Леонтьева, стремятся снизить степень самостоятельности жертвы, ограничивая её способность принимать решения самостоятельно [6]. Э. Шостром в своих работах подчеркивал деструктивный характер этих причин, сопоставляя манипуляцию с самоактуализацией и выделяя психологические корни манипулятивного поведения [10].

Манипуляторы зачастую испытывают недоверие как к себе, так и к другим, что заставляет их постоянно стремиться к контролю над ситуацией. Например, руководитель-манипулятор обычно не доверяет своим подчиненным, разрабатывая жесткие инструкции и требуя их неукоснительного выполнения, лишая сотрудников самостоятельности.

Манипулируя, человек может пытаться компенсировать отсутствие любви, заменяя ее властью, приобретенной насильственным путем [8]. В основе этого лежит ошибочное убеждение, что «чем совершеннее личность, тем больше она заслуживает любви». Многие люди сегодня соглашаются заменить признание и любовь подчинением.

Демонстрация пассивности также может служить инструментом манипуляции, часто возникающим из-за чувства беспомощности перед лицом жизненных проблем. Желание избежать открытого общения и боязнь межличностных контактов — еще одна распространенная психологическая причина манипуляций.

Результаты эмпирического исследования. Большинство респондентов имеют среднюю самооценку, причем этот показатель значительно выше среди женщин (55%) по сравнению с мужчинами (17,8%). Это может свидетельствовать о тенденции к большему количеству самокритики и стремлению к балансу в восприятии собственных качеств среди женщин. Низкий уровень самооценки встречается крайне редко, особенно среди мужчин, где вообще отсутствуют респонденты с таким показателем. Среди

женщин эта цифра также минимальна (2,3%), что свидетельствует о достаточно высоком общем уровне принятия себя. Подробные результаты представлены на рис. 1.

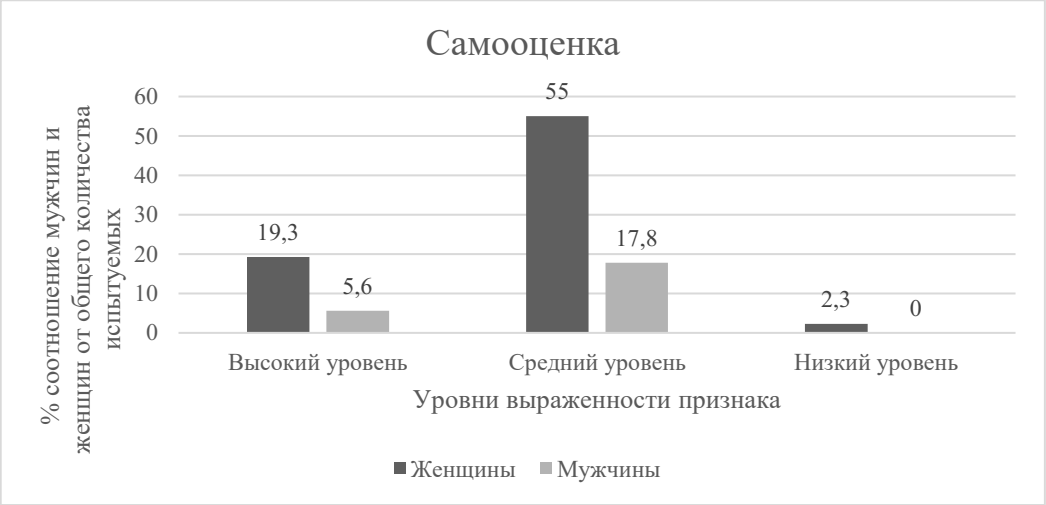


Рисунок 1. Результаты диагностики самооценки мужчин и женщин по методике опросника самооценки Уайнхолда

Достоверность различий по показателям самооценки между мужчинами и женщинами была подтверждена статистическим критерием t Стьюдента для независимых выборок ($t_{эмп}=3,6> t_{кр}=1,9$, $p \leq 0,05$).

Средний уровень саморегуляции преобладает среди большинства участников исследования. Особенно ярко это проявляется среди женщин (78,5%), что существенно превосходит аналогичный показатель среди мужчин (15,2%). Это может указывать на стремление многих женщин находить баланс между эмоциональностью и рациональностью, поддерживая умеренный контроль над своими эмоциями и поведением.

Высокого уровня саморегуляции достигают лишь незначительное число опрошенных. Подробные результаты представлены на рис. 2.

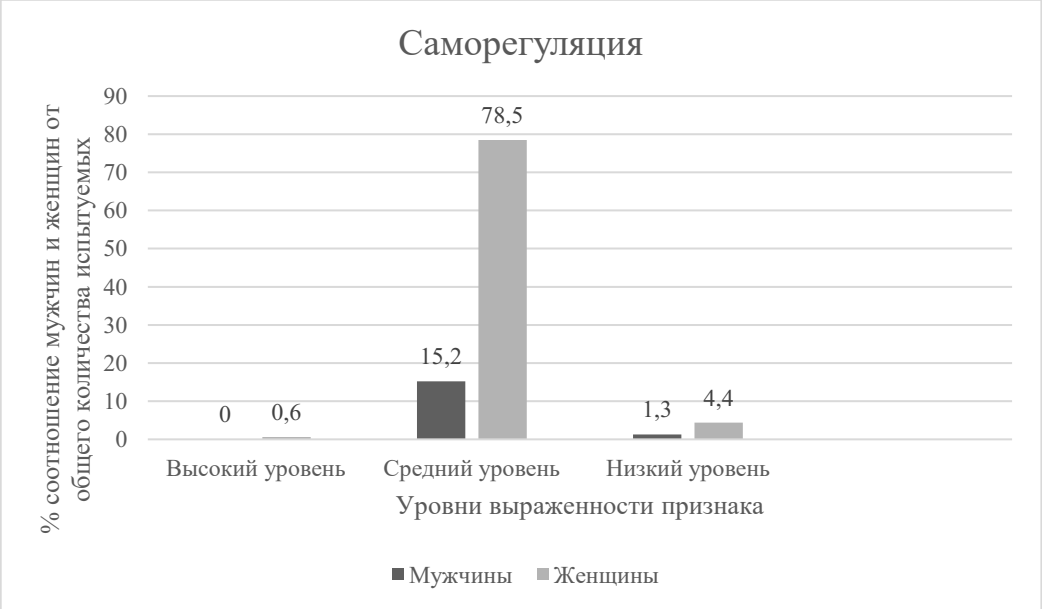


Рисунок 2. Результаты диагностики произвольной саморегуляции по шкале произвольной саморегуляции (EATQ-R)

Достоверность различий по показателям саморегуляции между мужчинами и женщинами была подтверждена статистическим критерием t Стьюдента для независимых выборок ($t_{эмп}=2,1> t_{кр}=1,9$, $p \leq 0,05$).

Средняя степень внушаемости доминирует среди обеих групп опрошенных, однако у женщин этот показатель гораздо выше (64,1%), чем у мужчин (16%). Такой высокий процент может отражать общую готовность женщин воспринимать и усваивать новую информацию и советы окружающих, одновременно сохраняя критическое мышление.

Высокий уровень внушаемости встречается реже, но всё же значительное число женщин (15,4%) отличается повышенной восприимчивостью к мнению окружения и подверженностью влиянию извне. Мужчин с подобной чертой намного меньше (2,6%), что указывает на возможное различие в психологической устойчивости этих выборок. Подробные результаты представлены на рис. 3.

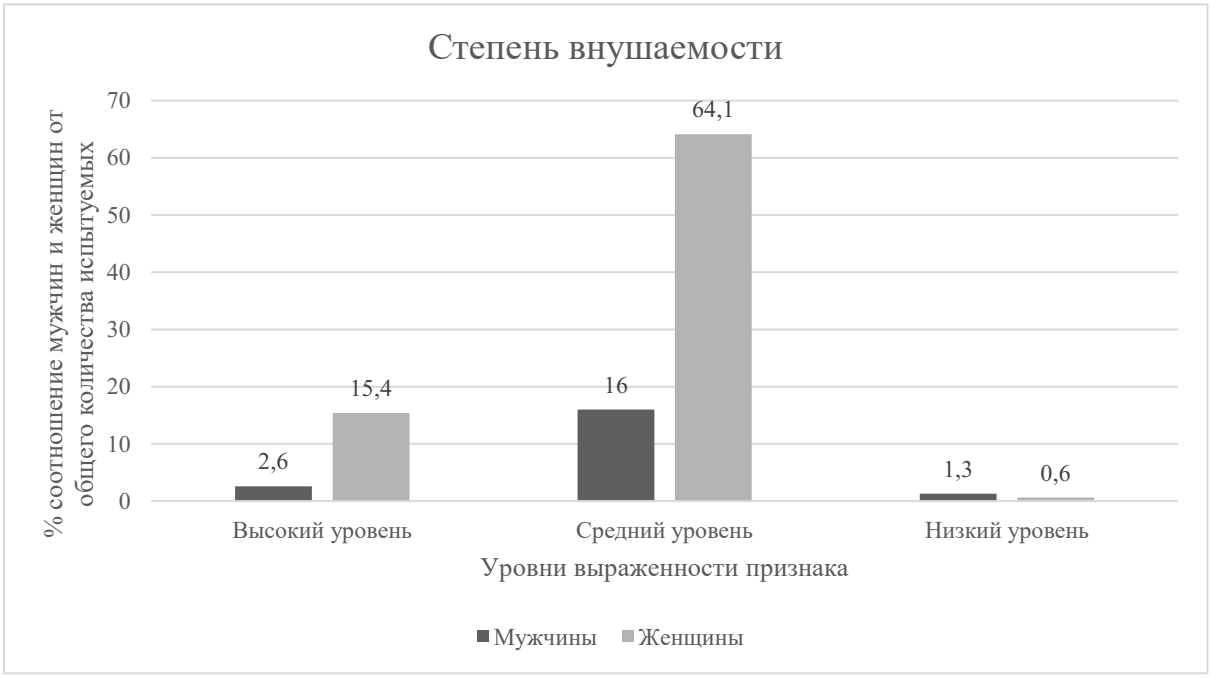


Рисунок 3. Результаты диагностики на определение степени внушаемости по методике определения степени внушаемости С.В. Клаучека

Достоверность различий по показателям внушаемости между мужчинами и женщинами была подтверждена статистическим критерием t Стьюдента для независимых выборок ($t_{эмп}=2,7> t_{кр}=1,9$, $p \leq 0,05$).

Большинство опрошенных продемонстрировали высокий уровень склонности к манипулированию. Среди женщин этот показатель достигает 40,3%, что говорит о сильной предрасположенности к определенному поведению. Среди мужчин этот показатель заметно ниже — всего 11,9%. Такое расхождение может объясняться различными факторами, такими как биологическая природа, влияние культуры и воспитания, а также личные предпочтения и жизненный опыт. Женщин со средним уровнем склонности к манипулированию примерно в 1,5 раза больше, чем мужчин. Эта разница может быть обусловлена несколькими причинами, такими как разные модели социализации, образовательные возможности и профессиональные перспективы, доступные женщинам и мужчинам. Подробные результаты представлены на рис. 4.

Рисунок 4. Результаты диагностики по определению склонности к манипулированию по шкале «Макиавеллизм»

Достоверность различий по показателям манипулирования между мужчинами и женщинами была подтверждена статистическим критерием t Стьюдента для независимых выборок ($t_{эмп}$=3,1> $t_{кр}$ =1,9, $p \leq 0,05$).

Факторный анализ использовался для упрощения сложной матрицы корреляций и выделения базовых измерений, которые наилучшим образом объясняют наблюдаемые различия в восприятии манипулятивных воздействий участниками эксперимента. Применение метода позволило свести исходные четыре показателя (уровень самооценки, уровень макиавеллизма, уровень произвольной саморегуляции и уровень внушаемости) к трем основным факторам, существенно упростившим интерпретацию результатов. По результатам обработки данных оказалось целесообразным выделение трех факторов, поскольку именно такое число обеспечивает максимальную долю объяснимой дисперсии (около 70%), при минимальном искажении исходных данных.

Фактор №1 «Самостоятельность и самодостаточность». Объясняет около 34.6% всей дисперсии. Включает высокие значения по показателям самооценки и произвольной саморегуляции. Индивидуумы с высоким уровнем самооценки и развитым контролем собственного поведения лучше защищены от попыток манипуляций и способны адекватнее реагировать на внешние стимулы.

Фактор №2 «Склонность к манипулятивности». Объясняет порядка 20.4% дисперсии. Объединяет высокий уровень по шкале макиавеллизма и низкую степень устойчивого внутреннего состояния. Индивиды с высоким показателем по этому фактору чаще сами прибегают к манипулятивным приемам и одновременно оказываются более восприимчивыми к манипуляциям со стороны.

Фактор №3 «Внушаемость». Объясняет приблизительно за 15.2% дисперсии. Связан с низкими показателями самооценки и повышенным уровнем уступчивости. Такие люди легко поддаются внешнему влиянию и обладают пониженной способностью критически оценивать поступающую информацию.

Заключение. Люди с заниженной самооценкой, как правило, сильно нуждаются в одобрении окружающих, боится вызвать негативные эмоции у других и часто действует с оглядкой на мнение посторонних. Они крайне уязвимы перед манипуляторами, ведь он

легко попадает под воздействие их провокаций, основанных на чувствах вины, страха или беспокойства. Заниженная самооценка мешает принимать самостоятельные решения, делая человека готовым соглашаться с любым предложенным решением. Напротив, уверенность в себе и своих выборах позволяет ясно обозначать границы допустимого и спокойно отказывать, если ситуация кажется неподходящей. Тем не менее, повышенная самооценка иногда сама становится причиной манипулятивного поведения: человек воспринимает управление другими как приемлемый инструмент для достижения своих целей.

Другим ключевым фактором выступает способность к саморегуляции. Люди с недостаточными навыками саморегуляции сталкиваются с проблемами в контроле своих эмоций и поведения. Под воздействием стресса они теряют способность мыслить ясно и начинают испытывать сильнейшее давление со стороны манипулятора, пытаясь избавиться от неприятного напряжения любыми способами. Однако, если человек владеет развитыми навыками саморегуляции, он справляется с внешними требованиями, сохраняет ясность ума и контролирует свои поступки. В таком случае у манипулятора намного меньше шансов повлиять на поведение и мысли человека. Люди, отличающиеся высокой внушаемостью, склонны принимать любое мнение и предложение без должного критического осмысления. Внешние влияния вызывают у них минимальные сомнения, они легко подчиняются воле манипулятора и не задумываются о последствиях. Противоположная картина наблюдается у людей с низким уровнем внушаемости: они недоверчиво оценивают любую информацию и предпочитают ориентироваться на собственные выводы и опыт, что обеспечивает дополнительную защиту от манипуляций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братусь Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. — Москва : Мысль, 1988. — 304 с.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. — М., 1997. — 344 с.
3. Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: Смысл, приемы, последствия / Ю.А. Ермаков. — Екатеринбург: УрГУ, 1995. — 208 с.
4. Журавлев А.Л. Психологическое воздействие. Механизмы, стратегии, возможности противодействия / А.Л Журавлев, Н.Д. Павлова. — М.: Институт психологии РАН, 2012. — 368 с.
5. Знаков В.В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания / В.В. Знаков // Вопросы психологии. — 1993. — № 2. — С. 9–16.
6. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. — М.: Издательство МГУ, 1981. — 584 с.
7. Львов Д.Е. Метод активного социально-психологического воздействия / Д.Е. Львов — Ижевск: ERGO, 2007. — 124 с.
8. Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию / Е.В. Сидоренко. — СПб., 2004. — 125 с.
9. Чалдини Р. Психология влияния / Р. Чалдини. — СПб.: Питер, 2014. — 270 с.
10. Шостром Э. Человек-манипулятор / Э. Шостром. — Эксмо-Пресс, 2002. — 190 с.

REFERENCES

1. Bratus` B.S (1988). Anomalii lichnosti [Personality anomalies]. M.: My`sl`, 304 p. (In Russian).
2. Docenko E.L (1997). Psixologiya manipulyacii: fenomeny`, mexanizmy` i zashhita [Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms, and Protection]. M., 344 p. (In Russian).
3. Ermakov Yu.A (1995). Manipulyaciya lichnost`yu: Smy`sl, priemy`, posledstviya [Personality Manipulation: Meaning, Techniques, and Consequences]. Ekaterinburg: UrGU, 208 p. (In Russian).
4. Zhuravlev A.L., Pavlova N.D. (2012). Psixologicheskoe vozdejstvie. Mexanizmy`, strategii, vozmozhnosti protivodejstviya [Psychological impact. Mechanisms, strategies, and countermeasures]. M.: Institut psixologii RAN, 368 p. (In Russian).
5. Znakov V.V (1993). Nepravda, lozh` i obman kak problemy` psixologii ponimaniya [Untruth, lies, and deception as problems in the psychology of understanding]. Voprosy` psixologii. № 2, 9–16. (In Russian).

6. Leont`ev A.N. (1981). Problemy` razvitiya psixiki [Problems of mental development]. M.: Izdatel`stvo MGU, 584 p. (In Russian).
7. L`vov D.E (2007). Metod aktivnogo social`no-psixologicheskogo vozdejstviya [The method of active socio-psychological impact]. Izhevsk: ERGO, 124 p. (In Russian).
8. Sidorenko E.V. (2004). Trening vliyaniya i protivostoyaniya vliyaniyu [Influence and resistance training]. SPb, 125 p. (In Russian).
9. Chaldini R. (2014). Psixologiya vliyaniya [Psychology of influence]. SPb.: Piter, 270 p. (In Russian).
10. Shostrom E`.(2002). Chelovek-manipulyator [The manipulative man], E`ksmo-Press, 190 p. (In Russian).

THE PHENOMENON OF MANIPULATIVE COMMUNICATION IN THE ASPECT OF INTERPERSONAL RELATIONS

P.A. Pobokin, G.G. Slyshkin

The study deals with the study of psychological mechanisms and effects of manipulative influence on the individual. The empirical article examines the specifics of the concepts of "manipulation" and "suggestion" as phenomena of psychological influence on the individual. The foundations of the study of manipulative communication in interpersonal relations are analyzed. The types of manipulators are described in detail. Standardized psychodiagnostic tools are used to identify individual characteristics of perception and reaction to manipulative influences. A pilot study involved 155 respondents. The reliability of the differences in manipulation, suggestibility, self-esteem, and self-regulation was confirmed by the Student's t-test for independent samples. The use of factor analysis allowed us to identify the main factors that influence the participants' perception of manipulative influences. The results of this study can be used in psychocorrectional therapy and in informational and educational activities among young people.

Key words: manipulation, self-regulation, basic properties, self-esteem level, suggestibility, psyche.

Побокин Павел Анатольевич.
Кандидат психологических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва.
Доцент кафедры психологии безопасности, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия».
ORCID 0000-0002-7814-0463.
E-mail: pobokin-pa@ranepa.ru.

Pobokin Pavel Anatolevich .
Candidate of Psychology, Associate Professor
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Moscow.

Associate Professor at Department of Psychology of Security, Senior Scientific Researcher of the Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact».
.
ORCID 0000-0002-7814-0463.
E-mail: pobokin-pa@ranepa.ru.

Слышкин Геннадий Геннадьевич.
Доктор филологических наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва.
Заведующий научно-исследовательской лабораторией «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности.
Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко.
Главный научный сотрудник
ORCID 0000-0001-8121-0250.
E-mail: slyshkin@ranepa.ru.

Slyshkin Gennady Gennadievich.
Doctor of Philology, Professor
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Moscow.

Head of the Centre for Linguistics and Professional Communication, Head of the Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Information Impact», Institute of Law and National Security.
N.A. Semashko National Research Institute of Public Health.
Chief Researcher
ORCID 0000-0001-8121-0250.
E-mail: slyshkin@ranepa.ru.

Научная статья
УДК 316.6+159.9
DOI: 10.5281/zenodo.18098827

КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВО В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

© 2025 ***Н.М. Романова[1], К.А. Киселев[2]***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
ORCID[1]: 0000-0002-9444-8812
ORCID[2]: 0000-0001-6399-5656

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена социально-психологическому анализу феномена мошенничества в отношении несовершеннолетних посредством использования дистанционных технологий. В настоящее время отмечается рост числа подобного вида преступлений. Материалы и методы исследования: кейс-стади, контент-анализ публикаций в средствах массовой информации, частотный анализ, обобщение. Эмпирическая выборка: материалы интернет-СМИ за последние три года, посвященные случаям дистанционного мошенничества в отношении несовершеннолетних (N=70), средний возраст жертв = 12,24 года. Результаты исследования: были установлены когнитивные (манипулирование авторитетом, формирование «альтернативной реальности», постепенное вовлечение, «эффект социального доказательства», эксплуатация когнитивных ошибок, использование лжи, смс-спуфинг и фишинг), эмоциональные (манипулирование чувствами страха и вины, манипулирование любовью к ближним и дружбой, эмоциональное давление, угрозы, эксплуатация эмоционально-волевой незрелости подростка или ребенка) и поведенческие (формирование подчиняющейся модели поведения, изоляция, требование от подростка совершения четких алгоритмизированных действий, создание дефицита времени, эскалация вовлечения, постепенное усиление требований, физический контакт) аспекты психологического воздействия в ситуации кибермошенничества в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: психологическое воздействие, психологическое манипулирование, кибермошенничество, киберпреступность, дистанционное мошенничество, социальная инженерия.

Для цитирования: Романова Н.М. Кибермошенничество в отношении несовершеннолетних: социально-психологический анализ психологического воздействия / Н.М. Романова, К.А. Киселев // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 228–239. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18098827.

Введение. По мере развития цифровых технологий увеличивается уровень киберпреступлений, направленных не только на взрослых, но и на детей и подростков. Мошенники, используя различные методы психологического воздействия, манипулируя доверием и наивностью детей и подростков, вовлекают их в противоправную деятельность в качестве жертв.

Цифровая среда для подростков поколения Z является продолжением физического мира, посредством которой реализуются приоритетные задачи развития: социализация, коммуникация, самореализация [2]. Отсюда следует особая опасность

для несовершеннолетних интернет-пространства в случае включения в нее криминальных элементов.

В настоящее время отдельно выделяется феномен дистанционного мошенничества, под которым понимается криминальное деяние, совершённое без прямого физического контакта с жертвой, с целью хищения ее имущества [7].

Так, по данным МВД РФ за 5 месяцев 2025 года рост числа мошеннических действий в сети Интернет против несовершеннолетних составил 25% по сравнению с тем же периодом прошлого года [4], причем жертвами стали более 3000 детей и подростков [5]. По сведениям ТАСС, уровень проникновения данного вида преступлений в подростковую среду довольно высок: порядка 2/3 несовершеннолетних сталкивались в интернете с «попытками мошенников получить денежные переводы, взломать их аккаунты или завладеть другой личной информацией» [15]. Установлено, что телефонные мошенники похищают со счетов россиян от трех до пяти миллиардов рублей каждый месяц [13].

Опасность кибермошенничества в отношении несовершеннолетних связано еще с тем, что, согласно данным лаборатории Касперского, большинство родителей не знают, чем занимаются их дети в сети Интернет [21], а треть родителей не осведомлены о том, какая информация об их детях есть в открытом доступе в интернете.

Проблема исследования. В настоящее время феномен дистанционного мошенничества в отношении несовершеннолетних рассмотрен в недостаточной степени. Преобладают работы, посвященные социально-психологическим особенностям взрослых лиц, ставших жертвами данного вида преступлений [19].

Однако при этом З.А. Шогенов подчеркивает, что несовершеннолетние чаще чем взрослые становятся жертвами различного рода мошеннических действий в сети Интернет, таких как кражи личных данных [23].

Д.А. Колодкина, Н.В. Дворянчиков, К.Н. Дворянчикова отмечают, что несовершеннолетние жертвы телефонного мошенничества часто демонстрируют гиперсоциальное поведение: они доброжелательны, готовы помочь другим и склонны доверять авторитетам (например интернет-мошеннику, представляющемуся сотрудником правоохранительных органов). Для них также характерны низкий уровень критичности в оценке потенциально рискогенной ситуации, склонность к необдуманным действиям, зависимость от мнения окружающих, снижение планирования действия в ситуации стресса [10].

Вариантом реализации киберпреступлений является социальная инженерия, представляющая собой вид криминального посягательства (кибератаки), который опирается на взаимодействие между людьми и их манипулирование в нарушение нормальной процедуры безопасности в целях получения доступа к цифровым системам, компьютерным сетям или получения финансовой выгоды [12].

Социальная инженерия состоит из ряда этапов: сбор данных объектах атаки, разработка легенды (повода), подготовка плана, проведение атаки и отчета [22].

Области применения социальной инженерии в отношении несовершеннолетних:

Фишинг представляет собой использование поддельных сайтов, имитирующих по внешнему виду безопасные интернет-порталы (сайты Портала государственных услуг Российской Федерации, электронной почты, социальных сетей, сервисов объявлений о купле-продажи и т. п.) [8]. В данном случае мошенники нацелены на неопытность несовершеннолетних, выманивая у них пароли от сервисов государственных услуг РФ, а также убеждая их отправить денежные средства на свои банковские счета за фиктивную продажу какого-либо товара.

Вишинг, введенный как термин К. Хэднеги [22], обозначает телефонное мошенничество, осуществляемое посредством [6; 8] попытки преступника выдать себя за представителей власти, сотрудников финансовых организаций, коллег с целью получения от несовершеннолетнего персональных данных его родителей или самой жертвы (номера платежных карт и коды доступа к личным кабинетам), или убеждения объекта посягательств в необходимости перевода денежных средств на реквизиты мошенников.

Спуфинг — это тактика, используемая в кибермошенничестве, при которой мошенники подделывают электронные сообщения, чтобы создать впечатление, что они исходят от надежных источников» [20]. При СМС-спуфинге мошенник пытается имитировать идентификатор реально существующего абонента, и отправлять сообщения от его имени [16, с. 17]. Email-спуфинг заключается фальсификации адреса отправителя в электронном письме с целью имитации сообщения от легитимного источника (например, банка, государственного учреждения или известного сервиса) [3]. Подобные действия могут совершаться как самими несовершеннолетними, вовлеченными в мошеннические схемы, так и в их отношении, когда они получают от киберпреступников СМС-сообщения от имени учебных организаций с требованиями пройти по ссылке и ввести пароли от государственных сервисов, что особенно актуально для учеников выпускных курсов [3].

Другой вариацией социальной инженерии являются электронные письма и сообщения с информированием о якобы наличии какого-либо выигрыша, для получения которого нужно оплатить «комиссию» или совершить другие подобные действия [1; 6], что ориентировано на азарт и любопытство подростков. Также часто встречающимся является так называемое «романтическое» мошенничество, совершаемое на сайтах знакомств, когда посредством психологического манипулирования совершается вымогательство посредством обмана у интернет-пользователей финансовых средств в качестве подарков [6;17].

Высокую опасность представляет онлайн груминг — сексуальные домогательства в сети Интернет, когда преступник, оказывая различные методы психологического воздействия, убеждает несовершеннолетние жертву отправить ему свои интимные фотовизуальные материалы, прийти к нему на встречу и совершить другие действия сексуального характера [18].

Мошенники, пытаясь достичь преступных целей, используют различные психологические уязвимости несовершеннолетних жертв (возрастную психическую незрелость детей и подростков, их склонность к рискованному поведению, доверчивость и отсутствие жизненного опыта).

Важным является понимание феномена психологического воздействия в ситуации совершения преступления. А.И. Папкин к феномену психологического воздействия относит спланированное, целенаправленное вмешательство в процессы психического отражения действительности личности [14, цит по: 11]. Психологическое манипулирование, в понимании Т.С. Кабаченко представляет собой скрытое психологическое воздействие с односторонними целями [9]. М.В. Кроз, Н.А. Ратинова и О.Р. Онищенко выделяют отдельный феномен — криминальное психологическое воздействие, который рассматривается в двух аспектах: «в узком смысле — как антиобщественное и деструктивное воздействие преступника на жертву во время или непосредственно перед совершением преступления; в широком смысле — как негативное влияние, целенаправленно или непреднамеренно оказываемое на других лиц или общество в целом, включая провоцирующее воздействие жертвы на преступника» [11, с. 37].

Малоизученной является проблема особенностей психологического воздействия преступников на детей и подростков в сети Интернет.

Цель исследования: изучить особенности психологического воздействия преступников на несовершеннолетних в ситуации кибермошенничества.

Материалы и методы исследования: кейс-стади, контент-анализ публикаций в средствах массовой информации, частотный анализ, обобщение.

Эмпирическая выборка: материалы интернет-СМИ за последние три года, посвященные случаям дистанционного мошенничества в отношении несовершеннолетних (N=70). Средний возраст жертв = 12,24 года, 67,14% (47 чел.) — мальчики, 32,86% (23 чел.) — девочки.

Среда воздействия мошенников на несовершеннолетних жертв: В 32,85% случаях использовался интернет-мессенджер (23 кейса), в 27,14% (19 кейсов) — телефонный звонок, в 14,28% случаях — комбинация из телефонных звонков и сообщений в мессенджерах (10 кейсов), в 10% случаях — социальные сети (7 кейсов), в 7,14% случаях — сайты объявлений (5 кейсов), в 5,71% случаях — внутриигровые чаты (4 кейса), в 2,88% случаях — СМС-спуфинг с ссылкой на фишинговый сайт (2 кейса).

Результаты исследования. Нами выделен ряд смысловых блоков в анализируемых случаях дистанционного мошенничества в отношении несовершеннолетних: личная безопасность (угроза со стороны мошенника в отношении самого подростка — 10 случаев, 14,28%), хобби (мошенничество с видеоиграми — 24 случая, 34,28%), учебная деятельность (фишинг с мошенническими сайтами для школьников — 4 случая, 5,71%), вовлечение в терроризм (6 случаев, 8,6%), финансовый интерес (обещание легких денег, лотерея, вовлечение в мошенничество самого подростка — 3 случая, 4,28%), сдача экзаменов (мошенничество с ЕГЭ или ОГЭ — 3 случая, 4,28%), мотивация защиты родителей и близких (10 случаев, 14,28%), личная жизнь (любовный интерес подростка, категория дружбы — 5 случаев, 7,14%), мошенничество в сфере частных объявлений коммерческого характера (обман связанный с работой, продажей подростком личных вещей (5 случаев, 7,14%).

Стоит отметить, что средняя сумма финансовых потерь в исследуемых случаях составила около 500 000 руб. Преимущественно денежные средства находились на личных счетах родителей, в то время как мошенники различными методами психологического воздействия убедили несовершеннолетних осуществить денежный перевод на счета мошенников.

А) Смысловой блок «Личная безопасность».

В случае угрозы личной безопасности подростка модус операнди преступников выглядит следующим образом. Преимущественно происходит многоуровневое (многоэтапное) мошенничество. У несовершеннолетних мошенники, представившись сотрудником официальной государственной структуры («работники» Минобразования, Минздрава, школы — завуч, директор, психолог и т.д.), посредством телефонного звонка или вызова в мессенджере выманивают код доступа к порталу государственных услуг или банковскому сервису, оформленному на родителей школьника (манипулирование авторитетом). После этого в дело вступают другие мошенники, которые представляются сотрудниками государственных структур (полиция, следственный комитет, ФСБ) и банков (эскалация психологического давления). Несовершеннолетнего обвинят в том, что им были совершены действия преступного характера (например, финансирование террористических формирований) и ему грозит уголовная ответственность (манипулирование чувством вины и страха, создание искусственной угрозы, рефрейминг, подмена реальности), кроме того, ему запрещают прямо или косвенно кому-либо из взрослых рассказывать о случившимся (социальная изоляция). Под предлогом закрытия уголовного дела либо защиты денежного счета, предложено

перевести деньги на указанный счет. В ряде случаев мошенники согласовывали личную встречу подростка с «курьером», которому он передавал ценные вещи и денежные средства. Основными каналами связи выступают личные телефонные звонки, СМС-спуфинг, сообщения в популярных мессенджерах.

Б) Смысловой блок «Хобби».

Другим видом дистанционного мошенничества являются различные формы эксплуатации преступниками тяги несовершеннолетних к удовольствиям и увеселению на примере онлайн-игр. В данном случае мошенники посредством внутри игрового чата либо мессенджера предлагают ребенку дешевле официального курса (принцип дефицита, манипулирование потребностью в удовольствии) купить виртуальной валюты для популярной онлайн-игры («Роблокс», «Геншин Импакт» и др.). Далее собеседник просит ввести банковские данные на специальном сайте либо сфотографировать для оплаты банковские карточки родителей, затем сообщить код из СМС, который приходит на мобильные телефоны родителей. В отдельных случаях после перевода денег с несовершеннолетним связывались лица, представившиеся сотрудниками правоохранительных органов, осуществляющие дальнейшее вовлечение ребенка в свои криминальные схемы (обвинение в финансирование терроризма самого ребенка или его родителей) и требовавшие сохранение тайны (метод социальной изоляции жертвы).

Для данной формы кибермошенничества характерно использование таких методов психологического воздействия, как постепенное увеличение количества требований («нога в двери»), имитация авторитета (ложный статус продавца), эксплуатация таких психологических уязвимостей несовершеннолетних как доверчивость, неопытность в финансовых вопросах и страх (опасение потерять выигрыш или выгодную сделку, вложенные ранее деньги), чувства вины (посредством обвинения ребенка в том, что он должен денег, в него вложили средства и он должен возместить ущерб), создание искусственной срочности. В некоторых случаях мошенники пишут от имени известного блогера или друга из интернет-сообщества фанатов видеоигры.

Наличие фишингового сайта, якобы торгующего виртуальной валютой, также оказывает психологическое воздействие в виде формирования впечатления о массовости участие других пользователей, а, значит безопасности сделки (техника социального доказательства по Р. Чалдини). В результате подобных действий дети переводят денежные средства на счет мошенников, в том числе посредством оформления кредитов. В случае, когда мошенники представлялись представителями правоохранительных органов применялись методы эскалации психологического давления, манипуляции властью и социальной изоляции жертвы.

В) Смысловой блок «Учебная деятельность».

Фишинг как форма кибермошенничества также применяется в ситуации с несовершеннолетними. Главным образом это касается старших подростков, готовящихся к выпускным экзаменам и поступлению в вуз. В данном случае используются сайты, имитирующие веб-порталы официальных учебных ресурсов. Несовершеннолетнему поступает телефонный звонок или СМС-сообщение, информирующее о необходимости зайти на сайт учебного заведения или портал государственных услуг. Перейдя на фишинговый сайт, несовершеннолетний теряет доступ к настоящему аккаунту. В дальнейшем к мошеннической схеме подключаются преступники, представляющиеся работниками Росфинмониторинга и сотрудниками правоохранительных органов, которые в итоге под угрозой уголовного преследования либо спасения финансовых средств требовали перевести их на банковский счет преступников. В некоторых случаях приезжает курьер с целью изъятия ценных вещей и денег под предлогом следственной проверки.

В качестве методов психологического воздействия использовались эскалация требований, манипулирование авторитетом представителей системы образования и правоохранительных органов, внушение страха (в связи с потерей доступа к личным данным, возможной уголовной ответственностью), эксплуатация психологической уязвимости несовершеннолетнего (неопытности, доверчивости, потребности в безопасности), социальное давление («несколько спецслужб»), социальная изоляция (запрет сообщать взрослым о случившемся), создание искусственной угрозы, физическое взаимодействие вне сети (явка курьера с целью изъятия денежных средств).

Г) Смысловой блок «Вовлечение в терроризм».

Наиболее опасной сферой киберпреступлений против несовершеннолетних является их вовлечение в совершение диверсионно-террористических акций. Как и в других сферах, данный вил преступлений представляет собой многоуровневое мошенничество. Преступники убеждали несовершеннолетнюю жертву зайти на фишинговый сайт, отправить код из СМС, либо прислать свою геолокацию (например под предлогом встречи с девушкой по переписке). В дальнейшем мошенник совершает телефонный звонок подростку и начинает угрожать последствиями или прося содействия в наказании «преступников», требуя в итоге совершить поджог объектов стратегического назначения. В ряде случаев несовершеннолетние были изначально осведомлены о готовящихся терактах и согласились их осуществить из корыстных побуждений.

Таким образом, в данном случае наблюдаются такие методы психологического воздействия, как эскалация требований, психологическое давление, принуждение, запугивание, шантаж, манипулирование авторитетом, внушение страха, апелляция к справедливости (возмездие якобы мошенникам), эксплуатация психологической уязвимости несовершеннолетнего в силу неразвитости его эмоционально-волевой сферы (неопытности, доверчивости, потребности в безопасности, мотива спасения себя и родителей от угроз со стороны киберпреступника), социальное давление (посягательства со стороны «представителей несколько спецслужб»), социальная изоляция жертвы, создание искусственной угрозы, долговременность взаимодействия (мошенники оказывали дистанционное воздействие путем телефонных переговоров в течение нескольких дней).

Д) Смысловой блок «Финансовый интерес».

Следующая категория кибермошенничеств связана с обещанием «легких денег» со стороны преступников — вовлечением несовершеннолетнего в собственно совершение мошеннических действий, а также информирование его о победе в конкурсах с ценными призами. Так, преступники в мессенджере или через телефонный звонок сообщают о победе подростка в лотерее и просят оплатить предварительную комиссию или сфотографировать карточку родителей и прислать код активации, который пришел на мобильный телефон родителей. Как и в других случаях, несовершеннолетнего могут просить не сообщать о чем-либо родителям, выходить с ним на связь в ночное время. В других случаях несовершеннолетний сам становится участником преступных схем — обмане граждан в корыстных целях.

Методы психологического воздействия в данном виде кибермошенничества: эксплуатация потребности в удовольствии (награда, игра, корысть), эффект социального доказательства (реклама имитирует легитимные конкурсы), эксплуатация когнитивных ошибок (опасение потерять уже вложенные деньги), эскалация воздействия (техника «нога в двери» — от малой просьбы к более крупной).

Е) Смысловой блок «Сдача экзаменов».

Актуальной в отношении старшеклассников является категория киберпреступлений, связанная со сдачей государственных экзаменов. Мошенники представляются сотрудниками организации**,** формирующего тестовые задания для ЕГЭ,

и предлагают приобрести за денежные средства ответы на вопросы. В другом случае, преступники сообщают несовершеннолетнему посредством телефонного звонка о необходимости прохождения дополнительного тестирования либо неудачной сдачи экзамена и необходимости войти через сайт государственных услуг на образовательный портал. Школьник присылается фишинговая ссылка, в результате чего личные данные попадают мошенникам. В дальнейшем к мошеннической схеме подключаются преступники, притворяющиеся сотрудниками правоохранительных органов, которые, угрожая правовыми последствиями для самого подростка или его родителей, требовали совершения денежного перевода.

Методы воздействия в ситуации со сдачей экзаменов: манипулирование ложным авторитетом, создание ложной выгоды, эскалация воздействия, создание искусственной угрозы (манипуляция страхом), введение в заблуждении о возможном получении нечестного преимущества (эксплуатация такой психологической уязвимости, как корыстные мотивы, которое не позволят впоследствии обратиться жертве в правоохранительные органы), шантаж несовершеннолетнего (уголовными последствиями для него или его родителей), многоуровневая эскалация психологического давления, внушение чувства вины, подмена реальности (создание альтернативной правды, предложение «спасительного» решения (перевод денег как «доказательство невиновности»).

Ж) Смысловой блок «Защита родителей и близких).

Кибермошенники часто в качестве стратегий совершения своих преступлений используют угрозы в отношении родителей и ближайших родственников несовершеннолетних. Мошенники посредством телефонной связи представлялись сотрудниками полиции и сообщали, что против ближайших родственников ребенка возбуждено уголовное дело и для его предотвращения необходимо перевести денежные средства на банковские счета мошенников, или передать их курьеру, с которым будет назначена встреча. В некоторых случаях киберпреступники усиливали психологическое давление совершением видеозвонка, причем во время общения с подростком они были одеты в форму сотрудников правоохранительных органов (ФСБ, полиции), подключая постепенно других лиц, имитирующих представителей специальных служб. В других случаях детям звонили преступники, притворяющиеся сотрудниками медицинских организаций и сообщающие о том, что кто-то из близких попал в больницу и нужны деньги на лечение.

З) Смысловой блок «Личная жизнь».

Методы психологического воздействия в ситуации манипулирования дружескими контактами: манипулирование авторитетом представителя правоохранительных органов, создание экстренной ситуации (манипулирование временем), внушение чувства страха, эксплуатация детской привязанности к родителям, угрозы, шантаж, эскалация психологического давления, применение социального давления (использование имитации авторитета нескольких представителей власти), социальная изоляция жертвы (запрет сообщать кому-либо об инциденте).

И) Смысловой блок «Коммерческий интерес».

В то же время нередко честные способы заработка, либо попытки осуществить коммерческие сделки, также становятся объектами криминальных посягательств преступников. В основном подобные мошенничества связаны с сайтами объявлений о купле-продаже. Несовершеннолетний пытается приобрести ценные вещи на соответствующих веб-порталах, переводит денежные средства на счет мошенника, однако покупку не получает. Хотя подобные преступные деяния не направлены

непосредственно на несовершеннолетних, тем не менее, они отличаются большей психологической уязвимостью для подобных действий ввиду своих возрастных особенностей. В отдельных случаях подросткам сообщали о том, что платеж не прошел и его нужно повторить, а списанные средства вернутся назад, либо что надо еще доплатить чтобы не потерять внесенные средства.

Методами психологического воздействия в данном случае выступают: непосредственно обман, имитация легитимности и статуса продавца, манипулирование ограничением времени (психологическое давление через ложную срочность), эксплуатация наивности и доверчивости подростка, эксплуатация когнитивных ошибок (постепенное увеличение суммы и эксплуатация страхом потери уже вложенного времени и сил), эксплуатация доверчивости и неопытности подростка, психологическое давление срочностью.

Для подросткового возраста важным является формирование личностного общения со значимыми другими — сверстниками (друзьями, объектами любовного интереса) [24]. Так, мошенники могут писать с поддельных или взломанных аккаунтов друзей с просьбой о переводе денег. В других случаях мошенники используют переписку с мнимыми представителями противоположного пола как метод шантажа: угроза возбуждения уголовного дела, обвинение в сотрудничестве с террористическими формированиями и т.п. В результате несовершеннолетнего заставляют перевести денежные средства родителей на их банковский счет.

Методами психологического воздействия в данном случае выступают: манипулирование дружескими отношениями (использование феномена «социального доказательства» — установление доверия через ложную дружбу с последующим требованием определенных действий), многоуровневое мошенничество, имитация дружбы и любви, эскалация психологического давления, угрозы подростку и его родителям, шантаж (имитация срочности и безвыходности положения жертвы)

Заключение и выводы. В результате проведенного исследования мы установили когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты психологического воздействия в ситуации кибермошенничества в отношении несовершеннолетних.

1. Когнитивные аспекты психологического воздействия: манипулирование мышлением подростков с использованием комплекса психологических приемов: а) манипулирование авторитетом (мошенники притворяются представителями правоохранительных органов — полиции, ФСБ, а также работниками различных учреждений — банков, школ, университетов и т. п.), друзьями, знакомыми, родственниками; б) формирование «альтернативной реальности» (ложное сообщение о том, что совершено подростком или его родителем преступление, от их имени совершен перевод денежных средств на террористические цели); в) постепенное вовлечение — сначала подростка просят совершить незначительные действия (например, подтвердить код из СМС), а затем последовательно увеличивают требования; г) эффект социального доказательства по Чалдини — подростку внушают, что «все так делают», метод покупки безопасен, перед ним стандартный конкурс, что является формой его первичного вовлечения в мошеннические схемы; д) эксплуатация когнитивных ошибок (опасение потерять уже вложенные деньги); е) прямая ложь путем информирования и убеждения в правдивости сообщения мошенника (перевод не дошел, нужно повторить, деньги вернут); ж) традиционные СМС-спуфинг и фишинг — имитация реальных организаций посредством отправки смс-сообщений и создания фейковых сайтов.

2. Эмоциональные аспекты психологического воздействия: а) внушение чувства страха, связанного с имеющейся опасностью (якобы возбуждение уголовного дела в

отношении подростка, риск вреда здоровью родственнику, возбуждение уголовного дела в отношении родственника, угроза физического вреда по отношению к подростку и его родственникам); б) манипуляция любовью к родным и близким (попытка заставить подростка перевести деньги посредством эксплуатации привязанности к родителям, страха за их благополучие); в) эмоциональное давление посредством многократных телефонных звонков и сообщений; г) эскалация психологического воздействия посредством вовлечения все новых «представителей спецслужб»; д) внушение чувства вины за якобы содеянное подростком; е) манипулирование чувством любви и дружбы, в том числе по отношению к противоположному полу; ж) угрозы финансовых потерь в случае отказа от подчинения (требование отправить данные смс-кодов); з) эксплуатация эмоционально-волевой незрелости подростка или ребенка (потребность в удовольствие, игре, ярких ощущениях, манипулирование жадностью).

3. Поведенческие аспекты психологического воздействия: а) формирование подчиняющейся модели поведения (приучение к подчинению в результате неоднократного повторения подростком действий, которые требовал от него мошенник); б) изоляция подростка (запрет на общение с кем-либо, либо общение с подростком в ночное время); в) требование от подростка совершения четких алгоритмизированных действий; г) создание дефицита времени (требование действовать как можно быстрее); д) эскалация вовлечения (постепенное усиление требований — от простого кода сообщения подтверждения до перевода крупных сумм, оформления кредитов, совершение террористического акта); е) физический контакт с подростком — явка курьеров с целью изъятия денег.

Большое значение имеют психологически правильно организованные мероприятия по профилактике вовлечения несовершеннолетних в киберпреступления в качестве жертв или соисполнителей мошеннических схем. Необходимо формирование доверительных отношений между родителями и детьми, при которых школьники могут без опасений наступления каких-либо последствий свободно сообщать своим родным и близким о случившихся против них посягательствах, а также о совершенных ими ошибках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов В.А. Особенности личности современного интернет-мошенника в механизме индивидуального преступного поведения / В.А. Аксенов, Т.В. Молчанова // Криминологический журнал. — 2020. — № 4. — С. 79–86.
2. Аптикиева Л.Р., Психолого-педагогическое исследование асоциального поведения подростков поколения Z в цифровой среде / Л.Р. Аптикиева, М.С. Бурсакова // Вестник ОГУ. — 2022. — №2 (234). — С. 6–19.
3. Асянова С.Р. Спуфинг как угроза кибербезопасности: понятие, виды, меры противодействия / С.Р. Асянова, Я.И. Жигалова // Journal of Monetary Economics and Management. — 2024. — № 11. — С. 242–247.
4. В МВД отметили рост пострадавших от кибермошенников несовершеннолетних [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2025-06-28/513675-v_mvd_otmetili_rost_postradavshih_ot_kibermoshennikov_nesovershennoletnih (Дата обращения: 22.08.2025).
5. В МВД рассказали о вербовке детей через компьютерные игры [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/06/18/26066462.shtml (Дата обращения: 22.08.2025 г.).
6. Власова Н.В. Психологические особенности лиц, склонных к кибервиктимному поведению / Н.В. Власова, Е.Л. Буслаева // Психология и право — 2022. — Т. 12. — № 2. — С. 194–206. – doi.org/10.17759/psylaw.2022120214.
7. Давыдов В.О. Об актуальных проблемах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / В.О. Давыдов, И.В. Тишутина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — №2 (14). — С. 81–81.
8. Завьялов А.Н. Интернет-мошенничество (фишинг): проблемы противодействия и предупреждения [Электронный ресурс] / А.Н. Завьялов // Baikal Research Journal. — 2022. — №2. — С. 36.

9. Кабаченко Т.С. Методы психологического воздействия / Т.С. Кабаченко. — М.: Педагогическое о-во России, 2000. — 539 с.
10. Колодкина Д.А. Индивидуально-психологические факторы виктимного поведения жертв телефонного мошенничества / Д.А. Колодкина, Н.В. Дворянчиков, К.Н. Дворянчикова // Психология и право. — Т. 15 — № 2. — С. 140–153. — doi.org/10.17759/psylaw.2025150210.
11. Кроз М.В. Криминальное психологическое воздействие / М.В. Кроз, Н.А. Ратинова, О.Р. Онищенко. — М. : Юрлитинформ, 2008. — 198, [2] с.
12. Максименко Р.О., Типовой алгоритм воздействия в социальной инженерии / Р.О. Максименко, П.А. Звягинцева // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2019. — №2. — С. 33–38.
13. Мошенничество по телефону Технологии упрощают жизнь не только честным людям, но и преступникам [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.kp.ru/expert/elektronika/moshennichestvo-po-telefonu/ (Дата обращения: 22.08.2025 г.).
14. Папкин А.И. Психологическое воздействие в правоохранительной деятельности // Прикладная юридическая психология / А.И. Папкин / Под ред. А.М. Столяренко. М., 2001. — С. 378–379.
15. Порядка 60% российских школьников сталкивались с мошенничеством в интернете [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/13641487 (Дата обращения: 22.08.2025).
16. Противодействие SMS-спуфингу [Электронный ресурс] // Система PROTEI SMS Firewall Руководство администратора Санкт–Петербург: PROTEI SMSFW, 2020. — 127 с.
17. Розенова М.И. Психологические механизмы деструктивного манипулирования и стратегии профилактики цифрового мошенничества / М.И. Розенкова, А.С. Огнев, Э.В. Лихачева // Современная зарубежная психология. — 2025. — № 14(2). — С. 26–37. — doi.org/10.17759/jmfp.2025140203.
18. Романова Н.М. Жертвы сексуального онлайн груминга: социально-психологические характеристики (на материале исследования пользователей социально сети «Вконтакте») / Н.М. Романова, К.А. Киселев // XI Дыльновские чтения «Социология и общество: социальные процессы, факторы и механизмы развития»: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саратов, 12 февраля 2024 года. — Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2024. — С. 282–286.
19. Сафуанов Ф.С., Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза жертв телефонного мошенничества: экспертные оценки / Ф.С. Сафуанов, В.В. Широкова // Психология и право. — 2025. — Т. 15. — № 2. — С. 3–18. — doi.org/10.17759/psylaw.2025150201.
20. Социальная инженерия. Способы борьбы с мошенниками [Электронный ресурс] // Открытое заседание Международного Координационного Совета банковских ассоциаций (Международный Банковский Совет, МБС): СБОРНИК АНАЛИТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ. г. Сочи 25 сентября 2024 г. — 78 с.
21. Тайное не становится явным: каждый второй ребёнок скрывал от родителей, чем занимается в сети [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/tajnoe-ne-stanovitsya-yavnym-kazhdyj-vtoroj-rebyonok-skryval-ot-roditelej-chem-zanimaetsya-v-seti (Дата обращения: 22.08.2025 г.)
22. Хэднеги К. Искусство обмана. Социальная инженерия в мошеннических схемах / К. Хэднеги. — М.: Альпина Диджитал, 2020. — 414 с.
23. Шогенов З.А. Особенности личности преступника, совершившего преступление в глобальной сети интернет [Электронный ресурс] / З.А. Шогенов // Право и управление. — 2023. — №11. — С. 499–503.
24. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте / Д.Б. Эльконин // Вопросы психологии. — 1971. — № 4. — С. 6–20.

REFERENCES

1. Aksenov V.A., Molchanova T.V. (2020). Osobennosti lichnosti sovremennogo internet-moshennika v mekhanizme individual'nogo prestupnogo povedeniia [Features of the personality of a modern internet fraudster in the mechanism of individual criminal behavior]. Kriminologicheskiy zhurnal [Criminological Journal], 4, 79–86. (In Russian).
2. Aptikieva L.R., Bursakova M.S. (2022). Psikhologo-pedagogicheskoe issledovanie asotsial'nogo povedeniia podrostkov pokoleniia Z v tsifrovoi srede [Psychological and pedagogical study of antisocial behavior of generation Z adolescents in the digital environment]. Vestnik OGU [Bulletin of OSU], 2, 6–19. (In Russian).
3. Asyanova S.R., Zhigalova Ya.I. (2024). Spufing kak ugroza kiberbezopasnosti: poniatie, vidy, mery protivodeistviia [Spoofing as a cybersecurity threat: concept, types, countermeasures]. Journal of Monetary Economics and Management, 11, 242–247. (In Russian).
4. V MVD otmetili rost postradavshikh ot kibermoshennikov nesovershennoletnikh [The Ministry of Internal Affairs noted an increase in minors affected by cyber fraud]. Retrieved from https://www.1tv.ru/news/2025-06-28/513675-v_mvd_otmetili_rost_postradavshih_ot_kibermoshennikov_nesovershennoletnih (In Russian).

5. V MVD rasskazali o verbovke detei cherez komp'iuternye igry [The Ministry of Internal Affairs spoke about the recruitment of children through computer games]. Retrieved from https://www.gazeta.ru/social/news/2025/06/18/26066462.shtml (In Russian).
6. Vlasova N.V., Buslaeva E.L. (2022). Psikhologicheskie osobennosti lits, sklonnykh k kiberviktimnomu povedeniiu [Psychological characteristics of persons prone to cyber-victim behavior]. Psikhologiia i pravo [Psychology and Law], 12(2), 194–206. doi.org/10.17759/psylaw.2022120214 (In Russian).
7. Davydov V.O., Tishutina I.V. (2020). Ob aktualnykh problemakh kriminalisticheskogo obespecheniia raskrytiia i rassledovaniia moshennichestv, sovershennykh s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii [On current problems of forensic support for the disclosure and investigation of fraud committed using information and telecommunication technologies]. Kriminalistika: vchera, segodnia, zavtra [Criminalistics: Yesterday, Today, Tomorrow], 2, 81. (In Russian).
8. Zavialov A.N. (2022). Internet-moshennichestvo (fishing): problemy protivodeistviia i preduprezhdeniia [Internet fraud (phishing): problems of counteraction and prevention]. Baikal Research Journal, 2, 8 (In Russian).
9. Kabachenko T.S. (2000). Metody psikhologicheskogo vozdeistviia [Methods of Psychological Influence]. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii publ. (In Russian).
10. Kolodkina D.A., Dvorianchikov N.V., Dvorianchikova K.N. (2025). Individualno-psikhologicheskie faktory viktimnogo povedeniia zhertv telefonnogo moshennichestva [Individual psychological factors of victim behavior of telephone fraud victims]. Psikhologiia i pravo [Psychology and Law], 15(2), 140–153. doi.org/10.17759/psylaw.2025150210 (In Russian).
11. Kroz M.V., Ratinova N.A., Onishchenko O.R. (2008). Kriminalnoe psikhologicheskoe vozdeistvie [Criminal Psychological Influence]. Moscow: Jurlitinform. (In Russian).
12. Maksimenko R.O., Zviagintseva P.A. (2019). Tipovoi algoritm vozdeistviia v sotsial'noi inzhenerii [Typical algorithm of influence in social engineering]. Interekspo Geo-Sibir' [Interexpo Geo-Siberia], 2, 33-38. (In Russian).
13. Moshennichestvo po telefonu Tekhnologii uproshchaiut zhizn ne tolko chestnym liudiam, no i prestupnikam [Telephone fraud Technologies make life easier not only for honest people, but also for criminals]. Retrieved from: https://www.kp.ru/expert/elektronika/moshennichestvo-po-telefonu/ (In Russian).
14. Papkin A.I. (2001). Psikhologicheskoe vozdeistvie v pravookhranitel'noi deiatel'nosti [Psychological influence in law enforcement]. In A.M. Stoliarenko (Ed.), Prikkladnaia iuridicheskaia psikhologiia [Applied Legal Psychology] (pp. 378–379). (In Russian).
15. Poriadka 60% rossiiskikh shkolnikov stalkivalis s moshennichestvom v internete [About 60% of Russian schoolchildren have encountered fraud on the Internet]. Retrieved August 22, 2025, from https://tass.ru/obschestvo/13641487 (In Russian).
16. Protivodeistvie SMS-spufingu [Countering SMS-spoofing]. In Sistema PROTEI SMS Firewall Rukovodstvo administratora [PROTEI SMS Firewall System Administrator Guide]. Retrieved from https://protei.ru/sites/default/files/2020-12/Messaging.%20SMS%20Firewall.pdf (In Russian).
17. Rosenova M.I., Ognev A.S., Likhacheva E.V. (2025). Psikhologicheskie mekhanizmy destrukktivnogo manipulirovaniia i strategii profilaktiki tsifrovogo moshennichestva [Psychological mechanisms of destructive manipulation and strategies for the prevention of digital fraud]. Sovremennaia zarubezhnaia psikhologiia [Modern Foreign Psychology], 14(2), 26–37. doi.org/10.17759/jmfp.2025140203 (In Russian).
18. Romanova N.M., Kiselev K.A. (2024). Zhertvy seksualnogo onlain groominga: sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki (na materiale issledovaniia polzovatelei sotsial'noi seti "Vkontakte") [Victims of sexual online grooming: socio-psychological characteristics (based on a study of users of the social network "Vkontakte")]. In XI Dylnovskie chteniia "Sotsiologiia i obshchestvo: sotsialnye protsessy, faktory i mekhanizmy razvitiia": Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [XI Dylnovsky Readings "Sociology and Society: Social Processes, Factors and Mechanisms of Development": Processing book of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation] (pp. 282–286). Saratov: Saratovskii istochnik. (In Russian).
19. Safuanov F.S., Shirokova V.V. (2025). Kompleksnaia sudebnaya psikhologo-psikhiatricheskaia ekspertiza zhertv telefonnogo moshennichestva: ekspertnye otsenki [Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of telephone fraud victims: expert assessments]. Psikhologiia i pravo [Psychology and Law], 15(2), 3–18. doi.org/10.17759/psylaw.2025150201 (In Russian).
20. Sotsialnaia inzheneriia. Sposoby borby s moshennikami (2024) [Social engineering. Ways to fight scammers]. In Otkrytoe zasedanie Mezhdunarodnogo Koordinatcionnogo Soveta bankovskikh assotciatcii` (Mezhdunarodnyy Bankovskiy Sovet, MBS. Sbornik analiticheskikh materialov) [Open meeting of the International Coordinating Council of Banking Associations (International Banking Council, IBC. Collection of analytical materials] (p. 55). Sochi: September 25th 2024. Retrieved from https://asros.ru/upload/iblock/972/g6hm0yavvoopb4dv1wg2ak1cwm7s8gko/SBORNIK-ANALITICHESKIKH-MATERIALOV_zasedanie-MBS-25.09.2024.pdf (In Russian).

21. Tainoe ne stanovitsia iavnym: kazhdyi vtoroi rebenok skryval ot roditelei, chem zanimaetsia v seti [The secret does not become clear: every second child hid from their parents what they do online]. Retrieved from: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/tajnoe-ne-stanovitsya-yavnym-kazhdyj-vtoroj-rebyonok-skryval-ot-roditelej-chem-zanimaetsya-v-seti (In Russian).
22. Hadnagy K. (2020). Iskusstvo obmana. Sotsialnaia inzheneriia v moshennicheskikh skhemakh [The Art of Deception. Social Engineering in Fraudulent Schemes]. Moscow: Alpina Didzhital publ. (In Russian).
23. Shogenov Z.A. (2023). Osobennosti lichnosti prestupnika sovershivshego prestuplenie v global'noi seti internet [Features of the personality of a criminal who committed a crime on the global Internet]. Pravo i upravlenie [Law and Management], (11), 499–503 (In Russian).
24. Elkonin D.B. (1971). K probleme periodizatsii psikhicheskogo razvitiia v detskom vozraste [On the problem of periodization of mental development in childhood]. Voprosy psikhologii [Questions of Psychology], 4, 6–20. (In Russian).

CYBER FRAUD TARGETING UNDERAGED: SOCIO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF PSYCHOLOGICAL INFLUENCE

N.M. Romanova, K.A. Kiselev

This article presents a socio-psychological analysis of fraud against the underaged through remote technologies. Current statistics indicate an increasing prevalence of such crimes. The study employs case study methodology, content analysis of media publications, frequency analysis, and generalization. The empirical sample consists of online media materials from the past three years covering cases of remote fraud against the underaged (N=70), with the average victim age being 12.24 years. The research identifies cognitive (authority manipulation, creation of "alternative reality," gradual involvement, "social proof effect," exploitation of cognitive errors, use of deception, SMS-spoofing and phishing), emotional (manipulation of fear and guilt, exploitation of love for relatives and friendship, emotional pressure, threats, leveraging adolescents' emotional and volitional immaturity), and behavioral aspects (formation of compliant behaviour patterns, isolation, demands for specific algorithmic actions, creation of time pressure, escalation of involvement, gradual increase of demands, physical contact) of psychological impact in cyber fraud targeting the underaged.

Keywords: psychological impact, psychological manipulation, cyber fraud, cybercrime, remote fraud, social engineering.

Романова Наталья Михайловна.
Кандидат социологических наук, доцент.
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Россия, г. Саратов.
Доцент кафедры социальной психологии, заведующий лабораторией юридической психологии.
ORCID: 0000-0002-9444-8812.
E-mail: romanova_nm@inbox.ru.

Киселев Константин Анатольевич.
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Россия, г. Саратов.
Психолог лаборатории юридической психологии, ассистент кафедры социальной психологии.
ORCID: 0000-0001-6399-5656.
E-mail: saratovian@gmail.com.

Romanova Natalia Mihailovna
Candidate of Sociology, Associate Professor.
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russian Federation, Saratov.
Associate Professor of Faculty of Social Psychology, Head of the Laboratory of Legal Psychology.
ORCID: 0000-0002-9444-8812.
E-mail: romanova_nm@inbox.ru.

Kiselev Konstantin Anatolevich
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russian Federation, Saratov.
Psychologist of the Laboratory of Legal Psychology, Assistant of the Faculty of Social Psychology.
ORCID: 0000-0001-6399-5656.
E-mail: saratovian@gmail.com.

Научная статья
УДК 159.947.5:37.015.3
DOI: 10.5281/zenodo.18098935

ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ПОДРОСТКОВ: ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2025 ***С.Н. Зинченко***
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
ORCID: 0009-0000-9813-3378

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье исследуется учебная мотивация подростков как психологический процесс, интегрированный в структуру личности, в контексте современного образования. На основе теоретического анализа и эмпирического исследования, проведённого в 2025 году в Лицее № 64 г. Омска, изучены личностные аспекты мотивации учащихся 4–8 классов, включая её когнитивные и эмоционально-ценностные компоненты. Использованы модифицированные методики диагностики мотивации Спилберга Ч.Д. и Матюхиной М.В., а также авторская шкала оценки мотивационных установок. Результаты показывают, что на мотивацию как личностный процесс формируется под влиянием возраста, пола и эмоциональных состояний, таких как тревожность и гнев. Установлены корреляции между мотивацией, познавательной активностью и мотивацией достижения, а также влияние негативных эмоций на снижение учебной вовлеченности. Полученные данные обосновывают необходимость психологической коррекции мотивационной сферы личности подростков, направленной на её развитие и укрепление.

Ключевые слова*:* учебная мотивация, психология личности, познавательная активность, мотивация достижения, эмоциональные состояния, подростки, образовательная среда, психологическая коррекция мотивационной сферы

Для цитирования: Зинченко С.Н. Формирование учебной мотивации подростков: эмоционально-ценностные и когнитивные аспекты в контексте современного образования / С.Н. Зинченко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 240–252. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18098935

Введение. Проблема формирования учебной мотивации подростков приобретает особую актуальность в условиях цифровизации образования и трансформации роли педагога в современном образовательном процессе. В условиях доступности информации через цифровые технологии интерес подростков к системному познанию снижается, а учебная деятельность нередко воспринимается как формальная обязанность. Это подчеркивает необходимость изучения когнитивных и эмоционально-ценностных аспектов мотивации, влияющих на вовлеченность школьников.

Современные исследования показывают необходимость адаптации образовательных подходов для усиления мотивации [4]. Эффективность мотивации повышается за счет создания благоприятной образовательной среды, обеспечивающей эмоциональное вовлечение и самонаправленность обучающихся [9]. Мотивация к обучению рассматривается как ключевой элемент, влияющий на заинтересованность обучающихся в учебном процессе и развитие их личного и научного потенциала [12].

Подростковый возраст характеризуется становлением самосознания, усилением потребности в автономии и формированием первых жизненных ориентиров. В этот период происходит смена ведущей деятельности с учебной на социально-коммуникативную, что часто сопровождается снижением заинтересованности в учебной деятельности и может приводить к школьной дезадаптации. Ряд исследований показывают, что недостаточная мотивация в возрасте 11–14 лет связана с ослаблением внутренней мотивации, что подчеркивает необходимость изучения факторов, влияющих на ее формирование в переходный период [2; 10].

Леонтьев А.Н. акцентировал внимание на личностном смысле учебной деятельности, формирующем внутреннюю мотивацию [7]. Божович Л.И. рассматривала мотивацию как центральный механизм, определяющий активность личности в обучении [3].

В статье Леонтьева Д.А. и соавторов мотивация к обучению рассматривается через призму переживаний в учебной деятельности. Согласно представленным результатам, переживания удовольствия и осмысленности тесно коррелируют между собой и положительно связаны с психологическим благополучием, что усиливает мотивацию к учебным занятиям, а также влияют на академическую успеваемость. Напротив, негативные эмоции, такие как тревожность, чувство неудовлетворенности или страх неудачи, могут существенно снижать уровень внутренней мотивации, препятствуя вовлеченности в учебный процесс [8].

Теоретической основой исследования является деятельностный подход, согласно которому мотивация формируется в процессе осмысленной учебной деятельности, интегрирующей когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты [7]. Главная цель проведенного исследования — определить влияние когнитивных и эмоционально-ценностных факторов на учебную мотивацию подростков, чтобы в дальнейшем использовать полученные данные в психолого-педагогической коррекции.

В статье представлены результаты исследования, проведенного в БОУ города Омска «Лицей № 64» весной 2025 года. В рамках подготовки к разработке комплекса мер, направленных на повышение учебной мотивации школьников, была проведена диагностика среди учащихся 4–8 классов. Её задачей стало определение уровня сформированности мотивации и оценка эмоционального отношения к учению. На основании полученных результатов создана программа психолого-педагогического сопровождения, ориентированная на поддержку и развитие мотивационной сферы обучающихся уровня основного общего образования. Она будет реализована в следующем 2025–2026 учебном году.

Учащиеся, находящиеся в 9-м классе в текущем учебном году, не диагностировались, так как перейдут в старшие классы или поступят в иные образовательные учреждения. Учащиеся 4-х классов принимали участие в исследовании, так как в будущем учебном году они перейдут на новую ступень обучения и будут вовлечены в коррекционную работу развития учебной мотивации.

Материалы и методы исследования. Для комплексного изучения мотивационной сферы были использованы три методических инструмента, соответствующие целям исследования.

1. Методика диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению (Спилберг Ч.Д., модификация Андреевой А.Д.) [1]

Методика направлена на определение уровня учебной мотивации с учётом эмоционального отношения к учению. Она позволяет оценить сочетание познавательной направленности и эмоциональной окраски отношения к образовательному процессу. Помимо шкальных оценок и дополнительных факторов, методика выделяет пять уровней учебной мотивации:

• I уровень — продуктивная мотивация, преобладание познавательных мотивов и выраженно положительное отношение к учению;

• II уровень — продуктивная мотивация, положительное отношение к учению, соответствие социальным ожиданиям;

• III уровень — средний, с умеренной познавательной направленностью и снижающимся интересом;

• IV уровень — сниженная мотивация, наличие «школьной скуки», эмоциональное отчуждение;

• V уровень — резко отрицательное отношение к учебному процессу, выраженное сопротивление и отторжение.

Выбор данной методики обусловлен её эффективностью в диагностике как когнитивных, так и аффективных компонентов мотивации, что особенно важно при подготовке коррекционных программ.

2. Опросник «Учебная мотивация школьников» (Матюхина М.В., модификация Бадмаевой Н.Ц.) [2].

Данная методика применяется для оценки степени выраженности основных типов мотивации, таких как познавательная, социальная и внешняя. Она позволяет судить о том, насколько учебная деятельность воспринимается учащимися как значимая, какая её составляющая играет ведущую роль — интерес к знаниям, стремление соответствовать ожиданиям окружающих или ориентир на внешнее вознаграждение.

Методика позволяет выявить структурные особенности мотивационной сферы школьника и определить возможные зоны риска, требующие педагогической или психологической поддержки.

3. Авторская шкала оценки мотивационных установок учащихся.

С целью получения дополнительных сведений о самооценке мотивационного поведения была использована краткая анкета, включающая 4 утверждения, по каждому из которых участники выставляли балл от 1 до 5 в зависимости от степени согласия.

1. Мне интересно учиться.
2. Я хочу доказать самому себе, что способен успешно учиться.
3. Мне стыдно плохо учиться.
4. Я стараюсь хорошо учиться, чтобы заслужить уважение родителей.

Инструмент был введён в качестве дополнения к основной диагностике и позволил уточнить отношение учащихся к учению в интерпретациях, приближенных к их собственной повседневной реальности.

В исследовании принялИ участие 424 обучающихся от 10 до 14 лет, из них 236 мальчиков и 188 девочек.

Собранные данные подверглись количественной обработке с использованием программы SPSS Statistics. Анализ включал:

• описательную статистику — для обобщения распределения мотивационных уровней;

• критерий Краскела–Уоллиса — для выявления различий в показателях мотивации между группами;

• корреляционный анализ (коэффициент Кендалла Tau-b) — для изучения взаимосвязей между мотивационными и эмоциональными переменными;

• непараметрический критерий Манна–Уитни (U) — для анализа гендерных различий в проявлении мотивации, тревожности и познавательной активности.

Применение непараметрических критериев статистической значимости объясняется характером распределения переменных и шкальной природой большинства исследуемых параметров.

Основная часть. Полученные в ходе исследования данные позволили составить целостную картину текущего состояния учебной мотивации у школьников данной возрастной группы. Проведённый анализ охватил учащихся 4-х–8-х классов, что дало возможность проследить эмоционально-мотивационные особенности, характерные для обучающихся на уровне основного общего образования.

На основании методики Спилберга Ч.Д. в модификации Андреевой А.Д. удалось классифицировать участников по пяти уровням учебной мотивации (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение учащихся по уровням мотивации (среди всех испытуемых 10–14 лет)

Уровень учебной мотивации	Процент учащихся (%)
I уровень — высокая продуктивная мотивация, выраженное положительное отношение к учению	6
II уровень — продуктивная мотивация, соответствие социальному нормативу	21
III уровень — средний уровень мотивации, снижение познавательной активности	41,5
IV уровень — низкий уровень мотивации, «школьная скука», отчуждение от учения	27
V уровень — резко отрицательное отношение к учению	4,5

Анализ показывает, что **наиболее распространённым является средний уровень мотивации (III уровень)** — он зафиксирован почти у половины всех испытуемых (41,5%). Это свидетельствует о том, что значительная часть подростков демонстрирует лишь формальное отношение к обучению, без ярко выраженного познавательного интереса. Около трети учащихся (27%) имеют низкий уровень мотивации, что подтверждает нарастание отчуждения от учебного процесса. Устойчивая продуктивная учебная мотивация выявлена у 27% учащихся. Из них 6% имеют выраженное положительное отношение к учению, остальные стремятся соответствовать социально желательному образу хорошего ученика.

Сравнительный анализ групп с разным уровнем мотивации показал **статистически значимые различия по следующим параметрам:** эмоциональное отношение к учебному процессу ($\chi^2 = 91{,}258$, $p = 0{,}000$), наличие интереса к учению ($\chi^2 = 105{,}318$, $p = 0{,}000$), желание доказать себе успешность в обучении ($\chi^2 = 59{,}219$, $p = 0{,}000$).

Эти данные указывают на тесную взаимосвязь между уровнем мотивации и эмоционально-ценностными установками школьников. Чем выше мотивация, тем устойчивее положительное эмоциональное отношение к учебному процессу и сильнее выражена внутренняя потребность в самоутверждении через успех в обучении.

Корреляционный анализ показал, как прямые, так и обратные взаимосвязи между когнитивными, эмоциональными и поведенческими компонентами мотивации.

На уровне значимости $p < 0{,}01$ познавательная активность, мотивация достижения и общий уровень учебной мотивации **прямо коррелируют** с интересом к учебному процессу, стремлением доказать себе свою успешность, избеганием стыда за плохие результаты.

Эти взаимосвязи подтверждают предположение о том, что **внутренне мотивированные школьники чаще демонстрируют осознанную включенность в учение**, эмоциональную устойчивость и ответственность перед самим собой.

Напротив, переживание таких эмоциональных состояний, как тревога и гнев обратно связаны с интересом к учению, самоэффективностью и общей учебной мотивацией ($p < 0{,}01$). Это говорит о том, что негативный эмоциональный фон

существенно снижает мотивационную включенность учащихся, подавляя инициативу и стремление к успеху.

Дополнительно обнаружена **прямая корреляция на уровне значимости $p < 0,05$** между переживанием тревоги и нежеланием испытывать чувство стыда. Можно сделать вывод, что тревожные ученики часто ориентированы на **избегание неудачи**, чем на достижение успеха.

Данные о тесной связи между уровнем мотивации и эмоционально-ценностными установками школьников позволяют говорить о **взаимозависимости когнитивных и аффективных компонентов учебной деятельности**. Такая взаимосвязь обусловлена рядом психологических и социально-педагогических факторов.

Во-первых, **мотивация к обучению у школьников тесно связана с их субъективной значимостью самого процесса учения**. Если подросток воспринимает учёбу как лично значимую, соответствующую его интересам и жизненным ориентирам, то учебная активность сопровождается **положительным эмоциональным фоном**. Появляется чувство вовлеченности, интерес, удовлетворение от преодоления трудностей. Это объясняет, почему учащиеся с высоким уровнем мотивации демонстрируют более устойчивое положительное отношение к учебному процессу.

Во-вторых, **высокая мотивация способствует укреплению самооценки и уверенности в себе**. Успешное выполнение заданий, достижения и признание со стороны окружающих формируют у ученика ощущение компетентности, что в свою очередь усиливает **внутреннюю потребность в самоутверждении через образовательную деятельность**.

В-третьих, **школьная среда, насыщенная положительной обратной связью, поддержкой со стороны педагогов и родителей**, усиливает позитивное эмоциональное отношение к учебе.

В совокупности всё это формирует учебную **мотивацию и эмоциональное отношение к образовательному процессу**, в котором внутренние установки, цели и переживания учащегося интегрируются в единое поведение. Чем прочнее эта внутренняя структура, тем более устойчивой становится мотивация к учению, и тем выше вероятность успешной самореализации ученика через образовательную деятельность.

Рассмотрим особенности мотивации и эмоционального отношения к учению в разных возрастных группах учащихся.

Результаты проведенной в 4-х классах диагностики представлены в таблице 2.[7]

Указанные в таблице факторы: познавательная активность, мотивация достижения, тревожность и гнев являются шкалами по методике диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению (Спилберг Ч.Д., модификация Андреевой А.Д.). Авторами выделены негативные переживания тревожности и гнева, как существенные аспекты, влияющие на формирование школьной тревожности, скуки или резко отрицательного отношения к школе и учению.

Таблица 2. Корреляционная матрица показателей мотивации и эмоционального отношения к учебной деятельности у обучающихся 4-х классов

Фактор	Сформированность мотивации	Интерес	Успех	Стыд	Уважение родителей
Познавательная активность	0,459**	0,415**	0,282**	0,148	0,114

[7] В Таблицах 2 — 6 «**» — корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя); «*» — корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

Мотивация достижения	0,417**	0,128	0,300**	0,040	0,105
Тревожность	-0,289**	-0,273**	-0,160	0,095	0,044
Гнев	-0,239*	-0,209	-0,115	0,0	0,057
Уровни мотивации	0,429**	0,354**	0,307**	0,030	0,060

Полученные данные показывают, что у учащихся 4-х классов мотивация учения в значительной степени зависит от эмоционального состояния: позитивные эмоции и активность усиливают интерес и уверенность, а негативные (тревога и гнев) — ослабляют мотивацию. В начальной школе существенное влияние на учебную мотивацию влияют положительный эмоциональный фон и поддержка со стороны учителей и родителей.

Мотивация учения у четвероклассников носит переходный характер: от преимущественно внешней и эмоционально-оценочной к постепенно формирующейся внутренней познавательной мотивации. На это указывает прямая взаимосвязь желания быть успешным с познавательной активностью и мотивацией достижения.

Сравнительный анализ рассматриваемых показателей у мальчиков и девочек не выявил статистически значимых различий в данном возрасте.

С психолого-педагогической точки зрения, положительное влияние на учебную мотивацию в этот период оказывает поддержание у школьников устойчивого интереса к изучаемому материалу, создание ситуации успеха, формирование чувства эмоциональной безопасности.

Таблица 3. Корреляционная матрица показателей мотивации и эмоционального отношения к учебной деятельности у обучающихся 5-х классов

Фактор	Сформированность мотивации	Интерес	Успех	Стыд	Уважение родителей
Познавательная активность	0,417**	0,562**	0,425**	0,128	-0,044
Мотивация достижения	0,312**	0,481**	0,432**	0,218**	-0,004
Тревожность	-0,230**	-0,316**	-0,308**	0,063	0,111
Гнев	-0,157*	-0,264**	-0,218*	0,149	0,057
Уровни мотивации	0,383**	0,546**	0,461**	0,048	-0,045

Учащиеся 5-х классов, как правило, находятся в возрасте 10–11 лет и переживают ранний этап подросткового возраста. Этот период характеризуется началом существенной перестройки внутреннего мира ребёнка: формируется **осознание собственного «Я»**, усиливается стремление к самостоятельности, растёт потребность в самоуважении и признании со стороны окружающих. Одновременно происходит усложнение учебной деятельности — учащиеся переходят к более абстрактным формам мышления, повышается объём и сложность учебных задач, что требует от них не только волевых усилий, но и сформированной учебной мотивации.

Особенностью этого возрастного этапа является повышенная чувствительность к **оценкам значимых взрослых**, а также стремление к **доказательству собственной компетентности**. Именно в 5 классе учащиеся всё чаще стремятся сравнивать себя с другими, начинают ощущать потребность в достижениях и самоутверждении через учебный успех. Эмоциональная сфера при этом становится менее импульсивной, однако ещё сохраняет нестабильность, особенно в условиях стресса и повышенной нагрузки.

Полученные в исследовании данные (см. табл. 3) подтверждают специфику мотивационного профиля учащихся этой возрастной категории. Корреляционный анализ выявил, что **познавательная активность**, **мотивация достижения**, а также **общий уровень учебной мотивации** и **положительное эмоциональное отношение к обучению** находятся в прямой взаимосвязи с наличием интереса к учебной деятельности и стремлением доказать себе собственную успешность. Это указывает на то, что в 5 классе начинает устойчиво формироваться **внутренний учебный мотив**, основанный на личностной значимости успеха и понимании собственной роли в достижении результатов.

В то же время было установлено, что **переживание тревожности** демонстрирует обратную взаимосвязь с мотивационными и эмоциональными параметрами. Это означает, что повышенная тревожность может снижать учебную включенность, снижать уверенность в себе и мешать реализации стремления к успеху. Примечательно, что у девочек уровень тревожности статистически значимо выше, чем у мальчиков ($p = 0{,}030$), что, возможно, связано с более выраженной зависимостью их самооценки от внешних оценок и стремлением соответствовать ожиданиям.

Интересен также тот факт, что **мотивация достижения у мальчиков значительно выше**, чем у девочек ($p = 0{,}009$), наряду с более высоким общим уровнем учебной мотивации ($p = 0{,}031$). Это может свидетельствовать о гендерных различиях в характере учебной активности, где мальчики чаще ориентируются на достижение цели и преодоление трудностей, а девочки — на эмоциональную гармонию и одобрение со стороны окружающих.

Также установлено, что **переживание чувства гнева** обратно коррелирует с учебной мотивацией и интересом к учению. Это может быть связано с тем, что у части учащихся, испытывающих внутреннее напряжение и фрустрацию, наблюдается склонность к эмоциональному откату от учения как источника дискомфорта, что требует дополнительного внимания со стороны педагогов и психологов.

Таким образом, в 5 классе учебная мотивация начинает приобретать **личностно значимый характер** и всё чаще определяется не только внешними стимулами, но и **внутренними установками**, связанными с самооценкой, интересом к познанию и стремлением к самореализации.

Таблица 4. Корреляционная матрица показателей мотивации и эмоционального отношения к учебной деятельности у обучающихся 6-х классов

Фактор	Сформированность мотивации	Интерес	Успех	Стыд	Уважение родителей
Познавательная активность	0,304**	0,507**	0,355**	0,142	0,192*
Мотивация достижения	0,280**	0,429**	0,357**	0,026	0,052
Тревожность	-0,158	-0,114	-0,085	0,038	0,112
Гнев	-0,202*	-0,206*	-0,124	0,093	-0,139
Уровни мотивации	0,252**	0,320**	0,251*	0,011	0,151

Учащиеся 6-х классов, как правило, находятся в возрасте 11–12 лет и вступают в фазу активного перехода к подростковому возрасту. Это период, характеризующийся значительными изменениями в когнитивной, личностной и эмоциональной сферах. У детей этого возраста начинает формироваться **осознанная позиция субъекта учебной**

деятельности — они становятся способными к рефлексии собственных успехов и неудач, стремятся к самоутверждению, всё чаще ориентируются не только на мнение взрослых, но и на внутренние представления о своих способностях и целях.

В познавательном плане учащиеся демонстрируют возрастающую способность к **анализу, обобщению, переносу знаний**, что делает их потенциально готовыми к освоению более сложных и абстрактных учебных задач. Вместе с тем повышается и эмоциональная чувствительность: учащиеся более остро реагируют на неуспех, становятся уязвимыми к оценке, особенно в ситуациях сравнения с другими.

Анализ данных, полученных в ходе исследования (см. табл. 4), позволяет утверждать, что мотивационная сфера шестиклассников уже обладает **внутренней структурированностью**. Так, по результатам корреляционного анализа, установлены значимые прямые связи между **познавательной активностью**, **мотивацией достижения**, а также **общим уровнем мотивации и интересом к обучению**. Это указывает на формирование **внутренне мотивированной учебной установки**, где стремление к успеху и осмысленное отношение к учебному процессу становятся определяющими поведенческими регуляторами.

Дополнительный интерес представляют данные о связи между познавательной активностью и таким внешне опосредованным фактором, как **стремление заслужить уважение родителей**. Это отражает переходный характер мотивационной структуры: несмотря на усиливающееся стремление к самостоятельности, **социальное одобрение** по-прежнему остаётся значимым мотивирующим фактором. Таким образом, у многих учащихся мотивация формируется на стыке **внутренней рефлексии и внешних ожиданий**.

На фоне положительных тенденций были выявлены и сдерживающие факторы. Так, **переживание чувства гнева** оказалось статистически значимо связано с **снижением мотивации и интереса к учению**, что подтверждает роль негативных эмоциональных состояний как барьера к познавательной активности. Кроме того, **тревожность**, по результатам сравнительного анализа, в 6 классе более выражена у девочек ($p = 0.000$), что может объясняться повышенной чувствительностью к школьной нагрузке, оценке, социальной конкуренции.

Также были зафиксированы гендерные различия в структуре учебной мотивации и эмоционального реагирования. Мальчики в среднем демонстрировали более высокий уровень мотивации к обучению ($p = 0.005$) и познавательной активности ($p = 0.016$), что может свидетельствовать о большей уверенности в собственных силах и склонности к активности в ситуации учебной задачи. В то же время девочки чаще отмечали у себя выраженные эмоциональные реакции, включая повышенный уровень тревожности и гнева. Эти особенности могут быть обусловлены тем, что девочки, как правило, более чувствительны к оценке и межличностным ожиданиям, глубже переживают возможные неуспехи и чаще ориентированы на соответствие социальным нормам. В результате их учебная активность сопровождается более насыщенным внутренним эмоциональным фоном, что требует особого внимания к психологическому климату образовательной среды.

Таблица 5. Корреляционная матрица показателей мотивации и эмоционального отношения к учебной деятельности у обучающихся 7-х классов

Фактор	Сформированность мотивации	Интерес	Успех	Стыд	Уважение родителей
Познавательная активность	0,428**	0,514**	0,306**	0,116	0,049
Мотивация достижения	0,438**	0,422**	0,301**	0,081	0,115

Тревожность	-0,104	-0,226**	-0,033	0,105	0,160*
Гнев	-0,076	-0,245**	-0,120	0,036	0,105
Уровни мотивации	0,393**	0,533**	0,281**	0,014	-0,011

Учащиеся 7-х классов, как правило, находятся в возрасте 12–13 лет и представляют собой возрастную группу, находящуюся в активной фазе подросткового периода. Это этап интенсивного личностного становления, перехода от внешней мотивации к внутренне детерминированной, поиска идентичности и ценностных ориентиров. Школьники в этом возрасте стремятся к большей самостоятельности в суждениях, проявляют повышенный интерес к самооценке, переживают повышенную чувствительность к мнению сверстников и взрослых, а также чаще задаются вопросами о своём будущем.

Особенностью именно этой возрастной группы в контексте проведённого исследования является то, что **в 7 классе в лицее начинается профильное обучение**, направленное на углублённое изучение физико-математических дисциплин. Это обстоятельство вносит дополнительные требования к учебной нагрузке, концентрации внимания, уровню абстрактного мышления и самоорганизации. Для большинства подростков это становится первым серьёзным испытанием, требующим не только академических способностей, но и **сформированной учебной мотивации, устойчивого интереса к предметной области и навыков эмоциональной регуляции**.

Результаты корреляционного анализа (см. табл. 5) демонстрируют, что в данной возрастной группе **мотивационная сфера характеризуется высоким уровнем структурности**. Было выявлено, что **познавательная активность**, **мотивация достижения**, а также **общий уровень мотивации и положительное эмоциональное отношение к учению** находятся в прямой взаимосвязи с наличием интереса к учебной деятельности и стремлением доказать себе собственную успешность. Эти показатели свидетельствуют о том, что для значительной части семиклассников учебная деятельность приобретает **внутреннюю значимость**, особенно в условиях осознанного выбора профильного направления.

Однако с усилением когнитивной и личностной нагрузки усиливаются и эмоциональные трудности. Так, было установлено, что **переживание тревоги и гнева** обратно коррелирует с учебной мотивацией, особенно с интересом к обучению. Учащиеся, испытывающие внутреннее напряжение и эмоциональный дискомфорт, чаще утрачивают учебную вовлечённость. При этом важно отметить, что **у девочек уровень тревожности статистически значимо выше**, чем у мальчиков ($p = 0.026$), что соответствует общей возрастной динамике и может быть связано с большей эмоциональной восприимчивостью и склонностью к самокритичности.

Интересной является выявленная на уровне $p < 0.05$ положительная связь между тревожностью и стремлением заслужить уважение родителей. Это указывает на то, что **часть учащихся компенсирует внутреннюю неуверенность через повышенное старание**, опираясь на внешнюю оценку как способ поддержания самооценки. Таким образом, мотивация в данной группе может носить **амбивалентный характер**: с одной стороны, она направлена на достижение успеха, с другой — опосредована эмоциональным напряжением и стремлением избежать разочарования окружающих.

Таким образом, учащиеся 7-х классов лицея демонстрируют переход от учебной деятельности, опирающейся на внешние стимулы, к **осмысленному, личностно значимому учению**, особенно в условиях углублённого предметного обучения. Однако этот переход сопровождается внутренними противоречиями и высоким уровнем

эмоциональной уязвимости, особенно у девочек. В связи с этим работа с мотивацией подростков данной категории требует учёта не только их интеллектуального потенциала, но и эмоциональных особенностей, а также создания поддерживающей среды, способствующей устойчивому развитию интереса к учению и снижению эмоционального напряжения.

Таблица 6. Корреляционная матрица показателей мотивации и эмоционального отношения к учебной деятельности у обучающихся 8-х классов

Фактор	Сформированность мотивации	Интерес	Успех	Стыд	Уважение родителей
Познавательная активность	0,335**	0,449**	0,222**	0,018	0,014
Мотивация достижения	0,337**	0,411**	0,365**	0,052	0,085
Тревожность	-0,076	-0,203**	-0,114	0,144	0,061
Гнев	-0,108	-0,181*	-0,075	-0,007	0,000
Уровни мотивации	0,251**	0,422**	0,278**	-0,020	0,026

Учащиеся 8-х классов, как правило, находятся в возрасте 13–14 лет и представляют собой возрастную категорию, находящуюся в активной фазе **среднего подросткового периода**. Это время характеризуется дальнейшим развитием самосознания, усложнением внутреннего мира, формированием устойчивых личностных установок и становлением базовых мировоззренческих ориентаций. Подростки стремятся к автономии, вырабатывают собственные взгляды, нередко вступают в противоречие с внешними авторитетами и активно ориентируются на референтную группу сверстников.

Когнитивная сфера к этому возрасту уже достаточно развита: учащиеся способны к абстрактному мышлению, сравнительному анализу, рассуждению, прогнозированию. Вместе с тем, мотивационная структура приобретает всё большую **избирательность**: учебная активность направляется преимущественно на те области, которые представляются лично значимыми, практически полезными или социально одобряемыми. В остальном может наблюдаться отчуждение и формальное отношение к учебной деятельности.

Результаты корреляционного анализа (см. табл. 6) подтвердили, что даже в условиях возрастной переориентации познавательная активность, мотивация достижения, а также общий уровень мотивации и эмоционального отношения к учению сохраняют **устойчивую прямую взаимосвязь** с ключевыми мотивационными параметрами — интересом к учебной деятельности и стремлением доказать себе свою способность к успеху. Это позволяет говорить о наличии у значительной части восьмиклассников **внутренне осознанной учебной мотивации**, которая сохраняется при условии совпадения учебных задач с их личностными целями и интересами.

Однако одновременно фиксируется и влияние негативных эмоциональных факторов. Так, установлено, что **тревожность обратно коррелирует с интересом к учению**, что свидетельствует о возможном тормозящем эффекте тревожных переживаний на учебную вовлеченность. Эмоциональное напряжение, возникающее на фоне предстоящей проверки знаний, завышенных ожиданий или страха неуспеха, может подрывать даже ранее устойчивый интерес к учению. Особенно это актуально в условиях возрастающей учебной нагрузки и давления, связанного с приближающимся этапом профильного выбора и осмыслением будущей профессиональной траектории.

Кроме того, на уровне $p < 0,05$ была выявлена **обратная корреляция между переживанием гнева и интересом к учебной деятельности**. Это может быть отражением фрустрации, вызванной несоответствием учебного материала ожиданиям, конфликтами с педагогами или усталостью от рутинной нагрузки. В таком случае гнев выступает как защитная реакция на внутреннюю демотивацию и воспринимаемую несправедливость, снижая готовность к активному обучению.

Таким образом, учащиеся 8-х классов находятся в **переходной точке**, где учебная мотивация начинает всё более зависеть от личностных установок, уровня саморефлексии и эмоциональной устойчивости. При этом мотивация может сохранять высокий уровень при условии внутренней значимости содержания обучения и соответствующей эмоциональной поддержки. Снижение интереса к учению в данном возрасте часто связано не с отсутствием способностей, а с эмоциональной перегрузкой, отсутствием положительного подкрепления и затруднённым поиском личного смысла в учебной деятельности.

Заключение. Для педагогов и психологов этот возрастной период особенно важен как этап **поддержки, переориентации и укрепления учебной мотивации**. Необходимы целенаправленные усилия, направленные на развитие познавательной инициативы, эмоциональной саморегуляции и смысловой вовлечонности учащихся в процесс обучения.

Проведённое исследование позволило выделить некоторые возрастные особенности формирования мотивации учения и эмоционального отношения к учебной деятельности у учащихся 4х–8х классов.

С возрастом структура мотивационной сферы школьников усложняется: от эмоционально окрашенного интереса младших подростков к рациональной, но подверженной внутренним аспектам мотивации учащихся старших классов. Эмоциональные переменные, в первую очередь тревожность и гнев, начинают играть всё более значимую роль и могут существенно тормозить учебную активность.

Наибольшей устойчивостью отличается мотивация учащихся, обладающих выраженным внутренним интересом и мотивацией достижения. Именно в этой группе фиксируются положительные связи по всем основным параметрам — от интереса и успеха до отказа от деструктивных эмоциональных реакций.

Анализ полученных в ходе исследования данных позволяет сделать ряд значимых выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение для образовательной практики. Учебная мотивация подростков, как показало исследование, представляет собой сложную, многоуровневую систему, в которой тесно переплетаются когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Особую важность приобретает эмоциональное отношение к учебному процессу, напрямую связанное с уровнем мотивации и познавательной активности.

Таким образом, для устойчивого развития учебной мотивации подростков необходимо внедрение системной коррекционной работы, включающей следующие направления:

1. **Осуществление эмоционально-психологической поддержки обучающихся:** снижение уровня тревожности, развитие навыков эмоциональной саморегуляции, формирование устойчивой самооценки.
2. **А**ктуализация практической и личностной значимости содержания учебного материала.
3. **Развитие внутренней мотивации** — создание условий для самоопределения, инициативы и ощущение собственной субъектности в учебной деятельности.

4. **У**чёт различий в эмоциональной регуляции и реагировании на учебные требования подростками разного пола.

5. **Системный мониторинг мотивационной динамики** — регулярная диагностика и коррекционная работа по поддержанию учебной активности.

Реализация указанных направлений возможна при совместном участии педагогов, психологов и администрации школы, ориентированном на развитие обучающегося как субъекта учебной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева А.Д. Отношение к учению в разные периоды развития российского школьного образования / А.Д. Андреева // Культурно-историческая психология. – 2021. – Т. 17, № 1. — С. 84–92. — DOI: 10.17759/chp.2021170112.
2. Бадмаева Н.Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей / Н. Ц. Бадмаева. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2004. — 280 с.
3. Божович Л.И. Проблемы формирования личности : избранные психологические труды / Л.И. Божович ; под ред. Д. И. Фельдштейна. — Москва : Институт практической психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1997. — 352 с.
4. Данилова Е.Е. Содержание и динамика мотивационных предпочтений современных младших школьников и младших подростков / Е.Е. Данилова // Психологическая наука и образование. – 2019. – Т. 24, № 4. — С. 51–61. – DOI: 10.17759/pse.2019240404.
5. Зинченко С.Н. Исследование учебной мотивации подростков (10–14 лет): эмоционально-ценностные и когнитивные аспекты : набор данных / С.Н. Зинченко. — Москва : RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов, 2025. – DOI: 10.48612/MSUPE/6gx1-v44n-xtxk.
6. Золотарева А.В. Мотивация к учебной деятельности у современных подростков: результаты регионального исследования в школах, находящихся в сложных социальных условиях / А.В. Золотарева, И.В. Серафимович // Психологическая наука и образование. — 2021. – Т. 26, № 6. – С. 58–68. – DOI: 10.17759/pse.2021260604.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1977. — 304 с.
8. Леонтьев Д.А. Мотивация и личностные ресурсы в образовательной деятельности / Д.А. Леонтьев, Е.Н. Осин, С.Ш. Досумова, Ф.Р. Рзаева, В.В. Бобров // Психологический журнал. — 2018. – Т. 39, № 2. – С. 15–25. – DOI: 10.17759/pse.2018230605.
9. Ляшенко М.В. Мотивация учебной деятельности: основные понятия и проблемы / М.В. Ляшенко // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. — 2019. — Т. 11, № 1. — С. 53–73. – DOI: 10.14529/ped190107.
10. Матюхина М.В. Мотивация учения младших школьников / М.В. Матюхина. — Москва : Педагогика, 1984. — 144 с.
11. Никитская М.Г. Учебная мотивация старших подростков в разных образовательных средах / М.Г. Никитская, Н.Н. Толстых // Психологическая наука и образование. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 32–46. – DOI: 10.17759/pse.2025300203.
12. Стрельченко О.Н. Развитие личности в условиях цифровизации российского образования / О.Н. Стрельченко // Международный научно-исследовательский журнал. ― 2023. ― № 2 (128). ― DOI: 10.23670/irj.2023.128.3.

REFERENCES

1. Andreyeva A.D. (2021). Attitudes toward learning in different periods of the development of Russian school education. Cultural-Historical Psychology, 17(1), pp. 84–92. https://doi.org/10.17759/chp.2021170112 (In Russian).
2. Badmaeva N.Ts. (2004). The influence of motivational factors on the development of mental abilities. Ulan-Ude: VSGTU Publishing House. (In Russian).
3. Bozhovich L.I. (1997). Problems of personality formation: Selected psychological works (Ed. D.I. Feldshtein). Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: NPO MODEK. (In Russian).
4. Danilova E.E. (2019). Content and dynamics of motivational preferences of modern primary school students and early adolescents. Psychological Science and Education, 24(4), pp. 51–61. https://doi.org/10.17759/pse.2019240404 (In Russian).

5. Zinchenko S.N. (2025). A study of academic motivation in adolescents (10-14 years): emotional-value and cognitive aspects: Dataset. RusPsyData: Repository of psychological research and instruments. Moscow. https://doi.org/10.48612/MSUPE/6gx1-v44n-xtxk (In Russian).
6. Zolotareva A.V., Serafimovich I.V. (2021). Motivation for academic activities among modern adolescents: Results of a regional study in schools in challenging social conditions. Psychological Science and Education, 26(6), pp. 58–68. https://doi.org/10.17759/pse.2021260604 (In Russian).
7. Leontiev A.N. (1977). Activity. Consciousness. Personality (2nd ed.). Moscow: Politizdat. (In Russian).
8. Leontiev D.A., Osin E.N., Dosumova S.Sh., Rzaeva F.R., Bobrov V.V. (2018). Motivation and personal resources in educational activities. Psychological Journal, 39(2), pp. 15–25. https://doi.org/10.17759/pse.2018230605 (In Russian).
9. Lyashenko M.V. (2019). Motivation of academic activities: Basic concepts and problems. Bulletin of South Ural State University. Series: Education. Pedagogical Sciences, 11(1), pp. 53–73. https://doi.org/10.14529/ped190107 (In Russian).
10. Matyukhina M.V. (1984). Motivation of learning in primary school students. Moscow: Pedagogika. (In Russian).
11. Nikitskaya M.G., & Tolstyh N.N. (2025). Academic motivation of older adolescents in different educational environments. Psychological Science and Education, 30(2), pp. 32–46. https://doi.org/10.17759/pse.2025300203 (In Russian).
12. Strelchenko O.N. (2023). Personality development in the context of the digitalization of Russian education. International Research Journal, 2(128). https://doi.org/10.23670/irj.2023.128.3 (In Russian).

Поступила в редакцию 16.12.2025 г.

FORMATION OF ADOLESCENTS' ACADEMIC MOTIVATION: EMOTIONAL-VALUE AND COGNITIVE ASPECTS IN THE CONTEXT OF MODERN EDUCATION

S.N. Zinchenko

The article explores adolescents' academic motivation as a psychological process integrated into the structure of personality within the context of modern education. Based on the theoretical analysis and the empirical study conducted in 2025 at Lyceum No. 64 in Omsk, the personal aspects of motivation among students in grades 4–8 were investigated, encompassing its cognitive and emotional-value components. Modified methodologies of diagnostic methods by Spielberger C.D. and Matyukhina M.V., along with an original scale for assessing motivational attitudes, were employed. The findings indicate that motivation, as a personality process, is shaped by age, gender, and emotional states such as anxiety and anger. Correlations were identified between motivation, cognitive activity, and achievement motivation, as well as the impact of negative emotions on reduced academic engagement. The results obtained highlight the need for psychological correction of the motivational sphere of adolescents' personality, aimed at its development and reinforcement.

Keywords: academic motivation, psychology of personality, cognitive activity, achievement motivation, emotional states, adolescents, educational environment, psychological correction of motivational sphere

Зинченко Светлана Николаевна.
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация, г. Омск.
Ассистент кафедры общей и социальной психологии.
ORCID: 0009-0000-9813-3378.
E-mail: Z_Svetta@mail.ru.

Zinchenko Svetlana Nikolaevna.
Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation.

Assistant at Department of General and Social Psychology.
ORCID: 0009-0000-9813-3378.
E-mail: Z_Svetta@mail.ru.

Обзорная статья
УДК 316.6
DOI: 10.5281/zenodo.18098953

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА[8]

© 2025 Д.Р. Майстепанова
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0009-0002-9550-211X

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена комплексному анализу влияния затяжного военного конфликта на развитие и трансформацию личности. Исследуется проблема перехода от изучения отдельных травматических эпизодов к пониманию войны как пролонгированного системного кризиса, радикально перестраивающего личностное функционирование. Теоретическая рамка объединяет классические теории личности, современные концепции травмы (включая комплексное ПТСР и моральную травму) и экологические модели развития. На основе междисциплинарного анализа выявляются ключевые механизмы воздействия: прямая травматизация, хронический стресс, разрушение социальной среды и межпоколенная передача последствий. Основной результат заключается в раскрытии диалектики этого воздействия: наряду с рисками дезинтеграции, война актуализирует потенциал резильентности и посттравматического роста. Доказывается, что эффективная помощь требует интеграции клинических интервенций с мерами социальной политики, учитывающими фазу конфликта и многоуровневую природу факторов устойчивости.

Ключевые слова: военный конфликт, развитие личности, психологическая травма, комплексное ПТСР, резильентность, посттравматический рост, межпоколенная передача травмы, факторы устойчивости, социальная среда, психологическое вмешательство, теория травмы, моральная травма, психическое здоровье.

Для цитирования: Майстепанова Д.Р. Теоретический анализ особенностей развития личности в условиях военного конфликта / Д.Р. Майстепанова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 6. — С. 253–267. — https://doi.org/10.5281/zenodo.18098953

Введение. Тема личностного роста в военное время уже давно вышла за пределы узких исследований и стала одной из центральных в современной психологии. Масштаб конфликтов растёт, а вместе с ним и глубина последствий для обычных людей. По данным УВКБ ООН, число тех, кто был вынужден бросить свои дома из-за войны, снова побило рекорд [59]. Параллельно растёт и психологическая цена происходящего: крупные обзоры показывают высокие уровни депрессии, тревожности и ПТСР среди тех, кто живёт под обстрелами или рядом с ними [23; 36]. В работах Хоппена и Морины эта картина становится ещё жёстче: речь идёт уже о сотнях миллионов людей, которые сталкиваются с отложенными эффектами войны [45].

Ситуация выглядит особенно острой на примере длительного конфликта на Донбассе. Его затянутость изменила не только жизни прямых участников, но и

[8] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 25-18-00895, тема проекта «Система психологического сопровождения личности, пострадавшей от психотравмирующей ситуации в ДНР».

социальную среду, в которой формируются дети, подростки и молодые взрослые. Такие условия влияют на базовые процессы идентичности, чувство безопасности и способность к долгосрочному планированию. Это уже не только гуманитарная проблема, а сложная теоретико-прикладная задача: нужно понять, как перестраивается личность там, где стабильность превращается в переменную, а привычные правила и границы годами сохраняют шаткое равновесие.

При этом последствия войны не сводятся к патологии. Исследования Тола и Джорданса показывают, что люди могут демонстрировать устойчивость и способность к адаптации, даже когда травматический опыт значителен [58]. Логичным будет предложить следующую оптику: реакция на травму бывает разной, и устойчивость или восстановление встречаются не реже, чем хронификация. Такой взгляд помогает уйти от упрощённой модели, где конфликт будто бы неизбежно приводит к дезадаптации.

Долгосрочная перспектива тоже меняет картину. Работы Йехуды демонстрируют, что травма может передаваться следующему поколению на биологическом уровне, через эпигенетические механизмы [61]. Исследования также подчёркивают, что семейные сценарии, стиль общения и эмоциональная среда создают психосоциальный канал такой передачи. Получается, что война влияет на тех, кто в неё даже не попал непосредственно.

Теоретическая рамка статьи опирается и на более специализированные концепции. Херман вводит понятие комплексной травмы, что позволяет отличить последствия длительных и повторяющихся событий от последствий единичного эпизода [43]. Введение в МКБ-11 диагноза комплексного ПТСР подтвердило, что эта разница значима клинически и теоретически [8]. Некоторые исследования добавляют ещё одну грань — моральную травму, связанную не со страхом, а с виной, стыдом и переживанием нарушения собственных ценностей [5; 17; 22; 49]. Для анализа современных войн эта идея критически важна, потому что она охватывает как военных, так и гражданских.

Основная часть. Анализ влияния военного конфликта на личность требует сочетать классические психологические теории, описывающие устойчивые паттерны реагирования человека на угрозу, и современные концепции травмы, объясняющие особенности пролонгированного, повторяющегося воздействия насилия. Такой междисциплинарный ракурс позволяет увидеть, как война перестраивает базовые механизмы функционирования личности, затрагивая её мотивационную структуру, систему смыслов, социальную идентичность и способы саморегуляции.

Психодинамический подход традиционно рассматривает реакцию на экстремальный стресс как столкновение первичных защитных механизмов с реальной угрозой. В рамках психодинамического подхода, идущего от З. Фрейда, реакция на экстремальную угрозу понимается как мобилизация арсенала защитных механизмов (вытеснение, отрицание и др.), призванных снизить непереносимое психическое напряжение [17; 27]. В условиях войны эти механизмы нередко приобретают регрессивный характер, возвращая человека к более примитивным формам реагирования. А. Фрейд подчёркивала, что при угрозе жизни защитные реакции становятся тотальными и определяют поведение гораздо сильнее, чем в мирное время [26]. На этом фоне возрастает значение наблюдений В. Франкла: в условиях, где теряются привычные структуры смысла, человек вынужден создавать их заново, и именно поиск нового «для чего жить» становится основой сохранения психической целостности [10; 25].

Социально-когнитивный подход предлагает иную плоскость анализа. А. Бандура подчёркивал, что чувство самоэффективности — убеждённость в собственной способности влиять на происходящее — является ключевым инструментом саморегуляции [1]. Война лишает человека контроля над значимыми событиями, а

многократные столкновения с бессилием формируют состояние, которое М. Селигман описал как «выученную беспомощность» [12; 21]. Наблюдение за насилием, агрессией, разрушенными социальными структурами формирует новые модели поведения, часто ригидные и дезадаптивные, особенно у детей и подростков.

Психология черт личности, прежде всего модель «Большой пятёрки» Р. МакКрэй и П. Косты [9], позволяет рассматривать индивидуальные различия как фактор риска или защиты. Высокий нейротизм последовательно связан с большей вероятностью развития ПТСР и депрессивных состояний. Высокая сознательность или открытость опыту могут, напротив, облегчать адаптацию, помогать формировать гибкие стратегии поведения. Однако исследования долгосрочных последствий боевых действий фиксируют изменения самих черт после травмы: у ветеранов отмечено снижение доброжелательности, рост нейротизма и спад открытости [47]. Это подтверждает, что война влияет не только на состояние, но и на глубинные структуры личности.

Классические теории развития подчеркивают, что личность формируется во взаимодействии с социальной средой, а война радикально перестраивает эту среду. Психосоциальная теория Э. Эриксона показывает, как война нарушает прохождение ключевых стадий: стадия доверия в младенчестве подрывается постоянной угрозой, стадия автономии — потерей контроля над малейшими аспектами жизни, стадия инициативы — невозможностью свободно исследовать мир [34]. В подростковом возрасте идентичность формируется в условиях неопределённости и разрушенных культурных ориентиров. На стадии зрелости задача генеративности — заботы о следующем поколении — блокируется, когда структура семьи нарушена, а социальные роли обесценены.

Л.С. Выготский рассматривал развитие как процесс, опосредованный культурными знаками и социальной ситуацией [4]. Война радикально сужает «зону ближайшего развития»: вместо освоения новых культурных инструментов ребёнок вынужден усваивать навыки выживания. Культурные смыслы — ключевой элемент развития — сменяются моделями поведения, продиктованными угрозой. Это меняет саму архитектуру психического развития, смещая его в сторону реактивности и снижения уровня опосредования.

История изучения травмы показывает, как научное сообщество постепенно переходило от понимания травмы как кратковременного шокового события к осознанию её пролонгированных и системных форм.

Классическое ПТСР [11], описывает реакцию человека на единичное, угрожающее жизни событие: повторяющиеся воспоминания, избегание, гипервозбуждение. Эта модель подходит в ситуациях природных катастроф, аварий, единичных эпизодов насилия. Однако она плохо объясняет те случаи, когда травма длится годами.

Концепция комплексной травмы стала поворотной точкой в теории травматизма [8, 16], для нее характерно постоянное воздействие, невозможность избежать насилия, разрушение межличностных связей и нарушение базовых механизмов саморегуляции. Можно выделить несколько ключевых сфер нарушений: регуляция эмоций, процессы внимания и сознания (вплоть до диссоциации), самовосприятие, отношения с другими, соматизация, система смыслов. Эти сферы связаны с фундаментальными компонентами личности, что объясняет глубину последствий войны.

Введение кПТСР в МКБ-11 закрепило эту идею на уровне международного стандарта [8, 11]. кПТСР включает классический симптомокомплекс ПТСР, но расширяется за счёт нарушений самоорганизации, негативной самоконцепции и трудностей в межличностных отношениях. Исследования М. Клоэтр и коллег

подтверждают, что кПТСР особенно характерно для людей, переживших длительное воздействие насилия, включая жителей зон военных конфликтов [37, 38]. Это состояние влияет на ядро личности, нарушая устойчивость образа «я», снижая способность устанавливать безопасные отношения и поддерживать чувство внутренней целостности.

Переход от понимания травмы как однократного события к восприятию её как длительного процесса меняет сам подход к анализу личности. В условиях войны человек должен адаптироваться к существованию в среде, где нет завершённого эпизода, где угроза перманентна, а травма — не событие, а фон. Именно поэтому современная психология говорит не только о рисках психопатологических нарушений, но и о том, как война трансформирует структуру личности, её источники мотивации и способы регулировать внутреннее напряжение.

Воздействие войны на личность разворачивается через сложную систему переплетенных механизмов, которые касаются одновременно опыта, тела и социальной среды. Эти механизмы нельзя свести к простому набору стрессоров: они перестраивают способы восприятия, самоорганизацию и рамки будущего. На уровне прямого опыта война наносит удар по основам существования. Травма типа I и особенно травма типа II по классической типологии Л. Терр [57] охватывает все, что связано с непосредственной угрозой жизни, наблюдением насилия, пленом, пытками. Такие события раскалывают опыт на эмоционально-сенсорные осколки, которые организм фиксирует не как осмысленный рассказ, а как телесные и обрывочные воспоминания, вытесняемые из нарратива [3, 43]. Множественные утраты — жизни близких, дома, социального положения, тела, будущего — создают состояние постоянного траурного фонового напряжения, которое в работах Шнейдера и последующих авторов описано как усложненное горе и накопленное травматическое бремя [32]. Разрушение привязанностей, о котором предупреждал Дж. Боулби [2], проявляется в распаде базовой надежности: фигуры привязанности оказываются недоступны, исчезают или сами теряют способность быть опорой. Исследования также показывают, что дезорганизованная или тревожная привязанность в таких условиях становится обычным ответом, подрывая способность к регуляции эмоций и социальному доверию.

Хронический стресс, порождаемый войной, не похож на краткие всплески тревоги: это непрерывный, непредсказуемый и неконтролируемый поток угроз, из-за которого системы выживания остаются включенными месяцами и годами. Б. Макьюэн описывал подобное состояние как разрушительный аллостатический перегруз [7; 18; 51]. В результате человек может внешне сохранять работоспособность, но его психофизиологические ресурсы истощаются, что проявляется соматическими симптомами, эмоциональным выгоранием и регрессом навыков саморегуляции.

Помимо прямых ударов по психике, война разрушает социальную среду, без которой личностное развитие невозможно. Систематическая депривация базовых потребностей — в безопасности, еде, сне, образовании — фактически блокирует движение к более высоким уровням потребностей, о которых писал А. Маслоу. Образовательная депривация в условиях боевых действий не просто лишает знаний, она ломает привычные ритмы, горизонты и связи, что особенно болезненно для детей и подростков. Резкое прерывание исполнения социальных ролей или насильственный разрыв жизненного пути индивида могут быть интерпретированы в рамках концепции кризиса идентичности, разработанной Э. Эриксоном. Человек, который вчера был студентом или предпринимателем, сегодня вынужден стать военнослужащим, беженцем или родителем, неспособным защитить своего ребенка. Такая резкая смена ролей ведет

к социальной и личностной дезориентации, усилению чувства несостоятельности и падению самоуважения.

Вынужденная миграция, вызванная страхом или прямой угрозой, нередко сопровождается тем, что в исследованиях называют социальной смертью. На новом месте человек теряет прежние социальные позиции, привычные связи и профессиональную идентичность. Исследования мигрантов в различных конфликтах показывают, что маргинализация — частый спутник вынужденного перемещения [6; 24; 33]. Даже при внешне благополучной адаптации сохраняется ощущение выброшенности на обочину жизни, усиливающее беспомощность и раздражительность.

На нейробиологическом уровне все перечисленные процессы находят свое отражение в изменениях регуляции стрессовых систем. Хроническая активация гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси ведет к выбросам кортизола, которые со временем становятся нейротоксичными для гиппокампа — зоны, отвечающей за память и способность связывать прошлый опыт с настоящим контекстом. Работы Р. Йехуды и Б. Макьюэна наглядно описывают этот механизм, связывая его с когнитивными нарушениями при ПТСР [52; 63]. Параллельно наблюдается гиперактивность миндалины и сниженная активность префронтальной коры: мозг оказывается в состоянии функционального дисбаланса, при котором доминируют подкорковые структуры выживания, а регуляторные функции неокортекса подавлены, что субъективно переживается как «застревание» в режиме угрозы.

Эпигенетические изменения добавляют новый уровень сложности. М. Сзиф, Р. Йехуда и другие исследователи показали, что травма может изменять работу генов, регулирующих стресс-ответ, даже если сама последовательность ДНК остается прежней [53; 56; 62; 63]. Эти изменения могут сохраняться годами и потенциально передаваться детям, формируя биологическую основу повышенной реактивности и уязвимости к психическим расстройствам.

Межпоколенная передача травмы закрепляет последствия войны в семейных и социальных тканях. На психосоциальном уровне дети перенимают не только стиль поведения родителей, но и саму модель реакции на мир. Непрожитая травма взрослых приводит к нарушениям чувствительности: родители становятся или чрезмерно тревожными и контролирующими, или эмоционально отстраненными, что формирует у ребенка небезопасные модели привязанности [28; 29; 31]. Феномен передаваемых нарративов, показывает, что семейные истории могут быть либо насыщены страхом, виной и стыдом, либо превращаются в зону молчания, где невыраженные эмоции передаются как скрытый эмоциональный климат. То и другое мешает ребенку формировать устойчивую идентичность и адекватные стратегии совладания.

На биологическом уровне дети переживших войну могут демонстрировать измененный профиль кортизола, повышенную стресс-реактивность и эпигенетические маркеры, связанные с реакцией на опасность. Эти данные подтверждены исследованиями детей, переживших Холокост и других массовых травм [48; 61].

Все вместе это создаёт картину, где война наносит удар по личности одновременно изнутри и извне. Это не просто набор симптомов — это глубокая перестройка способов чувствовать, помнить, строить отношения и представлять будущее. Такая многослойная трансформация объясняет, почему психопатология в условиях войны столь распространена, а процесс восстановления требует не только времени, но и целенаправленных усилий общества, семьи и профессионального сообщества.

Реакция личности на военный конфликт не предопределена однозначно: она представляет собой динамический результат взаимодействия многоуровневых факторов

риска и факторов резильентности, причём значимость каждого из них меняется во времени и в зависимости от контекста. Понимание этих взаимосвязей позволяет перейти от простой констатации вреда к прогнозированию траекторий и к целенаправленному планированию вмешательств. На индивидуальном уровне набор характеристик личности и предшествующий опыт задают базовый «диатез» уязвимости или устойчивости. В рамках модели «Большой пятёрки» высокий нейротизм выступает стойким предиктором развития ПТСР, депрессии и тревожных расстройств за счёт общей склонности к негативной аффективности и трудностей регуляции [55]. Напротив, высокая сознательность облегчает организацию поведения в условиях хаоса, а доброжелательность повышает шансы на получение социальной поддержки; открытость опыту даёт гибкость, но при отсутствии ресурсов может усилить уязвимость из-за более глубокой переработки травматичного материала [55]. Наличие в анамнезе непроработанных травм («травматическая сенсибилизация») и предшествующая психопатология существенно снижают порог стрессоустойчивости и увеличивают риск хронизации симптомов [35]. Когнитивно-аффективные стили — пессимистический атрибутивный стиль, склонность к руминации и негативным автоматическим мыслям — оказываются мощными предикторами неблагоприятного исхода, тогда как способность к смыслообразованию и когнитивный рефрейминг, а также наличие устойчивых ценностей (в традициях Франкла) выступают буферами, способствующими сохранению целостности личности и даже посттравматическому росту [25, 52].

Второй уровень — межличностный — задаёт возможности и пределы адаптации через силу и качество социальных связей. Надёжная семейная система и устойчивые партнёрские отношения функционируют как «амортизатор» стресса: безопасные привязанности и эффективная коммуникация внутри семьи повышают шансы на восстановление, дают пространство для переработки переживаний и снижают риск хронизации [2; 30]. Модель семейного функционирования Олсона подчёркивает значимость сплочённости и гибкости семейной системы: семьи с высокими показателями адаптивности эффективнее перестраивают роли и обязанности в кризисе [13]. Социальная сеть шире семьи — друзья, соседи, коллеги — обеспечивает инструментальную, информационную и эмоциональную поддержку; воспринимаемая поддержка демонстрирует мощный «буферный» эффект на психическое здоровье в условиях длительного стресса [41]. Сообщество с развитым социальным капиталом, высоким уровнем доверия и взаимопомощи способно генерировать коллективную резильентность, ускоряя восстановление и смягчая индивидуальные потери [19].

Третий уровень — социально-структурный — задаёт «рамки игры»: доступ к услугам, правовой статус, экономическая стабильность и качество социальных институтов определяют, станут ли острые реакции проходящими или перейдут в хронические. Незащищённость правового статуса и экономическая депривация создают хронический стресс, подрывают мотивацию к восстановлению и ограничивают возможности получения профессиональной помощи; напротив, стабильный правовой статус, доступ к психологической поддержке, образованию и медпомощи создают условие для долгосрочной реабилитации [14; 44]. На уровне общественных институтов критически важны координация гуманитарной помощи и справедливое распределение ресурсов: сообщества с развитой инфраструктурой и налаженной координацией реже оказываются в положении, когда люди вынуждены полагаться исключительно на собственные резервы.

Ключевая идея интегративной модели в том, что резильентность — это не статичное свойство человека, а процесс, в котором значимость факторов меняется в зависимости от фаз конфликта. В остром периоде доминируют индивидуальные факторы

и ближайшая поддержка: базовые навыки выживания, физическое здоровье, наличие укрытия и пищи, а также соседская или семейная помощь могут нивелировать даже существенную предрасположенность к тревоге. На этом этапе инструментальная поддержка имеет решающее значение: проживание в безопасности, питание и медицинская помощь прямо влияют на краткосрочные исходы и уменьшают риск осложнений. В промежуточный период, когда хаос ослабляется и становится возможна стабилизация, в поле зрения выходят межличностные и социально-структурные факторы: восстановление рутины, возвращение к образованию и работе, доступ к психологической помощи и восстановление социального капитала способствуют переосмыслению опыта и предотвращают хронификацию [50; 54]. Наконец, в долгосрочной перспективе определяется взаимодействие всех уровней: индивидуальные ресурсы (смысловые стратегии, сознательность, открытость), прочные социальные связи и структурная стабильность (право на работу, юридическая защищённость, доступ к здравоохранению) формируют траекторию интеграции или, при их отсутствии, замкнутый круг маргинализации и ухудшения здоровья.

Практические выводы вытекают непосредственно из этой динамики. Интервенции в острой фазе должны быть ориентированы на обеспечение базовой безопасности и на инструментальную помощь; вмешательства в промежуточной фазе — на восстановление социальных связей, доступ к медико-психологической помощи и образовательным программам; в долгосрочной — на создание условий для экономической и правовой интеграции, а также на работу с предшествующей травмой и развитием смысловых стратегий (включая программы по посттравматическому росту). Кроме того, важна многоуровневая координация: терапевтические программы эффекты будут иметь лишь при поддержке на уровне сообществ и институций, тогда как структурные меры без психологического компонента не приведут к устойчивому восстановлению личности.

Таким образом, резильентность в условиях войны — это не просто сумма личностных достоинств, а процесс, в котором внутренние ресурсы активируются или исчерпываются внешними условиями. Эффективная политика и интервенции должны работать на всех уровнях — от индивидуального психосоциального сопровождения до усиления социальных институтов — и учитывать фазность конфликта, чтобы трансформировать риск в возможности для восстановления и роста.

Клинические и социопрактические следствия становятся тем пространством, где теоретические модели резильентности, травмы и развития личности наконец-то обретают практический смысл. В условиях войны терапия, диагностика и социальная политика перестают быть разрозненными механизмами и превращаются в единую систему, которая должна уметь работать с длительным, многослойным и часто разрушительным опытом. Современные исследования подчеркивают: воздействие боевых действий редко укладывается в рамки классической концепции ПТСР [43]. Поэтому клиническая оценка требует отхода от привычного скрининга и перехода к инструментам, которые позволяют выявить комплексную травму, нарушения самоорганизации и моральные последствия участия в событиях, нарушающих базовые ценности [49].

В практике диагностики постепенно закрепляются многоуровневые модели оценки, где наряду с международным опросником травмы, шкалами моральной травмы и опросниками привязанности рассматриваются семейная динамика, качество социальной поддержки и соматическое состояние. Такой подход позволяет увидеть не только симптоматику, но и контекст, в котором она закрепляется, что особенно важно для выживших в условиях разрушенной социальной структуры [39].

Терапевтические подходы тоже меняются. Работа с кПТСР строится по фазированной модели: сначала укрепление эмоциональной регуляции и чувства безопасности, затем переработка травматического опыта с помощью методов, эффективность которых подтверждена множеством данных [40]. Лишь после этого наступает этап реконструкции смыслов и идентичности, которая во время войны нередко фрагментируется, теряет внутреннюю логику и требует заново простроенного нарратива. Отдельного подхода требует моральная травма, где акцент делается не на экспозиции, а на переработке вины, стыда и утраченной системы ценностей. В этой работе важно пространство, в котором человек может говорить без страха осуждения, а также практики восстановления — от волонтерской деятельности до ритуализированных форм прощения [49].

Семейные интервенции становятся критически значимыми. Исследования показывают, что семья выполняет роль буфера, смягчающего долгосрочные последствия травмы, но сама при этом часто оказывается дезорганизованной [46]. Подходы, опирающиеся на теорию привязанности и системную терапию, помогают восстановить нарушенные связи, поддержать родительство и снизить уровень межличностного напряжения, который в условиях войны стремительно растет.

Социальная политика должна опираться на рекомендации поддержки психического здоровья и психосоциального благополучия, где вмешательства описываются как пирамида, начиная от поддержки сообществ и заканчивая специализированной клинической помощью [46]. На базовом уровне важны группы взаимопомощи, работа парапрофессионалов, обучение навыкам психологической первой помощи и развитие локальных сетей поддержки. На уровне целевых программ требуется внедрение краткосрочных доказательных методов помощи детям, подросткам, переселенцам, ветеранам и другим группам риска. На клиническом уровне необходим доступ к профессиональной терапии, что особенно сложно в условиях разрушенной инфраструктуры здравоохранения.

В образовательную систему сегодня предлагается включать программы развития эмоциональной устойчивости, медиа-навигации и навыков саморегуляции, а педагогов — готовить к работе с травмированными детьми [20]. Социальная политика должна обеспечивать интеграцию ветеранов и переселенцев, снижать уровень правовой и экономической нестабильности, так как именно она поддерживает хронизацию психологических нарушений [15].

Все эти программы требуют строгой этической базы. Принцип ненанесения вреда предполагает, что и исследования, и практическая работа обязаны минимизировать риск ретравматизации, обеспечивать информированное согласие и не прибегать к техникам, которые требуют прямого погружения в травматические воспоминания до того, как человек стабилен. Важна культурная чуткость, способность адаптировать методы к локальному контексту, привлекать местных специалистов и представителей сообществ. Не менее важна справедливость распределения помощи: самые маргинализированные группы не должны оставаться без доступа к поддержке. Устойчивость программ достигается только тогда, когда внешние организации работают в партнерстве с локальными структурами, а не заменяют их.

Сама логика воздействия войны на личность показывает, что отдельные клинические или социальные вмешательства, действующие изолированно, будут работать слабо. Восстановление возможно там, где профессиональная терапия сочетается с разумной социальной политикой, а в процесс включается сообщество. В этих условиях индивидуальная резильентность превращается в коллективную

способность — не просто пережить войну, а создать условия для дальнейшего развития и восстановления смыслов.

Заключение. Проведенный теоретический анализ позволяет сделать фундаментальный вывод о том, что военный конфликт создает качественно особые условия для развития личности, характеризующиеся одновременным воздействием на биологическом, психологическом и социальном уровнях. Война не просто добавляет в жизненный путь травматические эпизоды — она радикально перестраивает саму архитектуру личностного функционирования, затрагивая механизмы саморегуляции, смыслообразования и социального взаимодействия.

Центральным результатом исследования стало выявление диалектической природы воздействия войны на личность. С одной стороны, конфликт систематически разрушает опоры нормативного развития через травматизацию, депривацию и дисконтинуитет социальных ролей. С другой — он актуализирует потенциал резильентности, проявляющийся в способности личности к поиску новых смыслов, перестройке идентичности и посттравматическому росту. Эта диалектика находит свое выражение в разнообразии индивидуальных траекторий развития — от глубокой личностной дезинтеграции до обретения новой целостности.

Теоретическая модель, представленная в исследовании, демонстрирует, что последствия военного опыта не могут быть адекватно поняты в рамках какой-либо одной психологической парадигмы. Только интегративный подход, учитывающий взаимодействие классических теорий личности, современных концепций травмы и экологических моделей развития, позволяет охватить всю сложность трансформаций, происходящих с личностью в условиях конфликта.

Таким образом, личность в ситуации войны предстает не как пассивный объект воздействия, а как активная система, постоянно осуществляющая работу по переструктурированию своего опыта в условиях экстремального вызова. Понимание механизмов этой работы открывает новые перспективы для психологического анализа человеческого развития в критических ситуациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бандура А. Теория социального научения / А. Бандура. — Санкт-Петербург: Евразия, 2023. — 320 с.
2. Боулби Дж. Привязанность / Джон Боулби; [пер. с англ. Н.Г. Григорьевой, Г.В. Бурменской]. — Москва: Канон+, 2020. — 511 с.
3. Ван дер Харт О. Призраки прошлого: структурная диссоциация и терапия последствий хронической психической травмы / О. ван дер Харт, Э.Р.С. Нейенхейс, К. Стил; пер. с англ. — Москва: Когито-Центр, 2021. — 496 с.
4. Выготский Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. — Москва: Смысл: Эксмо, 2006 (Тверь: Тверской полиграфкомбинат). — 1134 с.
5. Гнездилов Г.В. Научно-практические проблемы посттравматизма участников боевых действий / Г.В. Гнездилов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2002. №2. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-prakticheskie-problemy-posttravmatizma-uchastnikov-boevyh-deystviy (дата обращения: 19.10.2025).
6. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов в России: проблемы и перспективы / В.В. Гриценко, А.В. Лепшокова // Национальный психологический журнал. — 2021. — № 2(42). — С. 15–28.
7. Исаева Е.Р. Роль психологического стресса в возникновении и течении соматических заболеваний / Е.Р. Исаева // Вестник психотерапии. — 2020. — № 74(79). — С. 64–78.
8. Кадыров Р.В. Комплексное посттравматическое стрессовое расстройство: современные подходы к определению понятия, этиологии, диагностика и психотерапия / Р.В. Кадыров, В.В. Внгер // Психолог. 2021. — №4. — С. 45–60.

9. МакКрэй Р.Р. Пятифакторная теория личности / Р.Р. МакКрэй, П.Т. Коста-мл. // Психология личности в трудах зарубежных психологов / сост. и общ. ред. А.А. Реана. — Санкт-Петербург: Питер, 2021. — С. 371–388.

10. Малкина-Пых И.Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях: [справочник] / И.Г. Малкина-Пых. — Москва: Эксмо, 2022. — 928 с.

11. МКБ-11 Международная классификация болезней 11-го пересмотра (МКБ-11). — Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2019. — Классификация 6B40 Посттравматическое стрессовое расстройство. — Текст: электронный. — URL: https://icd.who.int/browse11/l-m/ru#/http%3a%2f%2fid.who.int%2ficd%2fentity%2f2070699808 (дата обращения: 15.10.2025).

12. Одинцова М.А. Психология жизнестойкости: монография / М.А. Одинцова. — Москва: Прометей, 2022. — 278 с.

13. Олсон Д. Триединство семьи: Системный подход в консультировании / Д. Олсон, К. ДеХейн // Семейная психология и семейная терапия. — 2019. — № 3. — С. 45–62.

14. Петрова Е.Г. Доступность психиатрической и психологической помощи для вынужденных переселенцев: структурные барьеры и пути их преодоления / Е.Г. Петрова, И.В. Журавлева // Социология медицины. — 2021. — Т. 20, № 2. — С. 89–95.

15. Петрова Е.Г. Социальные детерминанты психического здоровья в условиях длительного кризиса: опыт вынужденных переселенцев / Е.Г. Петрова // Социологические исследования. — 2022. — № 8. — С. 82–93.

16. Решетников М.М. Психическая травма. Эволюция, механизмы, клиническая картина и терапия / М.М. Решетников. — Санкт-Петербург: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2021. — 316 с.

17. Решетников М.М. Психическое состояние участников боевых действий / М.М. Решетников // Психологический журнал. — 2023. — Т. 44, № 2. — С. 45–55.

18. Саповская В.Л. Аллостатическая нагрузка как предиктор нарушений психической адаптации у лиц опасных профессий / В.Л. Саповская, Н.Е. Харламова // Медицинская психология в России. — 2019. — Т. 11, № 6(59).

19. Сариев А.А. Социальный капитал как фактор коллективной устойчивости сообщества в условиях кризиса / А.А. Сариев // Социологические исследования. — 2022. — № 8. — С. 70–81.

20. Сафронова М.А. Психолого-педагогическое сопровождение детей, переживших травму: ресурсный подход / М.А. Сафронова, Е.В. Лактионова // Психологическая наука и образование. — 2023. — Т. 28, № 1. — С. 85–101.

21. Селигман М.П. Беспомощность: на пути к депрессии, развитию и смерти / М.П. Селигман. — Москва: Альпина Паблишер, 2022. — 330 с.

22. Сеттаров И.А. Боевая психическая травма и посттравматическое стрессовое расстройство: причины, последствия, профилактика / И.А. Сеттаров, Д.А. Синица, С.Т. Инамова, Д.М. Юнусов, З. Касимов // MEDICAL SCIENCES. — 2018. — № 26. — С. 58–63.

23. Травматерапия. Преодоление последствий психотравмирующих событий: монография / Авторский коллектив / под общ. ред. Е.Г. Максименко, В.В. Седнева, А.В. Гордеевой, Е.В. Новиковой. — Донецк: Издательство ООО «НПП «Фолиант», 2019. — 379 с.

24. Филиппова Е.И. Маргинальность в современной России: траектории теоретического осмысления / Е.И. Филиппова // Социологические исследования. — 2020. — № 7. — С. 56–66.

25. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере / В. Франкл. — Москва: Альпина нон-фикшн, 2023. — 219 с.

26. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы / А. Фрейд; пер. с англ. А.Ж. Сапаргалиевой. — Москва: Педагогика-Пресс, 2022. — 144 с.

27. Фрейд З. Психология бессознательного: сборник произведений / З. Фрейд; сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. — Санкт-Петербург: Питер, 2021. — 448 с.

28. Фрейли Дж. Межпоколенная передача травмы привязанности / Дж. Фрейли, К.А. Бейкер // Журнал практической психологии и психоанализа. — 2020. — № 4. — С. 18–32.

29. Херман Д.Л. Травма и исцеление. Следы пренебрежения, насилия и террора / Д.Л. Херман; [пер. с англ. А.В. Миронова, А.А. Федотова]. — Харьков: Гуманитарный Центр, 2022. — 428 с.

30. Черников А.В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики / А.В. Черников. — 6-е изд. — Москва: Класс, 2021. — 208 с.

31. Шамшикова О.А. Семейные нарративы о травматическом опыте и их влияние на психологическое благополучие детей / О.А. Шамшикова, Е.В. Лактионова // Консультативная психология и психотерапия. — 2023. — Т. 31, № 1. — С. 70–89.

32. Шнейдер А. Травма и осложненное горе: диагностика и терапия / А. Шнейдер // Посттравматическое стрессовое расстройство: диагностика и терапия / под ред. М.Х. Трата, А.С. Костанда; пер. с англ. — Харьков: Издательство «Гуманитарный Центр», 2019. — С. 215–240.

33. Штейнберг И.Е. Социальная смерть: теоретический анализ концепта в контексте вынужденной миграции / И.Е. Штейнберг // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2022. — Т. 25, № 1. — С. 76–105.

34. Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис / Э.Г. Эриксон; пер. с англ. — 2-е изд. — Москва: Флинта: МПСИ, 2020. — 352 с.

35. Brewin C.R. Meta-analysis of risk factors for posttraumatic stress disorder in trauma-exposed adults / C.R. Brewin, B. Andrews, J.D. Valentine // Journal of Consulting and Clinical Psychology. — 2000. — Vol. 68, № 5. — P. 748–766.

36. Charlson F. New WHO prevalence estimates of mental disorders in conflict-affected settings: systematic review and meta-analysis / F. Charlson, M. van Ommeren, A. Flaxman, J. Cornett, H. Whiteford, S. Saxena // The Lancet. — 2019. — Vol. 394. — P. 240–248.

37. Cloitre M. Evidence for proposed ICD-11 PTSD and complex PTSD: A clinical practice study / M. Cloitre, D.W. Garvert, C.R. Brewin, R.A. Bryant, A. Maercker // European Journal of Psychotraumatology. 2018. Vol. 9.

38. Cloitre M. ICD-11 PTSD and Complex PTSD: clinical relevance and implications for treatment / M. Cloitre, P. Hyland, J.I. Bisson, C.R. Brewin, N.P. Roberts, T. Karatzias, M. Shevlin // European Journal of Psychotraumatology. 2019. Vol. 10.

39. Cloitre M. The International Trauma Questionnaire: development of a self-report measure of ICD-11 PTSD and complex PTSD / M. Cloitre, M. Shevlin, C. Brewin [et al.] // Acta Psychiatrica Scandinavica. — 2018. — Vol. 138, № 6. — P. 536–546.

40. Cloitre M. Treatment of complex PTSD: results of the ISTSS expert clinician survey on best practices / M. Cloitre, C. Courtois, J.D. Ford [et al.] // Journal of Traumatic Stress. — 2011. — Vol. 24, № 6. — P. 615–627.

41. Cohen S. Social relationships and health / S. Cohen, T.A. Wills // American Psychologist. — 2004. — Vol. 59, № 8. — P. 676–684.

42. Ehlers A.A cognitive model of posttraumatic stress disorder / A.Ehlers, D.M. Clark // Behaviour Research and Therapy. — 2000. — Vol. 38, № 4. — P. 319–345.

43. Herman J.L. Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence–From Domestic Abuse to Political Terror / J.L. Herman. — New York: Basic Books, 2015. — 406 p.

44. Hobfoll S.E. Five essential elements of immediate and mid-term mass trauma intervention: Empirical evidence / S.E. Hobfoll, P. Watson, C.C. Bell [et al.] // Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes. — 2007. — Vol. 70, № 4. — P. 283–315.

45. Hoppen T. The prevalence of PTSD and major depression in the global population of adult war survivors: a meta-analytically informed estimate in absolute numbers / T. Hoppen, N. Morina // European Journal of Psychotraumatology. 2019. Vol. 10.

46. Inter-Agency Standing Committee (IASC). IASC Guidelines on Mental Health and Psychosocial Support in Emergency Settings. — Geneva: IASC, 2007. — 130 p. — Режим доступа: https://interagencystandingcommittee.org/iasc-task-force-mental-health-and-psychosocial-support-emergency-settings/iasc-guidelines-mental-health-and-psychosocial-support-emergency-settings-2007 (дата обращения: 15.10.2025).

47. Jackson J.J. Combat experience and personality change: A longitudinal study of soldiers deployed to Iraq / J.J. Jackson, F.D. Thoemmes, K. Jonkmann, O. Lüdtke, U. Trautwein // Journal of Personality. — 2012. — Vol. 80, iss. 4. — P. 1009–1046.

48. Lehrner A. Maternal PTSD associates with greater cortisol responses in adult children of Holocaust survivors / A. Lehrner, R.D. Bierer, I. Makotkine [et al.] // Psychoneuroendocrinology. — 2022. — Vol. 145.

49. Litz B.T. Moral Injury and Moral Repair in War Veterans: A Preliminary Model and Intervention Strategy / B.T. Litz, N. Stein, E. Delaney, L. Lebowitz, W.P. Nash, C. Silva, S. Maguen // Clinical Psychology Review. — 2009. — 29. — P. 695–706.

50. Masten A.S. Resilience in development: Pathways to multisystemic integration / A.S. Masten, K.M. Lucke, K.M.K. Nelson, I.N. Stallworthy // Development and Psychopathology. — 2021. — P. 1–16.

51. McEwen B.S. Brain on stress: How the social environment gets under the skin / B.S. McEwen // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2012. — Vol. 109, № Suppl. 2. — P. 17180–17185.

52. McEwen B.S. Neurobiological and Systemic Effects of Chronic Stress / B.S. McEwen // Chronic Stress. — 2017. — Vol. 1. — P. 1–11.

53. Meaney M.J. Epigenetics and the environmental regulation of the genome and its function / M.J. Meaney // Annual Review of Psychology. — 2010. — Vol. 61. — P. 439–466.

54. Norris F.H. Community resilience as a metaphor, theory, set of capacities, and strategy for disaster readiness / F.H. Norris, S.P. Stevens, B. Pfefferbaum [et al.] // American Journal of Community Psychology. — 2008. — Vol. 41, № 1–2. — P. 127–150.

55. Ozer E.J. Predictors of posttraumatic stress disorder and symptoms in adults: a meta-analysis / E.J. Ozer, S.R. Best, T.L. Lipsey, D.S. Weiss // Psychological Bulletin. — 2003. — Vol. 129, № 1. — P. 52–73.

56. Szyf M. The early life social environment and DNA methylation: DNA methylation mediating the long-term impact of social environments early in life / M. Szyf // Epigenetics. — 2011. — Vol. 6, № 8. — P. 971–978.

57. Terr L. Childhood traumas: an outline and overview / L. Terr // American Journal of Psychiatry. — 1991. — Vol. 148, No. 1. — P. 10–20.

58. Tol W.A. Annual Research Review: Interventions for children affected by armed conflict / W.A. Tol, M.J.D. Jordans // Journal of Child Psychology and Psychiatry. — 2018. — Vol. 59, No. 4. — P. 1–20.

59. UNHCR. Global Trends: Forced Displacement in 2023. Geneva: UNHCR, 2024. 65 p. Режим доступа: https://www.unhcr.org/global-trends-report-2023 (дата обращения: 19.10.2025).

60. Walsh F. Strengthening family resilience / F. Walsh. — 3rd ed. — New York: Guilford Press, 2015. — 407 p.

61. Yehuda R. Influences of maternal and paternal PTSD on epigenetic regulation of the glucocorticoid receptor gene in Holocaust survivor offspring / R. Yehuda, N.P. Daskalakis, A. Lehrner, F. Desarnaud, H.N. Bader, I. Makotkine, J.D. Flory, L.M. Bierer, M.J. Meaney // American Journal of Psychiatry. — 2014. — Vol. 171, No. 8. — P. 872–880.

62. Yehuda R. Holocaust exposure induced intergenerational effects on FKBP5 methylation / R. Yehuda, N. P. Daskalakis, L.M. Bierer [et al.] // Biological Psychiatry. — 2016. — Vol. 80, № 5. — P. 372–380.

63. Yehuda R. Risk and resilience in posttraumatic stress disorder: distinct roles of neurobiology, genetics, and environmental factors / R. Yehuda, A. Lehmer // Dialogues in Clinical Neuroscience. — 2018. — Vol. 20, № 2. — P. 137–142.

REFERENCES

1. Bandura A. (2023). Teoriya sotsial'nogo naucheniya [Social Learning Theory]. Evraziya. (In Russian)

2. Bowlby J. (1969). Attachment and loss: Vol. 1. Attachment. Basic Books. (Original work published 1969). Russian translation: (2020). Privyazannost [Attachment]. Kanon+. (In Russian)

3. van der Hart O., Nijenhuis E.R.S., & Steele K. (2006). The haunted self: Structural dissociation and the treatment of chronic traumatization. W.W. Norton & Company. (Original work published 2006). Russian translation: (2021). Prizraki proshlogo: strukturnaya dissotsiatsiya i terapiya posledstviy khronicheskoy psikhicheskoy travmy [Ghosts of the past: Structural dissociation and the therapy of chronic mental trauma consequences]. Kogito-Tsentr. (In Russian)

4. Vygotsky L.S. (2006). Psikhologiya razvitiya cheloveka [The Psychology of Human Development]. Smysl; Eksmo. (In Russian)

5. Gnezdilov G.V. (2002). Nauchno-prakticheskie problemy posttravmatizma uchastnikov boevykh deistvii [Scientific and practical problems of post-traumatism in combatants]. Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh, (2). (In Russian)

6. Gritsenko V.V., & Lepshokova A.V. (2021). Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya vynuzhdennykh migrantov v Rossii: problemy i perspektivy [Socio-psychological adaptation of forced migrants in Russia: Problems and prospects]. Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal, 2(42), 15–28. (In Russian)

7. Isaeva E.R. (2020). Rol' psikhologicheskogo stressa v vozniknovenii i techenii somaticheskikh zabolevanii [The role of psychological stress in the onset and course of somatic diseases]. Vestnik psikhoterapii, 74(79), 64–78. (In Russian)

8. Kadyrov R.V., & Venger V.V. (2021). Kompleksnoe posttravmaticheskoe stressovoe rasstroistvo: sovremennye podkhody k opredeleniyu ponyatiya, etiologii, diagnostika i psikhoterapiya [Complex post-traumatic stress disorder: Modern approaches to the definition, etiology, diagnosis, and psychotherapy]. Psikholog, (4). (In Russian)

9. McCrae R.R., & Costa P.T. (2021). Pyatifaktornaya teoriya lichnosti [The Five-Factor theory of personality]. In A. A. Rean (Ed.), Psikhologiya lichnosti v trudakh zarubezhnykh psikhologov (pp. 371–388). Piter. (In Russian)

10. Malkina-Pykh I.G. (2022). Psikhologicheskaya pomoshch' v krizisnykh situatsiyakh: spravochnik [Psychological help in crisis situations: A handbook]. Eksmo. (In Russian)

11. World Health Organization. (2019). International Classification of Diseases, 11th Revision (ICD-11). Classification 6B40 Post-traumatic stress disorder. (In Russian)

12. Odintsova M.A. (2022). Psikhologiya zhiznestoykosti: monografiya [The psychology of resilience: A monograph]. Prometei. (In Russian)

13. Olson D., & DeHain K. (2019). Triedinstvo semi: Sistemnyi podkhod v konsul'tirovanii [The family triad: A systemic approach in counseling]. Semeinaya psikhologiya i semeinaya terapiya, (3), 45–62. (In Russian)

14. Petrova E.G., & Zhuravleva I.V. (2021). Dostupnost' psikhiatricheskoi i psikhologicheskoi pomoshchi dlya vynuzhdennykh pereselentsev: strukturnye bar'ery i puti ikh preodoleniya [Availability of psychiatric and psychological care for forced migrants: Structural barriers and ways to overcome them]. Sotsiologiya meditsiny, 20(2), 89–95. (In Russian)

15. Petrova E.G. (2022). Sotsial'nye determinanty psikhicheskogo zdorov'ya v usloviyakh dlitel'nogo krizisa: opyt vynuzhdennykh pereselentsev [Social determinants of mental health in a protracted crisis: The experience of forced migrants]. Sotsiologicheskie issledovaniya, (8), 82–93. (In Russian)

16. Reshetnikov M.M. (2021). Psikhicheskaya travma. Evolyutsiya, mekhanizmy, klinicheskaya kartina i terapiya [Mental trauma. Evolution, mechanisms, clinical picture, and therapy]. Vostochno-Evropeiskiy Institut Psikhoanaliza. (In Russian)

17. Reshetnikov M.M. (2023). Psikhicheskoe sostoyanie uchastnikov boevykh deistvii [The mental state of combatants]. Psikhologicheskii zhurnal, 44(2), 45–55. (In Russian)

18. Sapovskaya V.L., & Kharlamova N.E. (2019). Allostaticheskaya nagruzka kak prediktor narushenii psikhicheskoi adaptatsii u lits opasnykh professii [Allostatic load as a predictor of mental adaptation disorders in high-risk professionals]. Meditsinskaya psikhologiya v Rossii, 11(6(59)). (In Russian)

19. Sariev A.A. (2022). Sotsial'nyi kapital kak faktor kollektivnoi ustoichivosti soobshchestva v usloviyakh krizisa [Social capital as a factor of collective community resilience in a crisis]. Sotsiologicheskie issledovaniya, (8), 70–81. (In Russian)

20. Safronova M.A., & Laktionova E.V. (2023). Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie detei, perezhivshikh travmu: resursnyi podkhod [Psychological and pedagogical support for children who have experienced trauma: A resource-based approach]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie, 28(1), 85–101. (In Russian)

21. Seligman M.E.P. (1975). Helplessness: On depression, development, and death. W. H. Freeman. Russian translation: (2022). Bespomoshchnost': na puti k depressii, razvitiyu i smerti [Helplessness: On the way to depression, development, and death]. Al'pina Publisher. (In Russian)

22. Settarov I.A., Sinitsa D.A., Inamova S.T., Yunusov D.M., & Kasimov Z. (2018). Boevaya psikhicheskaya travma i posttravmaticheskoe stressovoe rasstroistvo: prichiny, posledstviya, profilaktika [Combat mental trauma and post-traumatic stress disorder: Causes, consequences, prevention]. MEDICAL SCIENCES, (26), 58–63. (In Russian)

23. Avtorskii kollektiv. (2019). Travmaterapiya. Preodolenie posledstvii psikhotravmiruyushchikh sobytii [Trauma therapy. Overcoming the consequences of traumatic events]. (E.G. Maksimenko, V.V. Sednev, A.V. Gordeeva, & E.V. Novikova, Eds.). Izdatel'stvo OOO "NPP "Foliant". (In Russian)

24. Filippova E.I. (2020). Marginal'nost' v sovremennoi Rossii: traektorii teoreticheskogo osmysleniya [Marginality in modern Russia: Trajectories of theoretical understanding]. Sotsiologicheskie issledovaniya, (7), 56–66. (In Russian)

25. Frankl V.E. (1946) trotzdem Ja zum Leben sagen: Ein Psychologe erlebt das Konzentrationslager. [Man's Search for Meaning]. Russian translation: (2023). Skazat' zhizni «Da!»: psikholog v kontslagere [Say "Yes" to Life: A Psychologist in the Concentration Camp]. Al'pina non-fikshn. (In Russian)

26. Freud A. (1936). The Ego and the Mechanisms of Defense. International Universities Press. Russian translation: (2022). Psikhologiya «Ya» i zashchitnye mekhanizmy [The Ego and the Mechanisms of Defense]. Pedagogika-Press. (In Russian)

27. Freud S. (Compilation). (2021). Psikhologiya bessoznatel'nogo: sbornik proizvedenii [The Psychology of the Unconscious: A Collection of Works]. (M.G. Yaroshevskii, Ed.). Piter. (In Russian)

28. Fraley J., & Baker K.A. (2020). Mezhpokolenennaya peredacha travmy privyazannosti [Intergenerational transmission of attachment trauma]. Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza, (4), 18–32. (In Russian)

29. Herman J.L. (1992). Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence — From Domestic Abuse to Political Terror. Basic Books. Russian translation: (2022). Travma i istselenie. Sledy prenebrezheniya, nasiliya i terrora [Trauma and healing. Traces of neglect, violence and terror]. Gumanitarnyi Tsentr. (In Russian)

30. Chernikov A.V. (2021). Sistemnaya semeinaia terapiya: Integrativnaya model' diagnostiki [Systemic family therapy: An integrative diagnostic model] (6th ed.). Klass. (In Russian)

31. Shamshikova O.A., & Laktionova E.V. (2023). Semeinye narrativy o travmaticheskom opyte i ikh vliyanie na psikhologicheskoe blagopoluchie detei [Family narratives about traumatic experience and their impact on children's psychological well-being]. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya, 31(1), 70–89. (In Russian)

32. Schneider A. (2019). Travma i oslozhnennoe gore: diagnostika i terapiya [Trauma and complicated grief: Diagnosis and therapy]. In M.H. Trat & A.S. Kostanda (Eds.), Posttravmaticheskoe stressovoe rasstroistvo: diagnostika i terapiya (pp. 215–240). Gumanitarnyi Tsentr. (In Russian)

33. Shteinberg I.E. (2022). Sotsial'naya smert': teoreticheskii analiz kontsepta v kontekste vynuzhdennoi migratsii [Social death: A theoretical analysis of the concept in the context of forced migration]. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii, 25(1), 76–105. (In Russian)

34. Erikson E.H. (1968). Identity: Youth and Crisis. W. W. Norton & Company. Russian translation: (2020). Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and Crisis] (2nd ed.). Flinta; MPSI. (In Russian)

35. Brewin C.R., Andrews B., Valentine J.D. (2000). Meta-analysis of risk factors for posttraumatic stress disorder in trauma-exposed adults. Journal of Consulting and Clinical Psychology, 68(5), 748–766. (In English)

36. Charlson F., van Ommeren M., Flaxman A., Cornett J., Whiteford H., Saxena S. (2019). New WHO prevalence estimates of mental disorders in conflict-affected settings: systematic review and meta-analysis. The Lancet, 394, 240–248. (In English)

37. Cloitre M., Garvert D.W., Brewin C.R., Bryant R.A., Maercker A. (2018). Evidence for proposed ICD-11 PTSD and complex PTSD: A clinical practice study. European Journal of Psychotraumatology, 9. (In English)

38. Cloitre M., Hyland P., Bisson J.I., Brewin C.R., Roberts N.P., Karatzias T., Shevlin M. (2019). ICD-11 PTSD and Complex PTSD: clinical relevance and implications for treatment. European Journal of Psychotraumatology, 10. (In English)

39. Cloitre M., Shevlin M., Brewin C.R. et al. (2018). The International Trauma Questionnaire: development of a self-report measure of ICD-11 PTSD and complex PTSD. Acta Psychiatrica Scandinavica, 138(6), 536–546. (In English)

40. Cloitre M., Courtois C., Ford J.D. et al. (2 Newton). Treatment of complex PTSD: results of the ISTSS expert clinician survey on best practices. Journal of Traumatic Stress, 24(6), 615–627. (In English)

41. Cohen S., Wills T.A. (2004). Social relationships and health. American Psychologist, 59(8), 676–684. (In English)

42. Ehlers A., Clark D.M. (2000). A cognitive model of posttraumatic stress disorder. Behaviour Research and Therapy, 38(4), 319–345. (In English)

43. Herman J.L. (2015). Trauma and Recovery: The Aftermath of Violence–From Domestic Abuse to Political Terror. New York: Basic Books. (In English)

44. Hobfoll S.E., Watson P., Bell C.C. et al. (2007). Five essential elements of immediate and mid-term mass trauma intervention: Empirical evidence. Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes, 70(4), 283–315. (In English)

45. Hoppen T., Morina N. (2019). The prevalence of PTSD and major depression in the global population of adult war survivors: a meta-analytically informed estimate in absolute numbers. European Journal of Psychotraumatology, 10. (In English)

46. Inter-Agency Standing Committee (IASC). (2007). IASC Guidelines on Mental Health and Psychosocial Support in Emergency Settings. Geneva: IASC. (In English)

47. Jackson J.J., Thoemmes F.D., Jonkmann K., Lüdtke O., Trautwein U. (2012). Combat experience and personality change: A longitudinal study of soldiers deployed to Iraq. Journal of Personality, 80(4), 1009–1046. (In English)

48. Lehrner A., Bierer R.D., Makotkine I. et al. (2022). Maternal PTSD associates with greater cortisol responses in adult children of Holocaust survivors. Psychoneuroendocrinology, 145. (In English)

49. Litz B.T., Stein N., Delaney E., Lebowitz L., Nash W.P., Silva C., Maguen S. (2009). Moral Injury and Moral Repair in War Veterans: A Preliminary Model and Intervention Strategy. Clinical Psychology Review, 29, 695–706. (In English)

50. Masten A.S., Lucke K.M., Nelson K.K., Stallworthy I.N. (2021). Resilience in development: Pathways to multisystemic integration. Development and Psychopathology, 1–16. (In English)

51. McEwen B.S. (2012). Brain on stress: How the social environment gets under the skin. Proceedings of the National Academy of Sciences, 109(Suppl. 2), 17180–17185. (In English)

52. McEwen B.S. (2017). Neurobiological and Systemic Effects of Chronic Stress. Chronic Stress, 1, 1–11. (In English)

53. Meaney M.J. (2010). Epigenetics and the environmental regulation of the genome and its function. Annual Review of Psychology, 61, 439–466. (In English)

54. Norris F.H., Stevens S.P., Pfefferbaum B. et al. (2008). Community resilience as a metaphor, theory, set of capacities, and strategy for disaster readiness. American Journal of Community Psychology, 41(1–2), 127–150. (In English)

55. Ozer E.J., Best S.R., Lipsey T.L., Weiss D.S. (2003). Predictors of posttraumatic stress disorder and symptoms in adults: a meta-analysis. Psychological Bulletin, 129(1), 52–73. (In English)

56. Szyf M. (2011). The early life social environment and DNA methylation: DNA methylation mediating the long-term impact of social environments early in life. Epigenetics, 6(8), 971–978. (In English)

57. Terr L. (1991). Childhood traumas: an outline and overview. American Journal of Psychiatry, 148(1), 10–20. (In English)
58. Tol W.A., Jordans M.J.D. (2018). Annual Research Review: Interventions for children affected by armed conflict. Journal of Child Psychology and Psychiatry, 59(4), 1–20. (In English)
59. UNHCR. (2024). Global Trends: Forced Displacement in 2023. Geneva: UNHCR. (In English)
60. Walsh F. (2015). Strengthening family resilience (3rd ed.). New York: Guilford Press. (In English)
61. Yehuda R., Daskalakis N.P., Lehrner A., Desarnaud F., Bader H.N., Makotkine I., Flory J.D., Bierer L.M., Meaney M.J. (2014). Influences of maternal and paternal PTSD on epigenetic regulation of the glucocorticoid receptor gene in Holocaust survivor offspring. American Journal of Psychiatry, 171(8), 872–880. (In English)
62. Yehuda R., Daskalakis N.P., Bierer L.M. et al. (2016). Holocaust exposure induced intergenerational effects on FKBP5 methylation. Biological Psychiatry, 80(5), 372–380. (In English)
63. Yehuda R., Lehmer A. (2018). Risk and resilience in posttraumatic stress disorder: distinct roles of neurobiology, genetics, and environmental factors. Dialogues in Clinical Neuroscience, 20(2), 137–142. (In English)

Поступила в редакцию 21.12.2025 г.

THEORETICAL ANALYSIS OF PERSONALITY DEVELOPMENT FEATURES IN CONDITIONS OF MILITARY CONFLICT

D.R. Maistepanova

The article provides a comprehensive analysis of the impact of protracted military conflict on personality development and transformation. It explores the shift from studying isolated traumatic episodes to understanding war as a prolonged systemic crisis that radically restructures personal functioning. The theoretical framework integrates classical personality theories, modern trauma concepts (including complex PTSD and moral injury), and ecological models of development. Through an interdisciplinary analysis, key impact mechanisms are identified, among them are direct traumatization, chronic stress, destruction of the social environment, and intergenerational transmission of consequences. The main result reveals the dialectical nature of this impact, i.e. alongside disintegration risks, war actualizes the potential for resilience and post-traumatic growth. It is proven that effective assistance requires the integration of clinical interventions with social policy measures that account for the conflict phase and the multi-level nature of resilience factors.

Keywords: military conflict, personality development, psychological trauma, complex PTSD, resilience, post-traumatic growth, intergenerational trauma transmission, resilience factors, social environment, psychological intervention, trauma theory, moral injury, mental health.

Майстепанова Дарья Романовна.
Донецкий государственный университет, Российская Федерация, г. Донецк.
Аспирант кафедры общей психологии.

ORCID 0009-0002-9550-211X.
E-mail: khudokormovadaria@yandex.ru.

Maystepanova Darya Romanovna.
Donetsk State University, Donetsk, Russian Federation.
Postgraduate student at Department of General Psychology.
ORCID 0009-0002-9550-211X.
E-mail: khudokormovadaria@yandex.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректура статей авторам не высылается.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объем текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи**: «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления**. В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T.A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приема статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ**! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ к ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине.

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине).

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчеркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* — субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров — полужирный курсив: *Я памятник себе* ***воздвиг*** *нерукотворный*. слова категории состояния: *хорошо*, ***можно***, *пора*.

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир».

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...». при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."..."...».

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-). различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик. первый знак пунктуационный, второй орфографический.

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделенное пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26.

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / *Я руку*, *бьющую меня*, *целую*. // в *грудь*, *оттолкнувшую — к груди тяну*, / *Чтоб*, *удивясь*, *прослушал тишину*. (М. Цветаева. Пригвождена...).

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, *красавицам мучитель*,
И всюду он гусар.

(А. Пушкин. к портрету Каверина).

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи — с. 212, с. 212–218. в библиографическом описании — С. 212–218.

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с..

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования**. ***Ключевые слова:*** (это словосочетание — полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья
УДК 81:112
DOI:

ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

© 2024 ***Т.А. Дьякова***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»
ORCID 0000-0002-8440-7806

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования

устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалия, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 202X. — № X. — С. XX-XX. — https://doi.org/

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку — текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников — список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т.д.). Список источники приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т.п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала — работы на русском языке, затем — на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник дается в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех–четырехлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, — 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. — 1965. — № 2. — С. 59-68.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. — М.: Наука, 1990. — С. 5–33.
3. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. — Волгоград : ВГСХА, 2005. — Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. — С. 10–17.
4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. — Воронеж, 2019. — 324 с.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. — Режим доступа: http: www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
6. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. — Барнаул, 2005. — 18 с.
7. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2024. — Вып. 1 (43). — С. 20-31. — http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31.
8. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. — 2023. — Т. 21. № 1. — С. 79–96. — http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копье: романы. — Минск: Беллитфонд, 2002. — С. 3–299.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. — Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. — 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) дается список **References**, в котором используется формат APA с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате APA. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после нее. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), Osnovy iranskogo iazykoznaniia. Drevneiranskie iazyki [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
2. Berezovich, E. L. (2007). Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)
3. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. Indogermanische Forschungen, 98, 177–185. http://doi.org/10.1515/9783110243390.177 (In Italian)

Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from http://www.dwds.de/. (In German).

4. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
5. Harvalík, M. (2004). Synchronní a diachronní aspekty české onymie [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
6. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. Journal of French Language Studies, 2, 185–205. (In French).

7. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
8. Lysova, E. V. (2002). Ornitonimiia Russkogo Severa [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)
9. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. Romance Philology, 56 (1), 41–50. http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495 (In English).
10. Room, A. (1988). Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles. London: Bloomsbury.
11. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. Voprosy yazykoznaniya, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию хх.хх.20хх г.*

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

○ название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру),

○ через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по левому краю, без абзаца),

○ через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание ***Key words**:* — полужирный курсив) — выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– в конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации — места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.
Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.
ORCID 0000-0002-8440-7806.
E-mail: diako122@rambler.ru

Diakova Tatiana Alekseevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.
Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0002-8440-7806.
E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных и других сведений.

10**. Контактная информация:**

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна,** канд. психол. наук, заведующий кафедрой клинической психологии Донецкого государственного университета (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

.

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2025. — № 6

На русском и английском языках

Технический редактор: Д. И. Борозенец